

Александр Михайловский
Юлия Маркова

В КРАЮ БАГРОВОГО ЗАКАТА

A large wooden sailing ship with white sails is shown from a low angle, sailing on a calm sea. The sky is a vibrant mix of orange, pink, and purple, indicating a sunset or sunrise. The ship's hull is dark wood, and its sails are fully deployed, catching the light.

40 тысяч лет до нашей эры

Прогрессоры - 1

16+

Annotation

Первый том приключенческой саги «Прогрессоры». Жизнь скромного учителя труда бесповоротно меняется после того, как он вместе с несколькими юными друзьями-детдомовцами обнаруживает в лесу таинственное нечто, открывающее временной проход в Каменный Век. Уйти, чтобы не вернуться... Попытаться направить человечество на иной путь развития... Совершая сознательный выбор, герои знают, что путь их отныне будет наполнен тяжелым трудом и неведомыми опасностями. Но край нетронутых просторов зовет неизведанными тайнами и манит тысячей возможностей, и увлекательный процесс построения нового общества меняет не только окружающий мир, но и самих героев.

- - [От авторов:](#)
 - [Часть 1. Ладожский этюд](#)
-

Я не знаю, где встретиться
Нам придётся с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой,

И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но таких ещё пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.
(М. Светлов)

От авторов:

Уважаемый читатель! Книга, которую вы держите в руках, является первой частью книжной саги «Прогрессоры» и повествует о том, что случилось с теми, кто, добровольно покинув современный мир со всеми его благами, эмигрировал в Каменный Век.

Добровольными эмигрантами стали люди, которым не нашлось места в нашем современном мире и которым был дан шанс уйти туда откуда нет возврата и там построить себе новое светлое будущее. Кто они такие, взявшие на бремя ответственности за доверившихся их попечению подростков и детей? Обычные люди – учитель, отставной военный, геолог и медицинский работник. Но это и не совсем обычные люди. У каждого имеется своя причина покинуть ту цивилизацию, которая их взрастила. Но самое главное – это то, что все эти люди цельные, честные и с большим жизненным опытом. И хоть об этом и не говорится вслух, но каждый из них втайне надеется, что человечество, находящееся на заре своей юности, теперь, благодаря им, в своем развитии пойдет более прямым путем и не повторит своих прежних ошибок.

Часть 1. Ладожский этюд

* * *

5 декабря 2010 года. Воскресенье. 10:05. Ленинградская область. Лес в окрестностях поселка Назия.

Пять человек не спеша шли по зимней лесной просеке. Четверо из них были подростками в возрасте шестнадцати-семнадцати лет. Их звали Сергей, Валера, Лиза и Катя. Они являлись учениками школы-интерната для сирот. Пятым в этой компании был мужчина средних лет, преподававший в том же интернате физику, химию, географию и, что самое интересное, труд. В обычных школах этот предмет отсутствовал как таковой уже несколько лет. Если какую-то вещь и можно было сделать своими руками, то Сергей Петрович ее сделал бы, и научил этому других.

А еще он относился к этим подросткам не просто как к казенным сиротам и объекту приложения формальных трудовых усилий, а как к несчастным детям, которых жизнь лишила нормального человеческого детства. Он просто любил их, как мог бы любить своих собственных детей, и старался научить тому, что им могло бы пригодиться во взрослой жизни. Как забить в стенку гвоздь и починить сломавшийся стул, как сварить суп или пожарить картошку. А также кому можно верить в этой жизни, а кому не стоит. За глаза дети звали этого доброго, умелого, и с виду немного неуклюжего человека просто Петровичем.

Являясь в душе романтиком и исследователем, учитель имел одну страсть, своеобразное хобби. Благодаря этому увлечению он был счастливым обладателем уникального сокровища – это был сделанный его собственными руками в лодочном сарае двенадцатиметровый цельнодеревянный без единого гвоздя корабль, с полным водоизмещением в восемнадцать тонн. Для неопытного глаза сухопутного человека все корабли одинаковы, но специалист сразу бы заметил плоское, скругленное днище – при такой форме корпуса давящий на него лед выжимает корабль наверх. Создавая свой собственный проект, Петрович взял за основу обводы поморского коча. Но и только – на самом деле это было детище синтеза множества конструкций – так стародавних, так и вполне современных. От карбаса его корабль унаследовал сшитую внахлест без единого гвоздя обшивку. Подобно кораблям сибирских казаков, корпус

этого кораблика был целиком изготовлен из лиственницы, что обещало ему очень высокую надежность и долгую службу. От более современных кораблей проект получил отсутствие надпалубного борта и леерное ограждение. Минус тонна мертвого веса – как сказал тогда учитель труда, сделав окончательный расчет.

Вместе со своим наставником этот кораблик строили и его юные друзья. Собственно, это был их общий коч. С гордостью смотрели они на чудо, творимое их собственными руками, лелея в душе надежду отправиться следующим летом на этом необычном корабле в плавание по Ладожскому озеру. Этой мечтой они жили, как другие дети живут ожиданием Нового Года, Дня Рождения, или поездки к морю. Ради этой мечты, лишь однажды побывав у учителя на даче, они два года помогали ему пилить, строгать, резать, и клеить. И если сначала они не могли и гвоздя в доску забить, то теперь им всем смело можно было присваивать звания если не мастеров, то подмастерьев точно.

А девочки ко всему прочему научились вполне прилично готовить, чтобы кормить после работы проголодавшихся мужчин. Это для выпускниц детдомов и интернатов считалось большой редкостью. Ведь девочки, прожившие начало своей жизни на всем готовом, как правило, не могли сделать себе даже бутерброда.

К несчастью, такая счастливая жизнь была у них только по воскресеньям и во время каникул, когда они каждый день ездили на дачу к любимому учителю.

Сергей, невысокий коренастый блондин, до знакомства с Сергеем Петровичем, считался трудным подростком, и администрация интерната уже подумывала о его переводе в заведение с более строгим режимом. Хотя и в самом интернате порядочки были тоже не ахти, но с тех пор, как в своем кабинете от внезапной остановки сердца умер старый директор, власть захватила (по-другому и не скажешь) бывшая завуч, которую в глаза все звали Галиной Гавриловной, а за спиной – Гориллой Горилловной. Дородная, с большими заgreбущими руками, эта пятидесятилетняя тетка красила редкие волосы в красный цвет и носила кружевные воротнички. Ее маленькие карие глаза были похожи на буравчики, а очки на золотой цепочке редко использовались по назначению – чаще всего они мирно дремали на ее необъемной груди, по соседству с белыми кружевами. И лишь когда она распекала кого-то из своих юных подопечных, для очков начиналась интересная жизнь – они то резко вскакивали на орлиный нос своей хозяйки, то, яростно сорванные ее рукой, вновь плюхались на мягкие полушария, для того чтобы через несколько минут опять быть

водруженными на изначально предназначено для них место.

Стиль руководства нового директора заключался в палочной дисциплине и тотальной мелочной экономии на всем. Конечно, самих палок как таковых не наблюдалось. Если факты избиения детей выплыли бы наружу, то Гориллу Горилловну могли не только вышибить с работы, но и отправить в казенный дом, несмотря на ее выдающиеся габариты и многочисленные «волосатые лапы».

Но в медблоке все же была оборудована комната с решетками на окнах, скромно именуемая «изолятором», на самом деле являющаяся мягким вариантом самого обыкновенного карцера. Сереже несколько раз пришлось там гостевать. Впечатления были не из приятных, что, впрочем, отнюдь не выбило из него духа противоречия и болезненной тяги к справедливости. Дружба с Петровичем дала выход его неумной энергии и частично оградила от придирок Гориллы. Возможно, они на этом и сошлись. Петрович тоже всегда защищал несправедливо обиженных. Сам трудовик был невелика птица, и севшая в директорское кресло бывшая завуч могла расправиться с ним одним росчерком пера. Плевать, что он тянет за четверых – все равно, по ее мнению, из этих недоумков не получится ничего, кроме бандитов и проституток. Она уже собралась было уволить Петровича и прекратить его совершенно неуместное панибратство с «этими», но тут на горизонте появился еще один персонаж.

В тихое болото интерната, полное квакающих лягушек, вдруг заплывла акула. Присланный на должность завхоза и учителя физкультуры старший прапорщик запаса Орлов за время своей службы в частях спецназначения ГРУ прошел славный боевой путь от Саланга до Цхинвала. На этом пути он приобрел раннюю седину, взгляд убийцы, многочисленные дырки в теле, государственные награды и очень широкие связи. Горилла навела справки и узнала, к каким Большим Начальникам может запросто зайти на прием этот человек. И, конечно же, ему они не откажут.

И как назло, новый физкультурник почти сразу же близко сошелся с трудовиком и его «бандой». Настолько близко, что поселился на даче своего коллеги, когда супруга бывшего старшего прапорщика решила, что они с мужем не сходятся характерами. Андрей Викторович ушел из дома с одним «тревожным» чемоданом, оставив все нажитое жене и детям, и поселился в каморке за спортзалом. На третий день такого житья Сергей Петрович подошел к своему новому товарищу и сказал, что тот может жить на его даче столько, сколько пожелает. Дом большой, зимний, есть вода, дрова, электричество. Прочие удобства – во дворе. Да и одному человеку много места не нужно.

Единственное, в чем не сходились новые друзья, так это в отношении к морю. Орлов, как человек чисто сухопутный, называл коч Петровича «баловством», но при этом одобрял привлечение подростков к творческому труду и сам никогда не отказывался помочь в нелегком деле малого судостроения. Вот и пойми после этого человека...

Со стороны дружба этих, весьма разных по увлечениям и складу характера людей, казалась необъяснимой. Но, может быть, дело было в том, что, как говорил Сергей-младший: «Они оба настоящие...». Впрочем, некоторым личностям этого было не понять.

Сам же Андрей Викторович считал, что если убрать нынешнего директора, то взамен могут прислать кого-нибудь еще хуже, поскольку в системе образования больна «консерватория», а это вопрос не для спецназа ГРУ. Плюс он находил хотя бы в том, что с его появлением толстая стерва начала оглядываться по сторонам и придерживаться хоть каких-то рамок. Детей стали более-менее сносно кормить, несмотря на то, что жирные, не вмещающиеся в окно раздачи рыла сотрудников пищеблока, до сих пор продолжали контрастировать с тонкими обтекаемыми фигурами воспитанников.

Как раз такой, до предела тонкой, и была девочка Лиза, которая стала ездить на дачу к учителю вместе с Катей, своей подругой и приятельницей Сергея-младшего. Две эти девочки были неразлучны. Они ели за одним столом, на уроках сидели за одной партой, в спальне их кровати стояли голова к голове. Поневоле подруги привлекали к себе внимание, поскольку представляли два совершенно разных типажа – и по внешности, и по темпераменту. Лица была тихой и молчаливой, Катя – шумной и смешливой. У Лизы – длинные черные волосы, и восточные раскосые глаза, а у Кати – волосы светло-русые, курносый нос и серые глаза. Лизу мать оставила в роддоме, отказавшись от нее сразу после рождения, и девочка не знала о ней ровно ничего – ни имени, ни того, какого она была роду-племени. А Катя до одиннадцати лет жила в обычной семье – вместе с папой, мамой, братишкой и сестренкой. Но однажды страшная трагедия разрушила мирную жизнь этой семьи – родители Кати погибли в авиакатастрофе 24 августа 2004 года, когда Ту-154Б авиакомпании «Сибирь» упал в районе поселка Глубокий, Ростовской области.

Катя, а также шестилетний Антон и трехлетняя Вероника, остались на руках у бабушки с бабушкой, родителей Катиной мамы. Пожилым людям не разрешили оформить опеку. Так дети, все трое, оказались сначала в детдоме, а потом и в этом интернате. То, что детей не разлучили, было заслугой Катиной бабушки, но это было все, чего она смогла добиться.

Четвертый член их компании, Валерий, первоначально присоединился к этой группе из-за своей тихой и щенячьей влюбленности в Лизу. Валерий тоже родился в самой обычной семье. Его отец, водитель-дальнобойщик, неплохо обеспечивал жену и двоих детей. Но шоферское счастье переменчиво. И однажды разогнавшийся тяжелый седельный тягач не вписался в поворот на скользкой после дождя дороге. После смерти отца мать начала пить, и однажды зимней ночью замерзла в сугробе у подъезда. Так тринадцатилетний Валерий и восьмилетняя Марина оказались на попечении государства.

Сегодня у Петровича и команды был своего рода праздник. Утром, придя на дачу, они быстро закончили конопатку последних швов в палубном настиле и убедились, что корпус их маленького кораблика полностью готов. Паруса девочки сшили еще летом. После того как мальчики под руководством своего учителя обтянут корпус шпоном и несколькими слоями стеклоткани, соберут и установят рулевое управление, их коч будет готов к спуску на воду, укладке балласта, установке мачт, отделке внутренних помещений и ходовым испытаниям.

Достижение «готовности № 1» они решили отпраздновать лыжной прогулкой. Но с ней ничего не вышло. Осень с этом году выдалась гнилая и запоздалая. Неглубокий снег лег на землю только в декабре. Причем получилось так, что сначала задул северный ветер и ударил пятнадцатиградусный мороз, сковавший землю ледяным панцирем, а уж потом выпал снег и присыпал все это безобразие. Поэтому молодые люди и их наставник решили отказаться от лыжной прогулки, чтобы не калечить лыжи, и вместо этого пошли в лес пешком. Лыжный поход пришлось отложить на следующее воскресенье, в надежде, что этого времени пройдет один-два приличных снегопада.

Возможно, что такой поворот событий и разочаровал кого-то. Но только не молодую суку восточносибирской лайки по кличке Майга. Поводя носом и радостно потягивая, она бежала рядом с хозяином. Уж она-то было довольна прогулкой и не жалела о том, что погода подвела. Конечно, этим двуногим хорошо – на лыжах по самому глубокому снегу вжик-вжик, вжик-вжик, а ты тут будешь при каждом шаге проваливаться по самое брюхо. Нет уж, лучше как сейчас, бежать легко и свободно, гордо задрав голову и закрутив бубликом хвост. О, что это за запах, интересно?! Майга на мгновение замерла, улавливая чутким носом какой-то возбуждающий запах, доносящийся из чащи. Затем, свернув с просеки, собака опустила голову и с лаем, означавшим, что след взят, кинулась в сторону просвета между деревьями.

Сергей Петрович обернулся и успел увидеть, как его лайка мелькнула между деревьями, а затем исчезла, словно ее и не было. При этом ее залиvistое тьяканье оборвалось мгновенно, будто на телевизоре вырубилз звук. Мужчлина остановилса и, нахмурившись, стал вглядываться в густоту деревьев.

Ребята тоже застыли на некоторое время, а затем, загомонив, решительно кинулись следом за собакой.

– А ну, постойте, ребята! – решительно остановил их учитель; его чутье подсказывало, что здесь явно что-то неладно, а детьми он рисковать не мог. – Не дергайтесь, я сам.

Отломав от засохшей осины длинную кривоватую палку, он двинулся по ясно видимым на неглубоком снегу собачьим следам, внимательно глядя вперед и ощупывая землю палкой, как сапер щупом. Примерно там, где оборвались собачьи следы, палка вдруг встретила какое-то слабое сопротивление, словно уперлась в резиновую мембрану. Мужчлина надавил сильнее – и, неожиданно легко прорвав невидимую преграду, палка ушла в нее примерно до половины.

Несомненно, это была та самая дыра, в которую бесследно умчалась Майга. Затаив дыхание, учитель потянул свой импровизированный щуп на себя, и таинственное нечто без сожаления рассталось с сухой осиновой деревьяшкой. Внимательно осмотрев палку, Петрович не увидел на ней никаких изменений. Он решил повторить свой эксперимент. Когда дерево опять погрузилось в вязкое нечто, у него за спиной раздался сдавленный возглас, полный изумления:

– Ой!

Обернувшись, учитель увидел, что все четверо подростков стоят рядом с ошарашенными лицами. Конечно же, они и не думали оставаться на дороге, а тихонечко прокрались к нему. Ойкнула прикрывшая рот ладонью Лиза, а Катя, широко раскрыв свои серые глаза, мертвой хваткой вцепилась в руку своего парня. При этом тот пригнулся, сжимая в правой руке подобранную в подлеске суковатую еловую дубину. Сергей Петрович машинально отметил, как естественно это все у него получилось. Ему стало понятно, что гнать их сейчас от себя просто бессмысленно – все равно не послушаются и вернутся снова.

Вздохнув, он вплотную приблизился к таинственному нечто, стараясь быть предельно осторожным. Ему показалось, что из этой штуки слышен приглушенный собачий лай. Сделав шаг назад, учитель начал палкой исследовать контуры невидимой дыры. Получилось что-то вроде полуовала, примерно три метра в высоту, и четыре в ширину – этакий

пузырь. Ближе к краям пузыря сопротивление увеличивалось, а невидимая субстанция напоминала плотную резину.

Мужчина провел по снегу линию, обозначая то место, где исчезла его собака, потом опять подошел вплотную и, затаив дыхание, сунул в это «нечто» свою левую руку. Ничего страшного не произошло. Прорвав невидимую преграду, рука по самое плечо провалилась внутрь. Не испытыв при этом никаких неприятных ощущений, он вытащил руку обратно и осмотрел ее. Ничего особенного – рука как рука. Майга была там – пусть и тихо, но он слышал ее лай. Он должен был сделать последний шаг, поскольку считал себя ответственным за тех, кого приручил.

Обернувшись к подросткам, учитель сказал: «Стоять всем здесь!» и, набрав в грудь воздуха, решительно шагнул в «нечто».

Пространство перед ним упруго сжалось. На мгновение учитель ощутил, что он погрузился в густой клейкий кисель. Секундный спазм – и вот невидимая резинка вытолкнула его на другую сторону.

Мужчина огляделся. Окружавший его ранее лес исчез. Он, несомненно, находился на том же самом месте, только мир вокруг был девственным и юным.

Он стоял на вершине холма. Было тепло, дул влажный ветер. На юг, до самого горизонта, простиралась степь, покрытая пятнами тающего снега. Там, где земля уже открылась лучам весеннего солнца, через пожухлую прошлогоднюю траву к свету дерзко пробивались яркие первоцветы, стремясь поскорее отметиться в этом мире и оставить потомство. Примерно такую же картину весенней степи Петрович уже однажды видел в Казахстане. Ему захотелось протереть глаза, потому что примерно в километре от него по степи степенно вышагивало небольшое, голов в двадцать, стадо лохматых слонов. Мамонты! Их характерные силуэты было невозможно спутать ни с чем. Два совсем маленьких мамонтенка семенили за своими родительницами, держась хоботом за мамин хвост. По сравнению с ними пасущееся поодаль стадо лохматых быков – то ли зубров, то ли бизонов – казалось обычным, колхозным.

На востоке, севере и западе простиралось покрытое крошевом битого льда море. На западе оно выглядело далекой серой полоской, на севере его берег подступал уже ближе, находясь примерно в десяти-двенадцати километрах. А на востоке покрытые шугой волны плескались всего в сотне метрах от его ног.

Майга оглушительно лаяла, разбрасывая лапами оттаявшую землю на южном склоне холма. Петровичу сразу все стало ясно – верная своим охотничьим инстинктам, лайка взяла след какой-то мелкой зверушки,

сходившей на разведку на ту сторону. При первых признаках опасности местный обитатель укрылся в родной норе и теперь крутил оттуда фиги глупой собаке.

Петрович знал, с какой быстротой обитающее на открытых пространствах степное зверье способно выполнить команду «воздух». Да и норы сусликов и сурков, соединяясь в причудливые лабиринты, могли тянуться на многие сотни метров, а то и километры. Это вам не лиса и не барсук, у которых один или два запасных выхода. Тут таких дыр сотни. То тут, то там высились небольшие бугорки свежей земли – после зимы хозяева явно проветривали свои подземные квартиры.

Мир вокруг был живым, реальным и пронзительно-чистым. Учитель пощупал позади себя – упругая, резиноподобная поверхность «дыры» (как он назвал про себя этот лаз в иной мир) была на месте. Надо было возвращаться, но вошедшая в азарт Майга не желала слышать команд. Проведя ногой черту по оттаявшему дерну и отметив таким образом то место, где он попал в этот мир, отважный первопроходец направился к своей собаке с твердым намерением взять ее за ошейник и самым решительным образом призвать к порядку. Но не успел он пройти и десятка метров, как за его спиной раздался тоненький писк:

– Ой, мамочка, мамонты!

Обернувшись, Петрович увидел, что вся его честная компания уже перелезла к нему через дыру. Последней протискивалась держащаяся за руку Валерия Лиза. Да уж, глупо было надеяться, что они останутся на месте. Эту сверхтекучую, как жидкий гелий, молодежь удержать можно только под дулом автомата. Мужчина не знал, что ему делать – плакать или смеяться – настолько растерянные, удивленные и слегка напуганные мордочки были у его юных воспитанников. Но что, если эта «дыра», которая так любезно пропустила их сюда, внезапно захлопнется, и он останется тут, в неизвестно когда и где, с голыми руками и четырьмя подростками на шее?

Правда, у него в кармане лежит коробка спичек, а Сергей-младший, как он знал, несмотря на все запреты таскал с собой короткий, но острый, как опасная бритва, складной нож. Вот вам и весь инструмент выживания. Примерно как у Жюль Верна в его «Таинственном острове». И собака тут же.

Почувствовав хозяйскую руку на своем ошейнике, Майга присмирела. Обычно это означало, что телячьи нежности кончились и начался серьезный разговор, а в случае возражений с ее стороны хозяин предпримет воспитательные меры. Собака старалась избегать этих самых

мер, потому что это очень обидно, когда тебя наказывает тот, кого ты любишь.

Но это собака. А с человеческими детенышами воспитательный процесс протекает куда сложнее, особенно, если учесть их и так тяжелое прошлое.

– Сергей, – обратился учитель к вожаку этой маленькой стаи, – я вам где сказал стоять?

Тот закинул свою дубину на плечо и смущенно сказал:

– Мы думали, Сергей Петрович, что вам нужна помощь...

– Хорошо, помощник, – вздохнул тот, – а девчонок зачем с собой потащил?

– А они сами, – виновато сказал Сергей-младший, – пристали, словно репей...

– Ладно, – махнул Петрович рукой, с улыбкой наблюдая, как счастливая Лиза собирает букетик цветов – то ли одуванчиков, то ли мать-и-мачехи, – что сделано, то сделано. Объявляю нашу команду на походном положении.

– Жарко здесь, – сказала Катя, расстегивая зимнюю куртку, – с меня пот так и льет.

– С меня тоже, – подтвердила Лиза, снимая вязаную шапочку, – а что мы будем делать на этом походном положении?

– Во-первых, – сказал Сергей Петрович, – Валера пулей полетит за Андреем Викторовичем...

– А что ему сказать? – спросил мальчик. – Если я ему расскажу про все это, он решит, что я опять клея нанюхался и глюки пересказываю. А я тогда совсем не специально, оно само так получилось...

Мужчина задумался.

– Ничего конкретно ему не говори, – наконец сказал он, – а то еще действительно так подумает. Скажи только, что я просил его взять с собой «Сайгу», Шамиля, бинокль, весь его охотничий джентльменский набор, и чтобы он приехал вместе с тобой сюда на машине. Давай, давай, – поторопил Петрович Валеру, – беги, да пошустрее!

К его великому облегчению, Валерий легко прошел через невидимую дыру и исчез. Оставалось только ждать. Утянуть детей обратно, до тех пор, пока они не нахватались вдоволь впечатлений, нечего было и думать. Да и вид тут, надо сказать, замечательный. Весна, солнце, птички поют, мамонты гуляют. Простор, свобода, красота... Хочется подняться над этим миром и лететь. Мамонты... Да как же это такое возможно? Неужели это все на самом деле с ними происходит?

Серей Петрович принадлежал поколению, которое много читало. Не только читало, но и мечтало. О полетах в космос, о путешествиях в другие миры, о перемещениях во времени. Эра научной фантастики оставила неизгладимый отпечаток в умах подростков той поры. Таинственное и невероятное тогда казалось близким и реальным. Это сейчас дети, пресытившись низкопробными фильмами, не особо верят в разного рода чудеса. А ведь в любимых книгах детства Сергея Петровича описывалось все самое что ни на есть человеческое – дружба, преданность, геройство, стремление к подвигу во имя жизни... Вот и вырастали из тогдашних «книжных» подростков такие люди, как он сам – честные, принципиальные, бойцы и исследователи по сути своей. Только жаль, что, повзрослев, пришлось расстаться с мечтой о других мирах, потому что на основе знаний и опыта довелось убедиться, насколько рационален мир... И вот, оказывается, невероятное все же случается – если, конечно, это все не сон. Так, может быть, зря Петрович когда-то убедил себя в том, что все то, во что он верил в детстве – лишь выдумки писателя? Что, если кто-то из этих писателей и в самом деле сталкивался со странными явлениями – вот как он сейчас?

С мысли его сбили девочки, которые сняли куртки и, отдав их Сергею-младшему, с удвоенной энергией принялись собирать цветы.

– Так дело не пойдет, – сказал Петрович, забирая одежду у подростка, – Сережа, слазай на ту сторону и приволоки сюда какой-нибудь длинный, но сучковатый дрын.

– А зачем? – спросил юноша, впрочем, без пререканий направившись к дыре.

– Увидишь, – загадочно бросил ему вдогонку учитель.

Обратно Сергей появился минут через пять, когда учитель уже начал волноваться. В руках у него был в меру кривоватый сухой ствол молодой елочки, длиной метра три.

– Годится? – спросил Сергей-младший, поднимая вверх свою добычу.

– Вполне! – ответил мужчина, поскольку сучков на ели обычно как блох на собаке – это вам не сосна, – тыкай толстым концом сюда, – он указал Сергею-младшему на один из вентиляционных ходов местных грызунов.

– Итак, – сказал учитель, когда ствол елочки был утвержден в дырке и, углубившись в землю чуть больше чем на метр, уперся во что-то твердое, – поскольку театр начинается с вешалки, то и мы не будем нарушать эту хорошую традицию. Прошу! – он повесил куртки девочек на обломленные сучки, а вверху водрузил свою. Действительно, со стороны это было

похоже на вешалку, невесть как возникшую на холме посреди степи.

С вершины холма не только открывался замечательный вид, с него в случае чего было легко заметить любую приближающуюся опасность. А вот ее-то пока не наблюдалось. Сергей Петрович помнил, что возня с вешалкой отвлекла его от одной важной мысли, но вот какой... Избавившись от куртки и перестав обливаться потом, он начал мыслить более легко и раскованно. Он позвал – и мысль послушно вернулась, подобно преданной виляющей хвостом собаке.

«Мамонты, степь, а точнее, тундростепь, – думал он, – поскольку, несомненно, под небольшим слоем оттаивающего грунта лежит мерзлота. Такое в наших краях было несколько раз, когда приходил и уходил ледник. Мы в прошлом – настолько далеко, что трудно себе и представить. Можно было бы решить, что это наше сильно отдаленное будущее, наступившее после очередного ледникового периода, стершего с лица земли всяческие следы цивилизации. Ведь глобальные оледенения регулярно случались в прошлом, и так же регулярно будут случаться впредь. Но этому утверждению мешают два очевидных факта. Во-первых, один раз вымершие мамонты никак не могли внезапно воскреснуть. А во-вторых, даже ледник и бешеные тыщи лет не способны снова превратить неровную яму на месте Путиловского карьера в сложенный из чуть присыпанного землей известняка холм.

Значит, мы в прошлом, в конце ледникового периода. Но только какого? В конце последнего мамонты вроде уже вымерли, да и тундростепей не наблюдалось. Голоценовое потепление было таким внезапным и таким глобальным, что мерзлота по всей Евразии разом растаяла, превратив эти бескрайние травянистые равнины в жидкую грязь, леса, болота и озера. Вместо двадцати-тридцати сантиметров снега за зиму стало выпадать двести-триста, и эти звери, вдвое превышающие по массе своего дальнего родственника африканского слона, просто вымерли от бескормицы, не умея добыть прошлогодние травы из-под таких огромных сугробов. А вместе с ними вымерли и шерстистые носороги, пещерные львы и медведи, гигантские гиены. То есть все то зверье, которое обитало на этих равнинах и питалось от их щедрот.»

Кстати, отметил Петрович, носорог будет поопаснее любого хищника, ибо имеет пять тонн живого веса, плохое зрение, такой же плохой характер, и живет по принципу «сила есть – ума не надо». К счастью, ничего подобного поблизости не наблюдалось. В противном случае пришлось бы увести отсюда свою команду, невзирая ни на какое сопротивление. Ибо эту зверюгу не остановишь даже из «Сайги» Андрея Викторовича. Тут нужен

гранатомет или противотанковое ружье – не меньше.

Осмотревшись по сторонам еще раз, учитель почувствовал, что ему не хочется возвращаться назад. Дело даже не в весне и в голубом небе; дело в том, что ему опостылел царящий по ту сторону барьера – как раньше говорили – «мир наживы и капитала». Этот мир уже отнял у него всякую надежду на лучшее будущее. Но еще худшая участь ждет в нем его юных друзей, так как для хозяев того мира они вообще никто.

Он знал, с какой мукой они возвращались каждую неделю с его дачи в свой постылый интернат, где им приходилось постоянно видеть жирную физиономию Гориллы, и выслушивать ее ханжеские нравоучения. Тяжелее всего было Сергею-младшему, готовому взорваться по любому поводу. Но и у остальных жизнь тоже была не сахар.

Сергей Петрович понимал, что так жить нельзя, но совершенно не видел выхода из создавшегося положения, ибо плетью обуха не перешибешь. Жаловаться и писать письма, даже если эти письма дойдут до лидера нации, занимающего сейчас пост Премьера – это только испортить жизнь себе, и самое главное, детям. И тут он вспомнил, как позапрошлым летом к нему пристала пожилая цыганка. Пришлось «позолотить ручку», уж больно упорная была женщина. Получив мятый «полтинник», цыганка окинула взглядом небогатый прикид своего клиента, и, вздохнув, стала рассматривать его руку. Бог знает, что она там увидела, только, отпрянув как от удара палкой, она испуганно сказала Петровичу: «Запомни, яхонтовый – выход для тебя всегда там же, где и вход!» – сказав это, она развернулась и быстро-быстро, почти бегом, не оглядываясь, помчалась прочь, подметая на ходу асфальт подолом своей длинной юбки.

– Выход там же, где и вход, – повторил Петрович, глядя на серую, покрытую битым льдом поверхность моря.

Раздавшееся внезапно рычание мотора заставило его подпрыгнуть. Валера, дословно выполнивший его поручение, указывал путь Андрею Викторовичу. И они на третьей скорости вкатились в прошлое на УАЗе.

Андрей Викторович, попав из сумерек зимнего леса в яркую степную весну, был ошарашен, озадачен, удивлен и восхищен, о чем он, забыв, что рядом с ним дети, прямо и конкретно, не выходя из кабины, сообщил «граду и миру» на языке «старого солдата, не знающего слов любви». По лицу Сергея-младшего было видно, что он лихорадочно пытается запомнить замысловатую фразу старшего прапорщика, чтобы при случае поразить цветистым экспромтом своих приятелей.

Немного успокоившись и отдышавшись, физкультурник перешел на нормальный русский язык, почти не включающий в себя выражения

запредельных эмоций. Оглядевшись вокруг, он сказал Валерию:

– Предупреждать надо, солдат! Так и зайкой недолго остаться.

И, отщелкнув дверцу, прыгнул на землю нового мира. Следом из кабины появились пояс с охотничьим ножом и патронташем, а также знаменитая «Сайга» Андрея Викторовича. Из задней двери, степенно потягиваясь, вышел Шамиль – взрослый пятилетний кобель карельской лайки. Ткнувшись носом с Майгой, он обнюхал свою старую подругу и, сев на молодую травку, начал чухаться, всем своим видом показывая, что ему наплевать на все эти чудеса, и его лично ничем не удивить.

Мужчина же закинул карабин на плечо и подошел к Сергею Петровичу. Слов не было; эти двое стояли и смотрели на расстилающийся вокруг странный и непривычный мир, не тронутый следами цивилизации.

– Ну, что скажешь? – наконец спросил учитель труда, когда пауза явно затянулась.

– Красота! – ответил старший прапорщик. – Ты как эту штуку нашел?

– Не я нашел, а Майга.

– Понятно, – Андрей Викторович бросил взгляд на пасущихся вдалеке мамонтов. – Если кто узнает, нам с тобой не жить. Мы ведь теперь с тобой ненужные свидетели. Ну, мы-то что, детей жалко. Ты представляешь, какие бешеные бабки будут готовы платить богатые скучающие буратины за то, чтобы устроить сафари на мамонта. Что тут у нас еще – пещерные львы, медведи, саблезубые тигры...

– Тигры в Африке, – вздохнул его коллега, – но в общем, я понял твою мысль.

– Конечно, рано или поздно Темнейший узнает об этом безобразии, придет санитаров и подгребет все это под государство, – продолжал рассуждать учитель физкультуры, – но нам с тобой и деткам, к тому времени уже покойным, это будет уже сугубо по барабану. Или у тебя есть еще какие-то предложения?

– Есть, – ответил Петрович, оглянувшись, – скажи честно, Андрей, тебя что-нибудь держит на этом свете?

– В принципе ничего, – хмыкнул тот, – за исключением того, что помирать мне пока рановато.

– А если не помирать? – продолжал настаивать Петрович.

В глазах отставного военного вспыхнуло понимание.

– Так ты имеешь в виду... – он еще раз обвел взглядом окрестности. – Не самая уютная местность для жизни. Я, например не могу жить без деревьев.

– У нас есть корабль, – сказал учитель труда, – если поставить его на

колеса, то твой «469-й» сможет дотянуть его до дыры?

– В принципе да, – пожал плечами Андрей Викторович, – в конце, правда, придется заводить якорь и немного поработать лебедочкой. Но ничего невозможного в этом мире нет. Только, насколько я помню, он у тебя, мягко говоря, не совсем готов к плаванию.

– Местное море тоже пока немного не готово. Пока будем достраиваться, как раз до конца сойдет лед и еще немного поднимется вода.

– Да, метров на пять еще должна подняться, – кивнул отставной прапорщик, глядя на очерченную по склону холма линию, обозначающую максимальный уровень воды, потом посмотрел на Сергея Петровича и добавил, – значит, ты это серьезно?! Ну-ну, не ожидал! Но, товарищ Грубин, то речь не мальчика, но мужа, и должен сказать, что я одобряю твои намерения. Узнав тебя в деле, я почту за честь составить тебе компанию.

– Ребята тоже пойдут с нами, – торопливо, как будто ему мог кто-то отказать, негромко пробормотал тот.

– Ну, разумеется, – рассеянно кивнул учитель физкультуры, – спецназ своих не бросает, да и эти ребята обузой не будут, не то что некоторые... – он задумался, – Серега особенно хорош, да и Валера тоже ничего... А Лиза готовит куда вкуснее моей бывшей... Нет, Петрович, мы еще с тобой от них внуков дождемся. Только все это надо хорошо обдумать. Поспешные прыжки на плохо натянутый канат совсем не в нашем стиле. Если о чем-то забудем, то вернуться, наверное, будет уже нельзя. Сейчас для нас главное сделать так, чтобы ребята по простоте душевной никому не рассказали об этой дыре. Кто его знает – может, поверят, а может, нет, но все равно – береженого бог бережет.

Сказав это, он заложил два пальца в рот и свистнул, как свистел на своих уроках, подзывая к себе воспитанников.

– Значит, так, молодые люди, – сказал он, когда подростки по привычке подошли и построились в одну шеренгу, – сейчас мы тут немного посоветовались с вашим отцом и учителем, и пришли к выводу, что нам всем, включая вас, необходимо перебраться в этот новый мир.

Звонкие крики разорвали сонную тишину предполуденной весенней степи и подняли в небо целую стаю самых разнокалиберных птах, до этого скромно умудрявшихся быть незаметными. Визжащая Катя сначала повисла на шее у Сергея-младшего, болтая ногами, потом бросилась целоваться и обниматься с Лизой. Один Валера был обделен женскими ласками, хотя и он, безусловно, был рад.

– Я еще не закончил, – продолжил мужчина, когда восторги немного

поутихли, – ритуал приема в действительные члены Клана «Несущих знамя» мы проведем несколько позже. А пока у вас начался кандидатский стаж. Вы не должны никому рассказывать о том, что видели сегодня, а также о наших планах. Кто проболтается, тот «редиска» и «фуфло», и недостоин отправиться с нами в путешествие, – он обвел присутствующих строгим взглядом. – Все ясно? Вольно, разойдись. У вас еще полчаса на красоты природы, после чего собираемся и едем домой. За неделю мы с Сергеем Петровичем составим план и в следующее воскресенье обсудим его на Совете Клана.

Катя вдруг покраснела, и как школьница на уроке, подняла руку:

– Сергей Петрович, – тихо сказала она, – а Антона с Вероникой взять можно? Они уже совсем-совсем большие, и не будут мешать.

– И мою Маринку, – торопливо добавил Валера, просительно глядя своему Учителю в глаза, – кроме нее, у меня никого нет. Не оставлять же ее Горилле.

Сергей Петрович вздохнул и переглянулся с коллегой. Тот кивнул и учитель сказал:

– Конечно, мы возьмем с собой ваших братьев и сестер. Но только учтите, что это будет не легкая веселая прогулка, а тяжелый, полный опасностей, поход. Если мы сделаем какую-нибудь серьезную ошибку, то можем погибнуть, и никто об этом не узнает.

– Ну и пусть! – упрямо сказала Катя. – Лучше так, чем по-старому!

* * *

5 декабря 2010 года. Воскресенье. 20:35. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

После того как подростки были отвезены в интернат, Сергей Петрович наскоро поужинал и поднялся к себе в мансарду. В первую очередь было необходимо разобраться в том, в какое именно время ведет найденная ими дыра во времени. Было важно знать, с кем они там могут встретиться и на что рассчитывать.

Включив ноутбук и выйдя в интернет, он почти тут же выяснил, что по сочетанию времени вымирания мамонтов и позиции края ледника в ста километрах к северу от града Петра, искомый им период находится не позднее тридцати тысяч лет назад. Сергей Петрович взял лист бумаги и составил немудреную схему. Время от тридцати до пятидесяти тысяч лет назад проходило у него как «первая категория». В это время люди современного типа постепенно сменяли в Европе неандертальцев, и при желании можно было встретить и тех, и других.

Два небольших отрезка примерно сто десять и сто тридцать тысяч лет

назад числились «второй категорией». Тогда Европу населяли неандертальцы, а за людьми современного типа надо было отправиться в Египет и на Ближний Восток. Ну, и «третьей категорией» у него считался предположительный интервал между ста семьюдесятью и двумя сотнями тысячами лет назад. Тогда, по данным современной науки, неандертальцы в Европе уже были, и даже переживали свой первый расцвет. А вот за мелкими группками людей современного типа пришлось бы лезть в самую сердцевину Африки, без всяких шансов найти кого-либо из них. О том, что находилось ранее, и так достаточно смутного интервала «третьей категории», Сергей Петрович не хотел и думать. Ибо в те времена не было и неандертальцев, а то, что было, к роду Хомо относилось весьма условно. И браться за колонизацию того временного интервала можно было бы, лишь имея под рукой тысячу, а то и более, добровольцев.

Все дело было в том, что для основания приличного общества шести и даже девяти человек явно недостаточно. Для того, чтобы практиковать выплавку железа из болотной руды, их клан должен состоять минимум из сотни человек. Для производства стекла и цемента, обжига кирпича и черепицы, строительства кораблей их должно быть уже больше тысячи. Тот задел, который они привезут с собой из будущего, позволит на одном месте одеть, обути и накормить невиданную по меркам древнего каменного века кучу народу. Но люди не берутся ниоткуда. А сие означает, что ради будущего своих детей придется прогрессорствовать, подминая под себя местных. Лишь бы было с кем работать.

На отдельном листе бумаги Петрович выписал ключевые технологические достижения, начиная с приручения животных – собак, лошадей, коров и овец. Подумал – и дописал кошек. Без них местные грызуны очень быстро найдут путь к закромам клана. А это не только потеря от трети до половины запасов, но еще и загрязнение их пометом, и болезни, начиная от желтухи и кончая чумой. Кстати, в Западной Европе кошка появилась уже в позднем средневековье, и тут же как отрезало терзавшие эту часть света эпидемии чумы. Так что, поскольку ближайшие дикие кошки будут только в Африке, то серые и рыжие полосатые охотники должны быть с ними обязательно.

Из промышленных технологий в первую очередь необходимо осваивать сыродутную выделку железа, а так же меди, олова и свинца. Металлы – это возможность вырваться из царства необходимости в царство свободы. Это оружие, инструменты, орудия труда – короче, цивилизация. Но главным металлом – можно сказать, их царем – станет именно железо.

Мужчина понимал, что мечты о порохе, особенно бездымном,

являются утопией. Но все же, все же... Сера в природе не редкость, селитру можно произвести в селитряных ямах из отходов человеческой и животной жизнедеятельности, древесный уголь тоже не проблема, он в больших количествах будет нужен для металлургии. Поэтому-то им и не подходят безлесные просторы степей. Надо выбираться поближе к атлантическому югу, где леса наверняка есть. А пока основным метательным оружием дальнего действия станут луки и арбалеты; Сергей Петрович знал технологию изготовления наборных, монгольского типа луков, из рогов антилопы и дерева. Еще до похода надо будет сделать по одной штуке старшим мальчикам и девочкам. Им с Андреем Викторовичем дополнительное оружие тоже не помешает, ибо сколько патронов можно взять с собой к той «Сайге» – сто, двести, пятьсот, тысячу? А мамонта, фигурально говоря, каждый день убивать надо. Да и двуногие соседи могут оказаться до крайности невоспитанными.

Но и оружие – это тоже не главное. Сказать честно, у них с коллегой просто не хватает знаний. Товарищ бывший старший прапорщик – отличный командир и организатор, он обеспечит в клане дисциплину и порядок, а также организует охоту. Сам Сергей Петрович знает, как построить корабль, дом, баню, сложить печь, вспахать огород. Но никто из них двоих не в состоянии предпринять ничего осмысленного, если Лиза или Катя начнут рожать, если кто-то будет ранен или дети заболеют обыкновенным гриппом или ветрянкой. Короче, им нужен врач, и врач не домашний, а походно-полевой, с опытом народной медицины. Он должен знать не только ту аптеку, которая находится за углом, но и ту, которая произрастает в природе. Кроме того, он понимал, что его познания в металлургии, а самое главное, в геологии, оставляют желать лучшего. Из этого следует, что им нужен геолог-металлург, который разбирается не только в рудах и минералах, но и в том, что с ними делать дальше. А самое главное, это должны быть люди, так же, как они, готовые делиться своими знаниями с детьми, вместе с ними безоглядно шагнуть в прошлое и не жалеть об оставленной в их времени цивилизации.

Но прежде чем строить остальные планы, надо разобраться в двух вещах. Во-первых, насколько глубоко в прошлое ведет дыра. И во-вторых, какой там сейчас, грубо говоря, месяц года. Только теперь ему в голову пришла мысль, что тот факт, что они в данный момент наблюдают раннюю весну, может совсем ничего не означать. На Земле и сейчас есть такие места, где лето может быть очень коротким. Он не обратил раньше на это внимания. Но на самом деле это очень важно. Ведь жизненно необходимо знать, сколько у них будет времени до наступления зимы, чтобы успеть

добраться в края с более благоприятным климатом.

Немного поразмыслив, учитель труда решил, что в ситуации, когда нельзя рассчитывать на покупку местных газет, обе этих задачи могут быть решены астрономическим способом. Вторая – самая простая. Необходимо только измерить высоту над горизонтом солнца, проходящего через истинный юг. Или, в случае отсутствия под рукой компаса, надо определить максимальный угол подъема солнца над горизонтом. Точка, в которой это случится, и будет истинным югом. Задача по определению глубины погружения в прошлое выглядела куда более сложной, и решалась она куда более приблизительно. Но тут большая точность особо и не требовалась. Достаточно было определить «категорию» временного интервала.

Методов было два. Во-первых, прецессия равноденствий – то есть круг, который описывает северный полюс Земли вокруг Северного полюса Солнечной системы с циклом примерно в 25.800 лет. Но этот метод имеет тот недостаток, что надо хотя бы примерно знать, сколько таких циклов уже прошло. То, что как минимум один – точно, поскольку 25.800 лет назад на месте Ленинграда (Санкт-Петербурга) лежал ледник толщиной в пару километров. В качестве часов, рассчитанных на более длительное время, могло послужить созвездие Большой Медведицы, а точнее, ее окорок с хвостом, иначе называемый Большим Ковшом. Дело в том, что крайние звезды, изображающие кончик ручки и носик ковша, движутся по небу совсем не в ту сторону, куда остальные, отчего со временем форма ковша должна довольно прикольно меняться.

Носик со временем должен укоротиться, через пятьдесят тысячелетий став совершенно прямым, а ручка удлинится примерно вдвое. При откате в прошлое все должно проходить прямо в обратном порядке – носик удлиняться, а ручка укорачиваться. Причем процессы на небе протекают обычно настолько медленно, что неизменный на взгляд ковш будет означать время по «Первой категории», а его неузнавание на небе скажет о том, что сунуться в то время можно только очень большой компанией. Во всех остальных случаях, как говорится, «надо считать».

Дело оставалось за малым – провести необходимые измерения. Для этого требовалась небольшая астрономическая обсерватория, или как минимум снаряжение средневекового штурмана. Ни того, ни другого у Петровича не имелось. Зато был Андрей Викторович, который абсолютно не разбирался в астрономии, но имел у себя привезенный с «пятидневной охоты на грузин» замечательный трофейный прибор, изготовленный шведской фирмой «Эрикссон». Прибор артиллерийской разведки (сокращенно ПАР) объединял в себе свойства двенадцатикратного бинокля

с ночной подсветкой, теодолита, гирокомпаса и лазерного дальномера.

Старший прапорщик рассказывал, как на второй день «охоты» в окрестностях Цхинвала их группа в упор нарвалась на грузинскую минометную батарею, которая вела беглый огонь по расположенной в котловине столице Южной Осетии. Чуть в сторонке от огневых позиций находился батарейный НП, с которого какой-то Гиви или Гоги, приплясывая вокруг этого самого ПАРа, и руководил обстрелом города. Внезапно все грузинские минометчики скоропостижно скончались от огневого удара в спину. Пленных не брали. В конце концов, это был уже второй день войны, и рейдирующая по грузинским тылам российская разведгруппа успела насмотреться на художества грузинских «цивилизаторов» в осетинских селах. Вот там-то, на батарейном НП, люди Андрея Викторовича и прихватили этот самый ПАР, который очень помог им в оставшиеся три дня «охоты». А потом, когда по приказу тогдашнего министра «Табуреткина» Андрея Викторовича «ушли» на пенсию по предельному возрасту, благодарный коллектив вручил ветерану нигде не числящийся трофей в качестве ценного подарка. Такая вот история.

Спустившись вниз, Петрович нашел бывшего старшего прапорщика в так называемой гостиной – то есть большой комнате на первом этаже с камином и телевизором. Его товарищ почти не смотрел на очередные похождения уже изрядно поднадоевших «Ментов», а скорее медитировал, глядя на пляшущие в очаге языки пламени. Выслушав сбивчивые объяснения друга, он кивнул головой и коротко сказал:

– Ехали!

Вот ведь неинтеллигентный человек – ни разговоров на два часа вокруг да около, ни слюней насчет потраченного бензина – ничего. Вместо этого на свет божий появились: тот самый ПАР в футляре, тренога, сумка с батареями, и два мощных аккумуляторных фонаря. Венчала грудку снаряжения все та же «Сайга». Но в первую очередь Андрей Викторович, накинув полушубок, вышел во двор и запустил двигатель УАЗика. Когда двигатель прогрелся, снаряжение было аккуратно уложено на заднее сиденье машины, и она, тихо урча, выехала из ворот дачи.

Вырулив из поселка, они свернули не на интересующую их просеку, а поехали в сторону трассы «Кола». На вопрос коллеги бывший старший прапорщик ответил, что «Пучеглазый» (поселковый сторож) уж больно подозрительно смотрел на него днем, когда они ездили в ту сторону с Валеркой. Так что нефиг наводить дурака на шальные мысли. Лучше объехать вокруг через трассу и спокойно заехать к нужному месту с обратной стороны. Как говорится, для бешеной коровы семь верст – не

крюк.

На просеке, напротив нужного места, Андрей Викторович погасил фары и еще некоторое время всматривался во тьму перед собой. Никого. Потом переключившись на ближний свет, аккуратно свернул по старым следам, и еще через минуту они были на месте.

* * *

Ночь. Времена ледников и мамонтов.

Если в двадцать первом веке небо казалось низким серым потолком, придавившим землю, то тут оно разверзлось бездонной черной пропастью, заполненной мириадами светящихся огоньков. Кстати, воткнутая ими днем «вешалка» все так же горделиво торчала посреди холма, как бы подчеркивая реальность всего происходящего. Приледниковый стационарный антициклон вытягивал из тундростепи лишнюю влагу, и одновременно создавал, пожалуй, наилучшие условия для астрономических наблюдений.

Андрей Викторович покрутил головой, любуясь этой красотой, потом, не торопясь, вытащил из машины треногу и установил ее. Коллега при этом подсвечивал ему фонарем. С ее настройкой пришлось повозиться, но вскоре пузырьки в уровнях сказали, что плоскость основания, на которое будет установлен прибор, строго перпендикулярна направлению к центру Земли. После этого сам ПАР был извлечен из футляра и торжественно водружен на треногу. Учитель физкультуры священнодействовал. Запустив гирокомпас, он сориентировал платформу на истинный север. Потом, отключив гирокомпас, поднял ось зрения прибора на пятьдесят девять с половиной градусов вверх, и сделал товарищу приглашающий жест: «Прошу!»

В окулярах прибора ближайшей яркой звездой к центру поля зрения оказалось созвездие Лиры, а точнее, самая яркая звезда этого созвездия Вега. Вега в качестве полярной звезды – это ровно полцикла прецессии относительно нынешнего положение полюса на небе, то есть двенадцать с половиной тысяч лет. Он достал свою распечатанную схему, на которой были отмечены изменения климата в окрестностях Петербурга за последние полмиллиона лет. Теперь уже священнодействовал Петрович, а второй мужчина светил ему фонарем.

Двенадцать с половиной тысяч лет назад они находиться не могут, в те времена тут был ледник. Тридцать восемь тысяч лет вполне подходили – и с точки зрения астрономии, и по ожидаемому климату. Но учитель труда решил проверить и другие варианты... Шестьдесят четыре и девяносто тысяч лет назад – это конец и начало ранневалдайского оледенения.

Полтора километра льда как минимум. Сто пятнадцать тысяч лет назад, в микулинское межледниковье, климат был, может, и чуть холоднее современного, но никакого оледенения не наблюдалось, и вместо степей в этих краях находилась тайга или лесотундра. Кроме того, даже беглый взгляд на небо, в сторону Ковша Большой Медведицы, сказал ему, что искажения его контура слишком незначительны для давности в сто тысяч лет. Позиции основных звезд поменялись мало, так что хвост таблицы можно и не проверять.

– Итак! – сказал он вслух, потеряв лоб. – Андрей Викторович, мы вас поздравляем. Мы за тридцать восемь тысяч лет до нашего времени. Ну, накинём плюс-минус тысячелетие на ошибку. Квартира первый сорт – соседи должны быть более-менее приличными. Есть шанс встретить как людей нашего вида, так и еще не вымерших неандертальцев. Встретимся, поговорим. Глобальных катастроф в ближайшее время не ожидается. Взрыв вулкана Тоба, рядом с которым Кракатау – это только учебная петарда, случился за тридцать шесть тысяч лет до этого момента, а ингимбритовое извержение в Испании, погубившее половину Евразии, произойдет только через тринадцать тысяч лет. Короче, жить можно.

Отставной военный погасил фонарь и огляделся по сторонам, – Ни огонька, – сказал он, – Где же они, эти твои местные?

– Места тут для зимовки малопригодные. Если я правильно все понимаю, их охотничьи группы появятся тут только в разгар лета. А могут и вообще не появиться, если в их краях будет достаточно дичи.

– Хорошо, – сказал старший прапорщик, – поехали домой, надо все еще раз хорошо обдумать!

* * *

6 декабря 2010 года. Понедельник. 00:55. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

– Итак, – сказал Андрей Викторович, разливая по чашкам крепкий до кофейного привкуса черный чай, – с чего начнем?

– Начнем, как положено, с начала, – ответил его коллега, прихлебывая из чашки. – Нужно определиться, что мы хотим получить, и что мы имеем. Я сейчас попробую изложить свое видение. Во-первых, чего мы хотим: спокойно дожить жизнь посреди нетронутой природы или сделать так, чтобы потом, перед концом, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы? Кто для нас Катя, Лиза, Сергей и Валера – живые игрушки или люди, которых мы любим и которым мы хотим дать будущее? Кто для нас те еще неведомые нам предки – объекты для примучивания и угнетения, или люди, равные нам, а может, и в чем-то превосходящие нас?

Ведь, даже не выходя из Каменного века, они сумели заселить всю планету.

– Понятно, – побарабанил пальцами по столу учитель физкультуры, – второй вариант мне как-то ближе. Все-таки я в армию пошел пятнадцать лет назад, а не в бандиты.

– В этом-то вся и суть, товарищ старший прапорщик, – кивнул трудовик, – я тоже пошел в школу детей учить, а не турецкими куртками фарцевать. Значит, уютному маленькому домику мы предпочтем весь мир.

– Немного отдаст манией величия, – заметил Андрей Викторович, – но мне нравится. Изложите ваш план поподробнее, товарищ Учитель. Как там говорил, этот, как его, Архимед, – дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир.

– Сейчас, – коротко сказал Сергей Петрович, доставая из книжного шкафа большую карту Европы.

Александр Викторович поспешно убрал в сторону чашки, и карта легла на стол.

– Вот, смотри, мы здесь, в Питере. При выборе места для постоянного поселения надо учитывать несколько факторов, одним из которых является наличие поблизости лесов.

– Это понятно, – кивнул отставной военный, – стройматериалы, топливо и все прочее...

– Вот именно, что все прочее, – ответил Петрович, – единственный вид индустриального топлива, который будет доступен нам очень длительное время – это древесный уголь. А для его производства требуется много древесины. Так вот, ближайшие леса находятся где-то по линии Волгоград – Одесса – долина Дуная – Северная Италия – Франция южнее Луары. Плюс-минус сто километров. У нас есть два пути – или по суше к Черному морю, или по воде в обход Европы в Южную Францию. Можно было бы и дальше, но не вижу смысла. Причем, в любом случае, если зима застанет нас в пути, это будет полная задница.

Учитель физкультуры померил по карте расстояние от Петербурга до Одессы, потом кивнул каким-то своим мыслям. Тысяча семьсот километров по пересеченной местности, без дорог, с подростками, которые, если сказать честно, еще дети, плюс трое просто детей. И это с тем грузом, который можно унести в рюкзаке.

– Не, на такой вариант я пошел бы только если бы прямо сейчас за мной гнались с собаками. Сколько возможно, проехать на машине, а потом ножками, ножками, ножками. Но никакой новой цивилизации у тебя в таком случае не получится, банальная робинзонада. Вариант с твоим корабликом в таком случае выглядит куда предпочтительнее. Сколько тонн

он сможет поднять?

Сергей Петрович начал загибать пальцы:

– Полное водоизмещение при осадке в один метр восемнадцать тонн. Корпус у нас с тобой вышел в четыре с половиной тонны, на мачты и оснастку отведем еще тонну, ну, максимум, полторы. Итого, если не будем делать вторую, внешнюю обшивку, то остается двенадцать тонн на груз вместе с балластом.

– А если будем? – спросил коллега. – И вообще, эта вторая обшивка нужна? Ты извини, что я вмешиваюсь, только ведь мы, хе-хе, будем, так сказать, в одной лодке.

– Да нет, ничего, – отмахнулся Петрович, – в принципе все правильно. Вторая обшивка желательна, она сильно снижает сопротивление движению. Кроме того, в случае ее повреждения внутренний корпус останется целым. У наших предков коч из лиственницы служил лет по тридцать, внешнюю обшивку из полудюймовой сосновой доски меняли раз в три года. Если делать обтяжку сосновой доской, то это где-то около полутонны веса. Если пятью миллиметрами стеклопластика, то от ста пятидесяти до двухсот килограмм... Кроме того, учти внутреннюю отделку, хотя бы той же вагонкой...

– Ладно, будем рассчитывать на стеклопластик, но в уме держать тонну веса. Итого – одиннадцать тонн полезной нагрузки.

– Еще тонна – пассажиры, так сказать, живым весом, – добавил учитель труда, – итого, груз вместе с балластом – где-то десять тонн.

– Э-э-э, подожди, – задумался Андрей Викторович, – двое взрослых, четверо подростков и трое детей – дальше семи сотен кило моя фантазия не пляшет.

Петрович замялся:

– Я тебе еще не сказал – есть две специальности, в которых мы с тобой почти полные дубы. Для того, чтобы наш проект удался, нам еще нужны два хороших специалиста: врач и геолог. Так что в одну тонну веса входят четверо взрослых, четверо подростков, трое детей и хороший ефрейторский зазор.

– Уел! – сказал отставной прапорщик, – о медицине я и не подумал. Вообще-то городскому врачу я бы предпочел хорошего сельского или армейского фельдшера с опытом работы в условиях, близких к пещерным. Есть у меня на примете одна персона, наведу справки – сообщу. А вот насчет геолога – извини, пусто.

– Ладно, если что, будем разбираться по книгам, базовые технологии – они не такие сложные. Но специалист в команде – это все же лучше, чем

просто книжки.

– Это понятно... Может, что и срастется. Итак, у нас осталось десять тонн...

– Из них еще примерно три тонны на балласт, – добавил Сергей Петрович. – Обычно в качестве балласта используют крупные камни, скрепленные цементом.

– А мы можем использовать необычный балласт? – спросил коллега. – А то это извращение – везти камни в каменный век. Есть же много прекрасных тяжелых вещей, которые можно уложить на самое дно и использовать в качестве балласта. Металлический прут, арматура, лист, слитки свинца или олова, наконец.

– Балласт не только должен быть тяжелым, – заметил учитель труда, – он еще должен быть правильно распределен, и закреплен на своем месте абсолютно надежно и абсолютно неподвижно. Хотя с листовым металлом и прутком, наверное, есть варианты. Надо думать.

– Хорошо. Семь тонн груза, не считая балласта, который тоже груз. Что с собой брать, мы обсудим после. Куда мы плывем и что там будем делать.

– Идем, а не плывем, – поправил Сергей Петрович, – моряки говорят, что они ходят, а плавают дерьмо.

– Слышал, – усмехнулся Андрей Викторович, – просто само вырвалось. Итак, куда мы идем?

В ответ его коллега обвел карандашом небольшой кружок на карте, в центре которого оказался французский город Бордо:

– Примерно сюда. Или, если климат в районе нынешнего Бордо покажется нам слишком жестким, спустимся еще южнее, вот сюда, – и он ткнул в точку с надписью «Байонна».

– Интересно, товарищ Грубин, – хмыкнул отставной прапорщик и потянулся за чашкой чая, – а как же ваш патриотизм?

– Если ты помнишь, патриотичный пеший поход к Черному морю мы с тобой уже отвергли. Ради голого, ничего не обозначающего патриотизма, огибать с юга всю Европу я не собираюсь, – он тоже отхлебнул чаю, – в конце концов, на той стороне этой дыры Россия будет там, где будем мы. Других русских там не будет.

– Интересная мысль, – благодушно отметил учитель физкультуры, – но давай, Петрович, говори дальше. А то я всегда мечтал побывать во Франции... На танке. Напомнить мусьям Бородино и пожар Москвы, год четырнадцатый и год восемнадцатый. Но не вышло, а тут вон оно как...

– Мусьев там еще нет, – развел руками Сергей Петрович, – пока эта

территория вперемешку заселена людьми современного вида и уже вполне европейского облика, и пока еще здравствующими неандертальцами. Что интересно, и те и другие вели одинаковый образ жизни и практиковали одинаковые технологии. Сложно сказать, насколько тесными были межвидовые контакты, но у некоторых ученых есть основания полагать, что неандертальцы не были истреблены и не вымерли сами, а просто без остатка растворились среди людей современного типа.

Андрей Викторович задумался.

– Значит, – сказал он после нескольких минут тишины, – ты хочешь на своем коче, под парусом, обойти вокруг Европы и поселиться на юге Франции. Вообще, хорошая идея. Только опять же надо все хорошо продумать.

– Слушай, Викторович, у тебя хохлов в родне не было? А то что-то часто ты задумываться начал.

– Как не было, – отмахнулся тот, – мама моя, царствие ей небесное, з пид Полтавщины была. То есть я хохол и есть, минимум наполовину. А мы с тобой не на рыбалку едем, лещей таскать, а уходим в рейд без обратного маршрута. То, что мы сегодня не додумаем, завтра и нас, и тех, кто с нами, и убить может.

– Понятно, – кивнул Петрович, – слушаю тебя.

Тот провел рукой по воображаемым усам:

– Сначала разобьем всю нашу будущую деятельность на несколько этапов. Ибо сказал мудрый, что любого мамонта можно съесть, только разрезав его на маленькие кусочки. Во-первых, необходимо определить наше будущее ПМЖ и будущий род деятельности. Поскольку ничего против южной Франции я не имею, то давай теперь решим, чем именно мы там займемся.

Петрович замялся.

– У меня есть только одна мысль. Только цивилизовав местных, подняв их хотя бы на уровень Железного века, мы сможем обеспечить достойное будущее нашим детям и их потомкам.

– Цивилизовать тоже по-разному можно, – отхлебнув чая, сказал бывший военный; этот разговор, несмотря на позднее время, начинал ему нравиться, – англичане австралийских аборигенов вон тоже цивилизовать пытались, так только зря все. А тасманийцев так и вообще до смерти зацивилизовали.

– Англичане аборигенов не цивилизовали, а дрессировали, – ответил учитель труда, – счастье коренных австралийцев, что они отошли на земли, которые, с точки зрения белых, были бросовыми. А то дело не дошло бы

даже до дрессировки, есть прецеденты в той же Тасмании. У нас с тобой, надеюсь, совсем другие понятия.

– Да уж, другие, – вздохнул коллега. – Надеюсь, ты не собираешься разбрасывать по сторонам огонь, подобно поджигателю Прометею?

– Я, вместе с тобой и нашими мальчиками, собирался основать клан, в который при соблюдении определенных условий могли бы вступать и местные. Те, кто будет работать вместе с нами, и жить тоже должен как мы. Тогда еще не умели платить презлым за предобрейшее, так что, думаю, у нас все получится.

– Не знаю, не знаю... – пробормотал Андрей Викторович, и уже громче добавил, – но мне понятно одно – или мы вместе с местными поднимаем цивилизацию, или опять же вместе с ними погружаемся все в тот же Каменный век. Варианта, при котором они в Каменном веке, а мы, все в белом, ездим по стойбищам и отбираем последнее, я не вижу. Лично мы с тобой не такие люди, да и Валерка с Сережкой ничем не хуже нас. Однозначно! – немного помолчав, он добавил: – Ну что же, примем это как рабочую гипотезу и перейдем к следующему номеру нашей программы, называемому Непосредственное Планирование и Подготовка. Кстати, сколько там всего может быть местных?

Сергей Петрович посмотрел на карту, что-то померил циркулем, посчитал на калькуляторе и сказал:

– В условном квадрате, ограниченном берегом Атлантики, рекой Луарой, Альпами, Средиземным морем и Пиренеями, может проживать от пяти до десяти тысяч людей нашего вида, и вдесятеро меньше неандертальцев. В тундростепях севернее Луары тоже должно быть население из людей нашего вида и неандертальцев. Только я думаю, что оно еще более редкое и менее, если так можно сказать, технически развитое. Если мы перед тем, как основать свое поселение, немного поднимемся вверх по течению Гаронны, то окажемся в непосредственном контакте примерно с шестью стойбищами местных, а это от семисот до девятисот человек.

– Какое у них оружие?

– У неандертальцев копья ударного типа, скорее всего без наконечника, с обожженным на огне острием. Люди нашего типа вооружены лучше, их копья ударно-метательные, с наконечниками из камня или кости. Кроме того, они, скорее всего, уже изобрели пращу... Просто ремни из кожи не пережили все эти тысячелетия, в отличие от камня, и отчасти кости и дерева. То же самое можно сказать о силках на мелкую живность и плетеных вершах для ловли рыбы. На этом все.

Копьеметалки с дротиками, луки, прирученные собаки и лошади, рыболовные крючки, сети, и прочий хайтек – в далеком будущем. Могу сказать одно – после изобретения рыболовного крючка из кости плотность населения в окрестностях рек и озер увеличилась десятикратно. Но до этого еще почти десять тысяч лет.

Андрей Викторович ненадолго задумался, потом сказал:

– Значит, так! Получается, что даже без учета огнестрельного оружия, которое мы, конечно, будем использовать на начальном этапе, один наш охотник на лошади, с собаками, вооруженный луком или арбалетом, будет равен целой охотничьей группе местных.

– Непуганое зверье и стальные наконечники, – добавил Петрович, – а зимой вместо лошади – охотничьи лыжи. На это и расчет. Главное – действовать аккуратно и только лаской, и тогда ты не успеешь оглянуться, как к тебе потянутся люди.

– Это мы понимаем, – кивнул учитель физкультуры, – не маленькие. Теперь давай обсудим, что мы должны с собой взять, чтобы воплотить в жизнь все эти грандиозные планы. Только давай договоримся, что мы не будем фанатиками слияния с природой, и при переходе из Петербурга в район Бордо, а также в первые два-три года проживания на новом месте, будем достаточно активно пользоваться оружием и инструментами, захваченными с собой из XXI века...

– Сейчас! – Петрович встал, и по лестнице поднялся к себе в мансарду.

Минут пять было слышно, как он двигает мебель, потом наступила тишина. Андрей Викторович свернул и убрал в сторону уже ненужную карту, и на стол лег длинный, замотанный в промасленную ветошь предмет.

– Ух, ты, какая красotka! – только и смог сказать отставной военный, когда ветошь была размотана, и на свет божий появилась винтовка Мосина, образца 1891/1930 года в снайперском исполнении. Имелся и оптический прицел, упакованный в отдельный кожаный футляр. Привычным движением Андрей Викторович открыл затвор и глянул в ствол.

– Новье, – одобрительно пробормотал он, – почти не стреляная... – и тут же спросил: – Копатели?

– Дед... когда дачу строил. Наткнулся на заваленный блиндаж. Похоже, что завалило при бомбежке. Столько пролежала, а как вчера с завода. Он с такой же прошел от Сталинграда до Вены.

Товарищ старший прапорщик вздохнул:

– Хорошая вещь! Теперь у нас есть твоя «мосинка» и моя «Сайга». Но, как мне кажется, нам надо удвоить наш арсенал. Я попрошаю у ребят, может, что еще и подвернется. Хотелось бы еще одну «мосинку» до пары, а

вторую «Сайгу» мы оформим на тебя официально. Ты же у нас не криминальный авторитет. Патронов надо тыщ по пять на ствол, и капсулей для «Сайги».

– Я вот что думаю, – сказал учитель труда, – первое, что нам надо будет сделать на новом месте, так это построить для себя дом. И если не впадать в дикость, отесывая бревно до доски, то нам понадобится дисковая пила. На первое время сгодится и моя. Хотелось бы взять небольшую многоленточную пилораму, но она весит слишком много. И откуда для работы всего этого ТАМ брать электричество? На солнечных панелях разориться можно.

– Бери только то, что нельзя изготовить на месте, – посоветовал Андрей Викторович, – полотна, механизм, электродвигатель. А вопрос электричества можно решить путем установки генератора киловатт так на двадцать-тридцать, – он вздохнул, – мой УАЗик ТАМ мне уже будет совершенно не нужен. Так что думаю, что его движок, коробку и сцепление я совершенно спокойно могу пожертвовать на общее дело. И кстати, он неплохо подойдет нашему миникрейсеру в качестве судового двигателя.

– Бензин-то где брать будем? – с интересом спросил Сергей Петрович, вдохновленный столь щедрым и неожиданным предложением. – Заправок по пути не предвидится.

– Завтра же позвоню одному знакомому, закажу переделку движка на газогенераторный вариант. Потом, в конце недели, утром отгоню в сервис, вечером заберу готовый. И будем ездить на дровах. Видел, сколько сухого плавника ТАМ было выброшено на берег? Без топлива не останемся. В пути судовой двигатель, на месте электростанция. И все это без капли бензина. Мощность, конечно, упадет, но нам и пятидесяти лошадей на все про все хватит за глаза.

Петрович ошарашено сначала посмотрел на своего приятеля, а потом кивнул; видимо, о такой роскоши, как судовой двигатель и электричество на новом месте, он не мог и мечтать. Максимумом, на который он рассчитывал, были солнечные батареи и роторная гидростанция.

Неожиданно Андрей Викторович спросил:

– Кстати, Петрович, помнишь наш разговор про балласт?

– Помню. И что?

– А то, что лучшим балластом для нас будет полумиллиметровое кровельное железо – оно и в трюм укладывается легко, и по жизни нам будет крайне нужно. Три тонны веса – это порядка семьсот квадратов такого железа. Дом без кровли – это не дом. В первый год нам просто некогда будет изобретать что-то из местных материалов...

– Две тонны на железо, – поправил коллегу Петрович, – можно будет взять гофр, толщиной 0,35. Еще восемьсот кило на цемент для фундамента, и двести на оконное стекло. Без них на стройке тоже никак, и масса у них для балласта подходящая. Вопрос только в том, чтобы все это как следует закрепить.

– Закрепим, – кивнул тот, – цемент и ящики со стеклом пойдут в самый низ. Не беда, если стекло придется перепаковать, чтобы слой вышел однородным. Выше их положим стопки железных листов, которые придавим поперечными слемами и распорками к этим, как его, бимсам. Кстати, если между распорками оставить проход метра в полтора, то получится заготовка стеллажей для остального груза.

– Ладно, – сказал учитель труда, вставая из-за стола, – поздно уже. Я завтра, после работы, прикину варианты с укладкой балласта и грузов, а также с установкой рамы для твоего двигателя.

* * *

6 декабря 2010 года. Понедельник. 15:35. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

Вернувшись с работы, товарищи наскоро пообедали, после чего Сергей Петрович пошел в гараж и забрался в трюм своего кораблика, чтобы прикинуть расположение балласта и груза, а его коллега взял Сайгу, кликнул Шамиля и поехал в к «дыре» – подстрелить на ужин чего-нибудь вкусненького. Особых деликатесов не ожидалось; звери после зимы бывают еще весьма истощенными, хотя в стаде пасущихся неподалеку от «дыры» то ли бизонов, то ли зубров вполне можно было добыть молочного теленка. Кажется, в степях все-таки зубры?

Но уже через час встревоженный Андрей Викторович вернулся домой. К тому времени Петрович уже сделал все замеры и выбрался из трюма коча, чтобы набросать схему размещения балласта и груза. Поставив в холодильник пакеты с еще теплым парным мясом, он пошел искать Сергея Петровича, и лоб в лоб столкнулся с ним в дверях комнаты с камином.

– Петрович, у нас проблемы! – с порога без предисловий заявил Андрей Викторович. – Твоя дыра ползет.

– Куда ползет?

– В ж..., то есть, к просеке, – ответил бывший старший прапорщик. – Если не веришь, посмотри сам. Со вчерашнего дня сдвинулась сантиметров на тридцать. Теперь понятно, почему раньше там никто никуда не проваливался.

– Пришла со стороны Ладogi и через какое-то время уйдет в возвышенность... – слегка нахмурившись, задумчиво проговорил учитель

труда. – Наверное, это значит, что наши планы летят в задницу?

– Ну почему сразу в задницу? – поспешно ответил коллега. – Просто план не спеша собратся и забрать всех детей, якобы на Новый Год, конечно, накрылся, но, я думаю, в общем он остается вполне выполнимым. Примерно через неделю эта твоя дыра выползет прямо на просеку, а еще дней через десять-двенадцать уйдет в возвышенность. Мы с тобой мужики умелые, пробивные и деятельные, сокращение сроков нам нипочем. Думаю назначить экстренную эвакуацию на следующее воскресенье – двенадцатое декабря. Народу в интернате почти не будет, Горилла, как всегда, укатит в Питер. Надо будет глянуть, кто тогда будет дежурить, но в любом случае, поверь, я оттуда батальон выведу, а не только наших семерых. Тем более что старшие имеют вполне законное разрешение выходить за ограду под нашим с тобой педагогическим контролем.

– Да, наверное, это будет самое то, – вздохнул Петрович, – в данной ситуации это единственный выход. Остается финансовый вопрос. До Нового Года я планировал успеть продать, как минимум, свою трехкомнатную квартиру в центре, и на эти деньги как следует снарядиться. За неделю нормального покупателя не найти и сделку не оформить. Я-то думал, что вопрос у нас только в весе груза, а он еще и в деньгах...

– Не парься, – сказал товарищ, – считай, что мы перешли на осадное положение, так что подключаем тяжелую артиллерию. Квартиру можно заложить в банке; это, конечно не так выгодно, как продавать, зато быстро и никакого переоформления документов. Они, кстати, у тебя в порядке?

Трудовик еще раз вздохнул:

– Да, мама-покойница аккуратистка была и боевая, не то что я. Дарственную она на меня оформила еще при своей жизни, четыре года назад. Царствие ей Небесное. А как все дела закончила, так через месяц и тихо преставилась. Я тогда уже постоянно на даче жил, в город к маме ездил на выходные. Соседи на работу звонят и сообщают – скончалась, мол, Анастасия Дмитриевна... Э, да ладно...

– Тогда так, – кивнул Андрей Викторович, – я сейчас в Питер, часа на четыре, порешать некоторые вопросы. Как вернусь – поговорим, – и уже у дверей он обернулся и добавил, – Да, парная телятина в холодильнике, к ужину жди гостей – кажется, с доктором у нас что-то наклеивается..

* * *

Там же, Размышления Сергея Петровича.

После ухода коллеги Сергей Петрович на некоторое время поднялся к себе в мансарду. Но работа не клеилась. Далекий, казалось бы, план вдруг рывком приблизился к самому носу. Одновременно пропал даже малый

шанс при неудачном исходе дела отступить обратно на подготовленные позиции в двадцать первый век. Теперь если и идти, то только вперед, раздумывать уже некогда. Если медлить, можно навсегда упустить шанс.

У мужчины немного тряслись руки. Он невольно посмотрел в угол между шкафом и каминной трубой. Там, покрытая пылью, стояла бутылка, наполовину наполненная жидкостью соломенного цвета, в которой плавал стручок красного перца и какие-то травы. Эту ядреную микстуру он каждую зиму держал наготове как противогриппозное средство. Двадцать грамм подогретой «микстуры» внутрь (больше добровольно не способен принять даже закоренелый алкоголик) – и в большинстве случаев болезнь немедленно отступает.

Учитель труда не был алкоголиком, скорее, наоборот. И среди своих однокурсников в универе, и во всех своих рабочих коллективах, считая нынешний, он слыл самым малопьющим «молодым человеком», сохраняющим лицо и собственное достоинство даже на самом разгульном корпоративе.

Пить горячую перцовую настойку – это все равно что глотать жидкий огонь. Волна жара прошла по пищеводу в желудок, потом поднялась обратно к голове. Все мысли разом подпрыгнули, ударились о крышку черепной коробки и улеглись на место.

Сев за стол и немного отдышавшись, Петрович задумался. Так, начнем по порядку. Задача номер один: благополучный переход из точки А в точку Б. Им, скорее всего, за исключением самого начала и самого конца пути, предстоит иметь дело не с морем, а с речным перетоком вроде Невы, только во много раз длиннее. И тут предложенный товарищем УАЗовский двигатель будет весьма кстати. В Балтике их ждут в основном встречные западные ветра. Кроме того, на реке, особенно на быстрой, парус – это не очень надежный движитель. Наверняка придется иметь дело с цепью крупных озер, соединенных быстрыми протоками. Учитель решил прикинуть, на что будет похож их путь.

Даже на глаз поток воды, текущей в направлении из Балтики к Северному морю, внушал ему оторопь. Он начал рассуждать. Поскольку климат холодный, даже холоднее современного, то потерями на испарение можно просто пренебречь. У нынешней Ладоги, например, оно составляет не более 2% от общего количества поступления воды. Весь водосбор Северной Двины (она тогда текла к Балтике), нынешней Невы, Луги и Наровы, Западной Двины, Немана, Вислы, Одера, должен искать себе путь для того, чтобы излиться в Мировой океан.

Сергей Петрович залез в интернет и начал выписывать нынешние

показатели стока этих рек. Получилось, что это 9500 кубометров в секунду. Сопоставимо с Волгой и Великими Сибирскими реками: Леной, Енисеем, Обью. Если учесть реально более засушливый климат того времени и скостить с этой цифры 50%, то получим 4750 кубометров в секунду, то есть в три с лишним раза больше, чем сегодня имеет Днепр. А ведь до его середины долетит не каждая птица.

Вот вам и узкая, порожистая речка, которую он опасался там встретить. А ведь есть еще сток талых вод с южной окраины ледникового щита, который не поддается никакому прогнозу. Ну, пусть у ожидаемой Супер Невы будет сток от 5000 до 6000 кубометров в секунду. Примерно столько же отдает Балтика Северному морю сейчас, с учетом Северной Двины, текущей в Белое море, и более высокого испарения в летний период.

Правда, горная часть Скандинавии в те времена была придавлена массой ледника, Ютландия же, напротив, была приподнята на сотню-полторы метров, и самое низкое место, скорее всего, находилось в Южной Швеции по линии Варде-фиорд, озеро Меларен, озеро Венерн, Северное море. Там, в районе Стокгольма, и надо искать начало перетока. Причем, что особо неприятно, правый берег перетока может проходить рядом или прямо по границе ледника. А это возможные наезды ледника на русло и связанные с этим подпруживания с их последующими прорывами.

Но это вопрос гипотетический – в начале лета, когда мы туда доберемся, никаких подпруживаний быть уже не должно. Ибо в условиях постоянного антициклона солнце особенно активно бьет как раз в южный фас ледника, заставляя его ускоренно таять. Недаром же и снег весной сходит именно с южной стороны дома.

Значит, так – вот мы попали в Северное море, а теперь куда дальше? Тут может быть два варианта. Если шельфовый ледник в Северном море, существовавший во времена обоих максимальных Валдайских оледенений, растаял, тогда нам придется идти вокруг Британского полуострова, что практически вдвое увеличит наш путь. Если же с ним ничего не случилось, тогда Северное море является таким же проточным озером, как и Балтийское.

А почему он должен таять? Если верно предположение, что отступление ледников случилось не из-за потепления и увеличения летнего таяния, а из-за засухи и уменьшения зимнего прихода снега, то ледник в Северном море находится в наилучшем состоянии. Тогда даже может случиться так, что никакого Северного моря и нет. Есть переток, с одной стороны ограниченный стеной ледника, а с другой стороны – покрытым

тундростепями берегом Европы. Эту версию и примем за основную. При путешествии надо будет следовать под европейским берегом, а не под ледниковым. Там запросто можно получить на голову ледышку весом в пару тысяч тонн. Так будет почти до самого Па-Де-Кале. На этом пути после Скандинавии в переток впадут Эльба, Рейн, Маас и Темза, не считая кучи мелких речек. К середине лета, впрочем, они все почти пересохнут. Этот приток должен удвоить силу перетока, и в своих низовьях он будет напоминать Обь или Волгу. Скорее, все-таки Обь, ведь климат в низовьях ближе к тундровому, чем к пустынному. Кстати, именно на этом последнем участке речного пути возможны наши первые встречи с местными людьми.

Почти сразу же после Па-де-Кале начнется узкий морской залив, находящийся на месте нынешнего Ла-Манша. Оттуда до пункта назначения еще около тысячи километров. Чтобы не промахнуться мимо места, нам каждую ночь придется замерять свою широту, а каждый полдень долготу, и тогда мы уж точно не потеряемся, даже если нас случайно вынесет в открытое море. Хотя там все просто – если править прямо на запад, промахнуться мимо Европы из Бискайского залива просто невозможно, тем более что тамошние ветра и течения сами понесут нас в нужном направлении.

Подведем итоги. Весь путь примерно в четыре тысячи километров займет... Посчитаем. Идти можно будет только в светлое время суток, учитывая летний сезон около 10 часов в день, при средней скорости в 5,5 узла, что даст около 90 километров суточного перехода, итого, на все про все, около 45 дней. Добавим 15 дней на разные форс-мажоры и «ефрейторский зазор», после чего получим два месяца на переход. Да, еще минимум две недели придется сидеть на берегу и готовить корабль к плаванию.

Теперь непосредственно о подготовке. Однозначно, что с внешней стороны поверх обшивки из лиственницы надо положить на мездровом клею рубашку из шпона, а поверх нее обтянуть корпус пятью-шестью слоями стеклоткани. Это для улучшенного скольжения и ударной прочности при столкновении со льдом. В эпоксидную массу при укладке последнего слоя необходимо добавить токсина против обрастания и серебрянки для придания нам незаметного шарового цвета.

По парусам, пока есть время, еще раз проконсультироваться у специалистов. Есть ли смысл оставить их прямыми, как в оригинале, или заказать комплект латинских, для большей маневренности.

Внутренняя отделка – вопрос особый. Переход предполагается в морях, температура воды в которых не сильно отличается от нуля, и, кроме

того, на воздухе тоже будет не особо жарко. На севере плюс пятнадцать днем и плюс пять ночью. Поэтому в кают-компании необходимо установить печь, пригодную для отопления и приготовления пищи, и дымовую трубу, которую надо будет вывести на палубу под противоштурмовой грибок.

Но этого мало. По внутренней поверхности шпангоутов и бимсов необходимо пустить вторую, внутреннюю обшивку из тонкой (5–7 мм) доски, а пустое пространство между бортами заполнить резаными листами прессованного пенопласта, и скрепить все это монтажной пеной. Только вот вбивать гвозди в листовенничные бимсы и шпангоуты – занятие для мазохистов, а посему – дрель, саморез, шуруповерт и тот же мездровый клей. А также электрорубанок, так как кое-где доски придется подгонять.

Поскольку окончательный монтаж придется делать уже ТАМ, на берегу, то надо подумать об электроснабжении. У Сергея Петровича крутилась в голове одна мысль, что-то про машину и генератор – просто гениальная вещь, про которую он когда-то читал в книге или видел в кино. Только он никак не мог вспомнить, что это было.

И тут внезапно его озарило. Длинный деревянный цилиндр, соединенный с валом электрогенератора, машина поднята на кирпичи и уперта так, что задние колеса лежат на цилиндре. Мотор работает, сцепление отжато, передача включена, но вместо того, чтобы ехать, машина крутит генератор. Гениально и просто. Не нужен генератор? Машину сняли с козлов, и она поехала, снова превратившись в транспорт. Правда, там, кажется, был ЗиЛ-130, но это без разницы. Можно использовать даже «ушастый» «запорожец», дело только в мощности генератора.

У Сергея Петровича мелькнула мысль – а может, весь УАЗ того, разобрать, и в трюм? Во-первых, как минимум пятьсот кило из полутора тонн и так едут с ними в качестве двигателя и сопутствующего оборудования. Также можно было бы вместе с двигателем снять двери, капот, крылья, мосты, приборную панель... Но все равно останется рама, габаритами четыре метра на метр восемьдесят, которую без разборки палубного настила в трюм не запихать. Единственный люк на корабле – в средний трюм, и он имеет размеры метр на метр. А палубный настил набран так, и из такого материала, что легче его взорвать. Бросать же эту раму на палубе, где об нее все будут спотыкаться... Нет, оставим этот вопрос, что называется, под вопросом.

Теперь необходимо перейти к квартирному вопросу. На новом месте жительства нужен дом. Четверо взрослых, четверо подростков, трое детей... Нет, не так. Не исключено, что уже осенью-зимой им придется

подбирать разного рода брошенных котят. Не обязательно, но и не исключено. Значит, рассчитывать первое жилье надо, как минимум, на вдвое большее количество народу и дополнять его баней и мастерской.

С мастерской, собственно, все и должно начаться, точнее, с навеса. Пока погода теплая, хватит и его. Потом понадобится баня – за два с лишним месяца пути все изрядно засвербеют, а уж инкорпорированные новички вообще наверняка будут рассадниками разного рода шестилапного зверья. В баню нах, с мылом с щелоком, потом только в дом. Что еще... Ах да, древесную золу ни в коем случае не выбрасывать, хоть из печи, хоть из газогенератора. Через нее получают и мыло, и калиевая селитра, и, кажется, стекло... Или нет? Но все равно, зола – ценное сырье и стратегический продукт.

Итак, дом на двадцать пять человек при социальном стандарте Российской Федерации, в 18 квадратных метров жилых и нежилых помещений – это 450 квадратных метров. 450 квадратов – это одноэтажное строение, двенадцать на тридцать с половиной метров. Для расчета площади кровли увеличиваем площадь строения в полтора раза, и у нас получается 675 квадратов – почти все, что Андрей Викторович собрался брать для этой цели.

Так не годится, тем более что такой длинный, как кишка, дом будет очень трудно отапливать. Остается только один вариант – два этажа. Правда, сия конструкция требует несколько большего количества материалов, но на земле коробка занимает уже вдвое меньше места, и соответственно экономятся и кровельные материалы.

Но из чего строить? Сергей Петрович сомневался, что до наступления холодов, или просто дождей они сумеют спилить достаточное количество деревьев и нарезать из них бруса. Вот бы где реально пригодился УАЗ в качестве «колесного» генератора. Он же – источник энергии для электропилы, и он же – трейлер для вывоза леса.

Быстрее и надежнее всего строить дом из глинобитного кирпича, основанный на каркасе из бруса и цельных бревен. Важно только не переборщить с толщиной, чтобы хватило сил устанавливать и крепить семиметровые несущие вертикальные стояки. Таких, с шагом в шесть метров, понадобится десяток. Потом обвязка их сетчатым каркасом из бруса и досок, дополнительно вертикально в каждой ячейке по два бруса, поперечно и диагонально доска, даже необрезная. Это работа для взрослых.

Молодежь в это время должна лепить и сушить глинобитные кирпичи. Вручную мешать глиняный раствор с сухой травой – занятие для идиотов, так что надо прихватить такую симпатичную бетономешалочку весом 250

кг, за 70.000 рублей, на 300 литров готового раствора. Солому, камыш (или что там еще можно использовать в качестве наполнителя), резать руками тоже будет некогда, значит, понадобится соломорезка. Да и вообще она, как и бетономешалка, вещь ценная, еще пригодится в хозяйстве.

Итак, когда каркас стен выстроен и заполнен сырцовым кирпичом, встает вопрос об отоплении. Тут вариант один – два камина в двух торцевых залах на первом этаже в разных сторонах здания, и осевая двойная стена-дымоход с перегородкой посередине, распределяющая дымовые газы и пронизывающая оба этажа. А значит, у нее должен быть свой каркас. Две дымовые трубы сдвоены и находятся прямо в центре здания. Ширину зала можно взять в три метра; в одном из них кухня и столовая, в другом – общественное помещение, которое можно назвать штабом, клубом или классом. Внутри себя Сергей Петрович в первую очередь оставался учителем и понимал, что местных с самого начала придется учить.

Все остальные помещения получались жилыми, правда, вместо постоянных перегородок планировались сдвижные ширмы. Во-первых, делать их можно будет уже тогда, когда на улице завоюют метели, а во-вторых, по-настоящему уединенные помещения понадобятся только семейным парам.

Ах да – на случай снегопадов, способных завалить первый этаж, на втором этаже, у лестницы, нужно будет сделать аварийную дверь, снабдив ее с наружной лестницей. Так, на всякий случай. Через окна выбираться не удастся – их Петрович, экономя стекло, планировал сделать крайне узкими, вроде фрамуг. Итак, Большой Дом, Мастерская, она же Гараж и Баня. Вот что они построят на новом месте в первую очередь до наступления зимы.

Критически посмотрев на свои записи и эскизы, учитель аккуратно сложил их в стопку. Обо всем остальном – охоте рыбной ловле и прочей добыче ресурсов – надо говорить с коллегой. О сохранении здоровья всех, кто будет жить с ними под одной крышей – с незнакомым ему еще доктором, о железе, меди, свинце и стекле – с геологом, если такового удастся найти. Вздохнув, Петрович спустился вниз – готовить парную телятину. До возвращения товарища оставалось еще два часа.

* * *

6 декабря 2010 года. Понедельник. 20:25. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

Сергей Петрович услышал, как подъехала машина. Выглянув в окно мансарды, он увидел, как Андрей Викторович открывает ворота. В стоящем за забором авто явно находился кто-то еще. Хозяин дачи, охваченный

любопытством, сбежал вниз как раз в тот момент, когда УАЗ въехал в ворота. Набросив в прихожей на плечи пуховик, он вышел на крыльцо дома.

Открылась задняя дверца, и из машины вышла, как показалось учителю, молодая девушка. И лишь спустя несколько секунд, приглядевшись к ее лицу, он понял, что истинный возраст гостьи скрывала туго стянутая на талии дубленка, да еще узкие джинсы, обтягивающие стройные ноги. На самом деле незнакомке было примерно столько же лет, сколько и ему.

Вслед за женщиной из машины выбрался еще один персонаж. Небольшого роста, широкоплечий, до самых глаз заросший густой седой бородой, которая, впрочем, была аккуратно подстрижена, он производил впечатление какого-то сказочного гнома.

Тем временем коллега уже закрыл ворота.

– Знакомьтесь, – сказал он новоприбывшим, – это Сергей Петрович Грубин, наш великий Мастер и Учитель, а это – Марина Витальевна Хромова – доктор, и Антон Игоревич Юрчевский – геолог. Прошу любить и жаловать.

– Фельдшер я, Андрюша, сколько тебе говорить, – неожиданно хрипловатым, но приятным голосом сказала женщина, – фельдшер.

– Один хороший фельдшер стоит трех докторов, – парировал тот, – так что, Марина, не кокетничай. А ты, Петрович, зови гостей в дом, а то невежливо как-то.

Хозяин дома наконец пришел в себя от неожиданности и, прокашлявшись, указал жестом на вход:

– Э... Марина Витальевна и Антон Игоревич, заходите, пожалуйста.

– Можно просто Марина, – сказала женщина, неожиданно крепко пожимая ему руку, – а вас я буду называть Сергеем...

– Тогда уж лучше Петровичем, – со вздохом сказал тот, вводя гостью в дом, – так будет привычнее.

– А что так? – спросила Марина Витальевна, осматриваясь в прихожей, пока Сергей Петрович, как воспитанный джентльмен, помогал ей снять дубленку, и невпопад добавила, – А у вас тут довольно мило... Сами строили?

– Дед, – сухо ответил Петрович, – ныне покойный. Ветеран, фронтовик, орденосец...

– Ой, – смутилась женщина, – прошу извинить глупую болтливую бабу...

– Да ничего, – ответил учитель, вешая женскую дубленку на

вешалку, – Марина, чувствуйте себя свободно, и проходите побыстрее в дом.

Не успел он повернуться ко второму гостю, как с улицы вошел Андрей Викторович, успевший загнать машину в гараж.

– Ну-с, товарищи! – потер он замерзшие руки, – уже познакомились? Петрович, я Марину лет пятнадцать знаю, так что можно без преамбул. Что называется, она «свой парень», так что в общий курс нашей затеи я ее уже посветил. Товарищ Юрчевский – это ее кадр.

Заметив, что женщина собирается снимать сапоги, отставной прапорщик замахал руками:

– Нет, нет, Марина, разуваться не надо. У нас тут по-простому, – сняв свой бушлат, он махнул рукой, – Давай, Петрович, веди в столовую, за ужином и поговорим. Кстати, как там у тебя?

– Телятина, тушеная в духовке, – с оттенком гордости ответил тот.

– Ну, вот и замечательно, – потер руки коллеги. – Проголодался я как волк, а точнее, как крокодил.

За ужином поговорить не получилось. Парная молочная телятина, тушеная в духовке с приправами, овощами и картошечкой с собственного огорода – это отдельное нечто, отвлекающее на себя все внимание. Особенно если люди проголодались. В тишине был слышен только перестук ложек, и время от времени просьба о добавке. Марина Витальевна, которая первое время кокетничала на тему «фигуры, которая может пострадать», потом махнула рукой и налегла на жаркое.

Наконец, откинувшись на спинку стула, насытившаяся женщина сказала:

– Все, хватит! Укормили девушку до полной релаксации... – она провела рукой по гладко зачесанным волосам цвета темной меди, собранным в строгий пучок на затылке – машинальный, непередаваемо милый женский жест. Раскрасневшаяся от тепла и сытости, она и вправду выглядела сейчас очень молодо, и только едва заметные лучики в уголках глаз выдавали ее истинный возраст.

– Я бы за вас, Петрович, замуж пошла... – она вздохнула, окидывая хозяина дома дружелюбно-шутливым взглядом, – лет пятнадцать назад, – она помолчала, чуть грустно улыбаясь вслед каким-то своим мыслям и, снова вздохнув, скрестила руки на груди и произнесла уже другим, деловым тоном: – Но теперь об этом говорить поздно, так что давайте о делах.

– Да, – эхом отозвался Андрей Викторович, – давайте поговорим о делах. В свете предстоящей операции должен сообщить, что Марину я

знаю если не с самого детства, то не намного меньше. Одно время мы даже вместе служили – она по своей части, а я по своей. Четырнадцать лет фельдшером в армии – в самых что ни на есть глухих гарнизонах и боевых частях, потом пять лет в составе мобильного госпиталя МЧС. Опыт на пятерых хватит. Мертвого из могилы поднимет. И вот недавно начальство стало намекать Маринке, чтобы она добровольно уступила место молодому поколению. Мол, фельдшера у нас так долго не живут.

– Это точно, – сказала Марина Витальевна, стараясь казаться равнодушной, но складки, вдруг появившиеся в уголках ее губ, говорили о ее истинном отношении к теме разговора, – добро пожаловать на пенсию. И это после долгой и преданной службы.

– Дней десять, как она мне на эту тему по телефону плакалась, – добавил учитель физкультуры. – Когда ты, Петрович, сказал мне, что нам нужен медик, так я сразу про нее и вспомнил. Предложил место в лодке, получил согласие и спросил, не знает ли она, где завалялись бесхозные геологи. Она тут же порекомендовала мне товарища Юрчевского. Мы потому так и задержались, что ездили за ним в Озерки.

– Спасибо, что помнишь обо мне, Андрюша! – кивнула фельдшерица. – Так что, друзья мои, куда бы вы ни собрались, я тоже с вами. Если возьмете, конечно.

– Возьмем, куда ты денешься, – кивнул мужчина. – Кстати, Марин, про Антона ты расскажешь или он сам? А то он какой-то неразговорчивый.

– Сам я все расскажу, – ответил Антон Игоревич густым басом. Действительно, за все время пребывания в доме он не сказал и двух слов. – Сам с пятьдесят четвертого года, образование высшее, Питерский Универ, геолог. Облазил весь Союз, от Таймыра до Кушки, и Калининграда до Чукотки. Полевой стаж четверть века. Умею кое-что и кроме этого. Могу подковать лошадь, поймать арканом оленя, выплавить железо из болотной руды. Умею ставить ловушки на зверя, пользоваться копьеметалкой, как банту, и асеегаем, как зулус. Год назад с треском отправили на пенсию; кое-как устроился завхозом в той же конторе, что и Марина. Сегодня вечером звонок – «Антон, ты готов записаться добровольцем?». И вот я здесь. Достаточно?

– Достаточно, даже более того, – ответил Андрей Викторович и посмотрел на Сергея Петровича. Тот слегка кивнул, и бывший старший прапорщик добавил: – Ну, товарищи, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Собирайтесь и одевайтесь. Нас ждет выезд в поле, на исходную позицию, – Сергей Петрович кивнул еще раз, – форма одежды – полевая, командовать парадом буду я! Петрович – мой начштаба

и зампотылу в одном флаконе. Поехали, товарищи!

* * *

Спустя полчаса и за тридцать восемь тысяч лет до наших дней.

Над доисторической весенней тундростепью пылал багровый закат. Сплющенное, как дыня, солнце шаром расплавленного металла опускалось за горизонт. От красоты захватывало дух. Все до самого горизонта было освещено этим оранжево-розовым светом. Когда УАЗ Андрея Викторовича въехал в далекое прошлое из метельной зимней ночи, все на мгновение потеряли дар речи. Сергей Петрович даже и не рассчитывал на такой эффект. Величие картины поражало.

Марина Витальевна отщелкнула дверцу и ступила своим изящным сапожком на землю нового мира. Вслед за ней выбрались и все остальные.

– Вот теперь я верю, – топнула она ножкой по молодой траве, – а я-то думала, что Андрей так иносказательно говорит про уход в какой-нибудь скит, близость к природе и прочие заморочки. А тут такое! Колитесь, мальчики, как вы нашли эту штуку?

– Она сама нас нашла, – загадочно ответил ей учитель труда, – так получилось.

Антон Игоревич посмотрел на закат, и почему-то шепотом спросил у него:

– Коллега, вы не знаете, почему он такой, как бы это сказать, слишком яркий? Уж очень много красного для обычного заката.

– Пыль, – ответил Петрович, – в воздухе, в верхних слоях атмосферы в сотни и тысячи раз больше пыли, чем в наше время. Из-за этого общий индекс температуры на восемь градусов ниже. Когда мы были здесь днем, у горизонта небо было почти белым.

– Понятно, – кивнул бородач, – но все равно впечатляет. Действительно, вроде бы знакомые края, а вроде бы и нет.

– Итак, – подвел итог этой дискуссии Андрей Викторович, – решайтесь, дорогие товарищи. Или вы с нами – и тогда в путь мы отправимся в следующее воскресенье, или вы против – и тогда мы расстаемся по-хорошему, и забудем друг о друге.

– Конечно, с вами, – воскликнула женщина, щеки которой пылали от волнения, – Андрей, я же сказала тебе, что готова хоть в тайгу, хоть в пещеру, лишь бы не на пенсию. Да я на этой пенсии через полгода повешусь от скуки или с ума сойду... – она повернулась к своему спутнику, – а ты как, Антон?

– Я тоже за, – ответил мужчина тихим голосом, – в смысле – с вами. Мне тоже не хочется покрываться плесенью в темном углу и ждать, пока

равнодушные соседи вытащат меня ногами вперед. Но будет ли мне позволено задать несколько чисто практических вопросов?

– Задавайте, – кивнул Сергей Петрович.

– Э-э... Значит, так... Вопрос первый. Какой это исторический период, и сколько лет разделяет его и наше время?

– Это доисторический период, – ответил учитель труда, – время тридцать восемь тысяч лет назад. Пауза между Верхне– и Нижневалдайскими пиками оледенения.

– О-о-о, – сказал геолог, покачав головой, – извините, я, наверное, неправильно выразился. Но в общем, мне понятно. Не самое плохое время, но и не самое хорошее. Вопрос второй. Из-за отсутствия поблизости леса, что, очевидно, является следствием довольно сурового климата, здесь весьма неблагоприятное место для поселения. Вы планируете обосноваться здесь или собираетесь перебраться в другое место?

– Собираемся перебраться. В южную Францию, в район Бордо.

– Замечательно! – воскликнул Юрчевский, – очень хорошее место, всегда мечтал там побывать. Вопрос третий. Как вы собираетесь туда перебраться – пешком?

– У нас есть парусник, – с затаенной гордостью ответил Сергей Петрович, – вольная копия древнерусского коча. Восемнадцать тонн водоизмещения, осадка около метра, в каюте (правда, без комфорта) могут разместиться до двенадцати человек. За вычетом веса корпуса, оснастки и пассажиров, на груз и балласт остается одиннадцать тонн грузоподъемности. Сразу, как только вернемся на дачу, мы вам его покажем. Машина Андрея Викторовича запросто дотянет его до дыры в прошлое.

– Что значит – на груз и балласт? – вдруг заинтересовалась Марина Витальевна.

– Петрович хочет использовать в качестве балласта промышленный металл, который может понадобиться на новом месте – кровельное железо, шестигранный прут, строительную сетку, – пояснил бородач.

– А также цемент, стекло, немного битума и прочие тяжелые и компактные вещи, которые можно и нужно уложить на самое дно и надежно закрепить, чтоб не сдвинулись.

– Хорошо, – кивнул Антон Игоревич, – с этим понятно. Посмотрю на ваш корабль, потом еще поговорим о нем. Вопрос четвертый. Мы отправимся в этот поход вчетвером, или будет кто-нибудь еще, о ком мы с Мариной пока не знаем?

– Будет, – сказал учитель, – четверо подростков, шестнадцати-

семнадцать лет, ученики школы-интерната, в которой я работаю учителем труда. Они-то и помогали мне строить этот корабль. Ну а также трое детей, их младшие братья и сестры.

– Очень хорошо, – с улыбкой кивнул Юрчевский, – надеюсь, что раз эти дети помогли вам построить этот ваш коч, то руки у них растут из правильного места, а не как у многих их сверстников. В таком случае, может, что и получится. Короче, я ЗА. Надо делать. Если уважаемый Сергей Петрович при помощи четырех детей сумел построить корабль аж в восемнадцать тонн водоизмещением, то тогда он мастер работы по дереву. Про себя без лишней скромности могу сказать, что почти то же самое могу сделать с металлом. Я бы и в Средние века не пропал, кузнецы – они всегда нужны. Витальевна у нас пусть и фельдшер, но лучше любого врача, поскольку опыт ее не пропьешь. Знает не только таблетки и микстуры, но и всякие травы, и прочие народные средства. Андрей Викторович у нас – командир и организатор, прирожденный вождь и командир. В случае встречи с аборигенами я надеюсь как раз на него. Не в смысле повоевать, а в смысле, что дикарям обычно очень нравятся такие смелые, решительные люди, готовые без колебаний повести их вперед. А если у этого человека еще и получается все задуманное, то он вообще будет вне конкуренции. Кроме того, мы четверо являемся носителями, если можно так выразиться, критической массы технологии, необходимой для развития цивилизации. Вопрос только в том, чтобы ее развитие опять не пошло сикось-накось. Но этот вопрос мы успеем продумать. Опасности – это еще не повод бездействовать, – Антон Игоревич посмотрел на пылающий заревом горизонт, за которым только что скрылся краешек солнца. – В принципе мы здесь видели достаточно, не так ли, Марина?

– Так-то оно так, – ответила женщина, – но прежде чем мы уйдем отсюда, мы должны обсудить еще несколько вопросов. Во-первых, как я понимаю, Андрей и Петрович вносят в общее дело корабль...

– Петрович закладывает в банке трехкомнатную в центре, – сказал бывший прапорщик. – Надеюсь, что минимум миллионов пять мы за нее выручим.

– Это я уже слышала, – ответила Марина Витальевна, – за мою убитую однушку могут дать только в морду, но тыщ триста русскими деньгами я в дело внести могу. Могло быть куда поболее, но однажды на моем пути случился Альфа-банк...

– Марина, у меня аналогично, – сказал Антон Игоревич, – могу внести двести тыщ накоплений и старенький «Москвич», который кое-как еще ездит.

– Очень хорошо, – кивнул Сергей Петрович, – и лучше всего будет, если каждый из вас на свои деньги приобретет тот инвентарь, оборудование и материалы, которые будут нужны ему в работе. Если денег не хватит – добавим. А еще одна машина, пусть и старая, нам пригодится, когда будем свозить сюда все необходимое. Что у вас еще, Марина Витальевна?

– Да нет, все, – ответила женщина, – поедем, посмотрим на ваш корабль, а потом нужно будет думать, как и чем мне укомплектовать свой медкабинет для условий работы, близких к пещерным...

* * *

7 декабря 2010 года. Вторник. 15:25. г. Санкт-Петербург.

Во вторник, 7 декабря, у Петровича было всего четыре урока. Отпустив на перемену 7-б класс, он снял рабочий халат, закрыл на ключ мастерскую и быстрым шагом двинулся в сторону логова кастелянши, где переписал размеры одежды и обуви своих юных друзей, объяснив это своим желанием сделать им новогодние подарки. Об ускорении процесса самим подросткам Сергей Петрович пока говорить не стал, во избежание их перевозбуждения и разного рода негативных нюансов. Оставшиеся до воскресенья дни было необходимо провести с максимальной отдачей для дела и не вызывая никаких подозрений, а потом вдруг исчезнуть всем вместе.

Уже около двух часов дня приодевшийся учитель выходил из машины у офиса банка ВТБ на проспекте Большевиков. Молодой менеджер, к которому его направили, пробив по базе предлагаемую в залог квартиру и самого Петровича, стал с ним предельно вежлив. Все было чисто как слеза младенца, клиент неплохо зарабатывал и не был обременен предыдущими долгами, квартира тоже принадлежала лично ему, и за ней не числилось даже банальных долгов за коммуналку.

Как и ожидалось, при залоге, оцененном в семь миллионов, Петровичу предложили пять, сроком на три года. Загадочно улыбаясь, тот подписал кредитный договор и, получив заверения, что кредитную карточку он сможет взять уже завтра, покинул это логово Шейлоков и гнездо ссудного процента.

Дальше они вдвоем совершили еще несколько полезных визитов. Заехав в ближайшее отделение Сбербанка, учитель закрыл счет и получил все свои сбережения. Их оказалось двадцать семь тысяч с мелочью. Потом он побеспокоил своих квартирантов, солидных армянских бизнесменов, и, сказав «Делиться надо», получил с них текущую квартплату за декабрь и вперед за январь. Сами понимаете, Новый год-с впереди.

Нельзя сказать, что его визит обрадовал выходцев из Закавказья, но заявление о том, что им, возможно, придется вскоре съехать с этой квартиры, так как на горизонте появились новые съемщики, более щедрые и кредитоспособные, заставило армян изобразить бурный восторг и выплатить требуемые деньги. Жильцы пообещали с нового года платить больше, и в качестве подарка всучили хозяину пятилитровую канистру с отличным коньяком. Что ж, вещь хорошая, пригодится в хозяйстве, как противошоковое средство. Ну, а наличие за спиной колоритной фигуры одетого в камуфляжный бушлат Андрея Викторовича, с легкой улыбкой поигрывающего монтировкой, свело все недовольство гостей с Кавказа к тихому ворчанию. Как говорится – «кадрового силовика видать издалека».

Обзаведясь, так сказать, карманными деньгами, мужчины двинулись по еще одному адресу. Главной их проблемой было сейчас то, что один корпус коча, пусть даже и готовый к спуску на воду – это еще не корабль. Полноценным кораблем его сделает только парусное оснащение. С этим было сложновато – первоначально проект рассчитывался под оригинальные для коча прямые паруса. Но одно дело ходить по Ладоге и ближайшим рекам, в шаговой доступности от буксиров, спасателей МЧС, да и просто цивилизации, а совсем другое – идти в поход без обратного маршрута, где рассчитывать можно только на себя и свою команду.

Д а и команда, надо сказать, была не ах. Не в смысле моральных качеств (этого у них было хоть отбавляй), а в смысле опыта и физических кондиций. Кое-какой опыт управления парусником был только у Петровича, еще в детстве его прикормил к этому друг и сослуживец отца Вадим Дмитриевич Ротмистров, которого тогда маленький Сережа называл просто дядь Вадим. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, Вадим Ротмистров вовсе не собирался уходить на покой и всем заявлял, что активный образ жизни позволит ему прожить ровно столько, сколько он сможет выходить в море. Тут принцип простой – как на диван залег, так считай что помер. Однажды отец Сергея Петровича не вернулся из командировки в далекую южную страну, но знакомство с Вадимом Дмитриевичем, который к тому времени был уже на пенсии, от этого не прервалось. Скорее наоборот. Этим летом Петрович, имея в виду свой строящийся коч, даже брал у дяди Вадима уроки судовождения под парусом.

Но дело было в том, что яхта Вадима Дмитриевича была с бермудскими треугольными парусами, самыми простыми и технологичными в управлении. И все другие наличные парусники, кроме, может быть, учебных барков ВМФ, тоже были с бермудскими парусами. И

даже барк «Крузенштерн» при всей своей красе, в области управления парусами походил на коч не больше, чем коза на баян. Парус-то у коча тоже был прямой. Но вот способы его постановки и управления были совершенно иными. Если бы было время потренироваться в безопасных условиях, возможно, Петрович и не стал бы так нервничать. Но рисковать не хотелось, ибо ценой ошибки, допущенной сейчас, могли стать жизни всех находящихся на борту.

Когда Петрович понял, что нужно посоветоваться со специалистом, он, конечно же, вспомнил о «дяде Вадиме». Уровень знакомства вполне позволял явиться к старику вместе с приятелем после короткого предварительного звонка. Вадим Дмитриевич оказался дома, и Андрей Викторович погнал машину по указанному адресу.

Старый друг семьи открыл им дверь, одетый в свитер, трико и тапки на босу ногу.

– Хе-хе, Сережа, здравствуй, дорогой, проходи. И приятеля своего представь, – Вадим Дмитриевич смерил учителя физкультуры взглядом с ног до головы, – а то сдается, мы с ним в каком-то роде коллеги.

Тот, заранее проинформированный о некоторых особенностях биографии хозяина квартиры, ответил сам:

– Старший прапорщик СПН ГРУ в запасе Орлов Андрей Викторович, товарищ гвардии майор.

– Хе-хе, – тихо рассмеялся пожилой мужчина, – не подвело чутье-то. Ну да ты проходи, товарищ старший прапорщик, я здесь тебе не покупатель, а ты не молодой. Мы сейчас с тобой в одном звании, «в запасе». Небось, тоже стреляный воробей?

Старший прапорщик Орлов в ответ только молча пожал плечами, мол, что есть, то есть, а хозяин квартиры снова обратился к Сергею Петровичу:

– Ну, Сереженька, раздевайся и проходи на кухню. Я к твоему приходу чайку соорудил. Там и расскажешь, зачем тебе старик понадобился. А то вид у тебя сейчас слишком решительный, как у твоего бати бывал перед самым марш-броском в пекло. Что-то меня от твоего внезапного визита любопытство разбирать начало...

– Ну-с, слушаю вас, молодые люди, – сказал Вадим Дмитриевич, разливая по чашкам горячий крепко заваренный чай.

– Вот, – Петрович расстелил на столе подробный чертеж своего коча, – у меня есть вот такой готовый корпус. И мне нужно срочно подобрать под него бермудское парусное вооружение.

– Т-э-э-э-к, – старый яхтсмен нацепил на нос очки и придвинул к себе чертеж. – Что тут у нас? – изучив его, он поднял голову и поверх очков

посмотрел на сына своего сослуживца, – Сережа, что это такое? Я совершенно не узнаю обводов.

– В основе конструкции обводы малого поморского коча, – пояснил Петрович, – меня привлекла малая осадка и возможность свободно вытаскивать корабль на берег. Силовой набор и обшивка корпуса из дерева, листовенницы. Все элементы выгнуты на пару и соединены нагелями и мездровым клеем. Корпус почти готов к спуску на воду. Единственное отклонение от канона – это почти полное отсутствие надпалубного борта, замененного легким леерным ограждением. Оставил его элементы только в местах будущего крепления вант. Летом я с воспитанниками планировал пойти в поход по Ладоге и некоторым ближайшим рекам. Вопрос только в парусном вооружении. Причем решить его надо срочно.

– А в чем срочность, Сережа? – вздохнув, спросил Вадим Дмитриевич, – зима на дворе. И кстати, какое вооружение ты хотел ставить с самого начала?

– Вооружение первоначально должно было быть как у оригинала – два прямых паруса, поднимаемых на подвижных реях. Общая площадь сто двадцать квадратов, причем две трети парусности приходились на грот.

– Понятно, – кивнул пожилой мужчина, – бермудскими парусами тебе будет куда легче управлять, – он еще раз глянул на чертеж, – паруса и мачты под них я тебе подберу. Есть тут ребята, продают б/у в хорошем состоянии. Но, Сережа, ты мне не сказал, почему это так срочно. Пожалуйста, не обманывай меня, я же чувствую, что что-то тут не так.

Сергей Петрович решился:

– Дядь Вадим, тебе я могу сказать, но, пожалуйста, больше не говорит никому. Нас сожрут с дерьмом, невзирая на все твои ордена. Нарисуют дело, и будешь сидеть, как Квачков.

– Квачков дурак, – ворчливо ответил Вадим Дмитриевич, – с нациками связался. Но я твою мысль, в общем, понял, и если ты не забыл, – он постучал себя пальцем по своей «ленинской» лысине, – в этой голове хранится немало убойных тайн, о которых не знает никто, даже ты. Так что давай, говори, если буду в силах – посодействую.

Вздохнув, учитель коротко рассказал про то, как случайно нашел дыру, ведущую в прошлое, и закончил словами:

– Дядь Вадим, если мы не завершим все свои дела до ближайшего воскресенья, то эта дыра уйдет вглубь, и хрен нам будет, а не поход в прошлое...

Старый яхтсмен немного посидел в молчании, обдумывая услышанное.

– Отговаривать тебя не буду, хотя мне все это не по душе, – ворчливо сказал он наконец, – Но, наверное, ты прав. Если тебе дан шанс свыше, то надо его использовать. Твой отец мог бы тобой гордиться. Как говорится, решение не мальчика, но мужа. Теперь по делу, – он снова взгляделся в чертеж, – парусное вооружение мы тебе, конечно, подберем, хотя «переодеть» твоего «мальчика» в бермуды будет непросто. Уж слишком хорошо предки заточили конструкцию под свой прямой парус.

Вадим Дмитриевич, кряхтя, встал, сходил в свой кабинет и вернулся с листом бумаги и карандашом.

– В выбранном варианте, – сказал он, снова усевшись за стол, – будет, конечно, не яхта, а нечто яхтообразное. Но это нечто будет мореходным и способным ходить под парусом. От пяти до девяти узлов при таких обводах, при хорошем ветре и большой удаче. По уму для яхты такого водоизмещения нужно было бы основную площадь парусности иметь порядка 100 метров, плюс спинакер метров на 50 хотя бы. Но нет, не вытянуть. Такелаж – весь пеньковый. Ремонт стального такелажа в твоих условиях практически нереален. Пеньковые веревки любых толщин я тебя сращивать учил. При наличии пособия и инструментов освоить это дело несложно. Плюс изготовление такелажа из пеньки возможно и при работе на необорудованной площадке. Тип вооружения – если без бушприта и при дефиците времени, то делать все же придется бермудский кэч, исходя из большого расстояния между грот и бизань-мачтами. Большой по размеру парус будет спереди, то есть на грот-мачте. В качестве рангоута и стоячего такелажа берем мачту от яхты Л6 и грот от нее же. Длина мачты на шестерке около 15 метров. Гик – 5 метров с копейками, плюс, минус. При необходимости можно нарастить в небольших пределах у основания. Грот берем тоже готовый от «шестерки», 13.35 на 5 метров. В зависимости от кроя площадь 30–35 квадратов. Бизань-мачту, гик и такелаж берем от полутонника. Мачта 12.5, плюс, минус; гик 3.5 можно найти. От него же грот, у нас выступающий в роли бизани 12.0 на 3.5 метров, площадь 25 квадратов.

Итого, получаем основную парусность в лучшем случае 60 м. кв. Можно всобачить в передний треугольник стаксель от 470 класса площадью 3,58 квадрата. Он как раз впишется в 1.6 метра по нижней шкаторине, в промежутке между грот мачтой и форштевнем. Итого, добиваем до почти 64 метров. То есть, имеем 3.25 квадратных метра парусов на квадратный метр ватерлинии. Для яхтенного корпуса показатель был бы неплох, но тут достаточно полные обводы. Я, знаешь ли, практик... Все точно рассчитать тебе не могу.

Можно дополнительно взять спинакер с класса 5.5 или полутонника – 50 квадратов. Но с необученным экипажем это довольно опасно, так что лучше не надо. Необходим штормовой парус, хотя бы 8 квадратов. Весь комплект парусов должен быть двойным. Ремонтировать их никто на борту не умеет.

Но, естественно, боцманский комплект все равно нужен. Так же как запас веревок, хотя бы пятидесятипроцентный. Желательно иметь на крайний случай две пары весел и шесты, при твоей-то осадке, а так же плавучий якорь. Да, продумай вопрос хранения пресной воды, ее тебе понадобится не меньше тонны. И помни, серебро в емкостях – штука обязательная, а то будешь мучиться с тухлятиной, как Колумб.

Вадим Дмитриевич еще раз перечитал свои записи.

– Ну вот вроде и все. Чтобы тебе никому ничего не пришлось объяснять, все провернем через меня. Сегодня я обзвоню людей, выясню все варианты, а уже завтра с утра созвонюсь с тобой и сообщу, сколько все это оптом будет стоить, – сложив бумагу пополам, старый яхтсмен снова посмотрел на Сергея Петровича поверх очков и спросил, – с деньгами у тебя как?

– Завтра будет нормально, – учитель показал договор, – так что я кредитоспособен.

– Квартиру, значит, заложил... – пожилой мужчина побарабанил пальцами по столу, пытливо глядя на сына своего сослуживца, – вижу, действительно с концами собираешься... Ну и ладно – ты уже большой.

– Спасибо вам, дядь Вадим, вы нам сильно помогли, – Петрович поднялся, – ну, мы пошли.

– Иди уже, первопроходец, – Вадим Дмитриевич перекрестил обоих, – и удачи вам, ребята. Будь я помоложе – сам бы с вами подался.

* * *

7 декабря 2010 года. Вторник. Вечер. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

После визита к бывшему отцовскому сослуживцу Петрович, наскоро поужинав, присел за стол, чтобы заняться важным делом. Исходя из имеющейся суммы и грузовых возможностей имеющегося плавсредства требовалось составить список того, что они смогут взять с собой в каменный век. Раз уж вопрос с парусным вооружением пришлось отложить на завтра, сегодня следовало начать с материалов, которые надо взять с собой для постройки их будущего дома. Достав из стола чертеж, он вошел в Интернет и погрузился в увлекательное плавание по миру товаров, цен и предложений.

Во-первых, кровля из оцинкованного железа – это самая тяжелая часть их будущего дома, которую надо доставить прямо из будущего. На месте в первый год никакой другой альтернативы ему не будет. Для тесовой крыши они просто не успеют напилить леса и натесать из них пластин, а о черепице, или там о соломе, речь вообще не идет, по причине отсутствия самого предмета. Значит, нужно кровельное железо. Для начала Петрович посчитал площадь крыши самого дома – получилось где-то двенадцать метров на восемнадцать при шестидесятиградусном скате, метровом карнизе за край стены и десяти процентах на чеканку швов. Итого – триста квадратных метров железной кровли.

Кроме дома, обязательными капитальными сооружениями станут мастерская и баня. В случае, если получится взять с собой и УАЗ, мастерская превратится еще и в гараж.

Итак, мастерская, сердцем которой станет ленточная пилорама – Р-800, то есть способная обрабатывать бревна диаметром до 800 мм. С учетом этой самой пилорамы планируем размеры двенадцать метров на шесть, и, рассчитав крышу мастерской по той же схеме, что и для дома, получим еще сто четырнадцать квадратов железа.

Баня, размером шесть на шесть метров, потребует пятьдесят шесть квадратов железа на кровлю. Итого, оставив триста метров на водосточные желоба и прочие аксессуары, пятьсот квадратных метров кровельного железа. Кстати, поскольку дом спроектирован на вырост, и если понадобится сэкономить перевозимый вес и трудовые усилия, на первый год баню с предбанником можно будет устроить прямо внутри дома, в одной из нижних секций, вместо четырех комнат и коридора. Только тогда двери надо будет делать такими, чтобы через них потом можно было протащить огромный котел на двести литров для горячей воды.

Решено. Баня первый год будет в доме. Тогда восемьдесят квадратов кровельного железа из груза долой, на следующий год можно будет напилить теса на крышу и построить баньку по всем правилам. Жаль, что из-за постоянного специфического шума оборудования так нельзя поступить с мастерской. Работающая пилорама – это тот зверь, от которого жилье лучше держать подальше. Учитель сделал у себя в бумагах пометку, что мастерскую придется относить от дома подальше, метров этак на пятьсот, и спрятать за какими-нибудь естественными шумопоглотителями.

Теперь о железе. Надо взять самое лучшее, какое только есть в продаже, оцинкованное с одной стороны и покрытое полимерным покрытием с другой. Такое не то что менять, но и красить понадобится не скоро. Толщина... Тут, как и в космическом полете, важен каждый грамм.

Пусть корпус коча и весит на тонну меньше своего прототипа, пусть тяжелый груз (тот же металл и цемент) будет использован в качестве балласта. А значит, общая грузоподъемность уже увеличится с восьми до тринадцати тонн. Но в таких условиях лишнего груза не бывает.

Учитель труда – человек действия и романтик в душе – планировал попытаться победить Каменный век, а не наслаждаться им. Поэтому надо помнить, что с кровельного железа все только начинается. Итого, если взять металл толщиной 0,4 мм, то это будет одна тонна триста десять килограмм веса, листы в формате два с половиной метра, на метр двадцать пять. Получается сто тридцать пять листов, стопка которых имеет в высоту всего пять с половиной сантиметров. Увязать киперной лентой, уложить на дно кают-компания, упирая в переборку, и надежно раскрепив, накрыть чем-нибудь резиновым – например, лентами для транспортера. Потом еще пригодятся в хозяйстве. Так и доедет, никому в дороге не мешая. Будет возможность увеличить количество кровли – будет стопка не пять с половиной сантиметров, а шесть, к примеру, или семь. Разницы никто и не заметит.

Теперь надо было переходить к материалам, которые необходимы для фундамента дома, поскольку, как известно, дом, построенный на песке, долго не простоит. Но нечего и думать утащить с собой столько цемента, чтобы его хватило на полноценный массивный бетонный фундамент. А значит, есть только один альтернативный вариант. Ленточный, армированный строительной сеткой фундамент, поверх которого уложены вырезанные из камня блоки, создающие цоколь. Если взять один слой сетки и толщину ленты в семь с половиной сантиметров, то при ширине в полметра по периметру и метр по оси это будет три с половиной куба раствора и два рулона по два метра на двадцать, оцинкованной сетки из 2,5 мм проволоки с пятисантиметровыми ячейками.

Насчет цемента тоже лучше не жадничать – взять не четырехсотую марку и даже не пятисотую, а сразу шестисотую, бункерную. Не деньги экономим – вес. При норме расхода сто пятьдесят килограмм цемента М-600 на куб бетонного раствора понадобится 550 кг цемента.

Петрович сделал пометку, чтобы не забыть некоторое количество вязальной проволоки для соединения сетчатого полотна в одно целое. Полтонны цемента, в мешках по 25 кг, это тоже груз, прекрасно подходящий в качестве балласта. Надо будет только подумать о его качественном креплении и дополнительной гидроизоляции.

Так, из тех стройматериалов, которые необходимо обязательно взять с собой, оставались только строительные гвозди, мездровый клей, оконное

стекло и ПВХ пленка. Под гвозди учитель пока отвел полтонны веса, чуть позже можно будет посчитать точнее. Сто килограмм мездрового клея необходимо упаковать в дополнительные пластиковые пакеты и отложить в сторону – несмотря на свой вес, в качестве балласта клей использовать нельзя. Также следует поступить и с тысячей квадратов особой трехслойной армированной ПВХ пленки, имеющей плотность, чуть меньшую плотности воды. Такие предметы, тщательно закрепив, можно поместить во второй ярус, примерно в районе ватерлинии.

А вот стекло – это другое дело. С ним все ясно – двадцать квадратных метров, заранее нарезанных на восемьдесят листов, размером двадцать пять сантиметров на метр. После разрезки стекло покрывается бронирующей пластиковой пленкой, перекладывается пузырчатыми прокладками, увязывается киперной лентой, снова заворачивается в пузырчатый пластик, и только после этого укладывается в ящики. Четыре ящика по двадцать стекол тоже необходимо тщательно закрепить, и обязательно на первом ярусе.

Но самой ценной и самой главной частью груза станет оборудование по добыче из окружающей среды электроэнергии. Не желая погружаться в темноту и дикость, Петрович решил жить и в каменном веке если не с лампочкой Ильича, то со светодиодным прожектором. А самое главное – все имеющееся в продаже оборудование требовало для своей работы электричества или горючего.

Морочиться с поиском и переработкой нефти? Так пока это наладишь, успеешь не один раз одичать. Брать же топливо с собой – не хватит никаких запасов. Кто-то может спросить – а как же этиловый спирт? Так вот, идет этот «кто-то» прямо к Бушу-младшему. Из тонны пищевого сырья в лучшем случае получается лишь пятьдесят литров спирта. Все помнят тот феерический взлет цен на продовольствие, случившийся, когда этот американский долбодятел, которого постеснялись бы признать родней и питекантропы, запустил программу, переводящую американские автомобили на алкоголь.

После погружения в прошлое у них тоже очень длительное время не будет избытка продовольствия, достаточного для того, чтобы на нем ездить. А когда такой избыток появится, то уже несложно будет добыть нефть, да и зерно с кукурузой использовать гораздо более рациональным способом. А значит, во главу угла надо ставить электричество, добыть которое из окружающей среды проще, чем тот же бензин. Надо просто иметь соответствующее оборудование и внешнюю силу, готовую приводить его в движение. Солнечные панели будущий покоритель Каменного Века

зарезервировал для мелкого баловства. Ноутбук там запитать, лампочки и прочее. И то основным этот источник электричества будет у него только во время путешествия. На месте постоянного проживания солнечные панелигодились лишь для аварийного освещения. Никакие промышленные инструменты и оборудование от них запитать нельзя.

Значит, нужна самая настоящая электростанция с самым настоящим электрогенератором. Некоторые сейчас скривят свое лицо и скажут – ага, как же, электростанция в каменном веке! Своими руками! Рояль же!?

И никакой не рояль, ответил бы им Сергей Петрович, показав на сайт ПО «Электромотор» со списком предлагаемых к продаже разнообразных электрических асинхронных двигателей мощностью от ста двадцати ватт до трехсот киловатт. А асинхронный двигатель – это такая интересная штука, что свободно может использоваться по обратному назначению, в качестве электрогенератора. Для этого к нему надо добавить возбуждающие конденсаторы и пару трехфазных автоматических выключателей для возбуждающего контура и для полезной нагрузки.

В качестве привода электрогенератора изначально планировалось использовать УАЗовский двигатель 451М, переведенный на питание от газогенератора. Газогенератор, двигатель и электрогенератор вместе составляли электростанцию. При работе от светильного газа мощность двигателя падала с семидесяти пяти лошадей до пятидесяти, а обороты с четырех тысяч до трех. Двигателю с мощностью в пятьдесят лошадиных сил соответствовал генератор мощностью в тридцать киловатт, рассчитанный на три тысячи оборотов в минуту. Такой двигатель у «Электромотора» был, и назывался он АИР 180-М2. Весил он всего сто семьдесят килограмм и стоил смешные деньги – двадцать три тысячи двести сорок рублей в розницу. Этой мощности хватит, чтобы запитать дом, мастерскую с пилорамой и кучей электроинструмента, да еще останется про запас. Так что никто не скажет, что система работает в режиме перегруза.

Немного подумав, Сергей Петрович добавил в заказ еще один такой электродвигатель вместе с конденсаторами и рубильниками. Вторая электростанция такой же мощности должна была в качестве привода иметь обычную водяную мельницу и работать в основном в летний период.

По той причине, что подходящее для мельничного пруда место может оказаться далековато от дома, Сергей Петрович добавил в комплект километровую бухту силового гибкого медного кабеля с сечением жил в десять квадратов. Щит, коммутирующий нагрузку, пусть находится в мастерской. Там же можно установить и тепловую станцию. Шуметь она

будет не сильнее пилорамы.

Записав все это, он улыбнулся – теперь под их будущую жизнь в прошлом подведена надежная энергетическая база. Но оставалась пара проблем. Возиться на лесоповале с ручными пилами, а потом тащить бревна на себе к пилораме – верх идиотизма, да и провозятся они так до самой зимы, ничего не успев сделать.

И если первая проблема решалась небольшим мобильным источником энергии, от которого можно было бы запитать цепные электропилы, то решение второй проблемы представляло некоторую сложность. В качестве основы мини-гидроэлектростанции годился асинхронный двигатель АИР-112М2 на 7,5 киловатт, который следовало возбуждать через клеммник на 220В. Для его работы требовался только ручей, который можно запрудить, водобойный лоток и водяное колесо. Все. Километровая бухта двужильного кабеля сечением по шесть квадратов позволяла лесорубам работать электроинструментом на площади трех квадратных километров.

Единственное, что необходимо будет запретить – это пилить деревья меньше чем в двадцати пяти метрах от ручья. Ни к чему им овраги рядом с домом. Для вывоза напиленного был только один путь. Они все-таки должны попытаться вывезти в прошлое УАЗ целиком. Ну, или почти целиком, лишь бы ездил.

Взяв в руки мобильный, Петрович позвонил Андрею Викторовичу, который в этот момент находился у своего знакомого, владельца автосервиса, переделывающего машины на дровяные газогенераторы. После долгого разговора учитель стал беднее на миллион двести тысяч рублей, но договорился, что к пятнице ему соберут три готовых газогенератора. За эти же деньги они приобретали комплект деталей для переделки УАЗа старшего прапорщика Орлова в самый зверский газогенераторный грузовой Бигфут, и еще два двигателя 451М вместе со сцеплениями. Один комплект двигателя с газогенератором предназначался для устройства электростанции, а второй предполагалось на постоянной основе установить в коче.

Положив трубку, будущий прогрессор закончил подсчеты, и, зевнув, отправился спать. Завтрашний день обещал быть не менее трудным, чем нынешний.

* * *

8 декабря 2010 года. Среда. Полдень. г. Санкт-Петербург.

С утра на уроках Сергей Петрович старался вести себя как обычно, удерживая свои эмоции в узде. Ведь осталось всего четыре дня, а у них еще

и конь не валялся. Сегодня они с коллегой должны снова заехать в банк за кредитной картой, после чего можно начинать закупки. Но что именно покупать? Составленный вчера список далеко не полон. Даже в эту часть, возможно, придется вносить изменения, в чем-то ужимаясь, поскольку не беспредельны ни грузоподъемность коча, ни финансовые ресурсы. А в походе в прошлое с билетом в один конец, если ты о чем-то забыл – значит, забыл навсегда. Гипермаркетов по дороге не предвидится.

Надо будет еще раз посоветоваться со всеми участниками похода, и не только с ними. Например, дядя Вадим способен дать еще не один полезный совет из разряда тех, что, возможно, позднее спасут им всем жизнь.

С трудом дождавшись окончания рабочего дня, учитель труда сел в машину к Андрею Викторовичу, и они снова направились в город. Телефонный звонок старого яхтсмена застал их перед выходом из банковского офиса, когда Петровича в кармане уже лежал заветный кусочек черного с золотом пластика.

– Хе-хе, – прозвучал в трубке знакомый голос, – как дела, путешественник?

– Дела нормально, – ответил тот и добавил иносказательно: – заправили полный бак.

– Ну и хорошо, – крикнул Вадим Дмитриевич. – Ты это, подъезжай с деньгами, я тут подобрал тебе кое-что. Вроде комплект полный, но надо будет поставить все на место, а потом еще раз подумать.

– Сколько привезти? – задал учитель вполне закономерный вопрос.

– Ах, да... – по звукам в трубке было слышно, как посвященный в тайну хмыкнул и прокашлялся, – восемнадцать штук зеленью, хотя можно и эквивалент деревом, но... – дядя Вадим хихикнул, – только не черным.

– Хорошо. Жди, – ответил Петрович и, отключившись, засунул мобильник в карман. Круто развернувшись, они с товарищем вернулись в операционный зал банка. Еще через четверть часа учитель труда опустил в карман пиджака две полные пачки стодолларовых купюр. Необходимость тащить с собой набитый рублями чемодан в валютном вопросе убивала на корню весь патриотизм.

Через полчаса они были на квартире у Вадима Дмитриевича. Ни слова не говоря, Сергей Петрович придвинул к хозяину одну полную пачку зеленых бумажек и еще восемьдесят штук отсчитал из второй, – Вот, дядя Вадим, – сказал он, – восемнадцать тысяч зеленью, как и договаривались. Дерево просто тащить было неохота, слишком тяжелое.

Крякнув, пожилой мужчина собрал шуршащие бумажки со стола и убрал в ящик секретера. Взамен на столе появился ввосьмеро сложенный

лист бумаги.

– Вот твое парусное снаряжение, читай.

В бумаге было вот что:

Полное парусное вооружение:

Мачта от Л6 (клееная сосна) 176 кг – Подарок дяди Вадима

Мачта от однотоонника (люминий) 111 кг – 160 000 руб.

Гик от Л6 (деревянный) 34 кг – Подарок дяди Вадима.

Гик от Л6 (запасной деревянный) 32 кг – Подарок дяди Вадима.

Гик от однотоонника (люминий) 17 кг – 34 000 руб.

Дельные вещи: 8 лебедек плюс 2 запасных, и все прочее 410 кг – Подарок дяди Вадима.

3 якоря (2х40 + 1х30 Данфорта, Матросова и «плуг 110 кг – (ящик водки у боцмана)

4 якорных троса 280 м. 196 кг – 42 000 руб.

Такелаж стоячий из Дунета 300 м. 210 кг – 31 500 руб.

Такелаж стоячий резервный 150 м 105 кг – 15 750 руб.

Такелаж бегучий из Дунета 120 м 36 кг – 3 960 руб.

Такелаж бегучий резервный 60 м 18 кг – 2 000 руб.

Грот от Л6 Дакрон SQ 18 кг – Подарок дяди Вадима.

Грот от Л6 Дакрон SQ (запасной) б/у 18,5 кг – 15 000 руб. боцману яхт-клуба.

Грот от однотоонника 15 кг – 25 000 руб.

Грот от однотоонника (запасной) 15,5 кг – 22 000 руб.

Стаксель от 470 2,5 кг – 5 000 руб.

Стаксель от 470 запасной 2,5 кг – 3 000 руб.

Штормовой грот 6,5 кг – Подарок дяди Вадима.

Штормовой грот запасной 6,6 кг – 1 500 руб.

Плавучий якорь 6 кг – 3 120 руб.

Плавучий якорь запасной 6 кг – 3 120 руб.

Руль запасной,

Надувная лодка – 2 шт,

Конец Александрова (Плавучее кольцо с линем 30м 1кг) – 390 руб.

Жилет страховочный 12 шт. 12 кг – 5 400 руб.

Жилет спасательный 12 шт. 12 кг – 500 руб.

Черпак 3 шт. 1,5 кг – 600 руб.

Сигнальный свисток 3 шт. – Подарок дяди Вадима.

Крюки отпорные 3шт. 18кг – 1 800 руб.

Весла 2,3 м с уключинами 5 шт. 30кг. 7 000 руб.

Ведро брезентовое 3 шт. 2кг – 489 руб.

Набор такелажного инструмента 3 штуки 10 кг – 9 900 руб.

Огнетушитель 3 шт. 3кг – 9 000 руб.

Помпы ручные трюмные 3 шт. 8кг – 8 700 руб.

Навигация:

Бинокли 3шт – 4 692 руб.

Эхолот рыболовный (но может определять и другие препятствия) – 6 313 руб

Компас 70 мм со встроенным компенсатором девиации – 3 822 руб.

Радар Furuno M-1623–67 831 руб.

Хронометр судовой – 38 000 руб.

Комплект принадлежностей для прокладки – транспортиры, штурманские линейки, курвометры, циркули, и ты пы и ты ды – подарок от дяди Вадима.

По весу и деньгам, все вместе, порядка 1700 кг и 530 000 руб.

Дочитав до конца, Сергей Петрович аккуратно снова сложил лист и убрал его в карман.

– За подарки спасибо, – с чувством сказал он, – дядя Вадим, даже не знаю, чем и как вам отдариться. Только вот боцмана жалко – сопьется, бедняга.

Тот пожал плечами:

– Не разлили еще тот ящик водки, который способен свалить с ног Карпыча, – а потом проворчал, – чем отблагодарить, не знаешь, а как насчет место показать? Я понимаю, что эта ваша дыра скоро опять исчезнет, так хоть на мамонта одним глазом глянуть дайте. Будет что вспомнить. Да, кстати, корабль у тебя получится хоть и мореходный и способный ходить под парусом, но не чемпионских статей. С центром парусности дело вообще кошмар. Вот тебе еще один мой подарок, – он встал и подошел к книжному шкафу, – в разумении будущего, может быть, самый ценный, – на стол брякнулся тяжеленный том в кожаном переплете. – Если надумаешь заниматься там кораблестроением, то учти, что здесь есть чертежи и расчеты всех кораблей, какие ты сможешь построить из дерева. От сердца отрываю, но дарю, – дядя Вадим вздохнул. – А вот место свое ты мне все же покажи.

– Нет проблем, – ответил Сергей Петрович, переглянувшись с коллегой, – поехать можно хоть сейчас.

– Сейчас не можно, – вздохнув, сказал Вадим Дмитриевич, – сейчас я возьму вашу «зелень» и поеду раздавать сестрам серьги. Я же понимаю, что у вас все горит, так что сегодня к вечеру постараюсь собрать и доставить весь комплект. Позвоните мне около восьми.

– Вечер – это тоже интересно, – задумчиво проговорил учитель труда. – Закат на планете Земля, будет, пожалуй, интересней крыш Монмартра.

– В смысле? – заинтригованно спросил пожилой специалист по парусному судостроению.

– Кто не видел, тот не поймет, – загадочно ответил отставной прапорщик, – не проявляйте излишнего любопытства, товарищ гвардии майор, а то испортите себе все удовольствие.

* * *

8 декабря 2010 года. Среда. Вечер. Ленинградская область. Окрестности поселка Назия, и одновременно то же место 38 тысяч лет назад, во времена ледников и мамонтов.

Мужчины не стали больше наносить никаких визитов и совершать разные необдуманные покупки, и, сделав лишь одно небольшое исключение, сразу направились в сторону Синявино. На выезде из города их уже ждал старенький москвич Антона Игоревича, нагруженный всякой всячиной до самого верха, словно верблюд. Марина Витальевна стояла в стороне на обочине, переминаясь стройными ножками в узких брючках. Это все, наверное, от того, что на заднем сиденье «москвича» сидело нечто огромное и собакообразное, такое же рыжее, лохматое и мордастое, как и сам хозяин.

– Ой, мальчики, здравствуйте! – женщина изящно впорхнула на заднее сиденье УАЗа. – Поехали скорее, а то я так замерзла. Вы даже не представляете, как мы с Антоном вас заждались.

УАЗ рванулся вперед. Еще вчера, после переговоров с Юрчевским по телефону, было решено, что нет смысла привозить все необходимое для путешествия на Петровичеву дачу, а лучше всего устроить сразу у «дыры» временную базу. Исключением из правила не делать необдуманных покупок стала 300-ваттная солнечная панель фирмы «Сони» с автомобильным аккумулятором в качестве накопителя, контроллером заряда и несколько светодиодных фонарей. Свет превыше всего.

Антон Игоревич, неожиданно для начальства взявший отпуск за свой счет, должен был стать комендантом этой базы. Его «Москвич», кроме кузнечно-геологических принадлежностей и медицинских инструментов Марины Витальевны, был дополнительно загружен геологической палаткой, спальным мешком, таганом, котелком, чайником и прочими необходимыми в походе причиндалами.

До места доехали уже в сумерках. Убедившись, что возле дыры нет посторонних, они свернули в прошлое. Тут солнце висело уже низко над

горизонтом, а в середине холма по-прежнему торчал ствол засохшей елочки, который Петрович в качестве вешалки воткнул в кротовую нору еще в первый день. Вот возле нее и расположились будущие прогрессоры, используя несчастную елочку по прямому назначению, то есть повесив на нее свои куртки и полушубки.

Собака Антона Игоревича оказалась сукой кавказской овчарки, коренастой и лохматой. Не спеша выбравшись из машины, она потянулась всем своим огромным телом и улеглась на солнечной стороне пригорка, внимательно наблюдая за происходящим, чуть помахивая лохматым хвостом.

А посмотреть было на что. На холме намечался небольшой пикник во славу возвращения к дикой природе. Юрчевский, порывшись в залежах своей амуниции, вытащил на свет божий ружье, в котором старший прапорщик не без удивления узнал хорошо сохранившийся самозарядный карабин Симонова (СКС) в армейском исполнении. Такой вывод можно было сделать по сохранившемуся откидному штыку.

Вогнав в магазин обойму и еще четыре расстав по карманам, геолог направился, как говорят коренные южане-луизианцы, «пострелять во имя обеда», ну а точнее, ужина. Тем временем Петрович и его коллега установили солнечную панель, чтоб она заряжала батарею, взяли по туристскому топорiku и пошли рубить стволы плавника, выброшенные на берег. Такое высушенное дерево горит как макароны артиллерийского пороха, поскольку влаги в нем остается самый минимум.

Вскоре под таганом уже весело разгорался огонь, языки которого лизали большой, чуть помятый алюминиевый чайник, в котором бурлила чистейшая талая ледниковая водица. Марина Витальевна расстелила большой брезент, на котором разложила малый набор для разделки и потрошения дичи. Соль, перец и лавровый лист тоже поджидали своей очереди.

Вы думаете, что люди на радостях затеяли пьянку? Да нет же! На Руси испокон веков, от Рюрика и до наших дней, все важные совещания оформлялись как спецмероприятия со спецобслуживанием. Со стороны посмотришь – пьянка, а вникнешь – военный совет.

Сняв чайник с тагана и бросив в него горсть заварки, Сергей Петрович вздохнул:

– Вот, друзья мои, наслаждайтесь, пока есть. С дурными привычками ТАМ нам придется завязывать. Чай или кофе будут недоступной роскошью.

– Это еще почему? – спросил отставной прапорщик, ставя на огонь вместо чайника котел.

– Потому что навечно никаких запасов не хватит, а чай в диком виде растет у нас в Китае. Кофе, к примеру, чуть ближе – в Эфиопии. Что Эфиопия, что Китай – для нас они будут так же недостижимы, как Марс.

– А если семена с собой взять? – подняла голову женщина, – я без кофе не могу. Если с утра чашку не выпью, то весь день хожу совсем никакая.

– Климат там вроде неподходящий будет, Мариночка, – хмыкнул Андрей Викторович, – если и возьмешь пару саженцев, то будут тебе лишь цветочки в горшочках.

Та села на пятки.

– Мальчики, а что, если нам теплицу сделать? Зимой-то вы что кушать будете? А тут огурчики, помидорчики, баклажанчики, перчики и прочие укропчики. А в самом теплом уголке теплицы пусть будут чай и кофий...

– Слышь, Петрович, – откликнулся учитель физкультуры, – Маринка дело говорит. Не знаю, как без чая и кофе, но без свежих овощей нам зимой никуда. Сто кило пленки – это почти тысяча квадратов. Да и деньги, в принципе, небольшие. Зато сколько удовольствия.

– Отапливать как? – проворчал его коллега, – отдельную печь придется городить, – он почесал лысеющую макушку. – Хотя затея не лишена смысла; зимой, особенно первой, без свежих овощей действительно будет туго. Значит, так и запишем – пленку взять, с отоплением мудрить на месте – если сделаем двойные рамы, то много тепла и не понадобится.

Вода в котле уже начала побулькивать, когда подошел Антон Игоревич, таща за лапы двух довольно крупных представителей породы длинноухих.

– И все тут гигантское, даже зайцы, – сказал геолог, бросая свою добычу на брезент, – совсем запарился, пока тащил. Что тут у нас, горячий чаек? А ну, Мариночка, плесни-ка кружечку добытчику.

Выпив большую трехсотграммовую кружку черного, как смола, чая, он приступил к потрошению и разделке добычи. И вскоре зайцы были вычищены, порублены, и вместе с луком, перцем, лавровым листом и солью заброшены в котел. Началось священнодействие приготовления охотничьей заячьей похлебки.

Солнце почти склонилось к горизонту, когда в кармане у Сергея Петровича запищало. Будильник сотового телефона возвестил, что «пришло время пить херши», то есть звонить Вадиму Дмитриевичу. Для этого надо было через «дыру» выйти обратно в XXI век. Следом за товарищем на ноги поднялся Андрей Викторович и сказал, что пойдет вместе с ним для подстраховки. Мало ли какие нехорошие люди могут шататься по окрестностям, а в кармане у товарища карточка больше чем на четыре миллиона рублей. Взяв СКС геолога, старший прапорщик загнал в

магазин три недостающих патрона, после чего забросил оружие на плечо стволом вниз. Теперь, чтобы привести его в положение «наизготовку» и сделать от бедра первый выстрел, понадобится меньше секунды. Что-что, а стрелять муху влет этот человек умел.

Но все обошлось, никакие негодяи не караулили у выхода из «дыры», и Петрович свободно переговаривал с Вадимом Дмитриевичем. Они договорились, что примерно минут через сорок того надо будет встретить на съезде с трассы «Кола».

Огромный багровый диск почти коснулся горизонта, когда Андрей Викторович завел свой УАЗ и выехал на назначенное randevu. Все прошло благополучно, и еще через четверть часа в каменный век вслед за УАЗиком отставного прапорщика въехал массивный УАЗ-«Патриот» с прицепом, принадлежащий старому яхтсмену. Местность сразу стала напоминать автостоянку. Мужчины, дружно взявшись за дело, быстро разгрузили прицеп, сложив на вершине холма целую кучу припасов. Потом всех позвали к столу и открыли общее собрание Прогрессоров и приравненных к ним лиц. По кругу пошла трехсотграммовая кружка с армянским коньяком, в которой каждый, что называется, омочил губы. Потом настала очередь похлебки из зайчатины, и лишь затем – серьезных разговоров.

– Хорошо у вас тут, – вздохнул пожилой мужчина, отложив ложку, – тишина, благорастворение, зверье, можно сказать, само в котел прыгает. Но когда я начинаю думать, сколько вам всего придется сделать, у меня на голове остатки волос встают дыбом. Сережа, мы еще посмотрим твой коч. Ты всегда был мастер делать все своими руками. Но даже если у тебя получился самый совершенный сплав старинной мудрости и современных технологий, я должен напомнить, что даже самые совершенные корабли порой не выдерживают схватки с разрушительной мощью природы. При том, что половина команды у тебя не обучена, а вторая еще и слабосильна. Что ты будешь делать, если твой корабль сядет на мель? Древние снимались с нее, наматывая якорный канат на кабан. Но их теперь не делают, да и с бермудским вооружением места для них не осталось. И хорошо, если это будет песчаная мель. А если илистая, которая засасывает, или камни? С камней, кстати, ты можешь и не сниматься – днище, скорее всего, будет пропорото. Но, в любом случае, я вас очень уважаю, и говорю все это потому, чтобы вы были предельно осторожны, не пытались двигаться в темное время суток, и держались подальше от бурунов и других подозрительных мест, – он перевел дух, провожая взглядом пылающее солнце. Затем, кашлянув, продолжил: – А насчет моих слов подумай; ни одна якорная лебедка не в состоянии сдернуть твой коч с

добротной песчаной банки. Буксиры же для тебя, сам понимаешь, не предусмотрены в принципе.

– Дядь Вадим, – сказал Сергей Петрович, – над этим я тоже думал. Но не в смысле снятия с мели, на нее я вообще надеюсь не попасть, а в смысле вытаскивания корабля на берег и стаскивания его обратно в воду. У нас здесь нет причала, а значит, погрузку и оснащение корабля следует произвести на берегу. А потом, в точности следуя старинным технологиям, спустить корабль в воду, – он секунду помолчал, пытаясь определить реакцию старого яхтсмана на свои слова, и видя, что слушает с интересом, продолжил: – Ты правильно заметил, что установить два кабестана на коче уже невозможно. Там и для одного-то нет места – все оно занято стакселем и гиками. Но есть вариант получше, и это будет компактнее кабестана. У себя в гараже я использую ручную рычажную таль с силой подъема до девяти тонн. То есть, сертифицирована она на девять тонн, а испытана на одиннадцать. Но это неважно – если грунт будет очень неприятным, вроде крупной шкурки, или корабль будет сильно груженным, и девяти тонн не хватит, то тогда можно воспользоваться подвижным блоком и еще раз удвоить тягу тали. Восемнадцати-двадцати тонн мне хватит, чтобы поднять корабль «за уши», а не только снять его с мели.

– Понятно, – одобрительно покачал головой Вадим Дмитриевич, – растешь, мальчик. Но все равно должен тебе повторить, что тот, кто счастливо избежал очевидной опасности, гораздо лучше того, кто ее героически преодолел. Ваша задача не совершать подвиги, а быстро и аккуратно пройти из точки А в точку Б.

– Ну все, – Вадим Дмитриевич поднялся на ноги и вновь посмотрел на великолепный, в полнеба, закат, – пора и честь знать. Зрелище действительно достойное богов, так что спасибо вам, что уважили старика. Зайчик ваш тоже был неплох, так что бывайте. Если что – обращайтесь в любой момент.

Сказав эти слова, он сел в свой УАЗ-«Патриот», и уехал из теплого весеннего вечера в ледяную зимнюю ночь XXI века, оставив на стоянке свой прицеп. Андрей Викторович вскочил, чтобы догнать старика и сказать ему о прицепе, но коллега удержал его:

– Т-с-с, дядя Вадим никогда ничего не забывает. Не настолько он стар, и не настолько пьян. Видно, он решил, что этот прицеп сейчас нам важнее, чем ему. Нам надо закупить и привезти сюда всякой всячины почти на десять тонн, и среди этих вещей наверняка будут и негабаритные. Так что пусть будет.

А сейчас давайте вернемся к нашим баранам. На данный момент мы

решили, что, кроме дома и мастерской, нам необходима теплица, электрогенераторы с водяным и газовым двигателями, и, соответственно, соединяющие все это хозяйство кабели.

Что еще мы должны взять с собой в каменный век, чтобы продержаться от впадения в дикость настолько долго, насколько это возможно, и при этом иметь возможность начать раскручивать спираль научно-технического прогресса? Нас здесь четверо, мы взрослые люди, и каждый из нас владеет множеством самых разных полезных навыков и знаний. Неужели мы не справимся? Деньги у нас есть, грузоподъемность корабля тоже немалая. Давайте как еще раз подумаем и решим, что нам необходимо позарез, а что не очень. Ну, друзья мои, начали!

* * *

12 декабря 2010 года. Воскресенье. Полдень. Санкт-Петербург.

Миновало суматошное время, полное суеты и лихорадочной подготовки. Каждый день после работы товарищи-педагоги мотались по магазинам и оптовым базам. Цифры на счету и стопки долларов в карманах таяли, а на берегу в далеком прошлом росла гора ящиков, коробок, рулонов, свертков, мешков и тюков. Там были стройматериалы для дома, оборудование и инструменты для мастерской, семена для поля и огорода, продовольствие из расчета на три месяца пути и еще много всего (для самых любопытных в конце части будет опубликован полный карго-лист).

Учитель труда приходил в ужас, когда представлял себе процесс погрузки всего этого добра и последующую балансировку корабля. Было бы скучно описывать, где, что и за сколько было приобретено.

К концу этого супершопинга от пяти миллионов рублей на карточке учителя осталось всего сто тридцать тысяч, которые было решено потратить на одежду и личное снаряжение будущих времяпроходцев. Требовалось закупить с запасом кучу всякой всячины, начиная от теплого нижнего белья и заканчивая теплыми камуфлированными охотничьими куртками и непромокаемыми штормовками.

Для того чтобы без повреждений волоком дотащить коч до дыры, а потом так же благополучно спустить его на воду, Петрович обул все три кия в эдакие лыжи из пятнадцатисантиметрового алюминиевого профиля, закрепив его саморезами. Получились своего рода санки, хорошо скользящие по снегу и льду. Дыра все это время исправно дрейфовала в сторону пыталовского карьера.

И вот, в глухую метельную полночь с субботы на воскресенье, отставной прапорщик, подцепив коч цепями за крючья, ввернутые в боковые части килей, вывел свое детище на буксире УАЗа из гаража в

первое, пока сухопутное плавание. Скрипел под полозьями снег, завывал ветер, беспробудно дрых в своей каморке поселковый сторож, хлебнувший из литровой бутылки разведенного спирта, поднесенной Петровичем в честь наступающего Дня Конституции.

Дотащили коч до дыры вполне благополучно, только на повороте к просеке его слегка занесло, но все, к счастью, обошлось. В дыру вошли с натугой, на первой передаче, с визгом и скрежетом. Межвременную мембрану впервые так насиловали, протаскивая через нее негабаритный груз. Однако все прошло успешно.

Двигаясь немного боком, корпус коча с чавканьем соскользнул на зеленеющую траву. Андрей Викторович переключился на первую пониженную, и в свете диодных фонарей, под «раз-два, взяли», окончательно пропихнули корпус корабля в далекое прошлое. С натугой протащив груз по скрипящей и брызжущей свежим соком весенней траве еще с полсотни метров, УАЗ встал колесами у самого уреза воды.

Выйдя из машины наружу, Петрович сначала тщательно осмотрел алюминиевую «обувь» килей, а затем и весь корпус. Вывод был однозначным – путешествие прошло благополучно, конструкция не пострадала. Нигде ничего не треснуло, законопаченные швы не разошлись, а алюминий на киях сыграл свою роль на пять с плюсом.

Закончив осмотр, учитель осмотрелся. На востоке уже поднималась серо-розовая пелена утренней зари. На далеком берегу начинался новый день. Серый свет раннего утра освещал лежащие на пригорке прикрытые пленкой и брезентом горы закупленного для похода имущества и оборудования. В два милитаризированных ноутбука IBM Lenovo ThinkPad W500, купленных специально для длительного хранения данных, уже закачана вся мыслимая и немыслимая информация, которая может понадобиться им в прошлом. Теперь осталось только собрать вместе всю команду и навсегда покинуть XXI век. Этот день станет решающим для них.

Для того, чтобы беспрепятственно забрать из интерната Сергея-младшего, Катю, Валеру, Лизу, малого Антона, Веронику и совсем юную Марину, пришлось купить им всем на воскресенье билеты в цирк. То есть, старших подростков он мог взять под свою ответственность, не вызывая никаких подозрений, но вот насчет малышей могли появиться вопросы.

Погода стояла мерзкая, продолжалась вчерашняя метель, а в УАЗ двое взрослых, четверо подростков и трое детей никак не помещались. И тогда учитель физкультуры взял на сутки в аренду грузопассажирский микроавтобус «Соболь-Комби», рассчитанный на одного водителя, семерых

пассажиров и триста килограмм груза. Все удовольствие – две тысячи рублей в сутки и восемь тысяч залога. Возникает вопрос: зачем столько груза? Дело в том, что команде будущих прогрессоров предстоял налет на одно знакомое Андрею Викторовичу ателье, где быстро, качественно и относительно недорого шили одежду и обувь для туризма, охоты и рыбалки. Бывших сироток требовалось полностью экипировать, что называется, «от и до», и на все случаи жизни на воде и на суше. В коробках на далеком берегу ждал своего часа еще один сюрприз, о котором взрослые пока предпочитали помалкивать.

Вот так, с комфортом, два учителя-авантюриста около десяти часов утра подкатили к интернату. Пока шел разговор с начальством, малым было приказано не мельтешить и не отсвечивать – когда будет надо, их позовут. Петрович знал, что если вся эта компания с просящим видом будет торчать в коридоре, то у директорши появится шанс продемонстрировать свою власть, повыдываться, и из-за ее поганого характера потерять уйму времени. А может случиться и так, что ради принципа Горилла упрется насмерть, и тогда придется звать коллегу с его «Сайгой». Последняя фраза, конечно, из области черного юмора, но, пожалуй, предпринять какие-то решительные меры все же пришлось бы, иначе вся затея могла полететь к чертям. Петрович не мог и представить, что он уйдет в прошлое без своих юных друзей.

Но все обошлось. Билеты в цирк, белый микроавтобус, а самое главное – десять тысяч рублей и литровая бутылка самого настоящего домашнего армянского коньяка – смягчили душу старой мизантропки. Самым главным тут был, конечно, коньяк. Только лизнув пробку, Галина Гавриловна поняла, что ей сделали по-настоящему царский подарок. Такой коньяк вообще не продают. Он только для внутреннего употребления, для семейных торжеств, свадеб и похорон.

Мысли, всплывшие в директорской голове, можно было прочесть без всяческого миелофона – исключительно по лицу: «Эти два ненормальных мужика возьмется с юными отбросами общества, будто это их собственные дети. А мне-то что от того, кроме мелких, но приятных дополнений к источникам дохода...»

Директорша взяла гелевую ручку и выписала два пропуска на семерых воспитанников, отпущенных в город до восемнадцати ноль-ноль. Один пропуск на четыре фамилии под ответственность педагога Грубина С. П., а другой – на три фамилии, под ответственность педагога Орлова А. В. Подпись. Печать. Документ готов. Пришлось все-таки позвать физрука, за ради подписи на бумажке, которая временно отпускала на свободу Валеру,

Лизу и младшую Марину. Товарищ старший прапорщик явился, нагоняя на директоршу оторопь своим усыпанным снегом камуфляжем. Ну что поделать, если мадам не переносит стиля «милитари», а он только его и носит. Чиркнув свою подпись под пропуском, бравый мужчина вместе с бумагами удалился обратно к машине, а Петрович пошел собирать свою команду.

Катя поймала его на втором этаже и мертвой хваткой вцепилась ему в руку. За ее спиной стояла высокая, худая, белобрысая до белизны девочка – Катина одноклассница. Учитель помнил, что ее зовут Лялей, и что в интернат она попала совсем недавно, и еще очень и очень из-за этого переживала.

– Сергей Петрович, – прошептала Катя ему в самое ухо, – возьмите, пожалуйста, с нами Лялю. Она добрая и шьет хорошо... Ну что вам стоит, возьмите, не пожалеете!

Тот вздохнул и аккуратно расцепил Катины пальцы на своей руке. Он не мог оставить на улице брошенного котенка, а тут не котенок, а целый человек смотрит на него синими молящими глазами.

– Т-с-с, Катерина Петровна, – сказал он, – не кричите так громко. Я бы ее взял, но у нас с Андреем Викторовичем поименные пропуска на семь человек, и Ляли в нем нет. Ей на вахте просто не отдадут пальто и не выпустят за ворота. Что будем делать?

– Я знаю, – жарко зашептала Катя, – позади территории, за футбольным полем и турниками, в заборе есть дырка. Через нее пацаны летом в лес лазают. Черный ход открыт, я проверяла, мусор из столовой еще не выносили. От дырки совсем близко до поворота дороги. Я дам ей свой свитер, а Лиза варежки. Ляля сильная, она дойдет.

– Хорошо, – сказал учитель, – под твою ответственность, Катерина Петровна, – затем он посмотрел сначала на часы, потом на Лялю, – через пятнадцать минут мы будем на повороте, ждем не более пяти минут. Если сможешь – значит, ты наш человек. Время пошло!

Прикрыв рот рукой, чтобы не закричать от радости, Ляля метнулась по коридору к дверям их с Катей спальни. Сама же Катя, сохраняя достоинство, пошла рядом с Сергеем Петровичем в другую сторону. А того обуревали смешанные чувства между приятным удовлетворением от сделанного доброго дела, и страхом от мысли: «Во что я ввязался!». Но некогда было предаваться рефлексиям, им с Катей еще нужно было собрать всех малых и спуститься с ними на вахту, где уже занял свою позицию отставной прапорщик.

Там, внизу, все прошло как по маслу. Вахтер глянул в подписанные

директором пропуска и разрешил воспитанникам забрать из гардероба свои пальто, шапки и шарфы. Мужчины расписались в журнале, после чего гуськом вывели детей на улицу. Еще раз показав пропуска сторожу, сидящему в будке у ворот, они все влезли наконец в теплое нутро микроавтобуса, уже урчащего мотором на холостом ходу. Физрук выжал сцепление и выехал на дорогу. За исключением неизбежных случайностей, операция «Эвакуация» в общем и целом шла по плану.

У поворота, на обочине, на самом ветру уже приплясывала, обхватив себя руками за плечи, тощая несуразная фигура. Андрей Викторович аккуратно притормозил и Петрович, сдвинув дверь в сторону, втянул стучащую зубами Лялю внутрь. Валера подал термос, и учитель труда щедро налил удачливой беглянке полную крышку горячего сладкого чая с парой чайных ложек коньяка для аромата. А потом отправил ее, размякшую и покрасневшую, в «цветник» – на заднее сиденье, где уже сбились в кучку Катя, Лиза, Вероника и Марина.

Как только все уселись и уплотнились, Петрович по-гагарински сказал: «Поехали!», его коллега нажал на газ, и прошлое скрылось за поворотом дороги.

В ателье с Лялей возникли проблемы. На всех остальных несовершеннолетних членов команды Сергей Петрович заранее дал размеры, одежда для них была уже сшита, и сейчас только предстояла примерка и окончательная подгонка. Причем все детско-юношеские вещи шились с большим запасом ткани на швах, чтобы потом можно было распороть их и заново сшить уже на больший размер. Для Ляли костюма не было, и ей пришлось подбирать из тех готовых изделий, что предназначались к продаже через магазины. Короче, своя «Малая Арнаутская улица» есть не только в Одессе, и не будет тайной, что еще с советских времен более половины импортных шмоток – совсем не импортные. Но это лишь полбеда – готовые изделия (правда, сшитые на мужчин) конечно, нашлись. Надо было только чуть больше повозиться с подгонкой. Главная же проблема заключалась в другом.

За экипировку для остальных членов команды бывший прапорщик уже дал аванс наличными из своих личных денег, и теперь Петрович с карточки должен был лишь произвести окончательный расчет. Пришлось сбрасывать карточку до нуля, собирать по карманам последнюю наличку и опять проставляться хозяйке ателье «самым настоящим армянским коньяком». И все равно не хватало около пяти тысяч.

Андрей Викторович даже положил в кучу свое золотое обручальное кольцо. Увидев такую картину, хозяйка заведения, очевидно, вспомнив, что

эти двое уже сделали ей оплаченный заказ на триста с лишним тысяч, махнула рукой. Может, в ней проснулась совесть, а может, и разыгралась жадность – не захотела расставаться с коньяком и теми деньгами, что эти двое смогли собрать. А может, дело было в том, что лет пятнадцать назад Андрей Викторович служил вместе с ее покойным мужем.

– Ладно, – махнула рукой Антонина Степановна, – берите. Отдадите, когда сможете...

И она не прогадала. Она поимела с них вполне приличную сумму. Полный комплект первопроходца состоял из двух пар летнего и двух пар теплого зимнего белья, двух пар свитеров и трико, двух теплых фланелевых рубашек, одной демисезонной непромокаемой куртки-ветровки с капюшоном, двух пар плотных брюк цвета хаки, рыбацкого непромокаемого костюма, черной вязаной шапки, летнего и зимнего охотничьих камуфлированных костюмов, камуфлированного жилета-разгрузки, белого маскировочного чехла на зимний костюм, непромокаемых перчаток и теплых зимних рукавиц. До кучи через ее связи были куплены высокие резиновые сапоги, легкие летние и теплые зимние охотничьи ботинки. И все это надо примерить и при необходимости подогнать.

После трех с половиной часов охов, ахов, восторженных писков и визгов, из ателье с большими хозяйственными сумками в руках вышла компания, совсем не похожая на прежнюю. Больше всего сейчас они смахивали на юношескую сборную по одному из зимних видов спорта. Казенные сиротские шмотки были сложены в большие пластиковые мешки и оставлены на даче Сергея Петровича. Когда их бросятся искать, то в первую очередь обязательно сунутся туда – и сразу наткнутся на казенное добро. Но что при этом подумают – уже никого не волновало.

Покидав сумки и мешки в багажное отделение «Соболя», компания одинаково одетых подростков чинно расселась по своим местам. Переполняющие их эмоции отражались на лицах. Андрей Викторович, вышедший из ателье заранее, чтобы прогреть двигатель, тронул машину с места и они покатали вперед, навстречу новой жизни.

Товарищ старший прапорщик вел машину предельно аккуратно, стараясь не привлекать внимания гаишников, и молился о том, чтобы им хватило бензина. На всю компанию у них при себе не оставалось и рубля. Но до заветной просеки доехали благополучно. По дороге все молча смотрели в окно, понимая, что если все пройдет как задумано, они никогда больше не увидят ни этого города, ни этих машин – ничего того, что есть в этом времени, кроме того, что они возьмут с собой в прошлое. Они

прощались со всем добрым и недобрым, что пришлось испытать им здесь в первой части своей жизни. Всего неделю назад четверо из них впервые ступили на землю юного, еще не знающего цивилизации мира. И вот теперь они уходят туда окончательно и бесповоротно. Но на их лицах не было слез. Теряли они в этом мире совсем немного, а вот приобрести должны были весь мир.

Машину остановили неподалеку от дыры. Мела пурга. Скоро наверняка разыграется самая настоящая метель, что очень хорошо, поскольку после нее не останется никаких следов. Въехать в прошлое на «Соболе» было уже невозможно, поскольку дыра уже почти наполовину сдвинулась на обочину. Дождавшись, пока разобравшие свои сумки дети во главе с трудовиком пешком направятся к проходу в прошлое, товарищ старший прапорщик развернул машину, и в обход, через трассу «Кола», погнал ее на дачу Грубина.

Там уже было пусто. В покинутом и нетопленном с утра доме гулял ветер. Заброшенность подчеркивало отсутствие четвероногих обитателей. Обе собаки, две кошки и кот, проживавшие у Сергея Петровича на правах равноправных квартирантов, уже переселились на далекий берег. Из гаража-мастерской были вывезены все инструменты, а с кухни вся посуда. И лишь брошенная из-за своей неподъемности библиотека напоминала о хозяине дачи, его отце и деде.

На последних каплях бензина загнав во двор «Соболь», Андрей Викторович пересел в свой УАЗ. Десять минут, пока прогревался мотор, он ходил по дому, прощаясь с местом, в котором прожил почти год. Но все когда-то кончается. Мужчина выехал со двора и, убедившись, что пучеглазый все еще в ауте, напрямую, не оглядываясь, погнал УАЗ к просеке.

В дыру пришлось продираться через растущий на обочине подлесок.

Но машина выдержала – и с хряском и скрежетом проломилась в прошлое. Если эту дыру не обнаружат до завтрашнего утра, то значит, ее уже не обнаружат никогда, и связь между прошлым и будущим снова прервется на неопределенное время.

Приложение к 1-й части «Карго-лист»

(читать только тем кто не верит в то, что описанные события реальны с технической или финансовой стороны, или тем, кто желает повторить подвиг)

Стройматериалы для дома

Железо кровельное с полимер. покрытием – 450м², 1.310,4 кг, 73.920 руб. (кровля дома)

Сетка сварная цинк. 2,5х50х50 в ПВХ – 80м², 123кг, 12.000 руб.
(фундамент-лента)

Цемент М600–550кг. 6.600 руб. (фундамент-лента)

Гвозди разные (200,150,100,40,20мм) – 500кг, 12.500руб. (сборка
деревянного каркаса)

Клей мездровый Экстра – 100кг, 16.000руб. (сборка каркаса и
внутренних элементов)

Стекло, покрытое бронепленкой 5 мм – 20м², 250кг, 17.600руб.
(остекление)

Пленка ПВХ трехслойная УФ защита армированная – 1000 м², 115,2
кг, 15.200 руб.

Оборудование и инструменты

Бетономешалка Protab ЕСМ 300 С-380–1шт, 160 кг, 33.840 руб.

Ленточнопильный горизонтальный станок Р-800–1шт, 1.050 кг, 225.800
руб.

СОЛОМОРЕЗКА КР-02 (4 кВт) – 1шт, 65 кг, 21.000 руб.

Станок токарный ЭНКОР Корвет-75 по дереву – 1шт, 80 кг, 30.200 руб.

Электропила цепная STIGA SEV 2416 Q – 3шт, 15,9 кг, 15.000 руб.
(Лесоповал)

Перфоратор МЕТАВО КНЕ 96–2шт, 24 кг, 89.660 руб. (Каменоломня)

Буровой станок 4,5 кВт. 45 пм скважина – 1шт, 250кг, 120.000 руб.
(Скважины для воды)

Штроборез ИНТЕРСКОЛ УОМ-230/2100 – 2шт, 16 кг, 9.498 руб.
(Борозды в камне)

Болгарка ИНТЕРСКОЛ УШМ-125/1100Э – 2шт, 5,62 кг, 4.284 руб.
(Каменоломня)

Электрорубанок ИНТЕРСКОЛ Р-110/1100М – 2шт, 9,5 кг, 6.500 руб.
(Для отделочных работ)

Электроножовка МАКИТА JR3070СТ – 2шт, 16,6кг, 24.760 руб. (Для
конструкционных работ)

Электроножовка SKIL 4900 АА – 2шт, 10кг, 7.760 руб. (Для
отделочных работ)

Электрофрезер DeWALT DW626–2шт, 22кг, 46.480 руб. (Для
конструкционных работ)

Электрофрезер ЭНКОР ФМЭ-1200/8Э – 2шт, 10кг, 5.240 руб. (Для
отделочных работ)

Дрель ударная ИНТЕРСКОЛ ДУ-13/820ЭР – 2шт, 6,8кг, 4.506 руб. (Для
конструкц. работ)

Дрель-шуруповерт ЭНКОР ДШЭ-2 ЭР/10–4шт, 6,4 кг, 5.600 руб. (Для

отделочных работ)

Электропрямка – 2шт, 11кг, 11.000 руб.

Машинка швейная ножная "Зингер" – 1шт, 55кг, (осталась от бабушки Сергея Петровича)

Машинка швейная электрическая – 1шт, 7кг, 10.899 руб.

Наковальня – 1шт, 45кг, (собственность Антона Игоревича)

Молот кузнечный и прочий инструментарий – 150кг (собственность Антона Игоревича)

Энергетика

ГЭС (30KВт)

Синхронный генератор ELEKON POWER ГС-30–400–30 кВт – 1шт, 210 кг, 48.000 руб.

Автомат ВА 57–35–340010 160А/3п/ 400В/40кА – 1шт, 1кг, 4.097 руб. (выходной автомат)

Электрогазогенератор (30KВт)

Газогенератор УГК-150 (автомобильный) – 1шт, 300 кг, 336.000 руб.

Двигатель 451МИ – 1шт, 500 кг, 21.000 руб.

Синхронный генератор ELEKON POWER ГС-30–400–30 кВт – 1шт, 210 кг, 48.000 руб.

Автомат ВА 57–35–340010 160А/3п/ 400В/40кА – 1шт, 1кг, 4.097 руб. (выходной автомат)

Электрические сети и электрооборудование

Кабель КГ 3х10,0+1х6,0 кв. мм – 500 пм, 400кг, 10.8070 руб. (линия от ГЭС к мастерской)

Рубильник реверсивный ОТ100F3С 3Р 100А – 1шт, 5кг, 122.487 руб. (коммутатор линий)

Кабель КГ 3х1,5+1х1,5 кв. мм – 500пм, 95кг, 21.130 руб. (линия от мастерской к дому)

Кабель КГ 2х0,75 кв. мм – 1000пм, 90кг, 16.910 руб.

(проводка в доме, от мастерской к бане, конюшне, насосам, етц.)

Щит ЩР1–3136–12–40УХЛ4 63А+12х16А осветительный навесной – 2шт, 2кг, 12.684,2 руб.

(расключение проводки в доме)

Выключатель Palmiye 1 кл. с подсветкой о/п IP54 серый – 200шт, 30кг, 29.964 руб.

(выключатели электрические для открытой проводки влагозащищенные)

Патрон Е27 ФнК-05 керамический настенный белый – 100шт, 10кг, 4.999 руб.

Лампа светодиод тёпло-белый свет 3Вт LED3-G45/830/E27–200шт, 20кг, 34.724 руб.

(эквивалент ЛОН-30, коридоры, туалеты, баня, etc.)

Лампа светодиод тёпло-белый свет 12Вт LED12. 5-A60/830/E27–200 шт, 20 кг, 79.628 руб.

(эквивалент ЛОН-95, спальни, кухни, классы, мастерские, etc.)

Светильник светодиод консоль LE-СКУ-22–160–0432–65Д 160Вт – 10шт, 50 кг, 149.150 руб.

(эквивалент ДРЛ-400, уличное освещение)

Розетка Palmiye со шторками с крышкой о/п IP54 серая – 50шт, 12,5кг, 6.166 руб.

(розетки электрические для открытой проводки влагозащищенные)

Рамка-1 LK60 864108 черная (Экопласт) – 200шт, 10 шт, 9.496 руб. (монтажные накладки)

Фурнитура (наконечники, крепеж, изолента, припой, канифоль, etc) – 50кг, 50.000 руб.

(монтажные приспособления и расходные материалы)

Щит ЩР0–3136–6–41УХЛЗ 40А+6х16А осветительный навесной – 1шт, 1кг, 3.322,5 руб

(расключение проводки на прочие объекты в мастерской)

Автомат ВА 57–35–340010 80А/3п/ 400В/25кА – 1шт, 0,5 кг, 3.759 руб.

(подключение оборудования мастерской)

Мобильная МиниГЭС. (7,5 кВт)

Синхронный генератор ELEKON POWER ГС-10–230 10,8 кВт – 1шт, 96кг, 26.500 руб.

Автомат ВА63 11207 С40А/1п/ 4,5 кА – 1шт, 0,5кг, 167,98 руб. (выходной автомат)

Кабель КГ 2х6,0 кв. мм – 500пм, 208кг, 38.100 руб. (удлинитель от миниГЭС к инструменту)

Транспорт

УАЗ 469, модернизированный в "Бигфутъ" – 1 шт, 1.195кг, 35.000 руб. (цена переделки)

Газогенератор УГК-150 (автомобильный) – 1шт, 300кг, 336.000 руб. (перевод УАЗ на дрова)

Водоснабжение, кухня и баня

Насосы и линии

погружной насос UNIPUMP ECO-5 (32мм, 220В, 2200Вт) – 2шт, 100 кг, 18.000 руб.

Обсадные трубы для скважин (с резьбой) d=125/110мм l= 3м – 4шт,

32,64 кг, 5.484 руб.

Скважинный фильтр с нержавеющей сеткой d=125/115мм l=2м – 2шт, 10 кг, 7.200 руб.

Полиэтиленовые трубы ПНД d=110/102–110мм, 147,4 кг, 16.549,5 руб. (обсадка скважин)

Полиэтиленовые трубы ПНД d=40/32–110мм, 47,74 кг, 5.057,8 руб. (магистральные линии)

Полиэтиленовые трубы ПНД d=32/25–110мм, 33,00 кг, 3.280,2 руб. (линии разводки)

Полиэтиленовые трубы ПНД d=25/20–110мм, 18,70 кг, 2.002 руб. (местная разводка сетей)

Полиэтиленовые трубы ПНД d=16/10–110мм, 12,87 кг, 1.045 руб. (разводка по кранам)

Фурнитура (переходники, краны, муфты, уголки, поворотники етс.) – 20кг, 50.000 руб.

Кухня и баня

Мойка кухонная Rodi Pio Bar 3,5 (38x13,5x38 см) нержавеющей – 4шт, 60кг, 16.000 руб.

Смеситель Elghansa Nordik 5600242 для кухни (хром) – 4шт, 2кг, 5.320 руб.

Слив для мойки с крышкой и переливом – 4шт, 6кг, 15.040 руб.

Канализация

Отвод 50*45–4шт, 1кг, 99,2 руб.

Канализационные трубы ПВХ d=50мм l=0,56м – 4шт, 0,52кг, 99,2руб.

Крестовина одноплоскостная ПП 110*50*50*45 +Заглушка на 110 – 2шт, 1кг, 288,82 руб.

Отвод 110*87–6шт, 3кг, 396 руб.

Отвод 110*45–2шт, 1кг, 109 руб.

Канализационные трубы ПВХ d=110мм l=0,5м – 2шт, 0,70кг, 113 руб.

Канализационные трубы ПВХ d=110мм l=3м – 16шт, 34,32кг, 4.794 руб.

Сливной трап AlcaPlast APV12 150 x150/110–2шт, 2кг, 1786 руб.

Посуда

Котел (казан) для горячей воды в баню 200л – 1шт, 66кг, 37.050 руб.

Плита чугун для очагов 1200x800x5–4шт, 149,76 кг, 40.000 руб.

Котел (казан) для приготовления пищи в очаге 25л – 4шт, 61,88 кг, 20.280 руб

Посуда кухонная металлическая эмалированная – 50 кг, 20.000 руб. (чайники, миски, кружки, ложки етс.)

Прочее, культура, литература, технологии

Ноутбук IBM Lenovo ThinkPad W500–2шт, 5кг, 120.000 руб.

Ноутбук HP – 8шт, 20кг, 120.000

Панель солнечная Сони 300вт (2000*1000*40) – 1шт, 23 кг, 13.500 руб.

Принтер лазерный 300 DPI – 1шт, 5кг, 9.000 руб.

Бумага белая – 20 пачек, 50 кг, 6.900 руб.

Охота

(огнестрельное оружие)

Винтовка Мосина с оптическим прицелом – 1шт, 4,5кг, (собственность Сергея Петровича)

Патроны 7,62x54R – 2.000шт, 57,6 кг, 50.000 руб.

СКС – 1шт, 3,9кг, (собственность Антона Игоревича)

Патроны 7,62x39–3000шт, 65 кг, 36.000 руб.

Сайга 12–2шт, 9кг, 27.000 (одну купили, одна собственность Андрея Викторовича)

Патроны 12 калибра (дробь) – 250шт, 11,25кг, 4.500 руб.

Патроны 12 калибра (Картечь) – 250шт, 11,25кг, 6.000 руб.

Патроны 12 калибра (Пуля) – 250шт, 11,25 кг, 13.500 руб.

Гильза латунная 12-го калибра – 500шт, 10,7кг, 30.000 руб.

Капсюля KB-209–12.000шт, 12кг, 22.800 руб.

Порох Ирбис-охота – 96уп, 24кг, 30.240 руб.

Дробь №5–50кг 7.250 руб.

Картечь – 50кг, 7.475 руб.

Свинец весовой в чушках – 50кг, 4.000 руб.

Пресс для набивки патронов 12 калибра 1шт, 1,45 кг, 5.000 руб.

Пулелейка 12-го калибра – 1шт, 0,41кг, 4.450 руб.

Высечка для вырубki пыжей 12-го калибра – 1шт, 0,1кг, 335 руб.

Прибор для запрессовки-выпрессовки капсюлей 12 калибра – 1шт, 0,15кг, 345 руб.

Дозатор пороха для снаряжения патронов – 1шт, 790 руб.

Весы электронные для пороха и дроби. – 1шт, 0,315кг, 2.630 руб.

Холодное оружие

Блочный Арбалет Архонт +экипировка+4 стрелы – 8шт, 35,2 кг, 216.000 руб.

Стрела арбалетная Carbon_Express 22" со сменным наконечником – 96шт, 38.400 руб.

Наконечники для стрел G5 "S. G. H. шокеры на мелкую дичь и птицу – 24шт, 12.800 руб.

Наконечники для стрел G5 "Montec" на крупную и среднюю дичь –

75шт, 55.000 руб.

Наконечник для охоты на рыбу фирмы "Muzzy" X – 21шт, 14.700 руб.

Спортивные (учебные) наконечники – 75шт, 3750 руб.

Кейс для наконечников – 8шт, 20кг, 9.600 руб.

Нож Казак-1 (Кожа/Дамаск) – 12шт, 2,34 кг, 72.480 руб. (только членам клана)

Мачете Кукри 15" Chainpue – 12шт, 8,4 кг, 75.360 руб. (только членам клана)

Нож Казак-1(Кожа/165) – 24шт, 4,68 кг, 48.960 руб. (подарки местным вождям и неофитам)

Снаряжение

Лыжи охотничьи – 12пар, 60 кг, 45.000 руб.

Рыбалка

Полотно сети "187текс*4(усл. диаметр 1,40мм); 50 мм, h=13,5 м, длина 44 м, дель узл. капрон. зел. (13 кг)" – 4шт, 52кг, 24.000 руб.

Удилище карповое "Surf Master" BIG GAME 4,5м – 12шт, 6кг, 30.288 руб.

Удилище спиннинговое Daiwa "Neoversal 602 LFS" – 12шт, 8,4кг, 49.056 руб.

Аксессуары для рыбалки (лески, шнуры, крючки, поплавки, сачки етс.) – 20кг, 50.000 руб.

Земледелие

Плуг двухлемешной под УАЗ (самопал) – 1шт, 250кг, 45.500 руб. (1 лемех съемный)

Борона (самопал) – 1шт, 15кг, 11.500 руб.

Мотокультиватор электрический Wolf-Garten C 30 E – 3шт, 39кг, 32.700 руб.

Ручной садовый инструмент (без рукоятей) – 25кг, 5.000 руб.

Картофель семенной – 300кг, 15.000 руб.

Семена зерновых и масличных и технических культур – 100кг, 2.452 руб.

Семена овощей и экзотиков (чай, кофе, черный перец) – 3,575кг, 16.498 руб.

Прочие припасы

Соль – 100 кг, 180 руб.

Продовольствие на 3 месяца на 12 человек и двойной резерв – 2105кг, 63.622руб.

ИТОГО: вес груза: 13.273 кг, перегруз: 2.045 кг, рост осадки из-за перегруза: 8–10 см.

ЗАТРАЧЕНО: на груз: 4.104.853 руб., на оснастку: 730.840 руб., остаток: 164.307 руб.

Часть 2. Наш новый мир* * *

Весна 36.765 года до Н. Э. незадолго до полудня. Берег Балтийского озера.

Когда УАЗ отставного прапорщика наконец вырвался из XXI века на Далекий Берег, то всем стало ясно, что с прошлым покончено – окончательно и бесповоротно. Подрулив к горе сложенных на пригорке вещей, Андрей Викторович заглушил двигатель и вышел из машины; и тут же стало пронзительно тихо, лишь где-то высоко в небе кричали чайки. К нему подошли Петрович с геологом, на ходу вытирающие руки ветошью. Значимость момента была прочувствована всеми; даже малыши притихли и лишь с любопытством осматривались по сторонам.

«Москвич» Антона Игоревича с приподнятым на козлах задним мостом стоял неподалеку от стапеля, и теперь двое быстро спевшихся между собой трудяг сооружали для него «беговую дорожку» с приводом на синхронный однофазный генератор ELEKON POWER ГС-10–230 (на 10,8 кВт), который планировалось использовать в качестве небольшого мобильного источника переменного тока. Конструкция сего агрегата была проста до невозможности. От деревянного столба диаметром 15 см (первоначально грот-мачта) было отрезано два цилиндра по полтора метра длиной, на торцах которых были закреплены фланцы с осями, закрепленными на подшипниковых соединениях. На одной из осей, кроме того, имелся еще и шкив малого диаметра для ременной передачи. Из остатков пошедшего на коч пиломатериала была собрана массивная деревянная коробка, на одном конце которой, приподнятые над землей сантиметром на десять, и на расстоянии пятнадцати сантиметров друг от друга были закреплены упомянутые цилиндры, а на другом установлен генератор. Передний из цилиндров вращался свободно и служил для того, чтобы машина никуда не уехала, а вот задний уже был связан двумя приводными ремнями с закрепленным на оси генератора шкивом большого диаметра. Большая часть работ по этой конструкции проведена еще в гараже Петровича, и сейчас лишь шла ее окончательная сборка.

Тут же поблизости шлелись Валера и Антон-малой. Чуть поодаль Сергей-младший и Катя, взявшись за руки, ворковали как два голубка, не забывая при этом поглядывать за окрестностями. Остальной девичий молодежь вместе с Мариной Витальевной собрался вокруг булькающего на огне котла. Там же околачивалась и вся кошачье-собачья гоп-компания. Они

ведь тоже любители вкусенького, а их нос не обманешь. С одной стороны, вроде бы что что-то делается, а с другой – сплошной разброд и шатания.

– Ну, что, командир, – геолог сунул ветошь в карман комбинезона и пожал руку учителю физкультуры, – поздравляю! Мы вот тут уже начали. Часа через два запустим генератор.

– Очень хорошо, – тот посмотрел на своего друга, – а ты что скажешь, Петрович?

– Чем быстрее мы отсюда уйдем, тем лучше, – сказал организатор всей этой авантюры. – Но в первую очередь нам необходимо знать, сколько у нас еще есть времени. ПАР у тебя с собой?

– Да, – мужчина кивнул в сторону своей машины, – а что ты хочешь делать?

– М-м-м, – задумался тот, – светофильтры в комплекте к ПАРу есть, или надо коптить стекло?

– Вроде есть, – пожал плечами старший прапорщик и спросил, – Петрович, будь добр, объясни как для тупого, а то я ни хрена не понимаю – чего ты хочешь?

– Хорошо, – последовал ответ, – если не понял, так слушай. Сейчас мы быстро возьмем твой аппарат, отойдем чуть подальше от этого бедлама, установим его и приведем к направлению строго на Ост. Нам нужно поймать прохождение солнца через местный меридиан, понимаешь? Сам момент прохождения даст нам время истинного полдня, которое мы выставим на всех наших часах. Замерив высоту солнца над истинным горизонтом, мы сможем вычислить текущую дату в пределах года с точностью до дня. Такие таблицы из интернета на свой ноутбук я скачал. А вот от этой даты мы уже и будем плясать. Очень не хочется, чтобы нас, как некоторых губернаторов, зима застала неожиданно. Поэтому сделать это надо до того, как мы начнем составлять дальнейшие планы.

– Понял тебя, – Андрей Викторович прищурился, осматривая окрестности, потом махнул рукой в южном направлении, – я тут немного наведу порядок, а ты пока возьми в машине прибор и иди вон к тому холмику. И будь добр, Петрович, пока я занят, установи штатив на ноль. Я быстро.

Тот кивнул, и старший прапорщик повернулся к геологу.

– Значит так, Антон. Раз уж я Командир, тогда Петрович у меня Начальник Штаба и Замполит, ты – Зампотех и Зампотыл, Марина – Начмед и Начпрод, а молодые – личный состав. Дело такое, что нельзя допустить никакой демократии. Если мы не будем вести себя как боевое соединение в автономном рейде, то сгинем все.

– Все нормально, командир, – кивнул бородач, – в геологических партиях такие же порядки. Есть начальник партии, а дальше каждый должен делать свое дело.

– Хорошо. Тогда будем считать, что эта тема закончена. С личным составом об этом побеседуем перед обедом. Теперь давай конкретно по делу. С генератором ты решил совершенно верно, одобряю. Только вот почему у тебя Серега-младший без дела болтается? Женский пол кухарит, Катерина местность караулит, Валерка с тобой вкалывает, Антон-малой и тот тебе ключи подает, а в это время такой конь со своей кисой лясы точит.

Командир повернул голову и чуть повысил голос:

– Серый, а ну иди сюда!

Что-что, а принцип беспрекословного подчинения приказам бывший прапорщик молодым сумел привить идеально. Так что, бросив свою ненаглядную, Сергей-младший кубарем скатился с пригорка.

– Да, Андрей Викторович?

– Значит так, Серега, – старший прапорщик внимательно, с головы до ног, осмотрел пацана, – поступаешь в распоряжение Антона Игоревича. Задача – как можно скорее запустить генератор. Катерина твоя мамонтов и без тебя спокойно покараулит. И не надо говорить «э-э-э-», тут у нас не тюрьма, но и не пионерлагерь, так что все личные дела после ужина или после отбоя. Как будто я не знаю, как вы в интернате по углам обжимались. Все, товарищ боец, кругом, с Антоном Игоревичем шагом марш!

И пошел Серега вместе с геологом работать в поте лица. Потому что был уже приучен к дисциплине и авторитету командования. Вот так-то. А командир направился на соседний пригорок, где его коллега уже установил треногу-штатив, и теперь, ориентируясь на показания двух пузырьковых уровней, осторожно крутил микрометрические винты, стараясь сделать рабочую площадку строго перпендикулярной направлению силы тяжести. Футляр с ПАРом висел у него на плече, а рядом, поверх расстеленной на траве куртки, уже наготове лежал раскрытый и включенный ноутбук.

Убедившись, что установка штатива выполнена правильно, Андрей Викторович взял из рук коллеги уже извлеченный из футляра ПАР и установил его на штатив. Включить гирокомпас, и сориентироваться по направлению север-юг заняло всего пару минут. Надев на объектив самый плотный из имеющихся светофильтров, он начал крутить микрометрический винт, поднимая ось зрения прибора над линией горизонта. Они успели. Когда в поле зрения прибора появился солнечный диск, он еще даже не коснулся линии пересечения меридиана. Дальше движения винтом вертикальной наводки были самыми

микроскопическими. Вообще-то солнце проходит по небу свой собственный видимый диаметр примерно за восемь минут. Никто не засекал времени, но пять-шесть минут стояла гробовая тишина; мужчина медленно-медленно крутил винт, стараясь добиться того, чтобы ровно в полдень солнце оказалось точно в перекрестье, а его друг, опустившись на колени перед ноутбуком, ждал команды, чтобы выставить на нем время полдня.

Наконец темно-красный диск на черном фоне разделен ровно на четыре части, и Андрей Викторович, отступив в сторону от прибора, командует: «Полдень!»

По этой команде Сергей Петрович сначала устанавливает местное время: 12:00:00, а потом, захрустев суставами, поднимается с колен, подходит к ПАРу и смотрит высоту солнца над истинным горизонтом. Абзац, товарищи – тушите свет и бейте в барабаны!

– Пятьдесят градусов, плюс-минус тысячные, – наконец объявил Петрович и снова нагнулся над своим ноутбуком. Еще одна минута томительной тишины – и вот готов конечный результат.

– Для нас здесь и сейчас четвертое мая первого года, полдень и две минуты, – провозглашает он наконец, поднимаясь на ноги, – поздравляю, товарищ старший прапорщик, я думал, что будет хуже. Давай думать, что нам делать дальше...

– А что тут думать, – пожал тот плечами, – надо как можно скорее собираться и уходить отсюда к чертовой матери. Чем раньше мы это сделаем, тем быстрее доберемся до места, и тем больше времени у нас останется на подготовку к зиме.

– Логика железная, – кивнул товарищ, – тогда давай сделаем так. Я возьму Валерку, Катю и Лизу, и начну отделку кают-компаний. Младшие обязательно должны ночевать в тепле и под крышей. Ты с большим Антоном и младшим Серегой начнешь разбирать УАЗ. Его рама должна уйти у нас вниз еще до установки бизани. Эту новенькую, Лялю, малую Марину и Веронику приставим к большой Марине – пусть кухарят. Малой Антон получит в руки удочку и проверит, как тут в озере насчет рыбки. Охотиться для пропитания будем ты, я, и Антон – по скользящему графику. Если будет лишнее мясо, то его сначала чуть подсолим, а потом засушим. Нам мясо, собакам кости и потроха, а кошкам – обрезки и то несъедобное, что натакает из озера малой Антон. У меня пока все.

Немного подумав, Андрей Викторович кивнул:

– Возражений не имею! Но сначала, как договаривались – общее построение, материализация духов и раздача слонов. Потом обед и рабочий

день до упора, – старший прапорщик задумался, – его продолжительность на период аврала – десять часов: два интервала по пять часов, и двухчасовой перерыв между ними. До работы один час на умывание и завтрак, и после работы – три часа на ужин, личные дела, молодым на шуры-муры и амуры. Ну а нам с тобой с удочкой посидеть или какого зверька подстрелить...

– Десять часов рабочего дня – не слишком ли много? – усомнился его коллега. – Мы-то с тобой выдержим, а молодые?

– Нормально, за два часа перерыва силы полностью восстановятся. Самое главное, чтобы после обеда на травке никто не спал, а то проблемы с почками гарантированы. Сколько у меня солдатиков вот так в санбат попало, просто ужас. Стоит только чуть недоглядеть и пожалста – готово.

– А надувные матрасы и спальные мешки мы зачем брали? – удивился Петрович, – вот пусть на них и спят, и днем и ночью. Но хватит болтать... Собираем прибор и пошли, Маринка вон твоя уже мисками гремит – обед готов. Как бы она сдуру народ за стол раньше времени не посадила.

– Погоди, – сказал Андрей Викторович, убирая ПАР в футляр, – сейчас, когда мы еще только все начинаем, давай приведем НАИШ календарь в соответствие с местной природой. Чтоб новый год начинался в зимнее солнцестояние, праздник весны был первого апреля, праздник урожая – первого октября, а праздник середины лета – первого июля. Чем больше в нашей системе будет логики, тем легче ее будет объяснить местным. Они, как я понимаю, ребята сугубо практические.

– Андрианский календарь, – усмехнулся учитель труда, вскидывая на плечо штатив. – Что ж, я в принципе не против. Значит, по этой системе у нас сегодня тринадцатое мая – День Начала.

– Угу, – кивнул бывший военный, – Можно сказать, что тоже Праздник. Пока все идет неплохо. Посмотрим, что с нами будет дальше.

* * *

13 мая 1-го года Миссии. День Первый. 12:45. Стоянка на берегу Балтийского озера.

– Равняйся! Смирно! – отрывисто рявкнул Андрей Викторович, – равнение на середину!

Построенные в один ряд подростки в летних камуфляжах и черных вязаных шапочках привычно, как они делали это много раз на уроках физкультуры, вытянулись в нитку. Напротив них, так же смирно, блюдя торжественность момента, стояли четверо взрослых. Прямо перед командиром стояли две большие коробки из гофр-картона с электрооборудованием, а на них лежало нечто, накрытое сверху большим

красным платком.

– Дорогие товарищи, – продолжал старший прапорщик, – позвольте официально поздравить вас с началом нашего похода. Четверых из вас, уже приложивших свои усилия к тому, чтобы этот день состоялся, я торжественно посвящаю в действительные члены нашего Клана Прогрессоров. Сергей, Катерина, Валерий и Елизавета, теперь вы не зависимые от чужого произвола сиротки, а свободные люди, обладающие всей полнотой прав и обязанностей, а также связанной с ними ответственности. В знак вашего совершеннолетия и полной дееспособности позвольте торжественно вручить вам ваше первое личное оружие...

Он снял платок с коробок и передал его коллеге. Под платком лежали четыре мощных охотничьих блочных арбалета «Архонт» с колчанами и кейсами для сменных наконечников, четыре самых настоящих непальских мачете-кукри с поясом и ножнами, и на тех же поясах – четыре казачьих ножа из булатной стали. Еще три таких же ножа с простыми кожаными ремнями лежали чуть в стороне.

Первым к командиру подошел Сергей-младший. Взяв из рук старшего прапорщика кукри, он наполовину обнажил лезвие и так же, как много раз видел в исторических фильмах, прикоснулся губами к холодному металлу. Потом он вложил клинок обратно в ножны и застегнул пояс на бедрах так, что кукри повис вдоль левого бедра, а нож вдоль правого. Дальше была очередь арбалета. Андрей Викторович, когда его вручал, успел шепнуть, что с соответствующим наконечником из этой штуки за сто метров можно свалить кабана. Так что сие оружие вполне серьезное и шутить с ним не надо. Особенно не рекомендуется совать пальцы в разные неположенные места и направлять арбалет на своих товарищей, даже если он заряжен всего лишь учебной стрелой. Ибо она тоже способна нанести серьезные травмы.

Заглянув в кейс, Сергей-младший увидел наконечники, выложенные рядами в специальных углублениях. Особенно впечатляли острые как бритва четырехлепестковые острия на крупную дичь. Хотя специально завершенный наконечник-гарпун для охоты на рыбу тоже оставлял весьма сильное впечатление. Такой, если что, из тела уже не вытащишь. Его можно только вырезать.

Вслед за Сергеем-младшим, чуть колыхая высокой грудью, к командиру подошла Катя. С ней, Валерой и Лизой все пошло по уже накатанному ритуалу. Становящиеся взрослыми подростки целовали клинок, опоясывались, получали напутствие и, закинув арбалет за плечо,

возвращались в строй.

Но вот на столе осталось только три ножа с ремнями. Андрей Викторович сказал:

– Еще четверых из вас я объявляю кандидатами в действительные члены. Ты, Ляля, с нами недавно, мы тебя еще совсем не знаем. За тебя поручились Катя и Лиза, они говорят, что ты добрая, честная и храбрая девочка, – Андрей Викторович подал Ляле пояс с ножом, – Походи пока в кандидатах. В действительные члены мы примем тебя сразу, как только увидим, что ты к этому готова.

– Я постараюсь, – со слезами на глазах сказала Ляля, застегивая ремень, – Андрей Викторович, я действительно постараюсь. Разрешите идти?

– Иди, – сказал старший прапорщик и посмотрел в сторону левого фланга, где стояли самые маленькие члены их команды, – Антон и Марина, вы уже достаточно большие, чтобы вам можно было поручать какие-то отдельные дела, но еще недостаточно взрослые, чтобы нести полные обязанности действительных членов Клана Прогрессоров. Нарекаю вас кандидатами в члены Клана, вплоть до наступления вашего истинного совершеннолетия. Я специально не говорю вам, в каком возрасте все это случится, потому что сам этого не знаю. Просто растите, учитесь и старайтесь быть похожими на ваших наставников и старших товарищей. И когда в один прекрасный момент мы поймем, что вы стали взрослыми, то мы проведем для вас такой же ритуал. Подойдите и возьмите эти два ножа, и пусть они будут всегда с вами. Не балуйтесь с ними – это настоящее оружие. Но вполне возможно, что оно выручит вас в какой-нибудь неприятной ситуации.

Он подождал, пока одиннадцатилетний Антон и десятилетняя Марина заберут свои ножи и вернуться в строй. И лишь после этого посмотрел на самую маленькую, восьмилетнюю участницу их предприятия.

– Вероника, ты у нас пока совсем ребенок, поэтому для всех взрослых ты будешь как дочь, а для всех остальных мальчиков и девочек как младшая сестра. Расти, учись и набирайся сил, а мы все будем в этом тебе помогать. Надеюсь, что со временем ты станешь сначала кандидатом, а потом и действительным членом нашей команды, – Андрей Викторович перевел дух, – теперь, напоследок, объявляю распорядок дня, который будет действовать в нашей команде, пока мы не покинем этот берег. Значит, так: подъем в шесть, потом умывание, оправление и быстрый завтрак. С семи до двенадцати – работа по подготовке к морскому походу, с двенадцати до двух обед и послеобеденный сон. Особо отмечаю – сон не только не

запрещается, но даже приветствуется – силы надо восстанавливать. С двух до семи еще одна рабочая смена, потом полчаса ужин и полтора часа личного времени. С девяти до десяти вечера действительные члены и кандидаты тренируются с личным оружием. Потом умывание и отбой.

Состав рабочих бригад у нас будет следующим: Валерий, Катерина и Лизавета вместе с Сергеем Петровичем работают на коче – он объяснит, что надо делать. Сергей-младший и Антон-младший, вместе с Антоном Игоревичем и мной, сначала разбирают по винтикам мой УАЗ, потом приходят на помощь команде Сергея Петровича. Ляля вместе с младшей Мариной идут на кухню в помощь Марине Витальевне. Там же постоянно находится Вероника. Если кто в процессе работы порежет палец или ушибется, то вам тоже туда.

Старайтесь обходиться без серьезных травм – нам дорог каждый из вас. Да, сегодня у нас основных работ не будет, займемся нулевым циклом. Моя команда запустит наконец электрогенератор, а Сергей Петрович подготовит к употреблению полевой умывальник, отхожие места «эм» и «жо», место для приема пищи, а также для послеобеденного и ночного отдыха под открытым небом. Если моя бригада управится раньше, то мы им поможем. Витальевна и ее команда продолжают кромсать оленя, которого Антон Игоревич подстрелил сегодня утром. Мясо напластать на ленты, подсолить и развесить сушиться, пока не протухло. На этом пока все. Теперь, пусть и немного запоздалый, но обед.

На обед был быстрый суп из оленя, соленых и маринованных овощей, лука, картошки и некоторого количества горохового концентрата и приправ. Суп был настолько густой, что в нем стояла ложка, и на свежем воздухе он показался всем невыносимо вкусным.

Был у этого обеда лишь один недостаток – временный стол из остатков пиломатериала, пошедшего на коч, еще не был готов, и потому глубокие эмалированные миски, полные горячего варева, расставили на куске брезента, расстеленном прямо поверх травы. Так сказать, издержки походно-полевого образа жизни. Кто хоть раз ел вот так вот у костра горячее и ароматное варево, держа в руках раскаленную жестяную миску – тот поймет. Недаром наши предки злату-серебру в походе предпочитали деревянную посуду.

Но ничего – справились и с обедом, и с черным сладким чаем, после чего строго по распорядку дня надули матрасы и прилегли на солнечной стороне пригорка подремать.

Ровно в два по местному времени отставной прапорщик поднял свою разнежившуюся команду на работу. Бригада Сергея Петровича взяла

лопаты и пошла копать ямы под столбы умывальника, а также временных сооружений «М» и «Ж».

А Андрей Викторович со своими подчиненными обратился к полевому электрогенератору. Этот самый генератор был остро необходим для питания электроинструмента, который, в свою очередь, был нужен при окончательной стапельной сборке коча. Мужчины понимали, что с ручными пилами, коловоротами и отвертками работа, мягко говоря, продлится значительно дольше всех разумных сроков. Кроме того, у всего выброшенного поблизости на берег сушняка мелкие ветви были почти все уже обрублены, а крупные стволы туристским топорикам не поддавались. Эта работа тоже была как раз для имеющих в их распоряжении мощных электропил. А электропилам, опять-таки, требовалось электричество. Да и сухих дров понадобится много.

Петрович уже заметил, что тут дуют противные их генеральному курсу северо-западные и северо-северо-западные ветра. Вот и сейчас довольно ощутимо задувает примерно с Норд-Норд-Веста. Если это не погодная аномалия, а, как подозревал учитель, климатическая постоянная, и попутных восточных ветров ждать бесполезно, то значительное время пути по Балтийскому озеру им придется пройти с убранными парусами и на запущенном двигателе. Включенная же машина означает дрова, которыми надо кормить газогенератор.

А на это (если идти напрямую, без парусов, а значит, и без лавировки) потребуется около шести кубов дров – то есть еще две тонны дополнительного веса.

Для экономии топлива можно будет попробовать под мотором подойти как можно ближе к краю ледника. Там встать в правый галфинд под стекающий с него поток холодного воздуха. Расход дров при этом уменьшится примерно вдвое – теперь основное их количество будет тратиться на отопление обитаемого помещения небольшой жестяной печью. Вряд ли температура у подножия ледника будет сильно отличаться от нуля градусов. Устанавливать же газогенератор как источник тепла прямо в кают-компанию просто страшно. Малейшая утечка угарного газа, и все кто есть на борту – гарантированные покойники.

Так что, когда, натянув ремни между шкивами генератора и приводного цилиндра «беговой дорожки», Антон Игоревич переключил коробку на первую скорость и завел двигатель «Москвича», все затаили дыхание. Немного повозившись, геолог выставил обороты на средний уровень и, пробормотав краткую молитву, выжал сцепление. «Беговая дорожка» закутилась, зашелестели подшипники, натянувшиеся ремни

передали обороты на генератор, над которым зажглась подключенная в режиме временной нагрузки лампочка. Убедившись, что дуроскоп в принципе работает, геолог придавил педаль сцепления булыжником и с мультиметром пошел к генератору. Частота 65 герц на выходе генератора его не устроила. Еще минут пятнадцать было потрачено на регулировку оборотов ручного газа. После этого сцепление было отпущено, двигатель заглушен, а Андрею Викторовичу заявлено, что теперь требуется собрать щит с имеющимся в комплекте автоматом и начать разводить сеть, стараясь при этом особо не кромсать провода.

К ужину все уже было готово. Получив в свое распоряжение электроинструмент, Петрович собрал из остатков пиломатериала стол, две скамьи, реечный каркас для отхожего места, обшитый гофр-картоном и пленкой, и стойки для умывальников. Можно сказать, что жизнь на далеком берегу входила в налаженную колею. Процесс шел без особых приключений. Но работы еще предстоял непочатый край...

* * *

14 мая 1-го года Миссии. День второй. Утро. Стоянка на берегу Балтийского озера.

Первая ночь, проведенная на новом месте, была относительно спокойной и очень короткой. Было немного прохладно, температура упала до нуля, но врямяпроходцев уберегли от холода теплые спальные мешки. Что необычно – рассвет тут наступил задолго до восхода солнца. Явственно приближалось лето и Сергей Петрович подумал, что из-за высокого содержания пыли в верхних слоях атмосферы эффект белых ночей будет выражен здесь значительно сильнее. С одной стороны, это хорошо – в светлое время суток можно будет непрерывно двигаться вперед, лишь сменяя вахты. А с другой стороны, это не очень хорошо, поскольку у людей может наступить дезориентация по времени. Но, как известно, реальность, данную нам в ощущениях, надо воспринимать спокойно, использовать ее плюсы и пытаться нейтрализовать минусы, а не возмущаться по этому поводу.

Дежурные по лагерю, которыми сегодня были Валера и Лиза, встали на полчаса раньше остальных и уже успели натаскать пластиковыми ведрами в умывальники из озера ледяной воды. Сейчас Валера колот топором напиленные с вечера чурки, а Лиза раздувала огонь под котлом с оставшейся с ужина мясной кашей. Проснувшуюся команду скоро надо будет кормить завтраком.

У умывальника учитель лицом к лицу столкнулся с Лялей, только что закончившей чистить зубы и умываться. Точнее, это столкновение можно

было бы назвать «грудь в грудь». Как бы не заметив его приближения, девушка невзначай развернулась и уперлась в мужчину теплыми мягкими холмиками, прикрытыми лишь тоненькой маечкой. Все случилось так неожиданно, что Петрович на мгновение оторопел. Ляля же, чуть покраснев, тихонько извинилась и, бочком обойдя его, с полотенцем на шее, направилась к своему спальному мешку, на ходу чуть покачивая бедрами. Ранее за ней совсем не наблюдалось такой, гм, нарочитой женственности. Любому стороннему наблюдателю становилось понятно, что данное происшествие должно иметь продолжение. Но учитель труда не был сам себе сторонним наблюдателем, и поэтому, лишь пожав плечами, быстро почистил зубы и умылся. Вопрос с бритьем требовал горячей воды и его следовало решать отдельно.

Но если сам Петрович ничего не понял, это еще не значит, что никто другой не срисовал картинку во всем ее многообразии. Некоторым, правда, в связи с малолетством не удалось оценить всех тонкостей, но вот Катерина все разглядела и все поняла.

– Ты что это делаешь, подруга? – жестко прихватила она Лялю за локоток сразу после утренней зарядки, и прошипела прямо ей в ухо: – На Петровича нацелилась? Смотри у меня...

– Ну, нацелилась, и что? – таким же шипящим шепотом ответила девушка, освобождая локоть, – он что, твой, что ли?

– Не мой, но и не твой, – по-прежнему тихо ответила подруга, – Сергей Петрович нам всем столько хорошего сделал, а ты к нему так...

– Как так?

– Как последняя шлюха! Не должна ты перед ним своим задом вертеть.

– Ну и дура ты, Катька! – ответила Ляля и покраснела. – А если я его люблю?

– Ты его... – не поверила Екатерина, глаза которой стали круглыми от такого заявления. Затем она часто замотала головой и сказала со смешком: – Ври больше! Скажи, просто поиграть захотелось.

– А почему нет? – спросила Ляля, в смущении то опуская глаза, то на мгновение поднимая их на подругу и вновь отводя. – Тебе хорошо, у тебя Сергей есть. Думаешь, я не знаю, куда вы вдвоем ночью ходили?

На этот раз пришлось краснеть Кате. Она растерялась лишь на мгновение, затем, положив руку подруге на плечо, стала слегка трясти ее, взволнованно выговаривая:

– Лялька, стерва, Сергей мой, мой, и только мой! И вообще, мы давно любим друг друга. А Андрей Викторович сказал Сергею, что мы уже взрослые, и нам можно. Но так, чтобы никто не видел. А Сергей Петрович,

если не поругаемся по дороге, там, на месте, обещал нас поженить.

– Врешь! – выдохнула Ляля, тараща на подругу изумленные глаза.

– Нет, не вру! – ответила та, отпуская Лялю и успокаиваясь. – Это ты врешь, когда говоришь, что любишь Петровича.

– Нет, Катька, не вру, – вздохнула Ляля и по-детски шмыгнула носом. – Он совсем еще не старый, сильный, красивый и добрый. Меня вот с вами взял. А я думала, не возьмет. Теперь я хочу быть с ним рядом и сделать так, чтобы ему всегда было хорошо, совсем хорошо. Хочу готовить для него, стирать, спать с ним. Хочу отдать всю себя и раствориться в нем без остатка. Катька, если это не любовь, то что же?

– Ну подруга, ты даешь, – вздохнула Катерина, качая головой. – Если это у тебя так безнадежно, то попытайся. Но смотри, к моему Сергею полезешь – моргала выцарапаю.

– Нужен мне твой Сергей! – фыркнула Ляля, застегивая куртку. – Смотри, как бы он сам ко мне не полез. Идем лучше на завтрак, слышишь, Витальевна уже всю мисками гремит.

Завтрак прошел в гробовом молчании, да и некогда уже было разговаривать. Поесть бы побыстрее, и разойтись на работы. После завтрака, привычно натягивая рабочие перчатки, Катерина еще раз порадовалась, что Ляля назначена работать по кухне. Не будет весь день вилять перед Сергеем Петровичем задом, да и делу она никакому не обучена. Не то что они четверо, построившие этот корабль фактически своими руками. Не зря их вчера признали полностью взрослыми и предоставили полную личную свободу. Жаль только, что сейчас Сергея забрали на разборку УАЗа. Но ведь командиру и геологу (которого Катя за глаза называла «гномом») тоже надо помочь работать с железом. Сережка – он сильнее Валерки, с железом справится, а они вчетвером должны справиться с отделочными работами.

Первым делом Петрович проверил, насколько плотно стоят на траве обшитые алюминием кили-полозья, и подложил под них спереди круглые булыжники, ставшие чем-то вроде башмаков. Потом метрах в десяти от корпуса в землю были вбиты нарезанные из сушняка колья, и Валера, взобравшийся на палубу как обезьяна, помог закрепить оттяжки, пропущенные через вант-путенсы грот– и бизань-мачт.

Последнее, что оставалось сделать перед тем как непосредственно приступить к монтажу – это соорудить сходни. На них пошел последняя дюжина листовенных досок, оставшихся от всех предыдущих работ. Одну доску электроножовкой разрезали на шесть метровых отрезков на поперечные крепления. Потом, чтобы сходни не гнулись под тяжелым

грузом, доски для жесткости пустили по схеме – одна плашмя, ребром, две плашмя, еще раз ребром, еще раз две плашмя, последний раз ребром, и последняя доска плашмя.

Делали так: девочки держали доску, Сергей Петрович бил ударной дрелью отверстия,двигающийся сразу за ним Валера шуруповертом вворачивал в эти отверстия саморезы. И все это почти без слов, в шуме электроинструмента и запахе разогретого дерева. Последние две доски пустили поверх поперечных перекладин в качестве направляющих, по которым наверх планировалось втаскивать самые тяжелые грузы. Симфония работы, когда люди не отбывают время, а делают свое дело. Неудивительно, что когда Марина Витальевна застучала миской к обеду, сходни были собраны, подняты на борт и закреплены на борту и на грунте. Сам учитель, Валера, Катя и Лиза напоследок даже попрыгали на них вчетвером для проверки. Конструкция отнеслась к этому испытанию презрительно и даже не шелохнулась.

На обед была густая наваристая уха. Оказывается, еще с вечера Петрович с геологом поставили несколько донок, наживив их кусочками мяса, и рано утром проверили их. Тем самым они обеспечили кухню свежей рыбой. Причем два поводка из капронового шнура, с тройниками на пятнадцать, оказались начисто оборванными. Вот и гадай, что за рыбка приплыла полакомиться мясом, сумев при этом порвать шнур с прочностью до 150 кило.

Петровичу сразу же расхотелось сажать малого Антона на берегу с удочкой – утащит его какое-нибудь Лох-Несское чудовище нахрен в воду, и фамилии не спросит. Только со страховкой, как у альпиниста, и удилице в таком случае тоже желательно страховать – таких у них немного. Та же рыба, которую удалось вытащить, была размера среднего и весила от полутора до пяти килограмм. Все трое кошаков обожрались рыбьими потрохами, и с этого момента полюбили всех работниц кухни горячей и искренней любовью.

После учитель ненадолго сходил к дыре. Она сдвинулась еще дальше по направлению к тому месту, где потом будет пыталовский карьер, и почти полностью ушла в землю. Пролезть через нее теперь можно было только на четвереньках. По ту сторону был какой-то бурелом и, убедившись в полной непроходимости этого пути, мужчина задом-задом заполз обратно. Они были почти полностью отрезаны от XXI века. Еще сутки – и связь прервется окончательно. Убедившись в этом, он пошел на свое спальное место и полтора часа честно продремал, пригревшись на солнышке. А в это время другое «солнышко» искоса поглядывало на предмет своего интереса,

строя планы по завоеванию его сердца.

После обеда все было готово к продолжению работы уже непосредственно внутри корпуса. Пока Катя и Лиза подносили к кочу листы противно шуршащего пенопласта, которые были предназначены служить утеплителем кают-компания, Сергей Петрович и Валера взялись за переноску более тяжелых листов четырехмиллиметровой березовой фанеры размером полтора на полтора. Между прочим, не самый удобный предмет для перетаскивания. Но примерно минут через сорок стопки листов пенопласта и фанеры, необходимой для сегодняшней работы, уже высились на палубе у грузового люка.

Первый случившийся облом заключался в том, что полутораметровые листы никак не хотели проходить в грузовой люк с размерами метр на метр, ну хоть ты их режь. Любой, кто возьмет в руки калькулятор, убедится, что допустимый размер листа, проходящего в такой люк по диагонали, это 1414 мм. Резать листы учитель собирался уже внизу, по месту. А то, если один раз неправильно отрезать, что-то изменить потом будет уже поздно. А взять новые листы взамен испорченных будет уже неоткуда.

Вздохнув, мужчина решил расширить грузовой люк. Поскольку его размер вдоль корпуса задавался расстоянием между бимсами и не поддавался никакому изменению, то было решено увеличить поперечный размер люка или ширину, аккуратно срезав по одной доске палубного настила.

Со словами «Прости, любимая, так получилось» Петрович включил электроножовку. Пока Валера придерживал ампутирруемую доску, он аккуратно резал вдоль края бимса. Делу способствовало еще и то, что комингсы на люк пока еще не были установлены. Лиственница – дерево вязкое, тяжелое, насилью поддавалось неохотно. Правда, и электроножовку прогрессор взял совсем не ту, которой собирался резать фанеру, а ту, которую предназначил для обработки толстых брусьев и балок при строительстве их будущего дома. Наконец, минут через двадцать, люк был расширен, и можно было приступать к спуску фанеры и пенопласта в трюм.

Монтаж решили начать с самого сложного – с подволока. Ширина его менялась от четырех метров двадцати сантиметров у переборки, отделяющей кают-компанию от грузового трюма, до метра шестидесяти у переборки между кают-компанией и форпиком. Катя притащила банку с разогретым мездровым клеем, и началось. Осевые листы, по крайней мере, первые два, установить было просто. Повторилась технология, уже

отработанная при сборке сходней.

Сначала отмерялась нужная ширина листа и отрезалась ножовкой, затем бимсы смазывались клеем. Девочки, встав на деревянные ящики, вдвоем аккуратно держали лист, Сергей Петрович сверлил отверстия, а Валера сразу же загонял в них саморезы. Пенопласт потом закладывался сбоку в пространство между бимсами, палубой и листом фанеры.

Получилось два листа шириной в метр двадцать, и один в метр десять. Вот с этим последним уже начались проблемы, поскольку пенопласт сбоку уже никак заложить было невозможно – не оставалось места. Пришлось посылать Лизу наружу за деревянными обрезками, списанными в отходы производства. Из них и выстрогали клинышки, которые хоть ненадолго, но должны были удержать пенопласт в расклиненном положении. Пусть и не с первой попытки, но все получилось, и часам к четырем установленные на свои места три листа подволока радовали глаз своей белизной.

Чуть отдышавшись, учитель и его команда взялись за зашивку боковых листов. Тут работа была посложнее – надо было отмерять не только длину листа, но и ширину, причем фигурно, по двум крайним и одному среднему бимсу. Но набитая рука есть набитая рука, плюс помощь электроинструмента. К 18.45 подволока был полностью зашит фанерой с утеплителем. Пускать фасонные рейки вдоль швов решили уже завтра. Сняв респиратор и защитные очки, Петрович скомандовал отбой. Уходя, и девочки, и Валера оглядывались на дело рук своих. Нижняя поверхность палубы в трюме сияла белизной в свете светодиодной переноски.

Выбравшись наружу, учитель сумел оценить, насколько далеко продвинулась в своей работе бригада «металлистов». УАЗ был почти разобран, и сейчас от него осталась лишь стоящая на колесах рама с установленными на ней мотором, коробкой и сцеплением. Кабина, кузов и крылья, аккуратно сложенные, лежали рядом. Отдельно лежало то, что поедет на новое ПМЖ. Остальное будет брошено здесь. Было видно, что некоторые детали негуманно разрезаны болгаркой. Очевидно, завтрашний день станет для машины последним.

Дальше все было как вчера. Мясная каша и крепкий чай на ужин. Только на этот раз каша не гречневая, а пшенная. Причем мяса в ней было как бы не половина. Мясо и рыбу поварам экономить не приходилось – этого добра, причем непуганого, вокруг было достаточно. Лишь стоило взять ружье или удочку. А вот взятые с собой припасы – крупы, сухари, картошку и консервированные овощи – приходилось беречь, ибо когда еще им удастся распахать и засеять свое поле, а самое главное, снять урожай.

После ужина молодежь во главе с отставным прапорщиком и геологом

пошла учиться стрелять из арбалета, а Сергей Петрович изобразил отдых, примостившись на берегу с удочкой. Клевало, правда, вяло, и к тому же всякая мелочь, которую он не без удовольствия скармливал своим ненасытным кошкам. Когда это занятие наскучило, он вздохнул, смотал удочки и пошел готовиться ко сну. Можно было сказать, что день удался.

Только вот угроза, нависшая над головой старого холостяка, никуда не делась. Ляля была вполне полна решимости перейти от планирования к выполнению задуманного. И ее не страшили никакие последствия. Она знала цену своей затее и была готова ее платить.

* * *

24 мая 1-го года Миссии. День десятый. Утро. Стоянка на берегу Балтийского озера.

Дальнейшие дни были заполнены монотонной работой. Главный прогрессор в жизни исповедовал принцип – «поспешай не спеша» и учил тому же других. Каждый вечер, когда его бригада уходила с коча «на берег», на корабле что-то необратимо менялось. На третий день закончили обшивку кают-компания утеплителем, на четвертый установили на место грот-мачту, зашили переборки и навесили люк. На пятый день в кают-компания были собраны четыре трехъярусные койки, а в проход между ними загрузили стопку листов покрытого пластиком кровельного железа, поверх которой установили съемный палубный настил со столом. На шестой день установили чугунную печку, вывели наружу трубу и протопили помещение. Все. Кают-компания была готова принять своих обитателей.

Тем временем бригада Андрея Викторовича уже на третий день закончила с полной разборкой УАЗа и разделкой его корпуса на две неравные части. Водительская кабина с сиденьями и передние крылья отправятся в далекое путешествие. Задняя же половина корпуса будет без жалости оставлена на этом берегу вместе с останками «Москвича», в целях экономии веса.

Следующей по сложности операцией, предстоявшей бригаде металлистов, была погрузка в трюм трех автомобильных моторов и монтаж на основе одного из них судовой силовой установки. Но сперва движки массой в сто пятьдесят кило надо было втащить на палубу, а затем аккуратно опустить в трюм и установить на место, при этом ничего не повредив. Движки тащили на стропах, взрослые мужики брались за конец по одному, а Валера с Сергеем-младшим вдвоем. Поднапряглись, перетаскали, аккуратно опустили в трюм и закрепили болтами на особом решетчатом настиле.

Теперь, прибыв на место, придется проделать все в обратном порядке: сначала снять бизань, потом вытаскивать самый тяжелый и негабаритный груз. Пришла очередь установить и закрепить на обрешетке два 30-киловаттных электрогенератора, которые были хоть и компактней автомобильных моторов, но оказались даже тяжелее – по двести десять килограммов каждый.

Но у генераторов не торчал вниз эдакий противный картер, и поэтому, повернув к станинам какое-то подобие деревянных лыж, их просто отбуксировали до места при помощи рычажной тали. Что ей двести десять килограмм, если она испытана на одиннадцать тонн, а сертифицирована на девять. Смазав направляющие на сходнях жиром оленя, по очереди втянули генераторы на палубу. Ну а затем по все тем же сходням, только теперь спущенным в трюм, при помощи тали спустили генераторы вниз. Сходни решили не бросать на берегу, а попробовать пристроить среди груза. Уж очень полезная получилась вещь.

Потом, уже без помощи Петровича и Валеры, погрузили в трюм раму автомобиля, после чего приступили к установке бизань-мачты. Установив ее, начали собирать стеллажи для груза, корабельный газогенератор, таскать в трюм квадратное и катать круглое.

Постепенно, изо дня в день, куча добра на берегу становилась все меньше, а трюм стал напоминать филиал пещеры Аладдина. В самую последнюю очередь был разобран и доставлен на борт 10-киловаттный однофазный генератор. Его функция исчерпала себя – электроинструмент сделал свое дело и больше не нуждался в питании. В последний момент, спохватившись, Сергей Петрович потребовал установить его так, чтоб с судового мотора на шкив генератора в случае необходимости мог быть брошен передаточный ремень. Колонку винта при этом планировалось отсоединять. Это было сделано на случай необходимости по ходу пути пристать к берегу возле первой попавшейся кучи плавника, и напилить дров для газогенератора.

День шел за днем, и вот уже необычайно ранняя утренняя и поздняя вечерняя зори начали наметать, что они вот-вот начнут встречаться. Озеро очистилось от последних остатков льда, и однажды рано утром, перед восходом солнца, учитель увидел на его глади огромный всплеск, будто на зорьке выиграла царь-рыба. Что-то темно-зеленое скользнуло под водой. Мужчина мог бы поклясться, что это обыкновенная щука, если бы не размеры рыбыны. Ее длина не уступала их кочу. Еще немного – и можно будет, установив оснастку, спускать коч на воду. Но сперва ему необходимо дать достойное имя. Бутылка шампанского специально для этого случая

была приныкана в багаже.

Все это время главный прогрессор был постоянно на виду, и Ляля так и не нашла удобного момента, чтобы объясниться. Ей пришлось ограничиться тактикой мелкого террора во время нечастых встреч за обеденным столом, ненароком задевая свой «предмет» то грудью, то плечом, то бедром. Сам же объект страсти вел себя с Лялей ровно, как и с другими девочками, совершенно не подавая виду, что замечает ее ужимки. Тем временем эти ее выходы были замечены и прочими членами команды. Но ничего поделать было уже нельзя – дыра уже окончательно скрылась из доступа, да и не выдавать же, в конце концов, юную дурочку Горилле на расправу.

Местной общественности было достоверно известно, что на четвертый день их пребывания на этом берегу юная влюбленная уже имела строгую беседу с Мариной Витальевной, в которой мужики, ввиду тонкости вопроса, не участвовали. Беседа закончилась тихими Лялиными рыданиями в стороне от лагеря, а на следующий день все повторилось сначала.

Видя такой афронт, Марина Витальевна, а за ней и все прочие просто махнули на Лялю рукой – мол, бесится девка, возраст у нее такой – «играй гормон» – станешь на нее давить, еще сотворит с собой что-нибудь от несчастной любви. Тем более что большую часть дня она и предмет ее воздыханий находились в различных концах лагеря и не виделись друг с другом. Что случится, когда они все вместе взойдут на борт, отправятся в плавание и будут жить в одной кают-компании, где «мальчиков» от «девочек» в ночное время будет отделять только тонкая занавеска – об этом даже никто пока и не задумывался.

Наконец все это надоело самому Петровичу. И на пятый день, сразу после обеда, он отозвал в сторону главного виновника пребывания Ляли в их компании, похитив ее буквально из объятий Сергея-младшего.

– Простите, тезка, – обратился он к юноше, – я умыкну вашу даму на пять минут для делового разговора.

Конечно, Сергей Петрович мог бы поговорить с Катей и во время работы, но там присутствовали лишние люди – Лиза и Валера. К тому же стирку грязного белья желательно производить без свидетелей. Катя, уже понимая, о чем пойдет речь, нехотя, со вздохом, высвободилась из ласковых объятий своего друга и, чмокнув его в щеку, с опущенной головой направилась вслед за учителем.

– Катерина Петровна, – обратился тот к девушке, – ты уже взрослая, почти замужняя женщина.

По тому, как вспыхнули Катины щеки, было видно, что он попал в точку, особенно насчет «почти замужняя». Приподняв голову и покраснев еще гуще, Катя хрипло ответила, – Да...

– Чего «да», Катюха? – покачал головой мужчина. – С тобой-то все в порядке. Вы с Сергеем свою личную жизнь напоказ не выставляете, скандалов не устраиваете и ведете себя достойно, как образцовая молодая пара. А вот твоя подруга Ляля от этого идеала далека. Ты помнишь, о чем мы с тобой договаривались, когда я разрешил взять ее с собой.

– Помню, – девушка опустила голову, – под мою личную ответственность...

– Очень хорошо, что помнишь. Поэтому поговори с ней, объясни, что, в отличие от вас четверых, она еще не считается социально созревшей, то есть совершеннолетней. И дело тут не в возрасте, а в способности относиться к жизни по-взрослому, не прячась за спины старших.

– Она вас любит, – прошептала Катя, – с ума по вам сходила еще в интернате...

Учитель вздохнул:

– Любит, говоришь... Если любит, то значит сумеет доказать, что она тоже на что-то способна, и тогда мы вполне официально провозгласим ее взрослой девушкой, как тебя и Лизу. Тогда-то мы с ней и вернемся к этому разговору. Пойми, Ляля очень привлекательная девушка, и в будущем станет красивой женщиной. Я тоже совсем не прочь, чтобы она составила мне пару. И если она меня действительно любит, то сумеет взять себя в руки. Понятно?

– Да, понятно, – кивнула девушка, – я поговорю с ней. Можно идти?

– Иди. И пусть у вас с моим тезкой будет все хорошо.

– Спасибо, – тихо сказала девушка и, повернувшись, пошла к стоянке, чуть покачивая бедрами.

Когда Катя успела побеседовать с Лялей, Петрович не заметил, только поведение девочки разительно изменилось. Она стала скромной, стараясь не попадаться ему на глаза, и лишь иногда кидала на него тоскливые взгляды.

Тем временем день отплытия, назначенный на первое июня, приближался неумолимо. Коч стоял на берегу в полной готовности. Оставалось только при помощи надувной лодки завести подальше в озеро якорь-плуг и, действуя рычажной талью, аккуратно стащить коч в воду. Вода в озере, пусть понемногу, но прибывала, что указывало на наличие какой-то преграды для стока воды в океан. Учитель предположил, что в каком-то месте, возможно в истоке, ледник подходит вплотную к руслу, и за

зимние месяцы полностью перекрывает его как плотиной. Из-за чего каждый год должны происходить катастрофические наводнения при прорыве этой ледяной запруды.

Подходить к истоку реки, вытекающей из Балтийского озера, нужно было в тот момент, когда ледяное препятствие будет полностью разрушено. Но в то же время половодье будет находиться на своем пике. Используя сонар, двигатель и парус, Сергей Петрович планировал, придерживаясь стремня течения, сплавиться вниз по реке с максимальной скоростью и комфортом. Самое главное – не попасть в голову наводнения, когда бурные потоки будут заполнять почти пересохшую речную долину. Ну, а остальное было не опаснее половодья на Волге.

Нельзя сказать, что ему не было страшно – но это был такой рабочий страх, страх неудачи в делах, который он научился подавлять в себе усилием воли. Самое главное – уловить тот момент, когда вода прекратит пребывать. Ради этого в песок пляжа были воткнуты мерные палочки, отмечавшие сантиметры и миллиметры увеличившегося уровня озера.

В ожидании этого момента команда решила заняться созданием запасов сушеного мяса для будущего путешествия, для чего планировала убить пару молодых бычков или оленей.

До предварительно намеченного срока оставалась еще неделя; заготовка мяса была в разгаре, когда вдруг утром десятого дня мерные палочки на берегу показали, что уровень воды за сутки не только не прибавился, но даже чуть-чуть отступил. Где-то далеко, за сотни километров от этого места, начинались титанические события, и надо было поспешить, чтобы не упустить гребень наводнения...

Вместо обычной утренней суеты сразу после завтрака начались сборы. Пока девочки и подростки собирали и переносили на корабль посуду и постельные принадлежности, мужчины приготовились спускать коч на воду. Для этого было необходимо на надувной лодке как можно дальше завести в озеро якорь-плуг, а потом с его помощью вытянуть корабль, действуя зацепленной за основание грот-мачты рычажной талью. Переваливать тридцатикилограммовый плуг через борт утлой надувнушки желающих не было, поэтому для этой операции была предусмотрена буксируемая лодкой автомобильная камера, обвязанная тросами с привязанным к ней снизу якорем. Никаких неожиданностей не случилось. Как только надувная лодка с камерой на буксире выгребла достаточно далеко, почти полностью выбрав двести восемьдесят метров якорного троса, Сергей Петрович развязал завязки шкертника, и якорь камнем ушел в озерную глубину, увлекая за собой натянувшийся трос. Можно было

возвращаться на берег.

Но перед спуском корабля на воду требовалось провести еще одну процедуру. Кочу нужно было имя, в этом его создатель ни на йоту не собирался отступать от морских традиций. Но имя следовало выбирать очень осторожно. Все помнят ту неприятную коллизию, что приключилась с прославленным капитаном Врунгелем. Вариантов было много – и «Вперед», и «Леди Удача», и...

В конце концов, после длительных обсуждений, остановились на «Отважном». Бутылка шампанского была припасена заранее. Маленькую Веронику поставили на пустой ящик, и она, сказав: «Нарекаю тебя «Отважным»», под крики «ура» отпустила веревку, и бутылка с силой ударила по обитому дюралевым профилем форштевню. Брызнули осколки, во все стороны полетели клочья пены, крещение состоялось – корабль обрел имя.

После процедуры «крещения», башмаки из-под фальшкилей и форштевня были вытащены. Все присутствующие, включая кошек и собак, поднялся на борт, сходни были подняты, и товарищи-педагоги с двух сторон взяли за рычаг тали. Несколько движений – и сперва якорный трос натянулся, как струна, потом «Отважный» дернулся и на алюминиевых полозьях, со скрипом, под визг девочек и крики «ура», медленно пополз к урезу воды. Мужчины, обливаясь потом, мерно двигали рычаг. Шли минуты, медленно вытравливалась цепь. Вот полозья окунулись в воду и корабль пошел ощутимо легче. Оказавшись в воде, носовая часть коча начала постепенно всплывать, отрывая полозья от грунта. В тот момент, когда цепь почти кончилась, и из воды показался крюк с карабином, зацепленный за петлю на конце якорного троса; корабль окончательно всплыл и плавно заскользил по поверхности Балтийского озера.

Выбрав остаток цепи вручную, Сергей Петрович отцепил от нее якорный трос и вдвоем с коллегой завел его на якорную лебедку, выбирать которую предстояло уже Сергею-младшему и Валере. После чего сам встал на место рулевого, сделанное из раскрепленной на палубе перед бизань-мачтой УАЗовской кабины с дверцами и верхом, но без капота и крыльев. С этого момента он вступил в должность капитана.

Пока он движениями руля подправлял курс медленно скользящего по воде коча, Андрей Викторович спустился в трюм и начал «кормить» чурками газогенератор. Как и ожидалось, ветер был противный, и, поскольку вблизи берега особо не полавируешь, первую часть пути надо было пройти под мотором со спущенными парусами.

Минут через десять, когда якорный канат натянулся почти вертикально и капитан Петрович скомандовал пока не отрывать от дна якорь, в корме чихнул двигатель. Кашлянув два раза, он мерно затарахтел, прогреваясь на малых оборотах. Выведенная сквозь палубу выхлопная труба стала выбрасывать в атмосферу сизую угарную струю. Еще минут через десять отставной прапорщик высунулся из люка и крикнул, что двигатель прогрелся. Мальчики снова стали вращать якорную лебедку. И вот наконец якорь показался из воды. Капитан перевел ручку газа на максимальные обороты и выжал ручное сцепление. Винт Дуэрра провернулся, лопасти встали в рабочее положение. Набирая ход, судно двинулось прочь от берега. Морское путешествие началось. Петрович посмотрел на часы – стрелки показывали десять часов пятнадцать минут утра.

Отойдя от берега почти на километр, и имея под килем глубины в двадцать-тридцать метров, капитан повернул вдоль берега на север – туда, где в наше время находился Карельский перешеек, а в прошлом был пролив, соединяющий Ладожский залив с остальной Балтикой. Самым неприятным было то, что стоит только пройти чуть севернее, и гидрография района плавания сразу станет полностью неизвестной. Тут надо держать уши остро.

Сергей Петрович разбил сутки на шесть четырехчасовых вахт. Получалось, что ему, коллеге и Антону Игоревичу надо стоять за штурвалом четыре часа через восемь. Вместе с рулевыми вахту стояли вперёдсмотрящие – Сергей-младший, Валера, Катя и Лиза. Их вахта, чтобы не притуплялось внимание, была два часа через шесть. Ляля была назначена помощницей по камбузу к Марине Витальевне. Там же, в кают-компании, обитала и маленькая Вероника. Антона-младшего, пристегнув от греха подальше шлейкой к бизань-мачте, посадили удить рыбу. И мальчишка был счастлив. Сие занятие так же не возбранялось и для остальных свободных от вахты членов команды, ведь чем больше будет поймано рыбы, тем больше припасов удастся сэкономить. Местная рыбешка неплохо клевала даже на пластмассовую муху, не говоря уже об обрезках звериного или рыбьего мяса.

Тарахтя мотором, «Отважный» со скоростью в семь узлов продвигался на север. После полудня, когда ветер, склонившись к западу, перешел сначала на крутой, а потом на и полный бейдевинд, Сергей Петрович решил поднять паруса и убавить обороты мотора. Запасы чурок, которых на борту было чуть более полутора тонн, следовало экономить. Скорость после подъема парусов выросла незначительно, а вот расход топлива сократился почти втрое.

Так и шли они почти ровно на север, лишь немного склоняясь к западу вслед за изгибом берега. Около шести часов вечера, когда «Отважный» находился на траверзе того места, где в наши дни расположен поселок Пятиречье, берег вдруг стал круто уходить на запад, и капитан понял, что они достигли южного берега пролива, который соединял Ладогу с Балтикой.

Посоветовавшись между собой, мужчины пришли к мнению, что двигаться на север и пересекать этот пролив на ночь глядя было бы ненужной авантюрой. На берег тоже решили не сходить – в этом не было острой необходимости. Поэтому примерно в полукилометре от берега паруса были спущены, мотор заглушен, и коч встал на якорь до следующего рассвета.

Впервые с начала похода в прошлое наступил момент, когда члены команды, за исключением тех, кто был на камбузе, оказались не заняты никакой работой. Вахты, впрочем, капитан не отменял, а то мало ли что могло случиться.

После плотного ужина, немного посидели на палубе, половили на удочку рыбу и полюбовались закатом. Катя с Сергеем-младшим откровенно обжимались, ничуть не стесняясь взрослых, в то же время Лиза откровенно избегала Валеры. Петрович сделал себе зарубку, что пары для этих двоих, скорее всего, придется подбирать среди местных. Валерка влюблен в Лизу первой щенячьей влюбленностью, а та, впрочем, не желая ему ничего плохого, лишь позволяет таскаться за собой. Со временем это пройдет, и тогда надо будет составлять для них другие варианты. Правда, Лиза стала как-то странно поглядывать в сторону учителя физкультуры, но тот, увлеченный совсем не лирическими размышлениями, пока ничего не замечает. Неужели и у коллеги произойдет такая же история, как у него с Лялей?

Посмотрим, решил Сергей Петрович, все еще только начинается.

«А вот и Ляля появилась, – подумал он, – легка на помине, вроде смотрит совсем в другую сторону, но зырк, зырк – так и постреливает глазами. Да, женщины – это зло, но без них никуда...»

На этой оптимистической ноте капитан скомандовал команде отбой.

На ночь, от греха подальше, с кормы бросили еще один якорь, после чего все, за исключением несущих вахту, отправились в кают-компанию на покой...

* * *

25 мая 1-го года Миссии. День одиннадцатый. Утро. Карельский пролив.

Команда была поднята на рассвете. После быстрого ужина, состоявшего из горячего чая и вчерашней перловой каши с мясом, в четыре часа тридцать пять минут «Отважный» выбрал якорь и, тарахтя мотором, направился на север, к белеющей на горизонте голубоватой полоске ледника. После двух часов пути ветер зашел с запада и посвежел настолько, что Сергей Петрович распорядился снова поставить парус. Так они и шли. Впередсмотрящие смотрели вперед, рулевой следил за курсом, направлением ветра и глубиной на сонаре... Глубины, кстати, были стабильно больше пятидесяти метров, что показывало, насколько сильно прогнулась земная кора под весом ледникового щита. Пару раз они видели издали острова – гранитные макушки затопленных гор. Интересы они не представляли, а вот держаться от них следовало подальше.

Обедали по причине хорошей погоды прямо на палубе, не спускаясь в натопленную кают-компанию. Свежий воздух, здоровые приключения, экологически чистая пища привели к тому, что даже Ляля, не отличавшаяся ранее хорошим аппетитом, за обе щеки уплетала перловую мясную похлебку с сухарями.

Уже после полудня, когда совершенно отчетливо стала видна уходящая прямо в воду ледяная стена, ветер заметался, склоняясь к северу. Пришлось убрать паруса и снова перейти на движение под одним мотором. Потом ветер вдруг твердо и устойчиво задул с северо-востока. Несмотря на то, что он нес ледяное дыхание Арктики, Петрович обрадовался ему как родному. Значит, именно здесь проходила граница между полярной и умеренной атмосферными зонами, и этим следовало пользоваться.

Поставив все паруса, «Отважный», полностью заглушив мотор, лег на курс 300 в крутой бакштаг. Тем более что дров для газогенератора оставалось меньше половины изначального запаса.

Не собираясь вплотную подходить к ледяной стене, Сергей Петрович взял курс прямо на запад, и по мере приближения к ледяной стене все больше и больше забирал к югу. При этом он старался выдерживать дистанцию до берега в пределах пятнадцати километров.

Отклоняясь к югу, судно легло в полный бакштаг, то есть самое оптимальное положение к ветру для бермудских парусов, и коч, как говорили поморы, «побежал». В бинокль было видно, что край ледника сильно изъеден солнечной эрозией, источен ручьями и осыпается крошевом битого льда. Приближаться туда означало искать себе неприятностей а-ля «Титаник». Петрович помнил, что внешняя противоледовая рубашка на корпусе его коча отсутствует, и поэтому надо быть крайне осторожным и не рисковать.

Тут же вдали от берега попадались только одиночные льдины, которые по причине своей большой осадки и незначительной надводной части заранее обнаруживались даже не столько глазами или радаром, сколько направленным прямо по курсу сонаром. Но все равно вперёдсмотрящим было не до флирта или пустой болтовни. Любая ошибка или недосмотр в этих никем и никогда не исследованных водах грозили путешественникам катастрофой.

Пару раз сонар отмечал в глубине нечто, меньшее по габаритам подводной лодки, но значительно больше любой нормальной рыбы... Стоявший на вахте у штурвала Андрей Викторович позвал всех полюбоваться на такое чудо. Петровичу вспомнилось, что были упоминания о том, что еще во времена Ивана Грозного из рек на Руси время от времени вытягивали щук размером с хороший струг. Щука вообще-то растет всю свою жизнь, не имея естественных пределов для роста. Никто не знает, сколько она может прожить, достигнув размеров, при которых у нее не останется естественных врагов. Единственный ее враг – это человек, с его сетями, острой или тротиловой шашкой. Но тут такого пока не наблюдается, потому и плавает в водах первобытного озера щучка размером с моржа. Проверять свое предположение у Петровича желания не было, тем более что супер-рыбка, сделав вокруг «Отважного» пару кругов, не нашла его интересным и уплыла по своим делам. Ну и Бог с ней, пусть плывет...

Долго ли, коротко ли, но солнце стало клониться к западу, а закат привычно окрасил небо в багровые тона. Форштевень «Отважного», словно нож, резал прозрачную до стеклянного состояния воду. Надо было решать, бросать ли якорь (а глубины здесь были за сто метров) и ложиться в дрейф, или продолжать движение даже в темное время суток, рискуя напороться на незамеченную неприятность вроде плавучего ствола дерева, плохо различимого и радаром и сонаром.

Капитан убедил всех не рисковать и встать на якорь, благо длины каната вполне хватало. Да и полностью темного времени будет всего-то четыре часа, согласно астрономических замеров, которые мужчины сделали, как только полностью стемнело. За минувшие сутки «Отважный» прошел примерно сто километров к западу, оставшись почти на той же широте, и лишь незначительно сдвинувшись на север. Их нынешнее местоположение примерно соответствовало двадцати пяти километрам северо-западнее Выборга. Закончив свои расчеты, педагоги-прогрессоры отправились спать.

Когда все уже легли и казалось, что все успокоилось, Сергей-младший

и Катя, думая, что их никто не видит, взяли матрас и, накрывшись стакселем, до самого утра любили друг друга на баке. Молодое дело – оно горячее, ему и ночной холод нипочем.

* * *

26 мая 1-го года Миссии. День двенадцатый. Утро. 25 км северо-западнее Выборга.

Вскоре после рассвета северо-восточный ветер из умеренного стал сильным, а небо нахмурилось низкими бегущими облаками. Температура упала до плюс восьми градусов Цельсия, а море сморщилось валами волн, на гребнях которых появились белые барашки пены. Штормом это явление назвать было нельзя. Но похоже, что Балтика решила показать гостям из будущего, что в далекой юности ее характер был далеко не ласковым.

Благодаря пусть и полным, но обтекаемым обводам коча, «Отважный» буквально летел по серой морской глади, разрезая волны. Лаг устойчиво показывал восемь с половиной узлов, или пятнадцать километров в час. По поверхности воды время от времени пробегали дождевые заряды. Сергей Петрович опасался, что это легкое недовольство природы перейдет в настоящий шторм, и тогда им будет несдобровать, поскольку поблизости не было берега с подходящей бухтой, в которой можно укрыться. Кругом высилась уходящая в воду стена ледника. Хорошо еще, что никого не укачало. После некоторого привыкания к качке все держались молодцом, даже Антошка и маленькая Вероника, которая просилась у Марины Витальевны выйти на палубу и «посмотреть на шторм».

После обеда, который был съеден с несколько меньшим энтузиазмом, чем вчера, ветер немного ослаб, дождь прекратился, а в разрывах облаков стало проглядывать бледно-голубое небо. Ветер по-прежнему оставался попутным, и капитан старался по максимуму использовать этот подарок судьбы, двигаясь на юго-запад вдоль кромки ледника.

После обеда, когда всем уже казалось, что остаток дня пройдет без особых приключений, Антон-младший, таскавший до того на спиннинг мелочевку размером с ладонь, подсек нечто большое, что чуть было не уволокло его за борт. Спасло пацана лишь то, что он был принайтован страховкой к бизани, а сам спиннинг не улетел за борт лишь потому, что свободная катушка смягчила первый рывок. Когда раздался крик: «Ой, поймал!», а вслед за ним стрекот отчаянно разматывающейся катушки, всей командой сразу овладел рыбацкий азарт.

Антон Игоревич сразу же перехватил спиннинг из рук своего младшего тезки, но вываживали рыбину всем коллективом. Всем хотелось посмотреть, кто это такой энергичный бился на другом конце лески.

Азартная возня продолжалась почти полчаса, пока уставшую добычу наконец совместными усилиями не подтянули прямо к борту, после чего бывший военный сумел подцепить рыбину сачком.

«Героем дня» оказался пятикилограммовый красавец, больше всего похожий на неизвестную в наши дни разновидность пресноводного лосося. А может, и известную, только изрядно уменьшившуюся в численности и размерах. Сергей Петрович помнил, что в некоторых бессточных озерах, оставшихся от ледникового периода, водятся маленькие трехсотграммовые рыбки, относящиеся к отряду лососевых. Может это и есть потомки вот таких серебристых красавцев, нагуливавших свое розовое мясо на просторах пресноводной Балтики. Чтобы установить это, нужен был профессор-ихтиолог, а не кок в лице Марины Витальевны, мгновенно изменившей свои планы по приготовлению ужина и утащившей выпотрошенное чудо жарить на импровизированный камбуз.

Вечером, перед наступлением темноты, опять убрали паруса и встали на якорь, вытравив трос. Из-за плотной облачности астрономическую обсервацию произвести не удалось, но если верить данным на лаге и почти неизменному курсу, «Отважный» находился примерно в пятидесяти километрах западнее Хельсинки.

Сделав расчеты, Сергей Петрович удовлетворенно потер руки. Решение идти на запад прямо под ледником оказалось верным. Наличие в этой зоне попутных ветров позволяло не только экономить топливо, но и помогло опередить заранее намеченный график уже примерно на сутки. И это всего на третий день похода!

Ночь прошла беспокойно; свежий ветер порывами ощутимо валял суденышко с боку на бок. Утром отцы-командиры возблагодарили всех богов, каких знали, что в свое время уделили немало внимания тщательному креплению груза и центровке корабля. Небрежность в этом вопросе могла дорого обойтись.

* * *

27 мая 1-го года Миссии. День тринадцатый. Утро. 50 км западнее Хельсинки.

Когда рассвело, «Отважный» оказался в окружении битого льда. Лед был не совсем обычный. Вместо плоских льдин плавало какое-то абсолютно бесформенное крошево самого разного размера, будто вытряхнутое из исполинского морозильника.

Капитан судна не сразу понял, что позавчерашнее тепло и вчерашняя непогода подточили кромку ледника и воду сразу рухнуло огромное количество льда. Теперь, дрейфуя по ветру, ледяное поле за ночь догнало

стоящий на якоре коч. Но, как бы там не было, поставив зарифленый грот и запустив мотор, «Отважный» стал лавировать между крупными глыбами, стараясь избегать прямого контакта. На всякий случай Андрей Викторович распорядился приготовить шесты и багры для того, чтобы отталкивать льдины. Но они не понадобились. Подветренный край ледяного поля обогнал их всего на несколько километров. Часа через три утомительного маневрирования весь битый лед остался позади, и впереди была лишь чистая вода.

И вот, снова распустив все паруса, «Отважный» заглушил мотор и побежал вперед, согласно своему генеральному курсу, на юго-запад. Небо по-прежнему оставалось облачным, а свежий северо-восточный ветер нес студеное дыхание Арктики, напоминая о том, кто в эти времена был хозяином на планете. Из-за такой неласковой погоды никого, кроме рулевого и впередсмотрящих, на палубе не было. Весь свободный от вахты народ тусовался в жарко натопленной и хорошо утепленной кают-компании. Самое главное в такой обстановке – это не забывать своевременно сливать из конденсаторов воду.

Когда после обеда капитан заступил на свою вторую в этот день вахту, все шло как обычно. Вахта – занятие в принципе нудное, хоть и очень нужное. Необходимо внимательно следить за изменениями в направлении ветра, показаниями компаса, радара и сонара. И еще быть в любой момент готовым выполнить экстренный маневр по указанию впередсмотрящего.

Где-то за час до начала его вахты глубины резко ухнули вниз, провалившись сразу за двести метров. Стало понятно, что они наконец вышли туда, где в наше время располагался Ботнический залив. Сергей Петрович надеялся встать на ночь на якорь на траверзе Аландских островов. Если мелководье полностью накрыто ледником, то о якорной стоянке не стоит и мечтать. Придется ложиться в дрейф, с непредсказуемыми последствиями, отдаваясь на волю течений, ветра и волн.

Он стоял свою вторую вахту уже больше часа, привычными движениями штурвала парируя малейшие попытки «Отважного» изменить курс. Надо отметить, что после переноса основных парусов на переднюю мачту характер у корабля в смысле маневренности значительно улучшился. По воспоминаниям членов команды, построившей в конце восьмидесятых точную копию поморского коча с аналогичным водоизмещением, кораблик с главной мачтой, расположенной позади центра тяжести, и с прямым парусом, был «зело рысклив», и удерживать его на одном курсе стоило значительных усилий. Такова была расплата за повышенную

маневренность коча, необходимую для плавания во льдах. Сейчас же для сохранения курса не требовалось особых усилий, и главным для рулевого было не задремать на своем посту от монотонной работы.

Мужчина не обратил особого внимания на высокую худую фигурку, закутанную в дождевик, которая прошмыгнула мимо него с наветренного борта в сторону кормы. Лица девушки было не разглядеть под нахлобученным капюшоном. В принципе, это могла быть Ляля или Лиза. По росту и телосложению обе девочки были схожи. Мало ли что могло случиться. Захотелось девушке побыть одной, или, к примеру, ее затошнило от качки.

То, что не все так просто, Петрович понял, когда сзади его обняли за пояс чьи-то тонкие руки.

– Т-с-с, – прямо ему в ухо прошептала Ляля, прижимаясь к его спине всем телом, – не шевелитесь. Я не маленькая девочка, как вы думаете. Сергей Петрович, я тоже хочу своей доли любви и ласки. Катька, вон, счастлива, как дура. А ведь ее Сергей не годится вам и в подметки. Не надо ничего говорить. Для меня вы самый добрый, нежный, умный и красивый, и я хочу, чтобы именно вы были моим мужчиной, или как там это у нас будет называться. Я сама этого хочу, и поэтому, мой милый, я готова ждать. Но знайте – никуда вы от меня не денетесь, ведь мы все в одной лодке. До свидания...

Прижавшись к нему чуть сильнее, Ляля привстала на цыпочки, и легко чмокнула сзади в висок. Потом Лялины руки разжались, и закутанная в дождевик девичья фигурка, пригнувшись, нырнула в люк.

А мужчина остался стоять с бьющимся сердцем и горящими щеками. Это были ощущения, которых он не испытывал уже четверть века, с тех самых пор, когда сам был подростком.

В конце концов, если женщина что-то вобьет себе в голову, то переубедить ее невозможно. И еще в одном она была права – Сергей-младший с Катериной так резво ударились во все тяжкие, почти не стесняясь окружающих, что надо думать, каким обрядом узаконить их отношения. Если они действительно любят друг друга, то это вполне достаточное основания для того, чтобы они могли создать свою семью, а не заниматься блудом. Надо будет поговорить на эту тему с остальными старшим и прийти к общему мнению. Но Сергей Петрович был уверен, что институт брака крайне необходим в их обществе, и поэтому решение нужно принимать как можно быстрее. Но это не те мысли, которые можно думать, стоя за штурвалом.

Как и предполагалось, примерно за час до наступления темноты

глубины начали быстро уменьшаться, и, не желая проскочить Аландскую отмель, капитан распорядился убирать паруса и отдать якорь. Это была уже их четвертая ночевка на воде.

* * *

28 мая 1-го года Миссии. День четырнадцатый. Ранее утро. отмель южнее Аландских островов.

С рассвета немного распогодилось, ветер зашел с востока, и выглянуло солнце, сделав мир вокруг из серого разноцветным. Все обрадовались светилу как родному. Никаких неприятных сюрпризов вроде ледяных полей вокруг не наблюдалось, так что, выбрав якорь, и поставив паруса, «Отважный» двинулся вдоль стены ледника дальше на юго-запад. Оранжевое солнце, ослепительные блики на ярко-голубой воде, умеренный ветер, туго надувающий паруса. Мир снова стал прекрасен.

Ледник на севере сверкал всеми своими гранями. Устав от почти двухсуточного безвылазного сидения в кают-компании, весь экипаж как по команде выбрался на палубу – загорать. Хотя это, конечно, сильно сказано; плюс пятнадцать в солнечную погоду – это далеко не Сочи. Но все равно, погоду не сравнить с той, что была еще вчера – плюс пять пополам с резким ветром и проливным дождем.

Свободные от вахты Сергей-младший и Валера взяли удочки и принялись помогать Антошке обеспечивать рыбкой обед. Чуть позже к ним присоединились Лиза с Катей, добавив немного девичьего визгу в это сакральное действо. Так они и шли – одна пара дежурила на баке, другая в это время рыбачила, потом они менялись. Хотя слово «пара» можно было отнести только к Сергею с Катей. Отношения же Валеры с Лизой, похоже, испортились окончательно. Ну и ладно. С кулаками друг на друга не кидаются, и то хорошо.

Вчера вечером, когда молодежь уgomонилась, старики поднялись на палубу и имели длинную беседу о том, как дальше жить и ладить между собою. Вспомнили все формы брака, и моногамный, и полигамный, то есть многоженство, и полиандрию, то есть многомужество. Решили действовать по обстановке и избегать только одного – беспорядочных связей, как у каких-нибудь хиппи. Соответственно, Сергея-младшего с Катей надо срочно поженить, чтобы создать прецедент. Большинством голосов – три «за» при одном воздержавшемся – Сергей Петрович был избран главой местного самоуправления, уполномоченным проводить брачные церемонии. Саму процедуру решили отложить до высадки на берег, что должно произойти в самое ближайшее время.

Сразу после завтрака Марина Витальевна отправила Веронику в

обществе Ляли на палубу – «погулять», а сама заперлась с Катей в кают-компании. Неизвестно, о чем они там беседовали целый час, но вылезла Катя на палубу довольная и раскрасневшаяся, и все, кто знали, в чем там было дело, поняли, что свадьбе быть.

Ближе к полудню Лиза, стоявшая тогда вахту впередсмотрящей, вдруг звонко закричала сакраментальное в таких случаях слово: «Земля!». Это действительно было замечательно, поскольку лежащий километрах в десяти к северу ледник «землей» в нашем понимании считаться никак не мог. Сергей Петрович взгляделся в горизонт и увидел протянувшуюся на юго-западе отчетливую узкую синеватую полосу суши, отороченную кое-где бугорками холмов. «Отважный» почти пересек Балтийское море, что было отмечено дружным троекратным ура.

После обеда, когда суша приблизилась и заполнила уже весь юг горизонта, стало ясно, что они вошли в узкий, вытянутый с запада на восток фиорд, северным берегом которому служил ледник. В бинокль уже четко проглядывались безлесные холмы и невысокие горы, покрытые молодой весенней травой. Ландшафт, за исключением холмистого рельефа, ничуть не отличался от того, что они оставили позади, на берегу Ладоги. Дальше на запад фиорд сужался, глубина уменьшалась, и Сергей Петрович приказал держаться ближе к южному берегу и запустить мотор, пока на холостых оборотах. Нужно было без спешки выбрать хорошее место для того, чтобы причалить к твердой земле и, сойдя на берег, размять ноги.

Наконец был найден небольшой заливчик, зажатый меж двух холмов. Около трех часов, убрав паруса и мягко тарахтя двигателем, «Отважный» пересек оставшиеся до берега два десятка метров, и, заранее отдав с кормы якорь, мягко ткнулся форштевнем в покрытую клочьями грязной пены полосу пляжа. Андрей Викторович с Сергеем-младшим навалились на шесты, и коч встал почти параллельно берегу.

Свершилось – Балтика осталась позади. И только тут стало заметно, что вода во фиорде позади них не стоит неподвижно, а хоть и медленно, но движется в западном направлении. Стало ясно, что расчеты капитана оправдались – исток реки, соединяющий Балтику с Атлантикой, найден.

Как только на берег опустились сходни и корабль был дополнительно закреплен швартовыми за вбитые в грунт колья, по этому поводу было выпито по сто граммов армянского коньяка из неприкосновенного запаса. Стоянка была объявлена до следующего рассвета. Команде разрешили петь, играть и веселиться, но при этом не удаляться от «Отважного» за пределы видимости. Больше всех обретенной свободе радовались четвероногие спутники наших путешественников, все проведенное на воде время

запертые в так называемой «кормовой каюте». На собачьи «танцы радости» с борта с неодобрением смотрели четвероногие пассажиры «Отважного» кошачьей породы, которые вполне неплохо себя чувствовали в кают-компании и наотрез отказывались покидать борт. Мол, чего мы на этой земле не видали?

Отдых отдыхом, но прежде всего требовалось пополнить запасы топлива из разбросанных повсюду куч плавника. Андрей Викторович с геологом, матерясь, полезли в трюм отсоединять муфту сцепления от винта и набрасывать на имеющийся в комплекте шкив ремни генератора. Примерно минут через сорок на борту затарахтел мотор, а на берегу взвыли электропилы. Процесс заготовки дров начался. Топлива нужно было много, поскольку, кроме создания походных запасов, на вечер в честь свадьбы Сергея и Екатерины был запланирован большой «пионерский» костер до небес. Для этого очищенные от ветвей толстые стволы стаскивались к удобной площадке неподалеку от корабля.

Когда с дровами управились, Антон Игоревич взял свой верный СКС, свистнул Зару, и двое рыжих и кудлатых – один двуногий, вторая четвероногая – пошли прогуляться по окрестностям. Раздавшийся вскоре из-за холма одиночный выстрел означал, что неутомимый стрелок и охотник нашел добычу. На этот раз это был не заяц, а упитанный годовалый олень, отбившийся от своего стада. Тушу с шутками и прибаутками тащили к стоянке всем колхозом. Тут же возникла идея сделать шашлыки из оленины главным блюдом свадебного пира. Пока учитель и геолог занимались свеживанием туши и вырезкой самых нежных кусков мяса, Андрей Викторович, Валера и счастливый новобрачный быстро развели отдельный костер, чтобы пережечь часть дров на угли для шашлыка. Подоспевшая чуть позже со своими кухонными причиндалами женская часть команды приступила к нарезке и мариновке мяса. На свет божий появился даже настоящий мангал с набором шампуров.

Когда Сергей Петрович спросил Марину Витальевну, отвечающую за комплектование кухни, откуда, мол, такая роскошь, та по-хохляцки уперла руки в боки, и ответила, подмигнув ему: «А шоб було!»

И в самом деле, ехать пожизненно на дикую природу и не взять с собой компактное и удобное оборудование для поджаривания мяса на углях? Правда, канцерогены... Ну, черт с ними. Самое главное, что шашлык – пальчики оближешь.

Тем временем солнце склонилось к горизонту и пора было приступать к главному действию этого вечера – свадебному обряду. Белое платье для невесты и черный костюм для жениха отсутствовали, зато девочки сплели

Кате венок из весенних цветов, а жених и безо всяких украшений выглядел мужественно и серьезно, как и полагается настоящему мужчине. Специально для молодоженов рядом с костром была разбита геологическая палатка Антона Игоревича, тоже украшенная гирляндой из цветов.

– Согласна ли ты, Екатерина, взять в мужа Сергея? – торжественно спросил глава самоуправления, когда эти двое, взволнованные, встали перед ним. – Отвечай, не задумываясь – да или нет?

– Да, – ответила раскрасневшаяся Катя, – согласна.

– Согласен ли ты, Сергей, взять в жены Екатерину? – мужчина взглянул на жениха. – Отвечай, не задумываясь – да или нет?

– Да, согласен, – ответил Сергей.

– Объявляю вас мужем и женой, – торжественно объявил представитель законной власти, – перед лицом людей и того, кто выше нас. Протяните мне свои руки.

Молодые люди вытянули навстречу Сергею Петровичу соединенные руки – левую Сергея, и правую Катину, и тот крепко и ловко связал их шкертиком.

– В знак вашего нерушимого союза соединяю вас в единое целое перед лицом Судьбы, и да будешь ты, Сергей, правой рукой, а ты, Екатерина – левой. А теперь, в знак заключенного между вами нерушимого союза, поцелуйтесь.

Лиза включила на плеере марш Мендельсона, и новобрачные обнялись. Связанные руки им немного мешали – но ничего, привыкнут. Когда Петрович думал, чем заменить отсутствующие обручальные кольца, он вспомнил об этом обряде с перевязыванием рук, существовавшем у какого-то народа, чье название он никак не мог припомнить. А что, получилось вполне торжественно и символично.

Самое главное для молодых уже свершилось, и теперь всем предстоял свадебный пир, во время которого заодно отметили и окончание первого этапа путешествия. Все расселись по-турецки кружком вокруг изображавшего свадебный стол брезента и отдали должное оленьему шашлыку и армянскому коньячку.

Было интересно смотреть, как Катя кормит Сергея, а Сергей Катю. Когда вокруг сгустились сумерки, молодые, несколько неуклюже подергиваясь, подошли к маленькому костерку, и взяли оттуда две специально заготовленных головки. Мгновение спустя два жарко пылающих факела сунули в середину сухой растопки аккуратно сложенного «шалашиком» большого костра. Гудящее пламя сразу взметнулось вверх, озарив оранжевым светом лица окружающих и

отбросив тьму куда-то далеко-далеко. Будто в ответ в тундростепи за холмами завыли, захохотали шакалы, как бы поздравляя новобрачных, а все три собаки ответили им дружным лаем.

Полюбовавшись немного на игру огня, держась за руки, молодые тихо удалились в приготовленную для них палатку. Впервые за все время их отношений они делали это вполне законно, и не должны были теперь ни от кого скрывать свои отношения. Теперь много тысяч лет спустя, вот так же сидя у костра, старики будут перебирать родословные: Сергей родил Андрея, Андрей родил Ивана, Иван родил Илью... И начало этой цепочки было положено именно сейчас.

Все же остальные еще немного посидели у костра, доели шашлык, допили коньяк, а потом бездумно смотрели, как улетают искры в темное небо. Ночь. Да и сколько было той ночи... Около полуночи Марина Витальевна удалилась на борт коча вместе с девочками и младшими детьми, оставив мужчин и собак охранять покой новобрачных от местных ночных хищников. Время стремительно катилось вперед, и прошедшего было уже не вернуть. В этот вечер Сергей Петрович видел, как Ляля несколько раз порывалась подойти к нему, а потом в смущении оставалась на месте.

«Ничего, пусть помечется, – думал он, – торопиться – это дело молодых, а нам, старикам, спешить некуда. Пусть подождет, подумает хорошенько, может, перегорит и передумает. Ну, а если не перегорит, то значит, так тому и быть...»

А тем временем на востоке у горизонта уже зажглась светлая полоска – предвестник нового дня. А новый день – это и новые радости, и новые заботы. Всего понемногу...

* * *

29 мая 1-го года Миссии. День пятнадцатый. Ранее утро. Меларен-фиорд, окрестности нынешнего Стокгольма.

После быстрого завтрака, соединив мотор снова с винтом, и собрав палатку, а также разбросанный по берегу инвентарь, команда «Отважного» кликнула четвероногих помощников и поднялась на борт. Вот убраны швартовы и втянуты на берег сходни. Мужчины, к которым теперь справедливо причисляется и Сергей-младший, налегают на шесты – и корабль медленно и неохотно отходит от берега. Следующая задача – развернуть нос от берега и запустить двигатель. Капитан становится на штурвал, и вот уже поток подхватывает тарахтящий мотором и расправивший паруса «Отважный». Речное путешествие началось. Точнее, это еще не сама Река, а лишь ее преддверие, и скорость течения тут меньше

узла. В наше время на этом месте будет находиться озеро Меларен, глубоко врезающееся в территорию Швеции. Сейчас оно по большей части затоплено Балтикой, образуя длинный, вытянутый вдоль суши фиорд. Под водой сейчас и то место, на котором в наше время стоит Стокгольм.

Погода была тихая и ясная, слабый северо-восточный ветер чуть морщил поверхность спешащих в сторону Атлантики вод. Бледно-голубое небо было затянуто тонким кружевом перистых облаков. Погода почти курортная, если бы не было так прохладно – всего плюс двенадцать. Команда кутается в свитера и ветровки. Но все равно большую часть времени она проводит на палубе. Это лучше, чем сидеть в тесной и натопленной кают-компании, к тому же совмещенной с камбузом. А что делать – лишних помещений для него нет, да и тепло печки в такую погоду совсем не лишнее. Дрова экономить тоже нет смысла, ведь чем ближе к горлу истока, тем чаще на берегах попадают кучи плавника. Судя по всему, эти запасы сухого дерева копились здесь годами.

Вы спросите – откуда столько дерева на побережье голой, как плешь, тундростепи? А оттуда же, откуда кучи плавника, лежащие на берегах морей Северного Ледовитого океана.

Все просто, тундростепь – это не монотонный ландшафт. Ее кое-где пререзают реки, несущие свои воды со склонов Альп, Карпат и Среднерусской возвышенности. В речных долинах, где достаточно влаги, и где растут деревья, которых днем с огнем не сыщешь в сухой и холодной тундростепи.

Случающиеся ежегодно половодья и ледоходы несут сломанные деревья вниз по течению в Балтику. А где и когда дерево будет выброшено на берег, зависит лишь от воли ветра и волн.

Кстати, о топляке – перед отходом Сергей Петрович провел с впередсмотрящими отдельную политинформацию, указав им, что их злейшим врагом является любое свободно плавающее бревно. Но обошлось; пару таких дрейфующих коряг вовремя заметили и обогнули по широкой дуге. Несмотря на поставленные паруса и благоприятствующий ветер, Сергей Петрович не глушил мотора, который мог понадобиться в случае резкого изменения обстановки. Топливо не экономили, им «дозаправиться» можно было в любой момент.

Вот так и шли по фиорду, зажатому между южным зеленым берегом и серой каменистой отмелью на севере, над которой белой стеной возвышался ледник. Фиорд сужался, течение усиливалось. Скоро оно приблизилось к двум узлам. Это заставляло держать корабельный мотор включенным. Если впереди внезапно обнаружится или водопад вроде

Ниагарского, или просто пороги, то последствия могут оказаться очень неприятными, если не смертельными.

На случай появления препятствий у двух товарищей был план, заключающийся в разгрузке коча, извлечения из его трюма УАЗа и перетаскивания всего хозяйства волоком на буксире вокруг преграды. Так наши далекие предки и поступали, например, в районе знаменитых днепровских порогов.

Но для того, чтобы выполнить этот план «Б», в первую очередь нужно было не разбиться о камни. А вот в этом и мог помочь включенный мотор, способный тянуть коч против течения со скоростью до десяти узлов. Ведь под парусами на реке особо не полавируешь. Вода, она только кажется ласковой да мягкой. Но стоит ее по-настоящему разозлить – костей не соберешь. И даже в двадцатом веке не каждый построенный из первосортной стали крейсер или линкор мог выйти невредимым из поединка с мощным тропическим тайфуном или ураганом.

«Отважный» шел и шел вглубь того, что в будущем будет называться Швецией, а фиорд все еще никак не мог превратиться в реку. Правда, сам он с каждым километром становился уже, а его берега окаймляли уже не холмы, а почти горы. И вот ближе к вечеру показалось то место, которое и являлось истоком реки. Южный берег тут сильно сближался с ледником, язык которого в зимнее время мог полностью перекрывать поток. Сейчас же край ледовой стены был неровно обломан, и становилось очевидно, что эта плотина рухнула совсем недавно. Дальше фиорд кончался, уклон суши менял свое направление, и перелившаяся через его верхнюю точку вода весело устремлялась вперед, к Атлантике. Правда, «весело» – это не то слово – представьте себе набирающий ход под уклон исполинский товарный поезд.

Хорошо, что внимательный капитан вовремя углядел это грозное явление и, оттолкнув от штурвала геолога, перевел мотор на максимальные обороты. Потом была команда убрать паруса, и буквально в последний момент удалось зацепиться за маленький заливчик у южного берега.

Когда «Отважный» мягко ткнулся в берег, Петрович выключил сцеплени и мысленно возблагодарил всех богов, которые были, есть, или будут, за удачное окончание этой эскапады. С самого начала, когда путешествие только задумывалось, он поклялся себе, что не будет рисковать, если в этом не было особой необходимости. Ведь сейчас он отвечает не только за себя, но еще и за одиннадцать душ, половина из которых – дети. Прежде чем лезть в эту стремнину, надо провести пешую разведку вдоль берега и посмотреть, что находится дальше. И уже по ее

результатам решать – стоит ли готовить волок, или можно без опаски идти вперед. На все эти мероприятия можно было полностью отвести остаток этого дня. Часы показывали шестнадцать тридцать пять.

После швартовки состоялся «совет в Филях», в результате которого были приняты следующие решения: Сергей Петрович, Сергей-младший, Катя и «друг человека» Майга, выступают вдоль берега для осмотра достопримечательностей за точкой истока. Как Ляля ни набивалась в их компанию, ей было решительно отказано. Вооружение: одна винтовка Мосина со снайперским прицелом, два арбалета, а также собачьи зубы и собачий нос. Расчетный маршрут: быстрым шагом – полтора часа одну сторону, и два часа – обратно. Андрей Викторович и Антон Игоревич в компании четвероногих спутников Шамиля и Зары выступают вдоль берега в противоположную сторону с задачей раздобыть что-нибудь на ужин. Вооружение: один карабин СКС и одна «Сайга-12». Задача: найти что-нибудь подходящих размеров – больше зайца, но меньше лося. Подстрелить и не мешкая вернуться назад. В лагере, при одной «Сайге-12» и трех арбалетах остаются Марина Витальевна, Валера, Лиза, Ляля, Антон-младший, Марина-младшая и Вероника. Задача: обустроить лагерь и подготовиться встречать сначала добытчиков, ну а потом и разведчиков.

В то время, пока девочки хлопотали по хозяйству, Валера с «Сайгой» должен караулить лагерь от появления хищников, а Антон-младший, на случай, если охотники ничего не добудут, сидеть с удочкой на корме «Отважного» и тягать из воды все, что попадется на крючок. Пацан на это дело оказался вполне удачливый, так что голодной компания в любом случае не останется. Сказано – сделано. Сразу после совещания, вооружившись, группы разошлись, каждая по своему маршруту.

Учитель повел своих спутников вдоль берега у самого уреза воды. Было видно, что вода стоит уже не так высоко, так что между берегом и крутым склоном холма, образовался небольшой, метров пять-шесть шириной, отлогий пляжик. Тень от холма и близость реки нагоняли холод и сырость. Если берег приблизится к склону вплотную, то им придется искать путь по верхам.

Так и получилось. Метрах в пятистах от лагеря они увидели тропу, идущую вверх по склону. Людей в этих краях быть не могло, а значит, тропу проложили животные. Можно было, конечно, пойти и лично убедиться в отсутствии пути вдоль уреза воды. Но мужчина взял «мосинку» наизготовку, кликнул Майгу, и первым начал карабкаться вверх по крутому склону. Следом за ним двинулись и Сергей-младший с Катей. Поднявшись метров на двенадцать-пятнадцать, они увидели еще одну

звериную тропу, идущую вдоль берега по небольшому карнизу шириной чуть более метра. Было видно, что у местного зверья в этих холмах есть свои, давно натоптанные магистрали, стоянки и транспортные развязки. Дальше шли легко. Иногда тропа, следуя рельефу, опускалась к самой воде, иногда поднималась вверх.

Место истока, где воды Балтики переливались в Реку, Сергей Петрович рассмотрел со всем тщанием и не заметил ни бурунов, ни водоворотов. Возможно, дело было в том, что вода стояла еще довольно высоко, и все препятствия скрывались в глубине. Подойди они к этому месту месяцем позже – возможно, появились бы проблемы. Одновременно мужчина порадовался, что им нет необходимости возвращаться обратно – течение со скоростью, превышающей десять узлов, «Отважный» едва ли смог бы преодолеть. Пройдя вперед еще километра полтора и убедившись, что дальше уклон течения резко уменьшается, а сама Река разливается вширь и никаких препятствий для дальнейшего сплава нет, учитель решил вернуться в лагерь. Завтра с утра они войдут в этот водоворот, ну а сегодня надо как следует отдохнуть.

Отставной прапорщик и геолог, отправившиеся на поиск зверья в другую сторону, свернули от берега в узкую расселину между холмами, где наткнулись на неопровержимое доказательство существования в здешних краях человека разумного. Примерно год назад, кто-то достаточно разумный перегородил узкое ущелье баррикадой из плавника и устроил тут самое настоящее побоище стаду бизонов. Классическая загонная охота, устроенная по тем же правилам, по каким в двадцатом веке «духи» в горах Афгана охотились на транспортные колонны. Стадо загнали в этот тупик (вероятно, с помощью факелов), а потом с небольшого карниза забросали копьями. У самой баррикады горами валялись обглоданные черепа и раздробленные ударами камней кости. Тут же были остатки нескольких больших кострищ.

А чуть дальше они нашли то, что стало ценой, заплаченной неведомыми охотниками за свой триумф – две груды камней с воткнутыми в их вершину деревянными копьями. Охотиться расхотелось. Мужчины, немного постояв у безымянной могилы героев, отдавших жизни ради выживания человеческой расы, вернулись назад на стоянку с пустыми руками. И так бы у них и вышел рыбный день, если бы на обратном пути другая группа не застала у водопоя одинокого самца благородного оленя.

Поскольку Сергей Петрович не слышал выстрелов, он решил, что охотники, которые ушли на промысел исключительно с огнестрельным оружием, ничего не нашли, и теперь у него есть возможность

компенсировать их неудачу. Придержав Майгу, он сделал знак Сергею-младшему и Кате, показав им жестом, что настала их очередь испробовать свои арбалеты на настоящей добыче.

Опустившись на колени, юные охотники синхронно нажали на спуск. Раздался двойной щелчок. Одна стрела попала оленю в грудь, другая – в пах. Сделав несколько неуверенных шагов на подгибающихся ногах, жертва упала и забилась в конвульсиях. Немного выждав, учитель сделал знак своему тезке, чтобы он подошел и добил оленя. Он решил, что сегодня у пары будет еще один праздник – вчера их поженили, а сегодня они убили свою первую добычу, и значит, должны быть посвящены в охотники.

Причем добытое ими животное смело можно было назвать королевской дичью. Свежевать оленя решили на месте. Добычей охотников стало не только парное мясо, но и панты. Как определил Сергей Петрович, самцу было от десяти до двенадцати лет, и он был в самом расцвете сил. Одним словом, охота удалась.

Катя сбегала в лагерь, до которого было совсем недалеко, и привела подмогу: тех же мужчин – охотников-неудачников и Лялю. Пока кипела работа по потрошению и разделке туши, два друга наскоро обменялись новостями. В принципе следы охоты годовалой давности говорили о том, что эти края населены еще меньше, чем Чукотка в их время, и посещаются охотничьими партиями от случая к случаю. Но чем дальше они двигаются в сторону Атлантики, тем больше будет вероятность новых встреч с местным населением. А посему ухо надо держать востро. Надо стараться и самим никого не обижать, и себя никому не давать в обиду. Другого пути нет.

* * *

30 мая 1-го года Миссии. День шестнадцатый. Ранее утро. Швеция, окрестности Эребру, исток Реки.

Оттолкнув шестами «Отважный» от берега и развернув его носом к стрежню, Сергей Петрович сразу выжал сцепление уже запущенного на полные обороты мотора. Сейчас было главным как можно скорее выйти на стрежень течения. Паруса он пока ставить не велел, несмотря на то, что ветер благоприятствовал. На баке, вглядываясь в воду перед собой, напряженно замерли вперёдсмотрящие – Сергей-младший и Катя.

То, что было дальше, можно сравнить, пожалуй, только с американскими горками. Описав крутую циркуляцию, коч вышел на стрежень. Чем ближе было горло перелива, тем сильнее ускорялся поток. Сергей-младший крикнул, что под ними, на глубине пяти метров, видны огромные валуны – даже, скорее, настоящие скалы – обточенные водными потоками. Именно в этом месте язык ледника каждую зиму перегораживал

поток, и тут на дно оседали его «подарки». И очень хорошо, что «Отважный» проходит горло почти на пике половодья. Еще минус пара метров глубины – и горло стало бы непроходимым...

Ворота пролетели с женским визгом, воем мотора и свистом ветра в ушах. Еще бы – если сложить скорость корабля и потока, то суммарно выйдет больше сорока километров в час. Вот потому-то капитан и не стал ставить паруса. Эффект небольшой, зато гуляющие по горлу вихри вполне могли все испортить.

В самый критический момент прямо над ухом у рулевого раздался пронзительный визг. Обернувшись на мгновение, Сергей Петрович увидел Лялю, которая с закрытыми глазами судорожно вцепилась в мачту прямо за его спиной. Отвлекаться на глупую девку было некогда – в любой момент мог последовать окрик вперёдсмотрящего, требующий изменить курс. Смотреть надо было в оба, в любой момент поток мог бросить корабль на скалистый берег или каменистую отмель. Никто так и не узнает, сколько седых волос добавилось у намертво вцепившегося в штурвал капитана, пока он сплавлял свой корабль по водной стремнине. Одно неверное движение – и костей не соберешь.

Почти сразу за горлом, километрах в пяти, скорость течения стихла, русло раздвоилось, огибая большой каменистый остров, и дальше уже текла обычная река, которых Сергей Петрович в своей жизни навиделся немало. Скорость разлившегося потока упала с двенадцати до трех-четырёх узлов. Можно было выдохнуть, поставить паруса (благо ветер благоприятствовал) и перевести мотор на пониженные обороты.

Только передав штурвал коллеге, Сергей Петрович почувствовал, как он взмок и устал. А еще ему захотелось... да-да, взять эту дуру Лялю за руку, затащить в темный трюм, и там в закутке у мотора послушать, как она будет кричать совсем по другому поводу. Так мужской организм порой реагирует на пережитый смертельный риск, стимулируя «основной инстинкт». Но мужчина сдержал свои порывы, ибо Лялино время еще не пришло.

Река стремилась на юго-запад, а вместе с ней, поторапливаемый дующим с ледника северо-восточным ветром, спешил «Отважный». Пейзаж по берегам особым разнообразием не отличался. Слева проплывали покрытые ковром цветущих трав холмы, а справа, над пронизанной тысячами ручьев каменистой осыпью морены, горделиво возвышалась стена ледника. Наметанный глаз Петровича замечал, что половодье уже пошло на убыль, и надо бы поторопиться. Вполне вероятно, что не все так просто, как хотелось бы, и впереди их ждет еще пара-тройка крайне

неприятных для плавания мест.

Его подозрения отчасти укрепились, когда за час до полудня перед ними открылась гладь большого озера. Порывшись в памяти и сверившись с картами нашего времени, Сергей Петрович установил, что они достигли озера Венерн, или того, чем оно было за тридцать шесть тысяч лет до нашей эры. Больше ничем карты помочь не могли, так как детальный рельеф местности сильно изменился за прошедшие тысячелетия.

И он, как и во время плавания по Балтике, решил опереться на трех китов, которых звали: радар, сонар, и впередсмотрящие. Северо-западный берег озера представлял собой уходящую в воду стену льда. «Отважный» будет двигаться на юго-запад, следуя на расстоянии прямой видимости от зеленого южного берега. Слишком близко к нему приближаться не хотелось. Сильно изрезанное, с большим количеством бухт и заливов побережье изобиловало скалами и каменистыми мелями. Заночевать решили в маленькой бухточке на подветренном берегу далеко вдающегося в озеро полуострова.

Причалив, команда «Отважного» разбила стоянку, но охотиться не стала. Во время сплава по реке Антон-младший натягал из воды большое количество сильной, крупной розовой форели. Судя по всему, этой рыбой тут кишело все – и сама река, и озеро, и окружающие ее быстрые речки и ручьи. Какая уж тут охота, когда деликатес сам лезет в рот. Форель запивали армянским коньяком, и, прислушавшись к внутреннему голосу, решили, что это нормально.

Немного побродив по берегу и набрав дров вместо истраченных за предыдущий день, компания отправилась спать. Сергей-младший с Катей залезли в свою молодоженскую палатку, Марина Витальевна и Ляля с детьми легли в натопленной кают-компании, а остальные устроились у костра в спальных мешках под открытым небом. Ночью ветер усилился, и задул ровно с севера. Похолодало, но дождь так и не пошел. Но людям, уставшим за многотрудный день, это было уже безразлично.

* * *

31 мая 1-го года Миссии. День семнадцатый. Ранее утро. Швеция, озеро Венерн окрестности Колландсё.

Утро этого дня было зябким. По небу опять низко летели лохматые серые облака, поэтому, быстро собрав лагерь, команда «Отважного» снова отправилась в путь. Сильный и холодный, ветер все равно оставался благоприятным, поэтому сразу после отхода от берега Сергей Петрович встал в правый бакштаг и перевел мотор на минимальные обороты.

Короткая, злая, вспененная по гребню волна догоняла их сзади; обдав

палубу брызгами, ударяла в правый борт и скользила дальше. Температура устойчиво держалась на десяти градусах Цельсия, а порывистый ветер – на пяти-десяти метрах в секунду.

Видимость сократилась, и пришлось приблизиться к берегу, чтобы не потерять его из вида. Не самая приятная погода для морских прогулок. Опять все попрятались в кают-компанию, и, за исключением впередсмотрящих на баке и рулевого, палуба была пуста. Так они и шли, между все более и более сближающимися берегами. Холмы по левому борту незаметно снова превратились в невысокие горы.

Незадолго до обеда ветер чуть ослаб и с неба пошел мелкий моросящий дождь. Видимость еще больше сократилась. Капитан уже думал о том, что было бы неплохо пристать к берегу и переждать непогоду, когда стоящий на вахте Антон Игоревич и Валера с Лизой не заметили за дождевым зарядом вход в очередное горло. Точнее, когда они заметили, делать что-либо было уже поздно, оставалось лишь реагировать. До скручивающегося в мутную косу речного стрежня была примерно сотня метров. А по правому и левому борту в дождевой мути выросли высокие береговые откосы.

Времени хватило лишь на то, чтобы вызвать из кают-компания Сергея Петровича и понадеяться на то, что он сумеет вытащить «Отважный» из той неприятной ситуации, в которую загнали коч раззявы впередсмотрящие. Вместе с Сергеем Петровичем на бак, на подмену оплошавшим, выскочили Сергей-младший с Катей. Андрей Викторович тем временем экстренно регулировал газогенератор, доводя отдачу до максимума, и увеличивал обороты мотора.

Петрович вытащил. Слушая крики с бака, он вел «Отважный» ровно по стрежню, перекладывая курс по их команде. Каньоном это назвать было сложно, но ветер гудел меж берегов, как в аэродинамической трубе. Когда мотор взвыл на повышенных оборотах, пришло время убирать паруса и крутиться на том, что есть. Слава всем святым и богам, что не пришлось делать слишком резких маневров. Проскочив само взбаламученное горло и увернувшись от узкого каменистого острова, похожего на зубчатую спину притаившегося крокодила, «Отважный» сумел избежать больших неприятностей.

Дальше, когда они уже шли уже под мотором, русло несколько раз довольно круто изгибалось, но река была полноводной, а глубина оставалась приличной. Этот выматывающий душу водный слалом продолжался в течение трех с половиной часов. Потом левый берег опять стал пологим, река разлилась вширь и успокоилась.

Учитель решил, что в таких условиях лучше найти подходящее место для якорной стоянки и провести «разбор полетов». Андрей Викторович его полностью в этом поддержал. Такой экспромт мог стоить им всем жизни. Нужно было выяснить причины произошедшего и наказать виновных. Наказание – это вторая половина ответственности, и об этом стоило сейчас напомнить.

Место для стоянки опять выбрали в речном заливе, притаившемся меж двух холмов. Как и положено, завели швартовы и бросили якоря. Если верить расчетам и счислению, «Отважный» уже пересек Скандинавию и находился у северной оконечности Ютландского полуострова.

Лагерь на берегу разбивать не стали – мелкий морозящий дождь лишил эту затею смысла. Когда покончили со всеми текущими делами, старшие начали думать, какое наказание вынести Валере и Лизе, допустившим серьезную оплошность. С Антона Игоревича вина была снята сразу, ведь со своего места, да еще при его небольшом росте, он просто не мог видеть то, что творилось впереди, и вел корабль по указаниям впередсмотрящих. Что касается остальных виновных, то им прощения не было. Не зря же на вахту впередсмотрящих ставили по два человека и меняли через каждые два часа, чтобы у них не замыливались глаза.

А тут расслабились. Все должны знать, что статус взрослого вместе с правами, подразумевает и ответственность. После долгих обсуждений и споров решили прибегнуть к телесным наказаниям, так как для простого словесного внушения проступок был слишком тяжел, а для «высшей меры»... Ну не знал никто, как в тех условиях можно применять ту самую высшую меру.

А так приговор звучал коротко: обоим провинившимся по пять ударов мокрым линьком без узлов по голому заду... Приводить его в исполнение вызвался Андрей Викторович. Он по очереди вывел обоих провинившихся на бак, и там, приказав обнять грот мачту, один за другим отвесил им без свидетелей по пять хлестких ударов мокрой веревкой по голым ягодицам. Лиза выдержала экзекуцию стойчески, а вот Валера слегка повизгивал. Это было необходимо, чтоб впредь никому не повадно было зевать на боевом посту.

Потом Марина Витальевна под шипение и стоны наказанных мазала вздувшиеся рубцы раствором бриллиантовой зелени, что, конечно, тоже можно посчитать продолжением порки. На этом наказание было закончено, и впредь больше уже не следовало без особой нужды упоминать о совершенном проступке.

Когда все закончилось, Петрович вывел из конуры на корме Майгу, взял своего тезку и его подругу, и они, накинув дождевики, отправились осмотреть окрестности и попробовать подстрелить чего-нибудь на ужин.

На этот раз вместо «мосинки» он взял СКС Антона Игоревича, который все же был полегче. Сергей-младший и Катя опять вооружились арбалетами.

Из крупных животных им удалось обнаружить поблизости только стадо мамонтов, но убивать мамонта в их положении – это уже перебор. Они пошли дальше вниз по течению. Терпение охотников было вознаграждено. Они увидели неподалеку холм, изрытый кроличьими норами. Кролики, конечно, не олени, но, имея дело с непугаными зверьками, можно было вполне реально подстрелить несколько штук из арбалета. Примерно через час охотники добыли трех крупных и двух мелких кроликов. Правда, мех этих зверьков в летнюю пору оставлял желать лучшего, так что выделкой шкур заморачиваться не стали. Добыли мясо, и ладно.

С добычей счастливые охотники вернулись на «Отважный», где уже закончили охоть и стонать наказанные. Но еще неделю и Валера, и Лиза будут есть стоя и спать на животе. Такая уж у них случилась беда...

* * *

1 июня 1-го года Миссии. День восемнадцатый. Ранее утро. Северные равнины, 100 километров северо-западнее Гетеборга.

Рано утром, едва забрезжил рассвет, судно тихо отчалило от берега и направилось вниз по широко разлившейся в этих местах реке. Дождь за ночь прекратился, ветер же, наоборот, задул с новой силой, меняясь от северного до северо-восточного. Так что, поставив паруса, Сергей Петрович все время должен был следить за тем, чтобы внезапный порыв ветра не сбросил его с речного стрежня. Работающий на малых оборотах мотор улучшал управляемость, но все же проблем было немало. Конечно, осадка коча где-то метр–метр двадцать гарантировала от многих проблем. Но береженного бог бережет. Глубина пять с хвостиком по сонару куда лучше, чем в метр тридцать, когда киль вот-вот заскребет по грунту. Промучившись полтора часа, Сергей Петрович убрал паруса, оставив только тихо тарахтящий мотор. Пусть скорость и упала, но спешить особо было некуда. В таких случаях тот, кто слишком спешит, обычно потом или людей смешит, или рыб кормит – это уже как повезет.

Ближе к полудню небо очистилось, а усилившийся ледяной ветер задул с северо-запада, то есть прямо от ледника. По реке побежали короткие злые волны, украшенные барашками, бьющие «Отважному»

прямо в правый борт. В сочетании с ярким светом солнца все выглядело весьма фантастически.

Несмотря на все неприятности, коч продолжал двигаться вниз по реке, обходя отмели. Пока команде везло и корабль ни разу не пропахал брюхом по липкой песчано-илистой мели, которых на реке было в изобилии. Когда спадет половодье, все эти мели должны выступить из воды длинными, словно женские косы, песчаными островами.

Сергей Петрович заметил, что с некоторых пор не он один являлся предметом девичьих вздыханий. После случая с поркой Лиза стала неприкрыто проявлять свое внимание к отставному прапорщику. Кто их поймет, женщин, такие уж особенные они существа. Только что нежные и ласковые, они через минуту уже шипят как разъяренные кошки. Зато Валера, получивший у Лизы полную и окончательную отставку, совсем скис, и учитель решил, что с ним при первом же подходящем случае надо будет переговорить по-мужски, пока он не отмочил какую-нибудь глупость. Неразделенная любовь в его возрасте – вещь крайне опасная, заканчивающаяся порой суицидом.

После обеда по реке загуляли уже довольно большие волны, и Петрович, как капитан, решил укрыть «Отважный» в первом подходящем речном заливчике, прикрывшись от разгулявшейся природы длинной песчаной косой. Волна, бьющая прямо в борт – это совсем не то, что полезно кораблю, тем более что на реке особо не полавируешь.

Закончив швартовку, Петрович посоветовался с остальными мужчинами. Из-за плохой погоды не удалось порыбачить, так что сегодня на ужин и завтра на завтрак нужно было срочно раздобыть свежего мяса. Решили послать две охотничьих партии. В одной из них вниз по течению отправятся Сергей Петрович и Валера, в другой, которая собиралась следовать в противоположную сторону – Антон Игоревич и Сергей-младший.

Старшие взяли с собой по одной «Сайге-12» с набором патронов на все случаи жизни, а молодые люди были при арбалетах. Как показала охота на оленя, при использовании стрелы с соответствующим наконечником оружие сие весьма грозное, и на расстоянии ста метров гарантирует смерть любой добыче, за исключением разве что мамонта или шерстистого носорога.

Быстро собравшись, учитель вывел из закутка Майгу и поманил за собой печального как Гамлет Валеру. А то ж – когда закончилась последняя перед причаливанием их с Лизой вахта вперёдсмотрящими, девушка не пошла вместе с ним в кают-компанию, а, несмотря на пронизывающий

порывистый ветер, предпочла целый час простоять, прижимаясь к спине стоящего за штурвалом Андрея Викторовича. Ну нравился ей этот сорокалетний бравый отставной военный, изображающий из себя рыцаря без страха и упрека. Вроде бы что-то интимное между ними уже было (ну как же – а порка?), и Лиза, наверное, считала, что теперь может не стесняться в выражении своих чувств. Что обо всем этом думал товарищ, Сергей Петрович еще не знал. Но можно было сказать лишь одно – «матросить» девушку «без обязательств» отставной прапорщик не будет. А значит, в случае совпадения интересов надо будет готовиться к еще одной свадьбе.

Но сперва требовалось решить вопрос с Валерой, ибо в их маленьком коллективе ни один человек не лишний. При этом учитель подумал, что нужно как можно скорее разбить пару вперёдсмотрящих «Валера-Лиза», дав им новых напарников. С Валерой в качестве ученика может поработать Антон-младший, а партнершей Лизы пусть станет Ляля. После такой перестановки у Марины Витальевны вместо постоянной помощницы появляется дежурный по кухне из резервной смены.

Отойдя метров на двести от стоянки, когда изгиб берега и песчаная дюна полностью скрыли из виду «Отважный», Сергей Петрович решил начать с юношей серьезный «мужской» разговор. Отпустив с поводка Майгу, которой вменялось охранять их от возможных внезапных неприятностей, он еще раз осмотрел окрестности и повернулся к юноше.

– Валера, – сказал он, стараясь быть тактичным, – поверь мне, не на Лизе жизнь началась, и не на ней она закончится. Ей больше нравится Андрей Викторович. Ведь ты же знаешь, что насильно мил не будешь. Будут у тебя еще девушки. А от Лизы у тебя одни лишь неприятности... Вы ведь тогда, когда чуть не угробили нас всех, между собой поругались. Правильно?

– Поругались, – угрюмо признался парень, и неожиданно сказал, – она по Мускулу – ой, Андрею Викторовичу – давно сохнет, да только раньше повода не было. А тут еще Катька эта, дура счастливая. Вот Лизка и вбила себе в голову, что затащит его в постель – я-то для нее оказался непригоден.

– А у вас что-то было? – почти машинально поинтересовался Сергей Петрович.

– Было, – Валера опустил голову и покраснел, – еще там, на берегу. Только не получилось у меня ничего...

– Эх, Валера, Валера, – покачал головой учитель, – не получилось с Лизой, получится с другой.

– С какой другой? – почти простонал юноша. – Катька уже «жена»,

Ляля, как собачка, бегают за вами, а Маринка с Вероникой совсем малявки. Или вы предлагаете мне попробовать с Мариной Витальевной?

Петрович аж остановился.

– От це мысль, – сказал он, подняв палец кверху, – отдать тебя в опытные руки бывалой дамы для прохождения курса молодого бойца и оттачивания необходимых каждому мужчине навыков. Но шутки шутками, а к сожалению, сие тело плотно оккупировано Антоном Игоревичем, который вряд ли потерпит при нем конкурентов. Но это обсуждаемо – большой любви там нет, а имеет место клуб по интересам. Понимаешь, каждому делу, даже такому нехитрому как постельное, надо долго и упорно учиться у настоящего специалиста.

Затем он снова повернулся к ошарашенному юноше:

– А вообще ты зря думаешь, что свет клином сошелся на Ляле с Лизой. Там, куда мы плывем, должны уже обитать люди вполне современного нам европейского вида. И девушки среди них обязательно будут. А хочешь, найдем тебе негритянку или неандерталку? Во! Будешь плохо себя вести – женю тебя на неандерталке. Эти дамы еще похлеще, чем хохлушка со скалкой. У них такие кулачки, что и скалка не нужна – чуть что, и в глаз!

– Вы шутите? – не понял Валера, растерянно моргая.

– Конечно, шучу, – подтвердил мужчина, – отчасти. Женишься ты на той, которую захочешь взять себе в жены. И силой в постель к Марине Витальевне тебя никто запикивать не будет. Во всем остальном я сказал тебе истинную правду. Подними голову, друг мой, и оглядись. У тебя еще все впереди. Разойтись с Лизой сейчас, пока между вами вообще еще ничего не было – это куда лучше, чем тянуть нудную, как жвачка, «несчастную любовь». Ты меня понял?

– Да, Сергей Петрович, – кивнул Валера, – я вас понял. Постараюсь сделать все, как вы сказали, и забыть Лизу. Только это будет тяжело.

– Вы больше не будете вместе стоять вахту, – услышал он решение капитана, – с завтрашнего дня твоим напарником и учеником будет малой Антон. Учи его как следует.

– А что Лизка? – почти машинально спросил юноша.

– А Лизе мы дадим в ученице Лялю, – сказал Сергей Петрович. – А теперь, Валера, давай закончим этот разговор и немного поохотимся.

– Давайте, – кивнул Валера и взял арбалет наизготовку. – Я готов.

Пройдя еще с километр, они слышали доносящийся из-за невысокой дюны громкий гогот гусей. Поднявшись по поросшему редкой травой песку, они увидели небольшое заросшее камышом озеро-старицу – все, что осталось от бывшего когда-то здесь русла реки. Гусь – он, говорят, и в

Африке гусь. А тут этих серых гусей, именуемых в наше время гуменниками, был не один десяток. Очевидно, эта укрытая от ветров и непогод старица служила для них местом гнездования. Сергей Петрович прикинул, что пара-тройка таких птичек вполне может решить их продовольственную программу на этот день. Поэтому, зарядив «Сайгу» патронами с дробью и взяв Майгу на короткий поводок, он велел Валере целиться из арбалета в одну из птиц на берегу.

Сначала свистнула арбалетная стрела, потом следом, один за другим, грохнули два выстрела из «Сайги». Вспугнутая выстрелами, стая гусей поднялась в небо, оглашая окрестности своими возмущенными криками. На берегу остались биться три птицы – две пораженные дробью, и одна стрелой.

Когда Сергей Петрович и юноша подошли поближе, то увидели, что Валера убил сидящую на кладке крупную гусыню. В гнезде диаметром около семидесяти сантиметров, лежали шесть больших яиц, желтоватая скорлупа которых была покрыта неровными серыми пятнами. Не успели они подойти к гнезду вплотную, как неподалеку от них приземлилась еще одна крупная птица. Расставив крылья и вытянув вперед шею, крупный гусак атаковал разорителей его домашнего очага. Валера, который перезарядил арбалет сразу после первого выстрела, не задумываясь, всадил в защитника гнезда еще одну стрелу. Итак, охота удалась – у них были две молодые птицы, примерно по три-три с половиной килограмма весом, и одна взрослая пара, где самка тянула на пять с хвостиком кило, а самец – на все семь. Этого вполне хватит на ужин и на завтрак, даже если вторая пара охотников ничего не добудет.

Пока Сергей Петрович связывал добыче лапы, готовя ее к переноске, парень вытащил из тушек стрелы, а потом подошел к гнезду. Взяв в руки одно яйцо, он поднес его к уху. Немного послушав, довольно улыбнулся, и, расстегнув куртку, сунул яйца к себе за пазуху, между свитером и рубашкой.

На вопрос учителя, что он делает, Валера поднес к его уху одно из яиц. Внутри что-то попискивало и поскрипывало.

– Уже скоро... – сказал он, мечтательно улыбаясь, – до проклевывания осталось меньше суток. Раз пищит, значит, уже дышит воздухом. Отнесу Маринке с Вероникой, пусть возьмется с гусятами, меньше будут Витальевну доставать...

* * *

2 июня 1-го года Миссии. День девятнадцатый. Ранее утро. Северные равнины, 100 километров северо-западнее Альборга

(Дания).

Валеркины гусята вывелись среди ночи. Вероника, которая взяла яйца к себе за пазуху, как-то беспокойно заворочалась, потом раздался хруст, треск и мокрое серое существо, пища, завозилось на ладони у девочки, пытаюсь подняться на слабые еще лапки. К утру в картонной коробке, стоявшей у печки, на подстилке из собранной на берегу прошлогодней травы уже возились пять маленьких гусят. Оставшаяся от завтрака каша была съедена ими на ура. Вздохнув, Марина Витальевна назвала их «наше подсобное хозяйство» и включила в перечень своих подопечных. А главный прогрессор задумался о том, что им еще предстоит расширять это «подсобное хозяйство» насколько это возможно. Как говорится, «кролики – это не только ценный мех, но еще и продовольственная независимость».

Пользуясь тем, что северо-западный ветер с утра был вполне умеренным, Сергей Петрович сразу после рассвета поставил паруса и, запустив мотор, на небольших оборотах двинулся в путь дальше по реке. За ночь потеплело. Утром температура поднялась до плюс тринадцати – пятнадцати градусов. Из-за пасмурного неба наблюдений они не производили, но по счислению и особенностям местности можно было понять, что их путь проходил примерно в пятидесяти километрах к северу от оконечности Ютландского полуострова. Правый берег реки представлял собой каменистую ледниковую морену с возвышающейся над ней стеной льда, которую прорезали потоки талых вод. А по левому борту тянулись все те же покрытые весенней травой низкие холмы.

Чем дальше «Отважный» двигался на юго-запад, тем более равнинным делалось побережье по левому его борту. Тундростепь напоминала ту, что путешественники наблюдали на берегах Ладожского озера. Сергей Петрович распорядился внимательнее поглядывать на берег в поисках дыма от костра, или других признаков присутствия человека. В этих краях уже можно было надеяться встретить первые охотничьи группы, вышедшие в поисках добычи раньше остальных. Но ничего интересного так и не попало.

Коч, идя в правый галфинд, иногда переходя в бейндвинд, продолжал скользить вниз по течению. Тихо постукивал мотор, мимо корабля проплывали красоты дикой природы. По правому борту это были бело-серые нагромождения камней морены и ледниковая стена, а по левому – изумрудно-зеленая зелень и многоцветье тюльпанов и крокусов. В эту зону сплошного цветения они вошли сразу после полудня. Выглянуло солнце, и все вокруг стало сказочно красивым.

Антон-младший вполне серьезно отнесся к своей обязанности

впередсмотрящего, и после первой его вахты Сергей Петрович решил, что принял верное решение. На борту «Отважного» теперь воплощался великий принцип социализма: «от каждого по способностям, каждому по возможностям». Делом были заняты абсолютно все. Когда Ляля ушла с камбуза во впередсмотрящие, ее место помощницы главного повара заняла Марина-младшая, которая, несмотря на свой юный возраст, на удивление легко управлялась с шинковочным ножом и половником. Маленькая Вероника, которой понравилось возиться с гусятами, стала «заведующей подсобным хозяйством». И Сергей Петрович уже задумывался о том, что будет, когда в этом хозяйстве, кроме гусей, заведется живность посolidнее. Только такая маленькая девочка вряд ли сможет управиться с конями или турицами, которых и язык-то не повернется назвать коровами. Но то, что сместить Веронику с этого поста без скандала не удастся, было видно сразу.

Немного подумав и посоветовавшись с коллегами, учитель пришел к выводу, что проблемы надо решать по мере их поступления. Ясно лишь одно – свой «аттестат зрелости» девочка заслужила, и иждивенкой не будет. Надо только дождаться, пока она подрастет, а пока по возможности выделять ей помощь. Сам Сергей Петрович не испытывал особого желания возиться с маленькими зверушками. Если в коллективе есть человек, который вкладывает в это дело всю свою душу – так пусть он им и занимается. Натуральное хозяйство на ближайшие пару сотен лет – это наше все.

Вечером сгустились тихие сумерки. Но ночь так и не наступила, хотя яркие звезды на небе стали уже заметны. Очевидно, наступала пора белых ночей.

Причалили, и уже на берегу съели заранее приготовленный ужин. Немного посидели у костра, потом Сергей Петрович с коллегой взяли ПАР и, сделав астрономические замеры, по высоте Веги над горизонтом установили широту места, которая была равна 57 градусов, плюс-минус лапоть. Более точно решили определяться в точке впадения в Реку уже слившихся вместе Эльбы, Рейна и Мааса, которое ожидалось впереди примерно через сутки.

Если внимательно разглядывать детальные батометрические карты Северного моря, сделанные в наше время, то на них видны следы речных долин на морском дне. Там решено было сделать однодневную стоянку, немного перетрясти припасы, и точно привязаться к местности, определив широту ночью, а долготу днем, если будет ясная погода. Кроме того, нужно было нагреть воды и, развернув палатку, устроить что-то вроде бани. Люди,

гм, начали слегка попахивать. Простое умывание холодной водой уже не удовлетворяло требованиям гигиены. По сути, эта остановка будет обозначать, что пройдена половина пути.

Кроме того, после этой точки резко увеличивается вероятность встретить местное население, так как до изобретения лодок крупные реки служили препятствием для проникновения людей на север Европы и, в частности, в Ютландию и Южную Норвегию. В пещерах Бельгии, к примеру, отмечены следы проживания как неандертальцев, так и наших прямых предков – неантропов кроманьонцев.

* * *

3 июня 1-го года Миссии. День двадцатый. Раннее утро. Северные равнины, 200 километров западнее Альборга (Дания).

Утро было безоблачно-ясным. Только где-то на немыслимой высоте белым кружевом парили подсвеченные снизу солнцем облака. Отчалив от берега, «Отважный» легко заскользил вперед под мотором. Недостатка в дровах путешественники не испытывали, ибо плавник по безлесным берегам реки не был редкостью. Встречающиеся время от времени небольшие притоки реки в устьях зарастали кустарником, а где-то дальше, в укрытых от ветра узких долинах, росли и крупные деревья, которые после гибели выносило к Реке вешнее половодье. И самое главное – в связи с отсутствием тех, кто мог бы использовать эти мертвые деревья в качестве топлива, завалы из переплетенных стволов и ветвей могли копиться на отмелях десятилетиями и столетиями. Ну а Сергею Петровичу много было и не нужно. Просто на каждой стоянке они пополняли возимый запас и обязательно разводили большой костер в знак того, что и в эти края когда-нибудь придет цивилизация.

У места последней стоянки Река брала еще круче к югу, а ветер все больше заходил к западу. Тут и к гадалке не ходи, было ясно, что «Отважный» снова вернулся в область стабильного антициклона и преимущественно западных ветров. Ледник по правому борту выглядел уже немного другим. Он посерел и был весь изрезан эрозией от стекающих с него ручьев. Совершенно ясно, что зимой он снова возьмет свое, но эта борьба льда и летнего тепла показывала, насколько неустойчиво было природное равновесие.

«Эльбо-Рейно-Маас» имел обширную дельту с островами, заросшими густым кустарником. Сейчас, когда пик весеннего половодья уже наполовину спал, из воды начали выступать обширные песчаные пляжи. К одному из таких крупных островов, отделенному от южного берега крупной и глубокой протокой, около четырех часов вечера и причалил

«Отважный».

Сергею Петровичу это место немного напомнило Васильевский Остров – естественно, до того, как самодержец Петр поставил свой град на берегах Невы. Но самое главное, на острове имелся большой навал выброшенного половодьем плавника, так что он, имея запас топлива и будучи защищенным от хищников (в чем успели убедиться мужчины, обойдя его), был почти идеальным местом для стоянки.

На ужин из протока наловили удочкой рыбы, которая тут просто кишела, а с утра решили устроить охоту. Вопрос с помывкой решили просто. Из трюма были извлечены один из колодезных насосов и бухта 15-мм пластикового шланга. Конечно, лучше бы подошла металлическая труба, но взять таковую с собой как-то не озаботились. На берегу, на месте, где предполагалось развести костер, вырыли яму, в которую и был опущена означенная бухта, один из концов которой дотянули до бани-палатки, а другой – до опущенного в протоку насоса. Всего в бухте было сто десять метров, так что длины хватало. Сверху уложенный в яму шланг присыпали тридцатисантиметровым слоем песка и, запустив насос, развели над ним большой костер. Температуру воды на выходе планировали регулировать, открывая кран ее подачи. Горячая вода должна была пойти, как только земля под кострищем достаточно прогреется.

Все безобразие этой схемы заключалось в том, что стоило лишь насосу заглохнуть, как пластиковый шланг тут же был бы непоправимо испорчен. Но все обошлось. Даже более того – все получился очень даже неплохо. Горячий душ, под которым по очереди и с большим удовольствием вымылись все, не экономя воду. Ведь даже после того, как костер погас, земля оставалась достаточно горячей для того, чтобы в ней можно было печь картошку, и насос должен был продолжать работать. Так что этим туристическим деликатесом друзья тоже побаловались, как и особым послебанным чайным сбором, который Марина Витальевна надергала прямо тут на острове. Все же какой русский не любит горячей воды. Не хватало только парилки и березовых веников...

Часть 3. Клан Изгоев* * *

Начало лета. Незадолго до полудня. Великие Северные равнины, в одном дне пути от слияния Великой Реки и Нагары.

Равнодушное солнце поднялось уже высоко, и оттуда смотрело своим огненным глазом. С едва видимого на горизонте ледника задувал холодный ветерок. Гуг уже проклинал себя за то, что, поддавшись чувству голода, в одиночку попытался выследить такую опасную добычу, как небольшое

стадо бизонов. Хотя на самом деле он был не один, и вся эта коррида могла кончиться более плачевным результатом...

Несколько дней назад новый вождь изгнал Гуга из племени. Точнее, не так – изгнали не Гуга, а изгнали его сестер-близнецов – Мару и Дару. Ну в самом деле, какой вождь, находясь в здравом уме, изгонит молодого здорового охотника, способного приносить добычу. По крайней мере, пока этот охотник не совершил чего-нибудь выходящего совсем уж за край добра и зла. А вот две молодые зловещие девчонки вполне способны до самых печенок достать всю верхушку племени, особенно если помнить о том, что близнецы, да к тому же еще и рыжие, старинному поверью, приносят несчастье.

А племени в последнее время действительно не везло. Все началось с того, что прошлой осенью на охоте шерстистый носорог насмерть затоптал старого вождя, который, по случайному совпадению, был отцом Гуга, Мары и Дары.

Пока был жив старый Харг, о «приносящих несчастье» предпочитали помалкивать, ибо вождь сам по себе был удачлив и имел немало сторонников среди охотников. Также он никогда не мешкал, когда нужно было пустить в ход тяжелые кулаки или оттащить за волосы особо зловещую женщину. Ну а после его смерти, как водится, все недовольные им воспрянули духом и принялись вымещать зло на детях, говоря им то, что при жизни никогда не осмелились бы сказать отцу. Лично Гуга мало кто задевал, кроме нового вождя. Охотники по большей части были вне критики. Доставалось в основном его сестрам. Тем более, что отцовские лидерские задатки в нем явственно проглядывали, и некоторые из его ровесников уже поговаривали, что едва Гуг наберется достаточно опыта, чтобы вести большую охоту, племени снова надо будет сменить вождя. А то этот неумеха Гом быстро загонит всех в могилу.

И действительно, если зиму как-то удалось прожить на запасах, сделанных еще при старом Харге, то весной неудачи во время охоты пошли одна за другой. Добычи было мало, а охотники платили за нее тяжелыми травмами, а то и жизнями. За небольшой период погибло двое охотников, а один был искалечен. Еще четверо находились в состоянии «временной нетрудоспособности», и сейчас за ними ухаживала Мудрая Женщина. Искалеченный же охотник не обладал никакими особыми талантами и превратился просто в лишний рот.

От голода народ Гуга спасали лишь грибы и дикие травы с кореньями, которые собирали в степи женщины. Ну и рыба, кое-как наловленная в Нагаре плетеными вершами.

А тут еще Мара родила своих первых детей: тоже девочек, тоже двойню, и тоже рыжих. После этого разговоры о «приносящих несчастье» начались с новой силой. Ну и в результате, после того, как табун диких лошадей вырвался из засады, затоптав участвовавших в загоне двоих молодых парней, терпение у вождя лопнуло. Куда это годится – еще двое молодых охотников будут вынужденно бездействовать луну, а то и две. Добытчиков в племени становилось все меньше, а голодных нахлебников – все больше. Нужно было принимать меры. И они были приняты в меру понимания тогдашними людьми сложившихся обычаев.

– У нас и так достаточно женщин, – безапелляционно заявил Гом, вернувшись с охоты в весьма дурном расположении духа. – Ты уже встала на ноги после родов, – сказал он Маре, – так что уходи от нас. И забирай с собой свою сестру и свои рыжие отродья.

Всякие разговоры после приговора вождя были бессмысленны. В полной тишине Мара и Дара собрали свои вещи в мешки, взяли на руки завернутых в мягкие шкуры младенцев, и вышли из продымленной пещеры на свежий воздух.

Мужчина Мары сделал вид, что происходящее его абсолютно не касается, а вот Гуг не колебался ни одной минуты. Схватив свое копье и еще не развязанный мешок с охотничьим инвентарем, он вышел из пещеры вслед за сестрами. Даже Гом не стал останавливать его, ибо каждый вправе сам выбрать свою смерть. Без его помощи и защиты Мара и Дара не дожили бы и до следующего утра. Очевидно было лишь одно – дорога назад, к очагу предков, для всех троих отрезана навсегда.

Они даже не знали, в какую сторону идти. Посовещавшись, изгнанники двинулись вниз по течению Нагары к тому месту, где она сливается с Великой рекой. В тундростепи ранним летом невозможно умереть с голода, особенно если постоянно передвигаться. Женщины по дороге собирали грибы и ягоды, выкапывали съедобные корни, а Гуг пытался охотиться, впрочем, не всегда удачно.

Лишь однажды ему удалось камнем убить сидевшую на яйцах крупную дрофу. Ну а дичь, считавшаяся настоящей добычей, была не для одинокого охотника. Даже если ему будут помогать две женщины. Так что они не голодали, но пища была довольно однообразной.

Ночевали они под открытым небом у костра, собирая в качестве топлива выброшенное на берег прошлым половодьем сухое дерево. Огонь разводили при помощи кремня и имевшегося у запасливого Гуга огненного камня – пирита. Утрата этой небольшой вещицы означала бы для этих людей настоящую катастрофу.

Так прошла неделя, за которую они почти достигли до устья Нагары, и, если бы они поднялись на холм, то с его вершины увидели бы серую полосу Великой реки.

В эту ночь они увидели вдалеке пламя чужого костра. Гуг поднялся на холм и долго смотрел на костер. Было видно, что огонь, высотой в рост нескольких человек горит на большом острове, отделенном от берега широкой протокой. Никто в племени Гуга не умел плавать – это искусство немыслимо для тех, кто живет в местности, где даже летом вода не прогревается достаточно, чтобы в нее можно было войти хотя бы по колено. Также не знали они ни плотов, ни тем более лодок, уже известных людям в местах, более богатых лесом. Так что Гуг волей-неволей пришел к выводу, что на острове в преддверии праздника середины лета устроили сборище духи местных рек и гор. Постояв немного на холме, он спустился к костру, разведенному в низине. Там его ждал скудный ужин из печеных грибов и свежих луковиц. Съев его, Гуг лег спать, укрывшись короткой оленьей шкурой. Где то рядом слышалось чавканье и причмокивание – это Мара кормила грудью своих дочек. Последняя мысль Гуга перед тем, как он уснул, была о том, что нужно как можно скорее раздобыть нормального мяса, а то они все совсем ослабеют.

Утро принесло им подарок. Вскоре после того как они покинули ночную стоянку, с пригорка Гуг обнаружил недалеко от реки небольшое стадо зубров. Крупный бык, десяток коров и молодняк – шесть годовалых телят. Гуг знал, что даже стельная корова бежит быстрее человека, и ему никогда не приблизиться к стаду на расстояние, с которого он мог бы метнуть свое копьё. Оставалась лишь попытаться устроить засаду.

Но засада – дело тонкое. Для успеха этого дела Гуг должен был натереться диким чесноком, который отбивает запах, а потом, прикрывшись травяной накидкой, залечь у звериной тропы с наветренной стороны от стада. Тем временем его сестры, играя роль загонщиков, поднимут шум и погонят животных в его сторону. Тонкость заключалась в том, что то место где он ляжет, не должно оказаться ни прямо на пути у бегущего стада, ни слишком в стороне от него. В первом случае бегущие коровы просто затопчут Гуга, во втором – у него не будет возможности нанести свой единственно решающий удар копьём.

Немного поколебавшись, Гуг решил, что засада – это единственный способ раздобыть наконец свежего мяса, ибо для того, чтобы рыть ловчую яму, нет ни времени, ни подходящего инструмента, ни сил. При этом он ни на мгновение не пожалел о том, что ушел из пещеры, так как оставаться там после того, как изгнали его сестер, было бы выше всяких сил. Тем

более что всю дорогу они вели себя не так, как обычно ведут себя склочные женщины, а скорее, были похожи на вышедших в дальний поход охотников, не жалуясь и не стеля.

Пока юноша устраивал себе лежку в выбранном для засады месте, Дара и Мара с малышками, упакованными в рюкзаки из шкур, обошли стадо по широкой дуге, чтобы не спугнуть его раньше времени. При этом за ними, оставаясь незамеченными, следили несколько пар недобрых глаз. Шакалы, обитающие в этих местах, сразу догадались о намерении двуногих устроить охоту на бизонов, и тоже собирались предъявить свои требования на часть их добычи.

С самого начала все пошло совсем не так, как они планировали. Когда сестры Гуг вскочили на ноги, и, заулюлюкав, начали размахивать руками, стадо помчалось от них не по тропе, а взяло значительно правее, выходя прямо на лежку Гуга. В настоящей загонной охоте есть еще и боковые загонщики, которые не дают животным отклониться от места засады, но для Гуга и его сестер такой способ был просто невозможен.

Хорошо еще, что стадо распалось на группы, и между бегущими коровами и телятами появился промежуток, дающий охотнику шанс уцелеть. Все, что от него требовалось – это нанести один меткий удар копьем, а потом постараться не попасть под копыта обезумевших животных.

Гуг так и сделал. Он вскочил прямо перед носом бизонов, увернулся от крупной коровы, и изо всех сил даже не кинул, а всадил копьё в бок годовалому бычку. Обожженное на огне деревянное острие, заточенное кремнем, пробило бычку бок и дошло до сердца. Гуга не зря считали хорошим охотником. Не успел он порадоваться своей удаче, как чуть приотставшая корова на бегу боднула его, отбросив в сторону. Гуг на мгновение ощутил резкую боль, почувствовал, что летит, а потом потерял сознание, упав рядом с только что убитым им бычком. По счастью, падая, он не свернул себе шею и не попал под копыта пробегающего мимо стада. Как-то раз Гуг видел охотника, оказавшегося на пути стада бизонов – так там даже хоронить было нечего.

Первое, что он почувствовал, приходя в себя, это боль. Ужасно болела вся левая часть тела, да так, что невозможно было даже пошевелиться. Потом он понял, что лежит на спине, где-то рядом хлопчут сестры и хнычет забытый всеми младенец. Чуть приоткрыв глаза, Гуг скосил их на грудь, где под распахнутой безрукавкой слева наливался огромный черно-багровый синяк, и снова потерял сознание. Он не знал, что точно такой же синяк украшал его левое бедро, а на запах крови вокруг них собралась стая

шакалов со всей округи. Пока их разведчики кружили за пределами дальности броска камнем, оглашая окрестности своим хохотом и воем.

Убитый бычок, раненый мужчина и две беспомощные испуганные женщины – завидная добыча для четвероногих мародеров. Некоторые шакалы, обнаглев, подходили ближе, стараясь при этом не попасть под летящие в них камни. Кольцо хищников неумолимо сжималось, не оставляя своим жертвам ни единого шанса на спасение.

* * *

4 июня 1-го года Миссии. День двадцать первый. Утро. Северные равнины, 300 километров северо-западнее современного устья Эльбы.

С самого утра мужчины решили организовать охоту на какое-нибудь крупное копытное, и для этого снарядить охотничью партию на отделенный протокой южный берег реки. Роли распределились быстро: Марина Витальевна, Ляля, Лиза, Антон-младший, Марина-младшая и Вероника со своими гусятами остаются в лагере на острове. Кстати, эта мелкая пищащая и прожорливая банда уже вперевалку бежит за Вероникой, как за своей настоящей мамашей, и весело плещется на прибрежной отмели, выискивая среди водорослей какие-то только им известные вкусы.

Через протоку переправлялись на «Отважном». Сергей Петрович, Валера и верная своему хозяину Майга остались охранять корабль, а Андрей Викторович, Антон Игоревич и Сергей-младший с Катей составили охотничью партию. Ассистировали им четвероногие помощники – Зара и Шамиль. Но все сразу же пошло не так, как планировалось.

Едва только охотники успели сойти на берег, как откуда-то издалека послышался отдаленный глухой шум. Кажется, кричали люди, по крайней мере, женский визг был явственно слышен, его ни с чем на свете не перепутаешь. За три недели жизни в доисторическом мире слух путешественников отвык от звуков и шума большого города, и в условиях молчаливой дикой природы обострился до крайности. Отставной военный повел свой маленький отряд на плоскую вершину ближайшего холма, ведь, прежде чем бросаться на шум сломя голову, сперва нужно осмотреться и понять, что же происходит.

Примерно в километре они увидели облако пыли и мечущиеся две или три человеческие фигурки.

– Глянь, Геолог, – сказал Андрей Викторович, отдавая бинокль своему спутнику, – а вот и соседи нарисовались.

– Вижу, – ответил тот, всматриваясь в пыльное облако, – похоже, что они бычка завалили, который и нам бы не помешал, – Антон Игоревич

вернул бинокль. – Не будет теперь тут охоты, распугали все, вахлаки непарнокопытные.

– Возвращаемся? – внешне равнодушно спросил второй мужчина, убирая бинокль в футляр. – Или пойдем в другую сторону?

– Да, нет, командир, – покачал головой бородач, – давай сходим к соседям, поздороваемся. Почему-то мне кажется, что у них что-то не так. Слишком мало там народа для такой охоты. Двое – это же просто курам на смех.

– Ну, если ты так считаешь, сходим, – Андрей Викторович обернулся и свистом подозвал к себе Шамиля.

– Будь внимателен, малыш, – похлопал он пса по загривку, одновременно пристегивая к ошейнику длинный поводок, – не на кого-нибудь охотимся, а на человека.

Геолог тем временем взял на поводок свою Зару.

Командир поднял руку:

– Слушай мою команду! Всем смотреть в оба. Движемся волчьим скоком¹, сто метров бегом, сто метров шагом. За мной бегом марш!

Короче, побежали. Легкий топот ног и лап, тяжелое дыхание людей и собак. Перед отплытием из лагеря на Ладоге Андрей Викторович немного позанимался со своими подопечными, но все же недостаточно. Особенно тяжело сейчас было геологу, хотя он и не жаловался – просто не привык. Сперва охотники вслед за разведывающим путь Шамилем спустились вниз с холма по длинному пологому склону. Потом, чередуя бег и шаг, миновали длинную ложбину, огибая еще один пригорок, на вершину которого командир решил не лезть. И наконец, пыхтя и отдуваясь, поднялись еще на один холм, с вершины которого все происходящее можно было наблюдать так же хорошо, как с театрального балкона.

Картина, открывшаяся с высоты, больше всего была похожа на ожившую диораму в музее природы, и, безусловно, это здорово впечатляло. Местных, одетых в куртки и штаны коротким мехом наружу, было трое. Один из них неподвижно лежал лицом вверх, рядом с убитым бычком – то ли тяжелораненый, то ли уже мертвый. Еще двое, издали смахивающие на истощенных до последней степени подростков, то ли камнями, то ли просто комьями земли, пытались отбиться от нападающей стаи крупных шакалов. Никакого другого оружия, кроме собственных рук, при них не было, а шакалы были голодные и настойчивые. Копье же, которым был убит бычок, похоже, принадлежало лежащему охотнику, и внешне больше походило на оглоблю. Оно подошло бы разве что Илье Муромцу – как налево махнешь – улица, а направо – переулочек.

– Ну, командир, – спросил Антон Игоревич, снимая СКС с предохранителя, – поможем нашим?

– А которые тут наши? – ехидно спросил бывший прапорщик, тем не менее вгоняя в приемник «Сайги» магазин патроны, снаряженные картечью.

– Ну, уж точно не шакалы, – сказал геолог, вскидывая карабин к плечу.

– Это верно, – подтвердил мужчина, передергивая затвор, – шакалы у меня никогда в своих не ходили. Но помни, нам надо их отогнать, а не перестрелять. Береги патроны.

– Понял, командир, – сказал бородач, беря на прицел вожака, – давай, на раз-два.

Ни нападающие, ни обороняющиеся не заметили появления на вершине холма новых действующих лиц, одетых в пятнистый лесной камуфляж. Им было просто не до того. Одни отчаянно пытались спасти свою жизнь, а другие кружили вокруг своей добычи, стремясь добраться до пока еще живого мяса.

Поэтому сухой выстрел СКС и гулкий грохот «Сайги» прозвучали буквально как гром с ясного неба. Крупный рыжеватый вожак взметнулся вверх в прыжке, и, обливаясь кровью, с воем рухнул на землю, получив пулю в грудь из карабина. Следом по его стае ударил град картечи, и шакалы заматались из стороны в сторону, воя и скуля от боли и обиды. Свистнувшие следом за выстрелами арбалетные стрелы были почти незаметны для всех, кроме двух шакалов на краю стаи. Один из них рухнул на траву с пробитой шеей, а другой забился на земле с выпущенными из распоротого брюха кишками. Фирма, которая произвела в XXI веке четырехлезвийные, острые как бритва, наконечники из легированной стали для арбалетных стрел на крупную и среднюю дичь, гарантировала жертве «обширные раны, обильную кровопотерю и быструю, относительно безболезненную, смерть».

От всего увиденного местные застыли, а шакалы разом попятились. И дело было не только в двуногих, умеющих убивать на расстоянии, что само по себе было непонятно, а значит, опасно. Поражало то, что вместе с двуногими были и два зверя из их псовой породы. И если скалящий зубы кобель был лишь немного крупнее их покойного вожака, то огромная рыжая мохнатая сука больше походила на небольшого медведя, чем на представителя собачьего вида. Вставшая на огромном загривке шерсть и оскаленные желтоватые клыки показывали, как эта рыжая леди любит своих двоюродных родственников.

Встречаясь с превосходящей силой, шакалы, если они, конечно, не

бешеные, стремятся отступить, поджав хвост, и как можно быстрее оказаться где-нибудь подальше. Увидев бесславную картину гибели нескольких своих собратьев, эта шакалья стая так и сделала. И лишь настороженное рычание Зары и Шамиля подсказывало путешественникам, что шакалы никуда не ушли, а лишь отступили на какое-то расстояние, оставив поблизости наблюдателей.

Приближаясь к двум остолбеневшим местным, Андрей Викторович увидел, что он ошибся. Пожалуй, это были даже не мальчишки-подростки, а девицы, о чем говорили вполне характерные выпуклости, видные через расшнурованные до пупа вырезы курток. Обе были похожи друг на друга как две капли воды, и весьма миловидны, несмотря на экзотическую внешность и многослойную грязь. Близнецы были рыжие, со слабо вьющимися волосами, слившимися сейчас в колтуны, с цветом кожи таким белым, какой бывает у хорошо выделанной финской бумаги, с большими широко раскрытыми серыми глазами, и в то же время носящими на себе отпечаток австралоидной расы, о чем говорили их развитые скулы и широкие носы с плоским переносьем.

Определить возраст этой парочки на глаз было довольно затруднительно. Мужчина решил, что им где-то от тринадцати до шестнадцати, что в эти времена считалось возрастом вполне взрослой женщины. Пара тихо попискивающих свертков рядом с телом мужчины говорила о том, что так оно и есть. Или одна, или обе местных дамы уже успели обзавестись потомством.

Раненый охотник, крепкий сильный юноша, у которого только-только начала расти рыжеватая борода, был пока жив, но, по мнению бывшего военного, имеющего большой опыт в самых различных ранах, находился в очень тяжелом состоянии. Если не оказать ему помощь, он скоро умрет. Если оказать, то появится шанс выжить. В любом случае эти трое, а если считать младенцев, то и пятеро, оставшись на этом месте, будут обречены.

О том же подумал и Антон Игоревич.

– Командир, – тихо сказал он, скосив глаза на опустивших руки близнецов, – если мы оставим их здесь, то вернутся шакалы, и они все умрут.

– Я в курсе, – так же тихо ответил тот, – но решаем не только мы с тобой.

– Петрович против не будет. Марина тем более.

– Надеюсь, – ответил бывший прапорщик, вытаскивая из нагрудного кармана рацию. После чего, обернувшись, громко крикнул, – Катя, ..., имей совесть! Да добей ты, наконец, своего подранка, скулит так, что

разговаривать не дает.

Недолго думая, Катя со вздохом вытащила из ножен кукри, на глазах оцепеневших от ужаса девиц-близнецов одним ударом развалила пополам воющую и щелкающую зубами голову шакала. После чего, наконец, наступила благодатная тишина, а Катя мокрыми от крови руками принялась выпутывать из шакальих кишок свою драгоценную стрелу.

В первую очередь Андрей Викторович связался с коллегой и, ничего не объясняя, попросил его как можно скорее сняться с якоря и, прихватив с острова фельдшерицу со всем ее походным медицинским набором, подниматься на «Отважном» вверх по протоке до тех пор, пока не увидит на берегу их компанию.

На вполне резонный вопрос, кто ранен, он ответил, что помощь нужна местным, и отключился. Немного подумав, бывший прапорщик послал Сергея-младшего вместе с Катей постоять на вершине того холма с которого они только что спустились, чтобы понаблюдать за окружающей обстановкой и указать «Великому Кормчему» Сергею Петровичу место для причаливания. Но прежде чем идти на пост, им следовало сходить к тому самому месту и отмыть свои руки от крови шакалов. А то как-то негигиенично все выглядит...

В ожидании прибытия «Отважного» геолог начал разбираться в следах, пытаясь понять, что тут все-таки произошло. А его спутник еще раз осмотрел раны юноши. Если он умрет «до приезда скорой», то, с одной стороны, это снимет все вопросы, кроме организации погребения. А с другой стороны – очень жаль, ведь такой сильный и храбрый охотник мог бы стать для них хорошим помощником. Его копье – просто длинный, прямой и очень тяжелый ствол молодого дерева, обожженный с одного конца на огне и заточенный кремневым орудием. И с этой дубиной парень умудрился с одного удара в сердце убить бычка. Силен... И попал он, судя по всему, под копыта другого животного, которое не заметил в сутолоке, или не успел увернуться.

Подошедший Антон Игоревич подтвердил, что так оно, скорее всего, и было. А девки-близнецы в этой охоте играли роль загонщиков. Учитывая их «мордальное сходство» с главным героем, можно предположить, что они его сестры, родные или двоюродные. Ни на семейную группу, ни на охотничью партию эта компания не была похожа, так что у мужчин уже начинали появляться некоторые подозрения, которые они, впрочем, пока оставили при себе.

Девочки-близнецы опустили на землю там, где стояли, и сидели тихо, как мышки, стараясь не привлекать к себе внимания. Они будто

понимали, что сейчас от них уже ничего не зависит. От этой их немой покорности судьбе у Андрея Викторовича перехватило горло, и он решил, что приложит все усилия, чтобы не бросать их на произвол судьбы. Судя по внешнему виду и несмотря на наличие у одной из них двух малышей, по возрасту они были совсем еще детьми, моложе даже Кати, Лизы или Ляли.

Примерно через полчаса Катя на вершине холма запрыгала и замахала руками. Значит, «Отважный» уже двигался вверх по протоке в пределах прямой видимости. Причаливать было решено в прогалине между камышовых зарослей, которая, очевидно, использовалась животными как водопой. Еще минут десять спустя, по спущенным на берег сходням сбегала встревоженная Марина Витальевна при полном своем боевом медицинском оснащении. Чуть приотстав, ее сопровождала Лиза, которая уже успела стать внештатной ассистенткой фельдшера.

Убедившись в том, что помощь понадобилась не кому-то из членов их команды, женщина немного успокоилась и, раскрыв свой саквояж, приступила к обследованию пациента. Когда она склонилась над искалеченным юношей, та из сестер-близнецов, которая была без малышей, дернувшись, попыталась вскочить со своего места, так что Андрей Викторович был вынужден цыкнуть на нее, призывая к порядку. Как ни удивительно, но жесты и мимика оказались понятней языка, и девочка снова опустилась на землю, больше не пытаясь мешать осмотру.

– Жить будет, – сказала фельдшерица, поднявшись на ноги. – Шину на бедро, грудь потуже забинтовать, надеюсь, что ребра только треснули, а не сломаны. И постельный режим пополам с полным покоем, – она вынула из нагрудного кармана тонкую сигарету – удовольствие, которое позволяла себе не чаще двух раз в день. – А теперь, дорогие мои, докладывайте, как вы дошли до жизни такой, и что мы будем делать дальше с этими покалеченными аборигенами? Парень, даже со всей моей помощью, будет валяться на койке не меньше месяца. А у девчонок такой испуганный вид, будто они нас боятся больше, чем любого зверя.

И действительно, при виде странной женщины, которая сначала небрежно, будто так оно и должно быть, извлекла из пальцев язык огня, а потом начала пускать ртом и носом дым, близнецы пришли в состояние мистического ужаса.

– Марина, – спокойно сказал геолог, – разве ты не понимаешь, что если мы их здесь оставим, то они умрут, включая, между прочим, и двух младенцев.

– Понимаю, – кивнула та, выпуская изо та кольца дыма, – а ты, Антон, не обращай внимания, это у меня так, от нервов. И я тут с вами не совсем

еще озверела, так что не бойся. У меня даже мысли не было бросить их в опасности. Вопрос лишь в том, что эту троицу мы, потеснившись, принять еще сможем. Но ради бога, до конца нашего путешествия постарайтесь больше никого не подбирать. Я понимаю, что это исключительный случай, но все такие случаи, как правило, бывают исключительными. Когда вернемся на остров, нам сразу надо будет устроить вашим найденышам полную санобработку. Я понимаю, что местные еще не изобрели мыла, но девочки просто воняют, как два поросенка. К ним вообще невозможно близко подойти. Прежде чем допустить в кают-компанию, их надо постричь как можно короче и тщательно вымыть с головы до пят, – Марина Витальевна топнула ногой. – И не спорь со мной, Антон, именно я отвечаю за ваше, а теперь и за их здоровье.

– Марина, – ответил тот под усмешки товарищей, – да ты просто ревнуешь!

– Да я!.. – работница медицины задыхнулась от возмущения, – к этим?!

– Да, именно к этим, – подтвердил ее бородатый приятель, – посмотри, они все трое той же рыжей масти, что ты и я.

– Чумазой они масти, – уже остывая, Марина Витальевна подвела итог дискуссии. – Давайте только сообразите, как будем тащить парня. Делать нам тут больше нечего. И теленка не забудьте прихватить – пойдет как их вступительный взнос в наш колхоз. Зря, что ли, человек уродовался.

С транспортировкой теленка все было просто – связали попарно копыта, мужики продернули меж них доисторическое копьё, и вчетвером, включая Сергея-младшего, отволокли добычу на борт «Отважного».

Тащить тут было меньше ста метров – конкретный напруг был, только когда тушу поднимали на палубу. А вот раненого так не потащишь, и из копьё, в единственном экземпляре, носилок не сделаешь. Но, как всегда, голь оказалась горазда на выдумки. И жертву охотничьего травматизма каменного века понесли на носилках, сделанных из брезента, снятого с тента над рабочим местом рулевого, и шестов, которыми обычно команда отталкивалась от берега в момент отчаливания.

На вопрос Марины Витальевны, не жалко ли ему тента и шестов, Петрович только рукой махнул – мол, ерунда, потом опять натянем, а если сломают – починим... Люди, мол, важнее вещей, ибо люди делают вещи, а не наоборот.

Последними, когда берег уже совсем опустел, пришла очередь сидящих на земле близнецов. С суровым и величественным видом Катя жестами показала девочкам, что они должны собрать свои разбросанные вещи и следовать за ней. Не понадобилось никаких особых внушений –

повинуясь Катиному жесту, близнецы подобрали с земли и закинули за спины два пищущих кулька из меха, взяли в руки сшитую из шкур торбу брата, а также огрызок шкуры, на котором сидели и, склонив головы, побрели в сторону маленькой бухточки, в которой стоял «Отважный». На мгновение показалось, что на сходни их придется заталкивать силой, так они испугались этого тарахтящего мотором, никогда не виданного ранее сооружения. С другой стороны, любой музей в XXI веке отдал бы бешеные деньги за их немудреный каменно-костяной скарб и скромный прикид из сыромятных шкур.

Но вот настал момент, когда все оказались на борту; сходни были подняты на палубу, и мужчины, навалившись на шесты, отвалили «Отважный» от топкого, заросшего камышом берега. При столь коротком путешествии Сергей Петрович решил не ставить паруса, учитывая, что палуба загромождена грузом, раненым и посторонними. Идти до острова вниз по течению всего-то минут десять.

Почувствовав, как палуба под ногами задрожала, близнецы взвизгнули и вцепились в леера – так, что от их хватки побелели пальцы. Впервые в их жизни вокруг была вода, и от нее невозможно было убежать.

Особенно возбужден был Валера. Стоя на баке в роли впередсмотрящего, он прикладывал титанические усилия, чтобы поминутно не оглядываться на парочку местных красоток. Всего-то два дня назад учитель объяснял ему, что на Лизе свет клином не сошелся. И вот, смотри ты, действительно не сошелся. Вот они, такие грязные, испуганные, но зато такие восхитительно живые и естественные. А что близнецы рыжие, так это не беда. Вон, Марина Витальевна, которой Петрович грозился отдать его на «обучение», тоже рыжая. Только про фельдшерицу никто, кроме нее самой, не скажет – это ее естественная масть или просто краска.

Маяться парнишке было недолго. Наконец наступил момент, когда «Отважный» мягко ткнулся в песчаный берег острова – почти в то же место, откуда недавно отчалил.

Едва только швартовы были закреплены за вбитые в песок колья, а с кормы сброшены якоря, как Марина Витальевна взяла командование на себя. Ляля, Лиза, Катя, Марина-младшая и даже отвлекшаяся от своих гусят Вероника занялись оказанием медицинской помощи. Мужчины тоже не остались в стороне от важных дел. Им было поручено два дела. Первое – разделать бычка, второе – подключить к генератору насос, развести большой костер и организовать повторение банного дня. Сказано – сделано.

В первую очередь Ляля и Лиза согрели в небольшом котле воду и, раздев пострадавшего, начали обтирать его влажными марлевыми тампонами.

Тем временем близнецы попали в руки Кате, которой было поручено избавить их от насекомых, кишевших у них и в волосах, и в одежде. Усадив эту «сладкую парочку» на старую корягу, Катя задумалась. Задача была непростой. Даже со стороны было видно, как девицы постоянно и непрерывно чухаются, причем практически во всех местах сразу. При этом для избавления от насекомых, за исключением химии, существует не так много доступных методов. Первый из них – это керосин. А второй – это перед баней обрить пациента до зеркального блеска во всех местах без исключения. Ну да, именно так – сделать из человека античную мраморную статую.

Посоветовавшись с Мариной Витальевной, девушка решила прибегнуть ко второму способу. Керосина-то все равно нет. Но сперва будущим жертвам гигиены для поднятия духа выдали по большой алюминиевой миске оставшихся от завтрака холодных макарон с жареной рыбой. У хорошей хозяйки на кухне всегда бывают излишки.

Эксперимент удался на славу – Кате даже удалось жестами объяснить насчет ложки, и для чего сей предмет предназначен. Через полчаса миски были вылизаны до блеска, а осовевшие от непривычной сытости близнецы были готовы отдаться в ловкие руки цирюльника. Поскольку большой костер уже горел, а полуденное солнышко припекало не на шутку, Катя жестами показала близнецам, чтобы они сняли свои меховые куртки. Для них был уже готов мощный дезинсектакль, способный с первого раза вывести всех насекомых. Правда, потом эту одежду от греха подальше надо будет проветривать в течении минимум суток. Но зато отсутствие насекомых гарантировано. Кроме того, пошушукавшись, Ляля и Лиза решили, что могут скинуться в пользу близнецов кое-какой одеждой и бельем на «обзаведение» из своих запасов. Так что ходить голышом им не придется. Катя тоже хотела принять участие в этой акции, но ее помощь была отвергнута – пышные формы Кати не совмещались с худенькими субтильными фигурками близнецов.

Увидев, что Валерка во все глаза вылупился на торчащие титьки девиц, Катя погрозила ему пальцем. Жалея, что всю эту процедуру нельзя укрыть от посторонних глаз, она взяла ручную машинку для стрижки. Первой она решила остричь молодую мать. Когда первые сальные пряди упали на землю, против всех ожиданий, подопытная не стала вскакивать и кричать, а лишь молча поглубже втянула голову в плечи.

Потом, когда обе близняшки заблистали остриженными под ноль черепами, всю их срезанную волосню аккуратно собрали веником и вместе с насекомыми бросили в костер, так сказать, на счастье. Затем, поскольку вода, текущая из шланга, была еще недостаточно теплой, молодой маме дали возможность еще раз покормить своих крошек.

И вот Ляля и Лиза, окончившие перевязку раненого, вместе с Катей увлекли близнецов в банную палатку. Девочки разделись сами, раздели своих жертв и подвели их к закрепленному на крыше палатки шлангу, из которого через душевой распылитель текла «сильно теплая» вода.

Вот тут-то близнецов в первый раз и прорвало. Визг был такой, будто их резали. Горячая вода, мыло, мочалка оказались слишком сильным потрясением для их неокрепшей психики. Правда, только визгом все и ограничилось. Голые девицы просто стояли, дрожа от потрясения и вжав голову в плечи, под струей горячей воды, и голосили что было сил. Под бурным напором горячей воды, мочалки и мыла с них слоями сходила застарелая грязь. Но к хорошему привыкают быстро, а мытье – это совсем не больно. Скоро отчаянные вопли сменились совсем другими звуками, говорящими о том, что близнецы смирились с процедурой, и даже начали находить в ней некоторое удовольствие.

Примерно час спустя бело-розовые, как фарфоровые куколки, завернутые в одеяла, близнецы сидели у костра, и, как цивилизованные люди, по примеру своих новых подруг, прихлебывали из больших кружек знаменитый банный сбор Марины Витальевны.

Жизнь Дары, Мары и их брата Гага изменилась. При этом девочки пока даже и не предполагали, насколько глубоки и катастрофичны для их мира эти изменения. Они всего лишь пытались усвоить странные обычаи этого, несомненно, могущественного племени, почти безошибочно угадывая социальные роли своих новых знакомых. Антон Игоревич для них был Главным Охотником, Андрей Викторович – Самым Главным Вождем, Марина Витальевна – Мудрой Женщиной, Сергей Петрович – Вождем на Воде. Ни Дара, ни Мара не хотели ничем расстраивать этих людей, взявших их под защиту и принявших в свое племя. И, более того, даже подаривших им такие теплые, удобные, пусть и непонятно как сделанные вещи. Им даже было неважно, люди это, или духи. Мудрая Женщина этого племени дала им понять, что скоро их брат поправится, а платить презлейшим за предобрейшее люди научились гораздо позже. Тем более что один из двух молодых охотников сейчас с таким интересом смотрит на них...

* * *

Великие Северные равнины. Остров в месте слияния Великой Реки и Нагары. Гуг, Мара и Дара.

Гуг понемногу приходил в себя. Сознание возвращалось рывками. Первым ощущением была навалившаяся на грудь тяжесть и тупая боль в ребрах. Попытавшись пошевелиться, Гуг почувствовал, что он слаб как младенец, и так же, как младенец, лежит абсолютно голый. В голове шумело, язык был шершавый, как сухая шкура. Земля, на которой он лежал, неприятно покачивалась, а в ушах гудело, словно там рычал какой-то хищный зверь. Но звук этот доносился откуда-то снизу. Попытавшись открыть глаза, юноша почувствовал, что его веки будто склеены древесной смолой. Собравшись с силами, он наконец смог открыть глаза.

Первое, что он увидел, было склонившееся над ним лицо Дары. Сейчас ее было трудно узнать, но, несомненно, это была именно Дара. Хотя соплеменники всегда путали близнецов, Гуг различал их безошибочно. Для него это было так же просто, как различать свою правую и левую руку. Его сестра была одета в странную одежду из очень тонкой шкуры, а на замотанной куском такой же шкуры голове совсем не было волос. Увидев, что Гуг открыл глаза, Дара тихонько шмыгнула вздернутым носиком и склонилась к нему низко-низко.

– Ты, очнулся, братец? – шепотом спросила она своими розовыми губами. – Наконец-то. Если ты чего-нибудь хочешь, то только скажи.

Гуг очень хотел пить, но его пересохшее горло вместо слов смогло издать лишь какой-то хрип. От этого усилия он снова чуть было не потерял сознание, и закрыл глаза. Когда Гуг вновь сумел открыть их, сестрица куда-то исчезла. Он опять впал в полудрему-полубред, мучаясь от жажды. Некоторое время спустя Гуг почувствовал, как ему в плотно сжатые губы тычется что-то мокрое и одновременно теплое.

– Братец, – услышал он голос Дары, – ты же хотел пить, так пей...

Не открывая глаз, Гуг сделал несколько глотков. Вода, несмотря на то, что была теплой и имела странный привкус, придала ему сил. Теперь он чувствовал, что может даже пошевелить пальцами на руках и на ногах. Открыв глаза пошире, Гуг постарался осмотреться вокруг для того, что бы понять, где он находится. Последнее, что он помнил, это копье, попавшее в бок бычку, огромная радость от удачной охоты... Потом сильный удар, мгновенная боль, ощущение полета, и наступившая вслед за этим темнота. И потом он очнулся здесь, на этом ложе, голый и слабый, как младенец, до самой груди укрытый мягкой шкурой.

Для того чтобы оглядеться, Гаг с трудом сумел повернуть голову. Но этого было мало, поскольку для того, чтобы понять увиденное, ему просто

не хватало слов. Он лежал на ложе, приподнятом над полом примерно на уровень колена взрослого мужчины. Маленькая пещера странно правильной формы, вся сделанная из дерева, была освещена ровным светом, источника которого Гуг со своего места не видел. С другой стороны узкого прохода было еще одно ложе, сейчас пустующее... Подняв взгляд вверх, юноша понял, что в этом племени люди спят один над другим в три яруса. Гуг потянул носом. Вкусные запахи, распространяющиеся в воздухе, означали, что где-то поблизости готовили пищу. Хорошую пищу. От запахов у Гуга даже потекла слюна, и он почувствовал, насколько голоден.

– Есть хочу, сестренка, – тихо пробормотал он.

Кивнув, Дара встала, а Гуг продолжал размышлять. О нем и его сестрах несомненно позаботились. Значит, после того, как он был ранен, они встретили какое-то сильное племя. Сильное и странное настолько, что оно стало заботиться о тяжелораненом мужчине и двух бесполезных молодых женщинах. С детства Гуг усвоил, что все непонятное может быть опасным, и поэтому решил при первой возможности расспросить обо всем сестру.

Но в ближайшие полчаса ему было совсем не до расспросов. Вернувшаяся Дара принесла с собой чашу с теплой жидкой едой, которую назвала «суп» и, тихонько хихикая, принялась кормить своего братца этим «су-пом» с помощью «лож-ки». Гугу хотелось выпить всю чашку разом, чтобы наконец заглушить это вечно сосущее чувство голода. Но сестра не разрешила, и приходилось ее слушаться.

Поев, Гуг почувствовал себя еще лучше; правда, грудь и нога по-прежнему болели, но зато немного отступила так унижающая мужчину слабость. Дара ушла с пустой чашей, а Гуг снова погрузился в тревожные размышления.

Когда девушка снова вернулась и присела рядом с ним на ложе, Гуг, наконец, смог спросить ее, – Где мы, сестренка?

Пригнувшись поближе к брату, та шепотом начала рассказывать все по порядку с того самого момента, когда Гуга забодало коровой. Объяснения девушки были настолько путанными и сбивчивыми, что у юноши снова закружилась голова. С ее слов выходило, что племя, которое их подобрало, было немногочисленным, но чрезвычайно могущественным. Наполовину люди, наполовину дневные духи, они творили свои чудеса походя, даже не понимая, что переворачивают мир вверх ногами. Прирученный огонь сам загорался у них в руках, вода вдруг становилась горячей (при этих словах девушка хихикнула), а сделанная из дерева пещера плыла по воде туда, куда было нужно этим людям, а совсем не туда, куда текла вода.

Гуг не знал что и думать, когда напоследок Дара сказала, что снятые с их голов волосы были отданы духу огня. В доказательство этого девушка провела пальцами по голове брата, и тут он понял, что и он тоже лыс как колено. Гугу хотелось пойти и попробовать разобраться во всем самому, но, к своему величайшему несчастью, он пока не мог встать на ноги.

Дара сидела и шушукалась с братом до тех пор, пока, к неописуемому удивлению Гуга, деревянная стена перед ним не раскрылась, и в проеме не появилась вторая сестра с одной из своих малышек на руках. Второй ребенок Мары был в руках у незнакомой Гугу высокой худощавой девушки или молодой женщины из приютившего их племени. Отдав спящую малышку Даре, незнакомка внимательно посмотрела на лежащего Гуга. Тому стало настолько неудобно от этого взгляда, что он даже почувствовал, как краснеет.

По счастью, смотрины продолжались недолго, и незнакомка, которую Дара назвала «Ля-ля», вышла из пещеры, закрыв за собой стену, так что Гуг мог снова расслабиться вытянувшись на ложе. Потом на него пришла посмотреть лечившая его Мудрая Женщина, которую сестры встретили почтительными поклонами. Мудрую женщину звали двумя именами. Первое имя было – «Ма-рина» а второе Гуг не смог бы выговорить, не рискуя сломав язык. Она не только осмотрела Гуга, но и сменила повязку у него на ноге, смазав рану какой-то резко пахнущей мазью, из-за чего ему снова пришлось вспомнить, что такое боль.

Во время перевязки Гуг умудрился, скосив глаза, посмотреть на свою ногу. Сестры не зря кланялись этой Мудрой Женщине. В их племени получившие такую рану охотники очень часто начинали плохо пахнуть, а потом умирали, иногда быстро, иногда долго и мучительно. Рана Гуга, напротив, хоть и болела, когда Мудрая Женщина меняла на ней повязку, но даже на неопытный взгляд молодого охотника, она не угрожала его жизни.

Устав от этих медицинских процедур и убаюканный беззаботным щебетанием сестер, Гуг вдруг поддался их настроению, расслабился, почувствовал себя в безопасности и незаметно для себя погрузился в глубокий сон, на этот раз без кошмаров и сновидений. Все у него было еще впереди...

* * *

5 июня 1-го года Миссии. День двадцать второй. Утро. Северные равнины, 300 километров северо-западнее современного устья Эльбы.

Рано утром, закончив все свои дела в нынешнем устье Эльбы (по местному Нагары), «Отважный» отдал швартовы и отправился дальше на юго-запад вниз по течению большой Реки. Именно здесь они встретили

первых местных жителей. Сергей Петрович категорически не желал употреблять модного иностранного слова «аборигены», подразумевающего в местных жителях людей второго сорта. Нормальные люди, в меру сообразительные и отважные, сражающиеся против диких зверей почитай что голыми руками.

Кстати, Марина Витальевна внимательно осмотрела не только раненого юношу, но и девочек-близнецов, после чего дала заключение, что физиологически они ничем не отличаются от Лизы, Ляли или Кати. Возраст девочек, назвавшихся Дарой и Марой, был примерно тринадцать-пятнадцать лет. Дару молодежь мгновенно перекрестила в Дарью, или Дашу, а Мару в Марью, или Машу. Единственное, что вызвало тревогу у Марины Витальевны, это слишком раннее материнство Маши. Сергею Петровичу даже пришлось вносить ясность в этот вопрос. Раннее материнство – это обычное явление, гм, в доисторические времена. И если сию тенденцию в их рядах стоит сдерживать хотя бы до семнадцати-восемнадцати лет, в этом мире ей совсем не стоит удивляться. Тем более что, по словам самой Марины Витальевны, и молодая мать, и ее малышки чувствуют себя вполне удовлетворительно, а в новых непещерных условиях жизни их перспективы и вовсе радужные.

Сергей Петрович внимательно осмотрел набор оружия и инструментов, найденных у этой троице. Чистейший средний палеолит, все примитивно, грубо и функционально. Копье без наконечника, острие просто обожжено на огне, одежда сшита даже не нитками из сухожилий животных, а тонкими ремешками из сыромятной кожи. Ну, это и понятно – костяная игла тому племени, из которого происходили близнецы и их брат, судя по всему, еще не известна, а с каменным шилом-проколкой, обнаруженным в торбе у девочек, иначе шить и невозможно.

По-хорошему всех удивил Антон Игоревич, оказавшийся еще и неплохим сапожником. Всего за один вечер он шил для близняшек нечто вроде индейских мокасин, используя для этого свой набор сапожных инструментов и шкуру убитого неделю назад оленя, которую по вечному скопидомству Сергея Петровича не выкинули, а засолили, свернули и сунули в трюм. На подошву же мокасинам пошла сложенная в два раза бычья кожа.

Сами принятые в их компанию девочки, едва лишь только они отошли от шока, возжелали включиться в общий трудовой процесс. Очевидно, уроды, способные бездельничать, пока остальные люди трудятся, появились в людской массе гораздо позже этих времен. Правда, единственное, на что были способны близнецы (за исключением, конечно,

ухода за своими малютками), была помощь Марине Витальевне в работе на камбузе.

Пятнадцать человек (не считая двух младенцев), работающих в поте лица на свежем воздухе, требовали обильного и разнообразного питания. И едва люди успевали съесть завтрак, как надо было уже готовить обед. Пришедший в себя раненый тоже показал хороший аппетит, что говорило о том, что при нормальном медицинском уходе этот первобытный организм не будет долго валяться на больничной койке.

Правда, фактически все на этом камбузе – начиная от закрытой печи с дымоходом и кончая остро заточенными стальными ножами – было для близнецов настоящим открытием. Как они там объяснялись с главной поварихой, Бог знает. Наверное, на каком-то своем особом женском языке знаков. Но вскоре обе девицы довольно уверенно тяпали ножами по разделочным доскам, включившись в общую трудовую симфонию на борту «Отважного».

Не все было так идеально, как хотелось бы. Был и производственный травматизм в виде ожогов и порезов, но скоро только сказка сказывается, а для того, чтобы научиться делать дело, нужно изрядное время.

Тем более что близнецам потребовалось некоторое время и на то, чтобы перейти от общения на языке знаков к Великому и Могучему, который, по планам главного прогрессора, должен был стать стержневой основой новой цивилизации. Никто из взрослых, не говоря уже о молодежи, не страдал либеральными заскоками по поводу сохранения оригинальной культуры местных обитателей каменного века.

Напротив, они считали, что успеха они смогут достигнуть лишь в том случае, если им удастся заменить эту самую «оригинальную культуру» разработанными в XX веке принципами социального общежития и общественного труда, где избыточный продукт не присваивается верхушкой общества, а перераспределяется для употребления в стратегических целях и повышения общего благосостояния.

Но об этом надо думать позже, поскольку как раз в каменном веке с избыточным продуктом было неважно. То есть его не было совсем. А посему – что с ним делать, никто не знал. Принципы же социального общежития в таких условиях соблюдались с неукоснительной четкостью. А иногда даже и с перегибами, как это было в случае близнецов, ибо их нарушение грозило гибелью всего племени, что еще раз доказывает, что либерализм – это болезнь пресыщенных, и бедные к нему не восприимчивы.

Что больше всего удивило всех выходцев из XXI века – так это то, что

новых членов клана признали и четвероногие обитатели камбуза из породы кошачьих. Все совершенно обалдели, когда увидели, как трехцветная Масяня, раньше признававшая только Сергея Петровича, и еще немного (в основном, за вкусные кусочки) Марину Витальевну с Вероникой, совершенно откровенно, во все горло мурлычет, сидя на коленях у Даши. Что называется – понравились и подружились.

Не сложились отношения у новеньких только с собаками. Правда, к средним по размеру и относительно дружелюбным Шамилю и Майге они относились хоть и с опаской, но более-менее спокойно. А вот огромная и лохматая как медведь кавказская овчарка Зара их откровенно пугала. Хорошо хоть, что большую часть времени псы проводили в своей будке под палубой в кормовой части корабля, куда близнецам было просто незачем лазить, и выходили они оттуда только во время стоянок на берегу.

А вот несчастный по жизни Валера опять попал впросак. Он просто не мог не то что выбрать, но и различить этих «двух из ларца, одинаковых с лица». Тем более что всюду, даже на камбузе, они появлялись только вдвоем. Так что попал Валера в классическую позу Буриданова осла, пока еще не догадываясь о том, что, собственно, выбирать ему и не обязательно...

А пока только хи-хи да ха-ха, и быстрые перестрелки глазами. Вот именно этому племя «ребра Адамова» учить не надо – это искусство у них врожденное. Хорошо, что мальчик хоть немного успокоился и перестал рыть ногами землю при виде Лизы, ибо конфликты на личной почве в таком небольшом коллективе совершенно недопустимы, и гасить их требуется, не дожидаясь наступления тяжких последствий.

Тем временем «Отважный» при умеренно хорошей погоде и северо-западном ветре все шел и шел под парусами и мотором вниз по течению Великой Реки. Она теперь стала полноводной и изобиловала небольшими длинными островами. Где-то впереди путешественников ожидало слияние этого трансевропейского водного потока с нынешними Рейном и Маасом, после чего Великая должна была стать еще шире, и еще монструозней. Но этой точки Сергей Петрович рассчитывал достичь дня через четыре.

* * *

6 июня 1-го года Миссии. День двадцать третий. Утро. Северные равнины, 450 километров западнее современного устья Эльбы.

Ночевали на длинном вытянутом острове посреди Реки. Присоленные вчера остатки мяса бычка еще оставались в наличии, и поэтому, посоветовавшись, решили не тратить на ненужную охоту ни время, ни патроны. Вместо этого молодежь вечером немного постреляла из

арбалетов, а Сергей Петрович и Антон Игоревич задумались о копьях... Ведь на небольшую группу охотников может броситься целое стадо, и тогда им понадобится защита. Нет, копья должны быть не такие, какие были у местного парня по имени Гуг, а настоящие охотничьи, длиной до четырех метров, с металлическим наконечником и крестовиной, позволяющей удержать зверя на безопасном расстоянии от человека. Это, скорее, не копье даже, а рогатина.

Но задуматься и иметь – это не одно и то же. И главной причиной этого пока было отсутствие собственного производства стали или бронзы. Когда-нибудь потом, решили мужчины, мы обязательно решим этот вопрос.

А пока, переночевав на острове, экипаж «Отважного» спозаранку поставил паруса и на малых оборотах двинулся вниз по течению. Чем дальше на юго-запад лежал его путь, тем ниже и щербатее становилась ледниковая гряда по правому борту, и все более пологой и плоской – покрытая пышным ковром мамонтовых трав равнина слева. В этом месте Река имела ширину уже не менее километра и степенно катила свои воды на юго-запад к океану под высоким бледно-голубым небом, покрытом редкими облаками.

Как Петрович ни всматривался в левый берег, больше никаких признаков присутствия местного населения не наблюдалось. Плотность населения в местных тундростепях, очевидно, была даже ниже, чем на Чукотке в XXI веке. А вот зверья тут водилось явно больше. Помимо небольших стад мамонтов и несметных орд бизонов, по берегам Реки бродили табуны низеньких мохнатых лошадок, очень похожих на своих монгольских или бурятских собратьев из далекого будущего. В бинокль было хорошо видно, что рядом с некоторыми кобылами пасутся смешные, еще какие-то угловатые жеребята-сеголетки. Сергей Петрович уже начинал прикидывать, что и как делать, чтобы уже к этой осени начать процесс одомашнивания. Лошади, туры, свиньи, олени – однозначно. Если постараться, то начать процесс можно уже этой осенью. Геолог внес оригинальное предложение – одомашнить мамонта, но этот вариант после длительного размышления был отвергнут. Во-первых, слишком велика скотинка, а, во-вторых, для того чтобы добыть хотя бы одного мамонтенка понадобится перебить все стадо, а это нереально. Они сами кого хочешь перебьют. Кораль с изгородью, способной выдержать натиск этих живых танков, тоже можно считать ненаучной фантастикой.

Учитель тяжело вздохнул. Дело заключалось в том, что самый главный зверь, которого требовалось приручить для успеха их миссии, носил название «человек разумный». Без успехов на этом поприще все они – это

лишь потерявшиеся в дебрях времени туристы. Вопрос сей беспокоил Сергея Петровича настолько, что, сдав вахту за штурвалом Андрею Викторовичу, он первым делом спустился вниз, в кают-компанию, где, как всегда, у печи колдовала над обедом Марина Витальевна. Ей помогали Марина-младшая и одна из двух близнецов – Даша, судя по тому, что вторая сестра в это время кормила одну из своих малышек грудью.

– Витальевна, – сказал Сергей Петрович, чуть заметно кивнув в сторону Даши, – ну как они?

– Нормально, – ответила Марина Витальевна, отбрасывая со лба мокрую от пота прядь волос, – жить будут. И, Сергей, просила же я тебя не называть меня Витальевной, что я тебе, бабушка, что ли?

– А одна Марина у нас уже есть, – парировал Сергей Петрович, – как-то несолидно ставить тебя на одну доску с одиннадцатилетней девочкой. Пусть Антон называет тебя так, как ему заблагорассудится, а я буду – как умею. Но разговор, собственно, не об этом. Когда я спрашивал, я имел в виду, удастся ли вам уже общаться на темы хоть чуть-чуть сложнее кухонных. Меня интересует вот какой вопрос – почему они оказались на том берегу одни, отдельно от своего племени. И кто им этот парень – брат, супруг или случайный попутчик?

– Не такая уж я и старая, Сергей, – проворчала немного обиженная Марина Витальевна, но потом, вздохнув, ответила, – пойми, времени прошло всего ничего, меньше двух суток. Ты слишком многого от меня хочешь. Хотя обе девочки и умницы, но пока у нас с ними разговор идет по типу «твоя моя не понимай». Однако могу сказать одно – этот юноша близнецам родной брат, или же они считают его таковым. Отношения у них весьма далекие от тех, которые должны быть между супругами, но все же слишком теплые для случайных знакомых. Гуг точно не является ни отцом этих двух очаровательных малышей, ни случайным знакомым их мамочки. Это я тебе могу сказать точно. Такие вещи мы, женщины, можем понять без слов и без анализа ДНК.

– Понятно, – кивнул Сергей Петрович, – а то наш Валерка запал на одну из этих двух девиц, или даже на обоих, и теперь волнуется, не придется ли ему состязаться за их сердца с этим карманным Шварценеггером, разумеется, после его выздоровления.

– Передай, что не придется, – хрипло рассмеялась женщина, – как я понимаю, понятие целомудрия тут не в ходу, и сами девочки не против его кандидатуры. Тем более что наши бой-девки во главе с Катериной уже объяснили новеньким, в сторону каких мальчиков не стоит слишком долго смотреть, чтобы не получить в итоге случайно по голове ковшиком.

– Да, – вздохнул учитель, – Катерина – это еще тот вулкан страстей, да и Ляля с Лизой не очень ей уступают. Так значит, я намекну Валере, чтобы он попробовал сделать подход...

– Подарок тут нужен, – вздохнула повариха, – что-нибудь дамское и личное. Мы ведь, женщины, как сороки – любим все блестящее.

– Бус и зеркалец мы с собой не взяли, – отрезал Сергей Петрович, – остров Манхеттен у аборигенов покупать не рассчитывали. Хотя, наверное, зря – именно стремление к красоте отличает человека от животного.

– Ладно, – благосклонно кивнула Марина Витальевна, – я поговорю со своим Антоном. Может, они вдвоем с Валеркой и придумают, из чего смастерить парочку подарочков, чтобы сделать такое предложение, от которого женщина не сможет отказаться. Передай там моему – если он не на вахте, то пусть заглянет сюда. А то мне некогда – вас ведь, мужиков, если вовремя не покормишь, то такой скандал будет... Правда, Маш? – риторически спросила она и, открыв крышку котла, стала демонстративно помешивать густое варево большой поварешкой...

* * *

7 июня 1-го года Миссии. День двадцать четвертый. Утро. Северные равнины, 500 километров западнее современного устья Эльбы.

Сегодня «Отважный» наконец попрощался с ледником. В часе хода от места ночной стоянки ледовая стена отступила от берега Реки и повернула на запад. А неподалеку в Реку впадал еще один приток, несущий с собой кристально чистые талые ледниковые воды. Возможно, что несколько дальше в леднике было внутреннее озеро, заполненное его же талыми водами. Вызванная с камбуза Марина Витальевна потребовала сделать здесь остановку, чтобы набрать этой прекрасной воды во все свободные емкости. В своем среднем течении Река становилась мутноватой, и запас чистой воды для камбуза на «Отважном» будет нелишним.

Подумав, Сергей Петрович решил, что основания для внеплановой остановки «по требованию» вполне весомые, и особых причин для отказа нет. Впервые за все время путешествия «Отважный» причалил к правому берегу, а его команда стала первыми людьми, ступившими на землю, которую позже нарекут Британскими островами.

Если на материке основным ландшафтом была тундростепь с редкими включениями леса вдоль русел лесных рек, то тут, на берегах Альбиона, сразу за грядой прибрежных дюн, простиралась бескрайняя болотистая тундра. Клюква, морошка, голубика и т.д. Карликовые березы и осины, и настоящее море цветов.

Антон Игоревич сразу сказал, что местность ему весьма напоминает Таймыр нашего времени в начале лета, когда все вокруг вот также торопилось жить и цвести, пока они есть, эти недолгие северные теплые дни.

«Отважный» на моторе поднялся чуть вверх по течению Ледникового Притока и встал на якорь почти у самого берега. Вода тут сияла такой прозрачностью, что на дне был виден каждый камешек.

Пока Сергей Петрович с коллегой переключали двигатель на генератор и готовили насос, геолог организовал для молодежи экскурсию на берег. Заодно он прихватил и свой СКС – на случай нападения хищников, или если какому-нибудь северному оленю не повезет оказаться поблизости от него. Сергей-младший и Валера также прихватили с собой арбалеты, которые были вполне эффективны по любой цели, исключая разве что так называемую «Большую четверку»: мамонта, шерстистого носорога и пещерного льва с пещерным медведем.

Взяли ребята с собой и Машу с Дашей, для того, чтобы они немного развеялись и размяли ноги. Чему-чему, а уж собирательству первобытных близнецов учить было не надо – эту науку они впитали с молоком матери. А вот Веронику и Марину и Антона, несмотря на их надутые губы и недовольный вид, оставили на борту. Не место детям на неразведанном побережье. Остались сладко сопеть после молочной кормежки и туго спеленутые Дашины малышки. Как надеялась Марина Витальевна, за пару часов с ними ничего не случится.

Увы и ах – ступив на берег, наши путешественники поняли, что спелых ягод в начале лета совсем немного. Основной сезон сбора клюквы и морошки должен начаться ближе к осени. Зато девочкам удалось набрать огромное количество грибов, что тоже было неплохо, ибо грибной суп на обед это – еще тот деликатес. Вообще, такое место, где никто и никогда ничего не собирал – просто мечта грибника. В основном в поросшей карликовыми деревьями тундре находили подберезовики, разбавленные подосиновиками, но попадались и белые грибы.

Антон Игоревич, как и предполагал, встретил своего оленя, но стрелять в него не стал. Не было смысла убивать несчастное животное при обилии прочей пищи. Он совсем не собирался тратить патрон и отнимать у оленя жизнь только лишь для того, чтобы накормить околачивающихся поблизости шакалов. Жирно будет.

Тем более что Валера и Сергей-младший сумели обнаружить и подстрелить из арбалета несколько крупных белых куропаток. Хотя только зимой они белые, а в начале лета голова и грудь этих птиц окрашиваются в

яркие, черно-красно-коричневые цвета. Надо быть полным дальтоником, чтобы не углядеть в зеленой тундре стайку токующих деликатесов.

Конечно, куропатка – это не знаменитый рябчик. Но, скажу вам, ей очень далеко и до промышленного бройлера XXI века, накачанного стероидами, как Шварценеггер. Ну зачем вам при таком раскладе еще и олень? Пусть себе гуляет.

Быстро набрав грибов во всю возможную тару, путешественники пришли к выводу, что их надо взять с собой как можно больше. В ход пошли куртки и плащи. Грибы было решено засушить в трюме на растянутых вдоль трубы газогенератора нитях.

А пока девочки принялись за излюбленное весенне-летнее занятие их бабушек и прабабушек... Пусть сам венок эфемерен и завянет уже к вечеру, зато женская красота вечна, и не закончится никогда. Втянули они в это занятие и Дашу с Машей, которые раньше ничего подобного, конечно, не делали. Но если кто с нашими девками поведется, то скучно ему точно не будет.

С венками на коротко остриженных головах и браслетиками из цветов близнецы стали похожи на трогательно нежных красоток, которых хоть сейчас помещай на обложку журнала. Представляете, как вдруг засвербило в одном месте у узревшего эту картину Валеры? Хотя Сергей Петрович и дал ему задание подумать над подарком, но ничего в голову ему так пока и не пришло. Металл для художественных поделок был в дефиците, а другие мысли Валере в голову пока не лезли.

Самым простым, и, судя по всему, самым древним видом украшений, были различные виды бус и ожерелий. И нужно-то для того, чтобы изготовить такое украшение, всего лишь нитка, иголка и килограмм терпения. Нитка, иголка и терпение у Валеры имелись, но он категорически не представлял, что именно будет на эту нитку нанизать. Пока не представлял.

Но он знал, что обязательно решит эту задачу. Ведь недаром же работать руками его учил сам Сергей Петрович. Можно, конечно, сделать какую-нибудь полезную и приятную вещь из дерева. Но это только после того, как они прибудут на место и распакуют спрятанную пока в трюме мастерскую. С одним ножом много не наваяешь. Ведь для задуманной Валерой деревянной поделки дерево должно быть сухое, а значит, и очень твердое. Кроме того, задуманные гребни были пока близнецам без особой надобности. И станут они актуальными только ближе к зиме.

В отличие от Сергея-младшего, который относился к труду как к неизбежному злу, предпочитая ему более «мужские» занятия, вроде охоты

или войны, Валера работать любил, и ему нравился как сам процесс, так и изготовленные его руками красивый предметы.

Рано ли, поздно ли, но и эта неурочная остановка подошла к концу. Сказать честно, у мужчин больше времени ушло на подключение-отключение генератора к двигателю «Отважного», чем на промывку и заправку водяных баков. Вот так всегда. Как говорил польский остряк и мудрец Станислав Ежи Лец: «Для того, чтобы сварить макароны, нужен один литр воды, а для того, чтобы потом помыть кастрюлю – два.»

Правда, бонусом от этой остановки стали тут же пошедшие в котел ягоды, грибы и куропатки. Кроме того, Даша и Маша, вернувшись на «Отважный», приобрели нормальную для молодых девушек привычку хоть иногда смотреться в подаренное Лизой зеркало, чем они на первых порах презрительно шокировали собственного братца, не понимающего такого поведения. Хотя до подкрашивания щек свеклой, а бровей сажей дело пока не дошло, и, как надеялся не только Валера, никогда не дойдет. Все-таки хороший художественный вкус – это великое дело.

И вообще, близнецы уже почти ничем не напоминали тех двух серых, запыленных, грязных и, в общем, несчастных жертв изгнания, какими они были всего четыре дня назад. Если так пойдет и далее, то, ого-го-го, Валеру ждут веселые дни. Еще неизвестно, кто за кем будет бегать. Старшие подруги опытом с близнецами поделятся непременно, дайте им только преодолеть языковой барьер.

Таким образом, на пятнадцатый день плавания «Отважный» окончательно распрощался с ледником и теперь направлялся на юг, имея в запасе тонну свежей воды и зеленые берега вдоль обоих бортов. Кстати, ветер все больше заходил с северо-запада в правый галфинд, что предопределяло постоянное движение под мотором. На реке, как говорится, не полавируешь. А это, в свою очередь, требовало ночевки возле куч плавника, служившего для пополнения запаса дров. Как рассчитывал Сергей Петрович, сейчас они находились ровно на середине пути, и впереди было еще от двенадцати до пятнадцати дней путешествия.

* * *

8 июня 1-го года Миссии. День двадцать пятый. Утро. Великая Река, Северные равнины, 100 километров северо-западнее современного устья Рейна.

«Отважный» быстро двигался вниз по течению на юго-запад, имея по левому борту тундростепь современной Голландии с одиночными холмами, поросшими кустарником. А по правому борту можно было увидеть такую же холмистую тундру Туманного Альбиона. Антон Игоревич сказал, что

Река сейчас напоминает ему Лену в период весеннего разлива чуть ниже Якутска. Единственная разница в том, что течет река не на север, а на юго-запад. Туманы по утрам стали уже вполне обычным явлением, отчего отправление в путь не раз откладывалось до появления видимости хотя бы метров пятьдесят. Зато и сама река стала еще шире и раздольней. Воистину – Великая Река.

Около полудня команда «Отважного» увидела удивительное зрелище, которое будет невозможно наблюдать в чуть более поздние времена. По левому берегу на водопой к Реке, помахивая хоботами, шло стадо мамонтов. Заросшие длинным рыжим волосом гиганты степенно вышагивали по степи. Родившиеся этой весной мамонтята забавно семенили за своими родительницами, держась хоботом за материнский хвост.

Получилось так, что первыми заметили стадо рыжие близнецы, а вовсе не впередсмотрящие. Впередсмотрящим-то как раз по сторонам глазеть было некогда, их задача заключалась в том, чтобы «Отважный» внезапно не напоролся на мель или полупритопленное бревно. Один подобный случай уже был, когда Валера и Лиза утратили бдительность, и о нем хорошо помнили, хотя и не упоминали вслух.

Девочки, которые закончили помогать Марине Витальевне с обедом, вышли на палубу прогуляться с малышами. В тот момент, когда все, что станет обедом, уже порезано, почищено, брошено в казан и закрыто крышкой, потребность в дополнительных рабочих руках на кухне резко уменьшается. Зато увеличивается вероятность разных несанкционированных действий. Я имею в виду соль, к которой близнецы питали явно нездоровое пристрастие. Марина Витальевна уже начала беспокоиться, все ли с девочками в порядке, но Сергей Петрович успокоил ее, сказав, что представители примитивных племен и в наше время довольно равнодушно относятся к сахару, но как леденцы сосут куски каменной соли. В общем, соль теперь надо было прятать подальше. Вкусы вкусами, а все же избыток этого продукта может фатально отразиться на организме.

Сказать честно, Витальевна просто обалдела, когда она первый раз увидела, как Даша и Маша со счастливым выражением лиц хрумят солеными-пересолеными огурцами, предназначенными исключительно для приготовления рассольников. Не огурцов было жалко, Бог с ними, с огурцами, «Отважный» – это не тюрьма. Просто посол сего продукта был таким крутым, что в необработанном виде его без содрогания было невозможно взять в рот. Именно такие огурцы имелись в виду в детской

считалочке про «жадину-говядину».

И тут Марина Витальевна видит, что есть на свете люди, которые едят это, испытывая самое неподдельное блаженство. Шок, да? Поэтому каждый раз, как только отпадала надобность в их помощи, женщина решительно выпроваживала сестренку на палубу – гулять на свежем воздухе с малютками.

Увидев на берегу шагающих гигантов, Даша с Машей загомонили, залопотали что-то по своему, и начали показывать пальчиками в сторону берега. Чего они так разволновались – непонятно, ибо плотность мамонтового населения в этих местах была несомненно больше, чем человеческого. Хотя надо признать, что стадо в три десятка взрослых самок и такое же количество подростков и детенышей – зрелище, действительно достойное того, чтобы на него посмотреть. Все, кто в настоящий момент не нес вахту, высыпали на палубу.

Андрей Викторович долго изучал стадо в бинокль, а потом задумчиво произнес:

– Красавцы! Как думаешь, Петрович, удастся нам их приручить или нет?

– Тебя этот вопрос интересует теоретически или практически? – так же задумчиво переспросил тот, наблюдая за северными слонами.

– Сугубо практически, – последовало заверение друга, – мы, военные, люди приземленные, и к неуместным полетам фантазии не склонны.

– В принципе, попробовать можно, – не спеша ответил Сергей Петрович, – только учти, что если брать мамонтенка совсем маленьким, то взрослеть он будет как человек – лет двадцать. И брать надо не одного мамонтенка, а минимум трех. А для этого надо полностью истребить все стадо, вроде этого, ибо добром мамыши тебе своих детишек не отдадут. Так что это дело долгое, сложное и наверняка опасное. Я бы с ним не торопился. А так, в принципе, почему бы и нет. Приручим со временем, разумеется, уже после лошадей и коров.

– Понятно, – вздохнул Андрей Викторович и развел руками, – но, Петрович, ты посмотри – какая мощь, какая сила, какая красота.

– Ручной мамонт, товарищ прапорщик, для нас не есть предмет первой необходимости. – Петрович кивнул в сторону Даши и Маши, – нам бы как-нибудь со здешними людьми разобраться. Надо, чтобы они поднимались до нашего уровня, а не наша молодежь опустилась до их. А то в жизни-то оно всякое бывает. Катиться вниз легко, а подниматься вверх ой как трудно. Люди решают все, а вовсе не мамонты. Ты на Валерку посмотри – ходит возле девок, как кот вокруг сметаны. А взять быка за рога стесняется. То ли

боится их, то ли выбрать не может. Эх, где мои семнадцать лет!

– Ясен пень, понимаю я, – кивнул отставной прапорщик, – без людей нам и все остальное ни к чему. А Валеру ты, Петрович, не торопи. У меня на такие вещи глаз-алмаз, и сдается мне, близняшки сами на него глаз положили. Не надо им только мешать, тогда рано или поздно природа возьмет свое. Не стоит спешить.

– Не стоит, – подтвердил тот, – скорее всего ты прав – эти девки и без нас сами поспешат.

Говорились последние слова вполголоса, под шум тарахтящего мотора. Так что все сказанное так и осталось между двумя друзьями. Прошло совсем немного времени, и мамонтовое стадо осталось позади, а «Отважный» продолжил свое путешествие вниз по течению Великой Реки к еще далекому пока Атлантическому океану.

* * *

9 июня 1-го года Миссии. День двадцать шестой. Слияние Великой Реки и Темзы, 170 километров восточнее центра современного Лондона.

Место слияния будущей Темзы и Великой Реки представляло собой фантастическое зрелище. Темза, текущая почти точно на восток, с небольшим уклоном к северу впадала в Великую Реку, текущую на юго-юго-запад – фактически против хода ее течения. Огромные массы воды, темные от торфяного осадка у Темзы, и светло-рыжие с прозеленью у Великой, устремляясь навстречу друг другу, сталкивались, образуя коварные водовороты и не менее опасные отмели.

Угроза была вовремя замечена дежурной парой впередсмотрящих, состоящей из Лизы и Ляли, которые тут же высвистали из кают-компания своего «Великого кормчего». Сергей Петрович немедленно поднялся на палубу и, оценив обстановку, при приближении опасного места, отстранил от штурвала коллегу, взяв управление на себя. Переложив штурвал влево, он постарался принять как можно ближе к низкому восточному «французскому» берегу. Там, в стороне от водоворотов, глубины были поменьше, чем на стрежне, но по той же причине этот путь был и более безопасным. Тем более что малая осадка коча вполне благоприятствовала такому маневру.

Долина Великой Реки, ранее довольно широкая, далее сужалась подобно бутылочному горлышку, склон которого круто поднимался в сторону высокого и обрывистого будущего британского берега. Меловые скалы Дувра, сейчас, правда, находящиеся еще в глубине суши, были впереди. По расчетам капитана, до них надо было идти примерно один

день пути.

Река, текущая на юг, за счет действующей на нее силы Кориолиса обязательно будет подрывать свой западный берег, делая его крутым и обрывистым, при этом отбрасывая отложения к противоположному краю русла, создавая низкие и отлогие пляжи. Вот вдоль этих-то пляжей, пользуясь уже спадающим половодьем, и прокрался медленно движущийся «Отважный», нащупывая себе путь в мутной воде длинными шестами, которыми орудовали отстранившие девушек Валера с Сергеем-младшим. На мель садиться никому не хотелось. Часа полтора медленного, почти на ощупь, движения – и все обошлось. Водовороты у слияния рек остались позади. Великая победила пошедшую ей наперекор свою младшую сестру и течение в ней выровнялось, вновь приобретя былую плавность.

Правда, вода в Великой Реке, смешавшись с мутными водами Темзы, приобрела особый грязно-торфянистый цвет, и, кажется, даже немного пованивала болотом. Недаром же слово Темза предположительно происходит от записанного в латинской транскрипции пракельтского слова *temeslos*, имеющего значение «темный», или «тьма», и это название первоначально означало Темная, или Мутная река, как бы это ни было обидно живущим ныне на ее берегах англичанам.

Глядя на мутную грязную воду, больше подходящую для сточной канавы, чем для реки, Марина Витальевна возблагодарила свою предусмотрительность, заставившую ее вынудить своих спутников сделать остановку и набрать запас чистой ледниковой воды. В том, что плескалось сейчас за бортом, она не стала бы стирать даже половую тряпку.

Сергея Петровича при этом тревожило совсем иное. В такой мутной воде не только легко ловить рыбу, но и проще простого незаметно получить в скулу коча удар притопленным бревном или плавающей корягой. Потому «Отважный» хоть и вышел снова на стрежень Великой Реки, подальше от мелей, но продолжал двигаться медленно, на малых оборотах мотора. Для ориентации приходилось больше полагаясь на сонар, чем на зрение впередсмотрящих.

Вечером «Отважный» бросил якорь в небольшом заливчике у французского берега, отгороженном от основного русла длинной песчаной косой. Тихий, накрапывающий из серых туч дождик опять не дал разбить на берегу палаточный лагерь, но, впрочем, он не помешал Сергею Петровичу, пока не стемнело, выслать в тундростепь две охотничьи группы в поисках чего-нибудь мясного, пригодного для котла. Все-таки рыба рыбой, а мясо им необходимо.

Одну группу, включающую в себя Лизу и Лялю, возглавил он сам.

Вторую, состоящую из Сергея-младшего и Кати, взял под свое крыло Андрей Викторович. Стрелять дичь из арбалетов предстояло молодежи, а мужчины лишь подстраховывали их огнестрельным оружием на случай разного рода случайностей, неизбежных на охоте. Антон Игоревич, Марина Витальевна и Валера, вместе с детьми и прочими пассажирами, оставались на борту и должны были обеспечить охрану и оборону «Отважного».

Такая расстановка сил не устроила только Лизу, из всех сил желавшую попасть в одну группу со своей зазновой. Но учитель был неумолим. Сергей-младший и Катя представляли уже слаженную охотничью пару, и он не собирался разбивать ее ради романтических чувств взбалмошной девицы. И вообще, охота в эти ледниковые времена – не место для романтики, а занятие, полное опасностей и риска, и требующее от каждого участника высочайшего внимания и концентрации.

В любой момент внезапно могло появиться недружелюбно настроенное зверье, против которого будет бессильна даже винтовка Мосина, пуля из которой, как всем известно, пробивает даже шейку железнодорожного рельса. Взбесившийся самец мамонта в гоне, шерстистый носорог, пещерный лев или пещерный же медведь, стая гигантских степных гиен или крупных северных волков вполне способны превратить охотника в жертву, если он не будет соблюдать осторожности. А какая уж тут осторожность, если на шее у мужика виснет влюбленная мадемуазель, желающая сладкого и постыдного, и объяснять ей что-либо совершенно бесполезно. Поэтому нет, нет и еще раз нет.

Впрочем, то же самое касалось и чувств Ляли к нему самому. Но там было уже совсем другое дело. В отличие от своей подруги, эта девушка после уже проведенных с нею бесед вела себя более-менее вменяемо, к тому же сегодня он впервые взял ее с собой на охоту; и она понимала, что таким образом ей предоставляется возможность сдать давно обещанный экзамен на «взрослость». Она зубы сцепит и сделает все, чтобы ее признали взрослой, тем более что Петрович – вот он рядом, никуда не денется – влюбится и женится. Надо только дождаться конца плавания и продемонстрировать всем, и в первую очередь ЕМУ, какая она хорошая – просто образцовая подруга и серьезный товарищ. В итоге Лиза поняла, что, продолжая настаивать на своем, она выглядит не самым лучшим образом на фоне «этой карьеристки», так неожиданно затесавшейся в их теплую компанию. И отступила.

На этом организационные вопросы были закончены и, разобрав оружие и снаряжение, а также свистнув собак, охотники выступили в поход за добычей «во имя обеда».

– Да, Мариночка, – сказал Антон Игоревич своей верной боевой подруге, когда охотники скрылись за прибрежными дюнами, – вопрос личных симпатий надо как-то решать, и поскорее. Девки уже выбрали себе мужиков, и теперь того и гляди на стену полезут, желая получить свое.

– Кобель ты, Антон! – в сердцах только и ответила Марина Витальевна, – все бы тебе о пошлом.

Антон отошел, а про себя женщина подумала, что теперь именно ей надо «по-мужски», тет-а-тет, переговорить со всеми заинтересованными в этом деле сторонами, для того чтобы найти взаимоприемлемое для всех решение. Чужало ее сердце, что это не последний такой случай. И хорошо еще, что две этих молодых дурочки не втюрились в одного и того же мужика.

Вон, Валерку уже по всем правилам женского искусства осаждают две рыжих из ларца, одинаковых с лица, и бедный парень не знает, кого выбрать. Да и как тут ему выбирать – девки же абсолютно одинаковые, и к тому же в каком-то смысле абсолютно развращенные. То есть не знающие никаких свойственных для более поздних времен запретов и табу. Они поставили себе цель укрепиться в новом племени, и прут к ней с изяществом шерстистого носорога. А парень должен знать, что брак – это не только секс и все тридцать три удовольствия, но еще и ответственность за тех, кого приручил, хотя в данном случае выходит-то наоборот. Не он приручает, а его пытаются окрутить, причем сразу в четыре руки. Но нет, пусть Даша с Машей сперва станут полноправными членами их клана. И только потом их можно будет допускать к Валеркиному телу.

Скорее бы уже сестренки заговорили на великом и могучем. Тогда будет возможно разрулить с ними эту ситуацию на чисто вербальном уровне, а не как сейчас – стрельбой глазами и ужимками. Или сразу ввести в их обществе полигинию? Мужики, конечно, будут не против, но об этом надо будет еще не раз как следует подумать, чтобы сгоряча, из сиюминутных соображений, не наломать дров. Итак – совету вождей быть завтра вечером. Она выскажет мужчинам свои соображения, пусть они не спеша все обдумают, и на завтрашней стоянке все четверо соберутся и решат этот семейный вопрос.

Одна, а фактически две семейные пары (если считать и ее с Антоном Игоревичем), у них уже есть. При этом намечается еще две. И надо ли им, чтобы, кроме пар, среди них появились тройки, четверки и прочие многоугольные семейные комбинации. Тут стоит только начать – потом греха не оберешься. Правда, неизвестно, что хуже – полигиния или болтающиеся то тут, то там одинокие девчонки и молодые женщины,

изнывающие от недостатка мужчин и пытающиеся урвать себе хоть немножечко счастья.

А на охоте тем временем удача была на стороне Ляли, в соответствии с принципом: «новичкам всегда везет». Не успели они отойти подальше от места стоянки «Отважного», как Майга сделала охотничью стойку. И точно, в небольшой укрытой от ветров ложбине обнаружилось маленькое стадо северных оленей – крупный самец и два десятка годовалых подростков и самок с новорожденными оленятами.

– Твой выстрел, – тихо сказал Петрович Ляле, взяв Майгу на короткий поводок. – Вон тот молоденький самец с краю. Лиза страшует...

Олени сразу заметили появление своих извечных двуногих врагов, но, видимо, сочли дистанцию в сотню шагов для себя неопасной и продолжили пастись, лишь изредка поглядывая в сторону людей. Их опыт говорил, что никакой, даже самый сильный охотник не способен метнуть свое копье на такое большое расстояние.

Ляля рычагом взвела арбалет, вложив в паз стрелу с наконечником на крупную дичь. Потом она опустилась на одно колено, вскинув арбалет к плечу. Руки ее не дрожали. За месяц жизни на свежем воздухе, прошедший с начала путешествия, на руках у Ляли выросли довольно неплохие для девочки мышцы, а тощая прежде фигура начала округляться во всех положенных местах. Физические нагрузки и обильное натуральное и экологически чистое питание способны творить еще и не такие чудеса.

Тщательно прицелившись чуть выше середины груди указанного ей оленя, девочка плавно, как ее учили, надавила на спуск. Выстрел, щелчок тетивы, негромкий свист – и олень, взбрыкнув ногами, падает на бок с пробитой грудью, в которую полуметровая карбоновая стрела ушла почти по самое оперение.

– Молодец, – Петрович одобрительно крикнул, – пошли, посмотрим на твою добычу.

Раненый олень сучил ногами, пытаясь подняться. Но это уже была агония. Перепуганное стадо бежало, а с пригорка спускались двуногие убийцы с собакой.

Мужчина посмотрел на умирающего оленя и сказал Ляле:

– Помнишь, чему тебя учили? Добей его!

Зажмурившись от страха и отвращения, девочка вытащила нож и перерезала оленю горло. Хлынула кровь, животное дернулось последний раз и затихло. Половина дела была сделана, теперь осталось разделать и освежевать добычу – занятие кровавое и довольно грязное.

Пока Ляля с Лизой вспарывали оленю шкуру от горла до паха,

Петрович, оглядываясь по сторонам, достал рацию и вышел на связь с группой коллеги. Одного молодого оленя, уже успевшего отъестся на весенней травке, весом чуть больше центнера, им всем хватит за глаза и за уши, по крайней мере, на ближайшие день-два. Так что охоту на сегодня можно было считать законченной, зато совсем не лишней окажется помощь в разделке туши и перетаскивании мяса и шкуры. Почуявшие запах крови местные шакалы уже завели за ближайшим холмом свою заунывную песню, и помощь в охране и обороне добытого мяса от них тоже весьма пригодится.

Группа Андрея Викторовича подошла минут через пятнадцать, когда орудовавшие острыми ножами Ляля и Лиза уже наполовину сняли с оленя шкуру.

– Кто? – спросил старший прапорщик, бросив взгляд на девочек, с перемазанными в крови руками возящихся вокруг туши.

– Ляля, – негромко ответил Петрович с оттенком гордости.

– Молоток, девка! – так же тихо сказал Андрей Викторович. – Значит, с нее будет толк?

– Будет! На том и стоим. Считаю, что свой экзамен на зрелость она уже сдала.

– Заметано! – кивком подтвердил бывший физрук, – возражений нет. Сегодня же торжественно и перед строем вручу ей все, что положено в вечное и безраздельное пользование...

Услышавшая эти слова Катя, тут же с визгом полезла к Ляле обниматься. Впрочем, до возвращения на «Отважный» им предстояла еще целая куча дел.

* * *

10 июня 1-го года Миссии. День двадцать седьмой. Ночь. 35 километров северо-восточнее Дувра.

Около полуночи крапающий дождик неожиданно перешел в настоящий ливень, сопровождаемый ураганным западным ветром. Крутая волна, разогнавшаяся на просторе Великой Реки, перекатывалась через низкую песчаную косу и раскачивала «Отважный», несмотря на то, что тот стоял на двух якорях и был притянут швартовыми к вбитым в берег деревянным кольям. Буря ревела, потоки дождевой воды падали почти горизонтально, гром, правда, не гремел и молнии во мраке тоже не сверкали, но и того, что было, оказалось вполне достаточным. Природа разгулялась во всю мощь, показывая, что шутки с ней плохи.

Проснувшийся от раскачивания корпуса судна и заунывного воя ветра в снастях Сергей Петрович откинул занавеску, быстро оделся при свете

мотающейся под потолком тусклой дежурной лампочки, схватил мощный светодиодный фонарь и выскочил на палубу проверить обстановку. Там его сразу же ослепили бьющие с ураганной скоростью потоки дождя и оглушил вой ветра. Убедившись, что все нормально, якоря и швартовы держат, и «Отважному» ничего не угрожает, промокший и продрогший, он вернулся в кают-компанию и обнаружил, что на его койке лежит Ляля, укрывшаяся одеялом до самого подбородка.

– Ляля?! Что ты тут делаешь? – удивленно произнес мужчина и сразу же вспомнил тот разговор, который вечером завела с ним Марина Витальевна.

– Т-с-с!!! – тихо сказала захватчица, – только не шуми, Петрович. Не видишь разве, что девушке одной страшно...

– Ляля, – строго сказал учитель, – молоденьким девочкам вроде тебя не место в постели взрослого мужчины.

– А вот и нет, товарищ педагог, – высунула язык Ляля, – я уже не девочка, а взрослая женщина, как вы сами сказали, достигшая возраста фактического совершеннолетия, и теперь сама могу решать, что мне делать и с кем...

– Ох, Ляля, – растерянно сказал Сергей Петрович, – а что на это скажет Марина Витальевна?

– Витальевна сказала, – ответила Ляля, прикрыв глаза, – что если очень хочется и по взаимному согласию, то можно. Я, например, согласна...

Приоткрыв один глаз и внимательно посмотрев им на растерявшегося Сергея Петровича, Ляля повернулась на бок, отодвинувшись к самому борту.

– Ну что ты стоишь как неродной, Петрович, – с придыханием прошептала она, – ты же совсем замерз! Иди ко мне – я не кусаюсь...

Петрович подумал, что если сейчас кто-нибудь проснется и увидит, как Ляля заманивает его к себе под одеяло, а он упирается и ломается, как какой-нибудь мальчик-ботаник, то вопросов потом будет явно больше, чем ответов. Поэтому он быстро разделся и юркнул под приглашающее откинутое одеяло, задернув за собой занавеску.

– Какой ты холодный, прямо как лягушка, – прошептала Ляля, прижимаясь к нему всем своим горячим телом, – даже с пупырышками. А я тебе и место уже нагрела...

– Пупырышки бывают только у жабы, – машинально ответил Петрович.

– Это неважно, – отмахнулась Ляля, – мы не на уроке биологии. Я тебя

буду греть, а ты, милый, слушай. Мы тут с девчонками немного посоветовались и решили, что Катька, раз уж она теперь замужняя женщина и влюблена как кошка, остается со своим Сергеем, Лизе нравится Мускул, а я ухаживаю за тобой, тем более, что ты мне тоже нравишься. Не могу сказать, что я влюблена в тебя до безумия, как Катька в своего Сергея, но ты умный, добрый, совсем не страшный и относительно молодой. Мне с тобой хорошо и спокойно. В конце концов, не с местными же мне путаться, когда прямо под боком есть такая замечательная кандидатура?

– А как же Валера? – тихо спросил Петрович, отогреваясь в блаженном тепле.

– Валерка, – хихикнула Ляля, – какой-то он квелый – третий сорт не брак. Но холостым он не останется – мы с девчонками об этом позаботимся.

Ляля тряхнула головой, отбрасывая со лба волосы.

– Короче, Петрович, – сказала она, приподнявшись над ним, – если ты сегодня ничего не хочешь, то давай спать. Теперь дай мне руку. Правильно. Вот так.

Затем, положив голову на плечо Петровича, Ляля обняла его за грудь, чмокнула в щеку и сказала:

– Спокойной ночи, милый. Сладких снов.

В свою очередь, приобняв Лялю за плечи, мужчина задумался. В каком-то смысле нечто-то подобное было неизбежно с самого начала их путешествия. При выходе за пределы цивилизации искусственные ограничения отбрасываются за ненадобностью, зато на первый план выходят первобытные инстинкты. У женщин это желание получить себе в личное пользование какого-нибудь статусного высокорангового самца. Чувства при этом обычно особого значения не имеют – ведь на кону стоит будущее их потомства в мире, где нет пособий, детских садов и ясель. Да и в интернатах тоже нравы весьма далеки от тех, что бытуют в обычном обществе. Для тамошних девиц в порядке вещей устроить сходняк и «поделить» парней. Иногда такие «разборы полетов» доходят и до драки. К счастью, кажется, у них тут все прошло без конфликтов, и единственный пострадавший – это Валера. Хотя и о нем местный женсовет не забыл, и обещал в меру возможности позаботиться об обустройстве его будущего. Чисто по-сестрински или даже по-матерински.

Впрочем, понимать такие вещи – это одно, а вот лично услышать такое в свой адрес – «ты мой и больше ничей, мы так решили, так что расслабься и постарайся получить от этого удовольствие» – совсем другое.

Да уж, говоря такие вещи, Ляля не теряет и не краснеет. Впрочем,

брак по расчету бывает удачным, если расчет был сделан правильно...

Надо еще выяснить, какую роль во всем этом играет уважаемая Марина Витальевна. Без нее тут явно не обошлось, недаром же этим вечером она завела разговор на эту тему. А то бабы устроят тут самый махровый матриархат, и потом мужикам будет такая жизнь, что не продохнешь.

С этой мыслью, под вой ветра и покачивание «Отважного», учитель и уснул.

Проснулся он уже утром. Снаружи было тихо, корпус «Отважного» стоял неподвижно. У плиты тихо позвякивала посуда и таяли жиры. Ночью Ляля обвила его обеими руками, да еще закинула сверху одну ногу.

«Собственница... – оттого-то с удовольствием подумал Петрович, выпутываясь из цепких девичьих объятий. – Так действительно недалеко и до греха.»

– Проснулся, женишок? – с ехидством поприветствовала его Марина Витальевна, хлопчущая у печи. – Все уже встали, а ты сегодня что-то запоздал?

– Без меня меня женили, – проворчал тот, быстро натягивая штаны, – и ты, Витальевна в этом тоже замешана.

– Да ладно, – отмахнулась та, уперев руки в боки, – я же тебя предупреждала. И вообще, с кем не бывает. Главное, чтобы все было нормально. При всем богатстве выбора у нас, девочек, других вариантов для твоего устройства нет.

– Будем надеяться, – сказал мужчина и, схватив мыльно-рыльные принадлежности, направился к выходу.

– Кстати, – сказала Марина Витальевна ему в спину, – пора отплывать, и все ждут только тебя. Погода как на заказ, миллион на миллион.

– Пять минут, и я готов, – бросил он ей в ответ.

Погода действительно была расчудесная. С безоблачного неба пригревало июньское солнышко, легкий западный ветерок лишь слегка морщил отражающую небесную голубизну речную гладь. Благодать, да и только.

Быстренько умывшись под взглядами коллектива холодной речной водой по пояс, Сергей Петрович достал станок и прочие бритвенные принадлежности.

– Подержи, пожалуйста, – он сунул зеркало коллеге и начал взбивать помазком мыльную пену.

– Ну как? – спросил Андрей Викторович, осматривая товарища в поисках засосов, царапин и прочих отметин «бурной ночи».

– Пока нормально, – ответил тот, намыливая щеки и подбородок, – и не смотри на меня так, ничего у нас не было, мы просто спали.

– Возможно, возможно, – кивнул бравый мужчина с совершенно ничего не выражающим видом, – но что же дальше?

– Я думаю, – сказал главный прогрессор, – что пока, до прибытия на место, будем считать, что Ляля моя невеста. Если ее желания до того момента не изменятся, то значит, так тому и быть. Кстати, ты в курсе, что Лиза вышла на тропу войны? По твою, между прочим, душу. Оказывается, дамы нас давно уже поделили.

– Даже так? – покачал головой Андрей Викторович, он явно был немного ошарашен. – Ну, что ж, буду знать. Где наша не пропадала.

Закончив с бритьем, Петрович снова спустился в кают-компанию. Ляля уже встала, натянула брюки и футболку, и теперь прихорашивалась перед зеркалом.

– Привет, – по-свойски поздоровалась она, – как спалось, милый?

Учитель вопросительно посмотрел на Марину Витальевну, но та в ответ лишь пожала плечами.

– Спалось хорошо. Но знаешь что, Ляля, давай не будем торопиться. Пусть до окончания нашего плавания ты будешь считаться моей официальной невестой. Если и тогда твои намерения не переменятся, то мы снова вернемся к этому разговору. Спать со мной больше не надо, и скажи Лизе, чтобы она не занималась хитроумными выкрутасами, а подошла к Андрею Викторовичу и поговорила с ним прямо и откровенно. Я думаю, что он ее поймет и не обидит. Хорошо?

– Хорошо, мой повелитель, – без тени недовольства кивнула Ляля, – я сделаю все, как вы пожелаете и подожду. Но только до тех пор, пока не закончится наше плавание.

– Договорились, – кивнул тот и увидел, как за спиной Ляли Марина Витальевна подняла вверх большой палец.

* * *

10 июня 1-го года Миссии. День двадцать седьмой. На траверзе меловых утесов Дувра.

После короткого завтрака, когда были убраны швартовы и подняты якоря, Андрей Викторович и Сергей-младший длинными шестами оттолкнули «Отважный» от берега; затарахтел мотор и капитан, обогнув песчаную косу, через протоку вывел корабль из уютной бухточки «на простор речной волны». Форштевень легко резал воду, парус, поймав легкий западный ветерок, добавил ходу резвости, за кормой рассеивался сизый угар моторного выхлопа, на баке вперёдсмотрящими стояли Сергей-

младший и Катя. Путешествие продолжалось.

Примерно через час в глубине английского берега показались сверкающие в ярком утреннем свете меловые утесы Дувра. Впрочем, высокий и обрывистый правый берег реки также был сложен из похожих меловых пород. Правда, обрывы там были значительно меньшей высоты. Сразу за тем местом, где в их будущем был расположен порт, давший название этим утесам, Великая Река повернула почти точно на юг, обходя длинную каменистую гряду, затопленную морем в более поздние времена. Справа возвышался крутой и обрывистый британский берег, слева тянулась холмистая степная равнина, которая в будущем станет французским департаментом Па-де-Кале.

Стоя у штурвала, Петрович краем глаза заметил, как Лиза с решительным видом взяла его товарища под руку и увлекла в сторону кормы. Наверное, поговорить за жизнь. Оглядываться у него не было никакой возможности, а слова заглушались тарахтением двигателя. Когда некоторое время спустя они вернулись, Андрей Викторович, как и положено старому солдату, не знающему слов любви, выглядел весьма озадаченным, а на губах у счастливой Лизы играла загадочная улыбка.

– Подруга, – мимоходом сказала Лизе сменившаяся с вахты Катя, – съешь лимон, слишком много сладкого – это вредно.

– На себя посмотри, подруга, – девушка гордо вскинула голову, – со своим Сергеем счастлива и довольна как кошка.

– Тихо, леди, – вмешался в разговор бывший физрук, – не надо ссориться. Живите сами и давайте жить другим, пока эти другие не мешают вам, и сами никому не мешайте.

– А мы и не ссорились, – сказала Катя, высунув язык, – просто слишком много сладкого вредно.

– Сама такая, – ответила Лиза.

– Хватит, я сказал! – нахмурился мужчина. – Сейчас обе у меня получите по наряду на кухню вне очереди.

– Слушаюсь и повинуюсь, товарищ старший прапорщик, – Лиза вскинула руку к черной вязаной шапочке, – разрешите выполнять?

– Выполняй! – сказал тот, и девушка быстро юркнула по трапу в трюм – делиться своим счастьем с Мариной Витальевной. Катя же, хмыкнув, поднялась на бак к своему супругу Сергею-младшему – пришла их очередь принимать вахту вперёдсмотрящих.

– Что это такое с нашими девками? – пожав плечами, спросил Андрей Викторович у коллеги, сдавшему вахту у штурвала геологу. – Они как с ума посходили.

Тот осмотрелся по сторонам.

– Понимаешь, Андрей, – тихо сказал он, – сегодня в нашем девичнике произошла своего рода революция. До того, если не считать Витальевну, высшую точку в рейтинге занимала Катя, единственная замужняя дама, своего рода «первая леди», которой вполне официально можно было «все», а Лиза и тем более Ляля находились по отношению к ней в подчиненном положении...

– И что из этого следует? – озадаченно спросил бывший военный.

– А то, что если Ляля станет моей женой, а Лиза твоей, с того момента вся женская иерархия перевернется вверх ногами, так как наш с тобой статус куда выше, чем у Катинного Сергея. Вот от этого она и бесится.

– Теперь понятно, – кивнул Андрей Викторович, – и что нам с тобой делать?

– А нам ничего делать и не надо. Ляля и Лиза девки неплохие, мы с тобой тоже далеко не старики, так что пусть все идет как идет. А Катя перебесится и успокоится. Сегодня вечером Витальевна как раз по этому поводу собирает большой сход. Там все подробно и обговорим.

* * *

10 июня 1-го года Миссии. День двадцать седьмой. Вечер. Ночная стоянка 17 километров западнее современного города Булонь-Сюр-Мер.

Вечером, еще до наступления темноты, «Отважный» бросил якорь у «британского» берега в том месте, где Великая Река, дойдя до конца гряды, делала поворот на девяносто градусов вправо, и дальше текла почти ровно на запад. Пролив Па-де-Кале был пройден, впереди будущий Ла-Манш, или, как его звали в древности – Узкое море.

Убитый Лялей олень еще не был до конца съеден, поэтому охотничьи партии высылать не стали. Прошло немного времени – и на берегу, под обрывистыми склонами прибрежного холма, запылал огромный костер из набранного тут же плавника. Вскоре оранжевое режущее пламя ярко освещало узкий прибрежный пляж, береговой обрыв и пришвартованный к берегу борт «Отважный». К пламени этого костра вынесли даже Гуга. Ребра его подживали, гематомы рассасывались, воспаления не было, и он вполне уже мог сидеть, опираясь спиной на покрытый шкурами прибрежный валун.

– Итак, – сказал председатель правления, когда все, наконец, расселись вокруг костра, – перед лицом живого огня, который олицетворяет принесенный Прометеем прогресс, позвольте мне считать общее собрание клана Прогрессоров открытым. Слово предоставляется Марине

Витальевне.

– Сегодня, – сказала та, поднявшись на ноги, – нам всем надо окончательно решить, по каким правилам мы будем дальше жить, вступать в брак и принимать в наш клан новых людей. Две семейные пары у нас уже есть, это если считать и меня с Антоном Игоревичем. Еще две наших девушки положили глаз на наших вождей Сергея Петровича и Андрея Викторовича, и желают создать с ними семьи, несмотря на имеющуюся между ними разницу в возрасте.

– Марина Витальевна, – приторно-сладким голосом сказала Катя, – скажите, а как сами женихи относятся к такой идее? Не слишком ли Ляля и Лиза молоды для брака с этими мужчинами?

– Молодость, – сказала женщина, – это такой недостаток, который имеет свойство проходить сам собой. Кроме того, по законам нашего клана, с которыми вы все согласились (в том числе и ты, Катя), и Ляля, и Лиза считаются полностью совершеннолетними, способными самостоятельно решать свою судьбу. Сергей Петрович, официально тебя спрашиваю, как ты относишься к браку с Лялей?

– Она с ним уже спала! – выкрикнула Катя.

– Катя, – фельдшерица строго посмотрела на девушку, – клан Прогрессоров – это не тюрьма. Когда ты до свадьбы «спала» со своим Сергеем, тебе никто и слова дурного не сказал, лишь бы это не шло в ущерб остальным. Тем более что они оба утверждают, что они просто спали, а не делали ляльку, как вы. Если ты и дальше будешь устраивать тут беспорядок, то мы все попросим твоего мужа сделать тебе строгое внушение. Да, да, через то самое место, на котором ты сейчас сидишь. Итак, Петрович, мы тебя слушаем.

– Я думаю, – сказал тот, – что для того, чтобы люди, собирающиеся вступить в брак, могли проверить свои чувства и правильность принятого ими решения, нам надо ввести в практику обряд обручения, после которого двое официально считались бы женихом и невестой. И пусть между мною и Лялей нет никаких особо пылких чувств, с этого момента, при полном ее согласии, я официально прошу считать нас двоих женихом и невестой до того времени, пока не завершится наше путешествие.

– Ляля, ты действительно согласна? – спросила Марина Витальевна.

– Да, – кивнула Ляля и, бросив на своего жениха косой взгляд, чуть слышно сказала, – согласна...

– Хорошо, – сказала женщина и задала такие же вопросы Лизе и Андрею Викторовичу, получив при этом точно такие же ответы.

– Итак, – сказала она, выслушав Лизу, – если возражений нет, то

решение по обоим этим случаям можно считать принятым единогласно.

Катя было дернулась, но Сергей-младший положил руку ей на плечо.

– Катюха, уймись, – тихо сказал он, – не лезь не в свое дело. Тебе какая разница, кто и за кого выйдет замуж, коза неугомонная?

– Продолжим, – сказала Марина Витальевна, – по вопросу приема в клан новых членов из местного населения слово предоставляется Сергею Петровичу.

– Значит так, – прокашлявшись, начал свою речь главный прогрессор, – о Гуге, Даре и Маре вы все уже знаете. Сейчас они у нас вроде как в гостях, но, поскольку их изгнали из племени, идти им некуда. Это во-первых. Во-вторых, принять их в наши ряды с полными правами мы сможем не раньше, чем они смогут стать полезными членами нашего клана. Мы должны сразу определить те правила, по которым мы будем принимать решение по этому вопросу, потому что за этими тремя местными последуют и другие. Без этого мы не сможем не только решить нашу задачу, но и просто выжить.

– Сергей Петрович, – сказал Сергей-младший, – пусть они сперва выучат русский язык.

– Это само собой. Но этого недостаточно. Знание русского языка позволит присвоить им статус кандидатов, как у наших малых, но не более того.

– А что они умеют делать? – спросила Катя.

– Гуг – охотник, – сказал Петрович, – и этим все сказано: отслеживание добычи, тяжелое ударное и легкое метательное копье, частично изготовление оружия и инструментов из кремня. Собаки выследят добычу лучше, арбалеты и луки поразят ее с большего расстояния, а умение изготавливать каменные орудия не представляет для нас абсолютно никакой ценности. Металл – наше все. Дара и Мара умеют все, что умеют местные взрослые женщины: сбор даров природы, приготовление пищи при почти полном отсутствии кухонной утвари, выделка сыромятных шкур и изготовление одежды на очень примитивном уровне. Как вы знаете, сейчас они обе помогают по кухне на уровне «подай, принеси».

– Умений негусто, – задумчиво сказал Антон Игоревич. – Гуга, например, придется полностью переучивать. Что касается девочек, то мы с Витальевной можем научить их обрабатывать меха и кожи примерно по тем методам, какими пользовались современные нам народы севера. По сравнению с местными образцами это самые настоящие высокие технологии.

Услышав свое имя, парень встрепенулся и завертел головой, понимая,

что сейчас решается его судьба.

– Вопрос о переучивании Гуга, – сухо сказала Марина Витальевна, – встанет, прошу прощения за каламбур, в тот момент, когда он встанет на ноги, и не раньше. Но для шитья одежды из кожи потребуются решить вопрос ниток – нашего запаса надолго не хватит.

– С нитками мы решим, – сказал Петрович, – и с обучением тоже. Вопрос в другом. Судя по тому, что нам удалось узнать от Гуга, Мары и Дары, их случай далеко не редкость. Вожди местных племен регулярно избавляются от лишних ртов, изгоняя всякого рода неудачников, белых ворон, вдов и сирот. Сказки, в которых ненужных детей вывозят в лес и там бросают – имеют под собой довольно жуткую реальную предысторию. Дару и Мару, например, изгнали за то, что они дочери предыдущего вождя, с которым у нового начальства были определенные терки, и к тому они же рыжие, что считается признаком неудачливости.

– Так значит, они все-таки заговорили? – спросил Сергей-младший.

– Ну как заговорили, – отмахнулся учитель, – Ляля смогла вступить с ними в контакт на уровне «твоя моя не понимай». Наполовину на словах, наполовину жестами.

Вопрос в другом. Взрослых мужчин, способных охотиться, изгоняют очень и очень редко и, как правило, эти люди совершили что-то мерзопакостное. Гуг, как я понимаю, тут не в счет, он ушел сам, чтобы поддержать изгнанных сестер. Если мы будем формировать наш клан из таких изгнанников, то у нас будет очень мало мужчин, много женщин и еще больше детей.

– Понятно, – кивнул Андрей Викторович, – будем организовывать здесь свой интернат?

– Скорее уж кадетский корпус. Причем, думаю, что этот вопрос даже не требует обсуждения. Дети легче всего поддаются переучиванию, и если мы сумеем продержаться несколько лет, пока самые старшие из них не повзрослеют, то сила нашего клана возрастет многократно.

– Согласен, – кивнул отставной прапорщик, – только для этого нам придется решить множество проблем.

– Чисто материальные проблемы мы решим. Все, что необходимо для хозяйства, мы с собой взяли, знания у нас есть, руки заточены как надо. Мяса и рыбы при местном обилии живности мы сможем добыть хоть на сто человек. Главное, как мы и планировали, до холодов успеть построить дом, а там можно будет ставить койки хоть в три этажа. Это все решаемо. Вопрос в другом...

Петрович перевел дух и обвел взглядом собравшихся у костра членов

клана.

– Сейчас, – продолжил он, – у нас на пятерых взрослых мужчин клана приходится шесть взрослых женщин, считая Мару и Дару.

– Сергей Петрович, – неожиданно спросила Катя, – а почему их надо считать?

– А потому, Катя, что в наших условиях каждая женщина – это не только ценный мех, – ответил Петрович, вызвав смешки, – но еще и пара рабочих рук. Местные охотники к систематическому труду относятся более чем прохладно, и переучить их будет сложно. Женщины же, наоборот, только и делают, что трудятся. Кроме того, как я уже говорил, мы не можем рассчитывать на то, что к нам придет большое количество местных мужчин. Не исключено, что Гуг будет единственным исключением из этого правила.

– К чему ты клонишь? – спросила Марина Витальевна.

– А к тому, что в ближайшее время у нас может оказаться по три, четыре или даже пять женщин на одного взрослого мужчину, и нам надо сразу решить, как мы будем строить свое общество в таких условиях. Конечно, во втором и в третьем поколении это положение выправится, но до того еще надо дожить.

– Короче, Склифософский, – сказал бывший физрук, – в общем, твою мысль мы уже поняли, переходи к подробностям.

– Семья, как говорится – ячейка общества, – ответил Петрович, – но уже сейчас на нашего Валеру претендуют две местные дамы, и в дальнейшем эта ситуация только усугубится.

Валера покраснел и заерзал, а Катя, Лиза и Ляля переглянулись с Мариной Витальевной.

– Петрович, ты предлагаешь ввести у нас многоженство? – полуутвердительно полувопросительно сказала та.

– Да, Марина, – кивнул учитель, – именно это я и предлагаю. Для выживания и развития клана женщины должны рожать, а матерей-одиночек нам тут не надо, как и беспорядочных связей одиноких женщин с любым желающим.

– М-да, – нехотя сказала та, – аргумент понятен. Хоть и очень не хотелось, но, видимо, придется. Валера, ты готов стать мужем сразу двум этим образцовым очаровательным рыжим девушкам-близнецам?

– Что, уже сейчас? – растерянно спросил покрасневший Валера, вызвав еще один взрыв хохота.

– Нет, не сейчас, – покровительственно улыбнулась женщина, – а тогда, когда они обе смогут прийти вместе с тобой на такое же наше

собрание, и на понятном русском языке подтвердить свое желание вступить с тобой в законный брак.

– Да, Марина Витальевна, – сказал Валера, расплывшись в довольной улыбке, – я согласен.

– Ну, смотри, – фельдшерица погрозила ему пальцем, – ты сам это сказал. Будем считать их твоими невестами. Теперь, помимо всего прочего, на тебе их обучение и воспитание. Сергей, – она посмотрела на юношу, – ты возьмешь шефство над Гугом. Хватит ему быть среди нас немым болваном. В будущем, если при приеме в клан женщина захочет вступить в уже существующую семью, на это должно быть согласие и желание всех ее членов...

Марина Витальевна на некоторое время замолчала, будто чего-то ожидая.

– У кого-нибудь будут возражения? – спросила она после затянувшейся паузы. – Если нет, то попрошу считать наше собрание закрытым. Мужчины, подбросьте в костер дров и включите музыку. Отметим сегодняшний день замечательной дискотекой.

* * *

11 июня 1-го года Миссии. День двадцать восьмой. Великая Река. 20 километров южнее Истборна.

С утра плавание продолжалось при тихой и ясной погоде. Русло Великой Реки, повернув на запад, пролегало довольно близко к будущему британскому берегу. Тундра на севере постепенно сменялась холмистым степным ландшафтом, а среди стад северных оленей нет-нет да и попадались табунки низеньких лохматых лошадок. Погода стояла просто замечательная – тихий ветерок, прозрачные облака, через которые просвечивало неяркое солнце, температура воздуха что-то около двадцати градусов по Цельсию. Команда «Отважного» наконец скинула куртки и осталась в футболках, наслаждаясь таким подарком природы.

Настроение на борту после вчерашнего собрания также было тихим и благостным. Лиза и Ляля, добившиеся желаемого, перестали терроризировать предметы своих вздыханий и, сдав вахту на баке Кате с Сергеем-младшим, как добрые подружки уединились на корме пошущукаться о своем, о девичьем. Кошки и те выбрались на палубу и грелись на солнышке, выгнув мохнатые спинки. И даже вышедшее на водопой к французскому берегу стадо мамонтов не вывело команду из этого благостного состояния. Мамонты и мамонты – не первый раз, чай и не последний.

Небольшой табун степных лошадей, увиденный чуть позже, вызвал

несколько больше интереса, особенно среди детей. Их внимание привлек вовсе не крупный красавец-жеребец, охраняющий свой гарем, а юные жеребята, робко жмущиеся к бокам своих лохматых матерей. Именно сейчас, в начале лета, кобылы принесли приплод, дав жизнь новому поколению этих степных путешественников.

– Дядя Андрей, – тонким голосом сказала Вероника Андрею Викторовичу, – хочу лошадку.

– Нет у нас места для лошадки, Вероника, – серьезно, как взрослой, объяснил тот девочке, опустившись перед ней на корточки, – вот придем туда, где будет наш дом, и обязательно поймем тебе маленькую лошадку, даже не одну.

– Сельозно? – озадаченно спросила Вероника.

– Да, серьезно, – ответил мужчина.

– Ну смотри, дядя Андрей, ты обещал.

– «Ну вот, – подумал Сергей Петрович, стоя у штурвала, – у каждого свои желания. Кому замуж, а кому и лошадку. Впрочем, девочка еще подрастет и тоже захочет замуж...»

– Андрей, – спросил Антон Игоревич, – ты и в самом деле решил поймать ей жеребенка?

– Да, – ответил тот, – и не одного. Без лошадей нам в любом случае никуда, один УАЗ транспортный вопрос нам не решит, и размножаться он тоже не умеет. Только вот ума не приложу, как мы сможем выкормить жеребят, если нам придется убить их матерей...

– А зачем убивать кобыл? – удивился геолог. – Аркан люди для чего придумали?

– А ты можешь? Арканом-то? А то мне как-то не доводилось.

– Могу, – неожиданно подтвердил бородач. – Кстати, заарканенную лошадь тоже можно объездить, но это уже не в моем возрасте. Конечно, если делать по уму, то стоило бы построить кораль и отловить сразу весь табун. Но дело это долгое и трудоемкое.

– С такой стороны я об этом совсем не думал, – медленно сказал отставной прапорщик, – Насчет Петровича и Валерки я не знаю, но думаю, что мне и Сереге надо будет у тебя поучиться. Возьмешься?

Антон Игоревич немного подумал и кивнул головой.

– Возьмусь, Андрей, – ответил он.

– Договорились. Как говорил Петр Первый – «Быть посему». Напомни, а чего ты еще такого особенного можешь?

Геолог пожал плечами и скромно улыбнулся.

– Ну, я тебе уже говорил, – сказал он, – что касается оружия – могу

изготовить и использовать аркан, бола, асsegай и копьеметалку. Могу сделать нарты и запрячь в них оленей или собак. Умею объезжать лошадей, но не буду делать этого из-за возраста...

– Да, – почтительно произнес Андрей Викторович, – учиться нам у тебя, учиться и еще раз учиться. Особенно молодым.

Дара и Мара тоже не сидели без дела. Прогрессивное человечество в лице Валеры на систематической основе обучало их русскому языку. Пока только устному. Такая абстракция высшего порядка, как письменность, была пока за пределами их восприятия. Мышление людей этого времени было до предела конкретным и отвлеченные обобщения и абстрактные мыслительные конструкции, свойственные людям исторических периодов, пока еще не пробили себе путь в их сознании.

Но обе девицы были крайне молоды, гибки умом, так что перспективы имелись. Сыграла свою роль и такая шоковая встряска сознания, как изгнание из родного племени, поставившая их на край гибели, и присоединение к странствующим по Великой Реке выходцам из будущих времен.

Последние две недели, проведенные с новыми людьми, у которых были свои правила жизни, свой стиль мышления и свое отношение к миру, успели основательно поколебать их мировоззрение. Рыжие близняшки поняли, что у них нет другого выхода, иначе как постараться понять эти правила и следовать им, став полноправными членами этого клана. Они и старались, старались изо всех сил, тем более что их наставником стал тот самый молодой охотник, которого они выбрали себе в мужа.

Он их учил, они его соблазняли, и рано или поздно из этого должно было кое-что получиться, ведь, как всем известно, лучше всего чужой язык познается через постель. И эти двое уже с полной серьезностью обдумывали, каким путем они могли бы завлечь в свои сети этого молодого стеснительного юношу.

Вечером, когда солнце стало клониться к горизонту, «Отважный» встал на стоянку, и снова у британского берега, примерно так напротив будущего Брайтона. Небольшая речка, петляя между холмами, впадала в Великую, а береговые утесы были изрыты норами, в которых гнезилось множество мелких птиц, которые заполняли воздух шумом и гамом птичьего базара. Высоко в небе, высматривая добычу, кружил степной или каменный орел. Двуногие не интересовали эту гордую птицу с более чем двухметровым размахом крыльев. Его законная добыча: суслики, зайцы, гигантские степные хомяки, иногда птенцы и подлетки гусей или уток. Не брезговал степной орел и разной случайной падалью. Мертвый мамонт, например, не

менее чем на неделю мог обеспечить настоящий шведский стол всем окрестным пернатым и четвероногим хищникам.

После того как был разбит береговой лагерь, геолог достал свой аркан и приступил к демонстрации, а Сергей Петрович с Лялей и Лизой отправился на охоту. Клану требовалось свежее мясо. Кроме того, было бы неплохо осмотреть местность, окружающую стоянку. Поднявшись на вершину холма, учитель и его спутницы увидели небольшое стадо лохматых бизонов, пасущееся в низине на берегу болотистого ручья. Крупный бык, коровы с телятами и годовалый молодняк. Мужчина решил подобраться к стаду поближе, обойдя его с наветренной стороны. Но несмотря на эту маленькую хитрость, стадо почуяло приближающуюся опасность и сперва сбилось в кучу, выставив по фронту частокол острых рогов, а потом развернулось и стремительно бросилось наутек.

Гоняться за бизонами Сергей Петрович не собирался, да на своих двоих это было бессмысленно. Остаться без добычи, впрочем, тоже особого желания не было, и он, вскинув к плечу свою «мосинку», прицелился и выстрелил. Одна из молодых телок, бегущих в последних рядах, вскинув голову, громко замычала. Хромая на левую заднюю ногу, она пробежала еще несколько шагов, остановилась и, издавая отчаянный рев, медленно завалилась на левый бок. Услышав выстрел и последовавший за ним предсмертный рев, остальные бизоны только ускорили свой бег, спасаясь от опасности. Дело было сделано, оставалось только добить мучающееся животное и вызвать подкрепление для оказания помощи в разделке добычи, что Сергей Петрович и сделал.

Потрошить и разделывать телку Марина Витальевна прислала теплую компанию из Валеры, которому как взрослому вручили «Сайгу», и Дары с Марой. Пока Петрович с Валерой охраняли добычу от разного рода падальщиков, желающих халявы, девочки вчетвером сняли с телки шкуру и приступили к разделке туши. Причем сестрички, уже освоившие стальные ножи и топоры, показывали даже большее проворство и умение, чем Ляля и Лиза.

Большие пластиковые корзины постепенно наполнялись парным мясом, впрочем, и назойливо кружащим поодаль шакалам и песцам тоже оставалось что поглотить, ибо Сергей Петрович вовсе не собирался разбирать тушу до последней косточки, как это принято у местных.

Обратно шли груженные и довольные, а на том месте, где остался полуразобраный остов молодой бизоницы, уже разгоралась свара на тему – кто тут главный и кто за кем стоял.

Ближе к ночи, после плотного ужина, состоявшего из густой гречневой

каши с парной телятиной и солеными овощами, утомленный клан Прогрессоров начал устраиваться на ночевку на свежем воздухе. Жизнь в тесной кают-компании, где люди были упакованы как шпроты в банке, изрядно уже всем поднадоела. Палатки, спальные мешки и пенка с одеялами у костра; каждый устроился в меру своих возможностей. Первому дежурить у костра выпало Сергею Петровичу и, конечно же, Ляля тут же вызвалась посидеть вместе с ним. Подкинула дров, принесла термос с чаем и устроилась рядом, прижавшись к надежному мужскому плечу. С другой стороны от него пристроилась Майга, положившая ему на колени свою голову. Тишь да гладь, да божья благодать. Майга глубоко, почти по-человечески, вздохнула.

– Ну что, девочки, – сказал мужчина, левой рукой поглаживая Майгу по спине, – вот так они и жили...

– А меня? – капризно спросила Ляля, еще крепче прижимаясь к нему.

– И тебя тоже, – ответил тот, обнимая девушку за плечи правой рукой.

– И это все? – с придыханием шепнула она на ухо жениху.

– А все остальное, – сказал Петрович, – как мы и договаривались, не здесь и не сейчас.

* * *

12 июня 1-го года Миссии. День двадцать девятый. Великая Река. Устье Сены.

Под утро погода испортилась. Северный ветер нагнал туч, похолодало, на водной глади стали расплываться кружки от первых упавших с небес дождевых капель. В связи с этим свой береговой лагерь клан Прогрессоров сворачивал в темпе «держи вора». Отчаливали от берега уже под холодным северным морозящим дождем, который сыпался из бешено несущихся низких туч. Под порывами ветра вода на реке покрылась белыми барашками волн, все вокруг стало серым, мрачным и неуютным. Надвинув на глаза капюшон дождевика, Петрович вывел «Отважный» на стрежень и, подняв паруса, направил дальше вниз по течению. Берега едва угадывались за дождевой завесой, поэтому курс приходилось держать, ориентируясь только на компас и показания сонара.

Неожиданно с бака донесся предупреждающий крик Кати, а по левому борту от «Отважного» плеснула хвостом рыба – да нет, это была не просто рыба, а настоящая РЫБИЩА, ударом своего хвоста поднявшая целый фонтан воды. Лопасты ее хвостового плавника имели в размахе не менее метра. Учитель ничуть не удивился, так как и он и его товарищи уже встречались с вымершими к нашему времени представителями местной мега ихтиофауны, королями местных рек. Чтобы вытянуть такую рыбку на

берег, нужно что-то не менее мощное, чем тяжелый танк, а потому держаться от этого чуда природы лучше подальше. Такая рыбка сама способна закусить рыбаком, а не наоборот. По счастью, судно ничем не заинтересовало этого монструозного обитателя речных глубин, и они разошлись каждый в свою сторону.

Дождь все лил и лил, загнав всех вахтенных, в тесную и душную кают-компанию. Сырость и холод проникли бы и сюда, если бы в печи, распространяющей вокруг себя волны блаженного тепла, не горели бы сейчас жарким пламенем дрова. Шум дождя, барабанившего по палубе, гудение огня, тихое побулькивание похлебки с телятиной в котле, негромкие голоса и довольное попискивание Мариных младенцев, только что вкусивших молока от щедрот материнской груди и отвалившихся в блаженной сытости.

Сдав вахту коллеге, Сергей Петрович спустился вниз, снял и повесил на гвоздь промокший дождевик, стянул через голову влажный свитер. Ляля, как верная жена, тут же поднесла ему кружку горячего сладкого чая.

Следом за ним в кают-компанию зашли такие же озябшие и промокшие Сергей-младший с Катей. Правда, им такого сервиса уже не досталось; они быстро разделись, сами налили себе чая, выпили и, не обращая внимания на остальных, нырнули на свою койку за занавеску – «греться». Молодежь совсем без комплексов.

Приняв у суженого пустую кружку, Ляля с завистью посмотрела вслед этой сладкой парочке и тяжело вздохнула. Неожиданно для себя Петрович протянул руку и ласково провел кончиками пальцев у Ляли за ушком. Та прикрыла глаза и, замерев, вся отдалась этой нежданной ласке.

– Ляля, – тихо сказал мужчина в ответ на ее умоляющий взгляд, – успокойся и возьми себя в руки. Ты хорошая девушка и все у тебя в жизни должно быть как положено, а не наспех – тяп-ляп – прямо на коленке. Поверь, все твое от тебя никуда не убежит. Белого платья и фаты не обещаю, как-то мы о таком и не подумали. Но все остальное на нашей свадьбе должно быть сделано без спешки и в соответствии с ритуалом. Кроме того, совсем не по мне начинать семейную жизнь здесь, на корабле, где мы буквально сидим друг у друга на головах, и где каждому известно все и обо всех. Я не извращенец, и тебе тоже не советую привыкать к такому. И не смотри на Сергея с Катей, у них все началось настолько давно и зашло настолько далеко, что проще было узаконить их отношения, чем запрещать. Еще раз повторю – тебе торопиться никуда. Я от тебя никуда не сбегу и никому не отдам. Все очень серьезно. Понимаешь?

– Хорошо, Сергей Петрович, – так же тихо сказала девушка, – я все

понимаю и постараюсь держать себя в руках.

– Молодец, – сказал тот, опускаясь на нижнюю койку, – садись рядом и слушай сюда. Скажи мне, кем ты хочешь быть, кроме того что хочешь стать моей женой?

– В каком смысле, Сергей Петрович? – не поняла Ляля.

– В профессиональном смысле. У нас каждый должен быть полезным членом общества. Сергей, например, помощник и ученик Андрея Викторовича во всем, что связано с охотой или возможными конфликтами с местными племенами. Катя будет всегда вместе с ним, эту егозу поставить к плите и заставить кашеварить будет невозможно. Валера – мой ученик и подмастерье во всем, что связано со строительством и работой по дереву. Лиза помогает Марине Витальевне по медицинской части и учится у нее на фельдшера, знахарку и травницу. Гуга Антон Игоревич будет соблазнять пойти к нему учеником кузнеца...

– А почему именно кузнеца? – удивленно спросила девушка.

– А потому, – серьезно сказал сидящий на соседней койке Антон Игоревич, – что, во-первых, он весьма подходит по физическим кондициям. Сила и здоровье в этом деле вещь немаловажная, тот же Валера просто не потянет. Во-вторых, гордость охотника вряд ли позволит ему заниматься каким-либо малоуважаемым с его точки зрения трудом, а кузнец – это человек, владеющий таинством превращения бесполезной ржавой грязи в блестящий, острый и прочный металл. Если Гуг не дурак – а он не производит впечатления глупца – то поймет, что ему предлагают обучиться занятию, которое сделает его весьма уважаемым человеком. В настоящее время в любом местном клане мастер по изготовлению каменных орудий находится на третьем месте по почету после вождя и шамана...

– Понятно, Антон Игоревич, – сказала Ляля, – спасибо. Сергей Петрович, я еще подумаю, кем мне быть, и обязательно вам об этом скажу. Мне всегда нравилось возиться с малышами. Не с такими, как Антошка, Маринка или даже Вероника, а еще младше...

– Понятно, – сказал учитель, – воспитатель – тоже достойное и нужное занятие...

– Антон Игоревич, – хихикнув, высунулась из-за занавески растрепанная Катя, – интересно, а кто в нашем клане шаман?

– Уймись, егоза, – рявкнул Сергей-младший, утягивая свою женушку внутрь и задерживая занавеску, – сейчас я покажу тебе, как встречать в разговоры старших...

Некоторое время было тихо, потом из-за занавески донеслись чмокающие звуки и Катины страстные вздохи. Антон Игоревич хмыкнул,

Марина Витальевна тяжело вздохнула, Лиза, сдерживая смех, отвернулась в сторону, а Сергей Петрович лишь пожал плечами и внимательно посмотрел на смутившуюся и покрасневшую Лялю.

«Вот видишь, – говорил его строгий взгляд, – ты хочешь вот так, напоказ, перед всеми выставлять свою личную жизнь?»

Ляля в ответ посмотрела на жениха, еще больше смутилась, покраснела и растерянно пожала плечами.

«Нет, – сказал ее ответный взгляд, – вот так – не хочу. Уж лучше еще немного потерпеть, чем устраивать из своей жизни ДОМ-2.»

– Молодец, Ляля, – совсем тихо сказал Петрович после этого немого диалога взглядов, – а ты вырастешь. Есть у меня к тебе еще одна просьба, неофициальная. Возьми шефство над Дашей и Машей, а то, как бы они нам Валеру тут сгоряча не изнасиловали. Бедный парень уже не знает, куда деваться от этих двух бесстыжих девчонок.

– Хорошо, я попробую, – прошептала та и неожиданно спросила, – Сергей Петрович, скажите, а кто же все-таки в нашем клане шаман?

– Да он у нас и есть шаман, девочка, – усмехнулся геолог, – только бубна с погремушками ему и не хватает. Причем не просто шаман, а великий шаман клана Прогрессоров. Пророк, духовный лидер, учитель, и все прочее. Не каждому, понимаешь, могут открыться ворота в прошлые времена.

– Шаман Петрович, значит? – полувопросительно-полуутвердительно сказала Ляля, – Интересно, а шаманам, даже великим, можно жениться?

– Конечно, можно, – поспешил заверить ответил Антон Игоревич, – до такой ерунды, как обет безбрачия, додумались только католики.

– Договорились, – кивнула юная невеста, – буду женой Великого и Ужасного шамана клана Прогрессоров Петровича. Пусть все трепещут и поклоняются.

Эти слова она сказала нарочито громко, чтобы было слышно Кате за занавеской. Женская мстия обычно бывает ужасной, особенно если по мелочи. Вот и на этот раз Ляля перехватила подачу и ответным броском метко попала бывшей подруге в самое больное место. Это вам не хухры-мухры, квалификация, как-никак, и опыт трудных дней интернатовского детства.

После полудня дождь прекратился, изменивший направление и подувший с юга ветер развеял дождевые облака, в прорехах между которыми показались клочья голубого неба. Снова потеплело, и народ толпой полез из поднадоевшей кают-компания на свежий воздух. Хорошо дышится на просторе после тесного замкнутого помещения. Теплый ветер

со стороны французского берега Великой, лаская, дует в лицо. Солнечные лучи, пробиваясь в разрывы облаков, раскрашивают пейзаж в теплые нежные тона и зажигают радугу.

Часов в пять вечера еще один поворот Великой Реки открыл слева по борту зрелище заросшего ивняком и камышом устья другой довольно полноводной реки, впадающей в Великую.

– Сена, – авторитетно сказал Сергей Петрович, – другой такой крупной реки поблизости быть просто не может.

– Сена так Сена, – согласился с ним коллега, – встанем на ночевку здесь или пройдем чуть дальше?

– Давай здесь, – согласился тот, вставая к штурвалу и осматривая окрестности, – вон та песчаная коса с заводью за ней и плакучими ивами, думаю, подойдет для нас – да так, что лучше и не придумаешь. Малый ход! Эй, на баке, Ляля с Лизой, идем к берегу – посмотреть у меня в оба, возможны мели.

Вскоре «Отважный» был поставлен на якоря и пришвартован к вбитым в песок кольям, а на берегу, под ивами, расположился обычный береговой лагерь.

Тем временем Вероника вынесла на берег коробку с немного подросшими гусятами, и те, вволю наплескавшись в заводи, с гоготанием как привязанные бегали за своей «мамочкой». Вообще беспроблемный ребенок, всегда занятый делом и при этом всегда на виду. Неподалеку на песке разлеглась рыжа лохматая сука кавказской овчарки по кличке Зара, одним глазом присматривающая и за Вероникой и за суетящимся гусиным семейством.

Тут же рядом, уже весело горел костер, возле которого вместе с Мариной-старшей и Мариной-младшей хлопотали раздетые до пояса рыжие близняшки, вблизи огня скинувшие даже футболки. Ну не ведало местное воспитание никакой стыдливости, одежда у них была только для защиты от холода – и точка. Они бы и штаны сняли, оставшись в одних трусиках, полезность которых сестрички признавали, но для такого авангардизма было еще слишком прохладно. И еще неизвестно, чьи понятия о стыде и приличиях в итоге возьмут верх – местные или те, что пришли из далекого будущего. Парням-то ничего, а вот Катя, Ляля и Лиза, чьи футболки уже взмокли, смотрели на Дару и Мару с завистью, но следовать их примеру пока не решались.

– Итак, товарищи, – сказал Петрович друзьям, отводя в сторону взгляд от крепких девичьих грудей с розовыми сосками, – по моим расчетам, до моря нам осталось всего два дня ходу. Крепитесь, терпите, осталось совсем

немного. Оттуда еще неделя плавания – и мы на месте. Свет в конце тоннеля близок.

– Ну что ж, – сказал отставной прапорщик, – терпели месяц, потерпим и еще десять дней. В тесноте, да не в обиде. Хуже другое. От малоподвижности и питания как на убой народ начинает терять форму и заплывать жирком. А это опасно. Не те времена, чтобы расслабляться.

– Я понимаю, – кивнул Петрович, – но кроме утренней гимнастики, ничего предложить не могу. Осталось недолго, а там, на месте, работы и физических нагрузок будет хоть отбавляй. Это я тебе гарантирую.

* * *

13 июня 1-го года Миссии. День тридцатый. Великая Река. 30 км. севернее будущего острова Гернси.

Сразу за местом слияния с Сеной Великая Река отклонилась к югу, прижимаясь уже не к британскому, а к французскому берегу. Течение реки замедлилось, а русло расширилось, в самом ближайшем будущем намекая на приближение дельты. Петровичу эта местность напомнила низовья Волги за Волгоградом. Только Великая Река была не в пример полноводнее Волги, и несла свои воды к морю с большим размахом и достоинством. Петрович никогда не был на Амазонке, но не сомневался, что Великая ничем не уступала, а то и превосходила самую большую реку современности на планете. Вот только по ее берегам расстилались неохватные просторы поросшей травой тундростепи, а не непролазные тропические джунгли.

Чем дальше «Отважный» удалялся от северного ледника, чем ближе был к океану, тем мягче становился климат. Хотя даже здесь, на широте Парижа и Вены, стоило только чуть отойти от реки – и на глубине семидесяти-восьмидесяти сантиметров, под слоем оттаявшей почвы, непременно обнаруживалась вечная мерзлота. Впрочем, эта мерзлота не мешала этим местам буквально кипеть самой разнообразной жизнью. Огромные стада лохматых бизонов, северных и благородных оленей, диких лошадей и мамонтов заполняли тундростепь. А реки, озера и старицы кишели рыбой и водоплавающей птицей. Встречались и бродящие поодиночке такие индивидуалисты, как шерстистые носороги. Но охотиться на них нечего было и думать, не имея на вооружении чего-нибудь вроде противотанкового ружья.

Но как говорится – не хлебом единым. Кроме продовольствия для развития цивилизации нужны металлы. Именно поэтому, после того как «Отважный» миновал устье Сены, Антон Игоревич брал пробы грунта в поисках россыпей кассерита – основного сырья для получения олова. Где-

то здесь, между побережьем британского Корнуолла и французской Бретанью, по указаниям античных авторов, в древности располагались знаменитые Оловянные острова, позже поглощенные морем. К тому же, по свидетельству тех же историков, на Оловянных островах кассерит залегал неглубоко, и местное население имело возможность добывать его даже в кустарных условиях, что будет немаловажным фактором для клана Прогрессоров при наличии дефицита трудовых ресурсов.

Олово – это стратегическое сырье, без которого невозможна выплавка бронзы, одного из основных промышленных металлов будущей цивилизации. Если месторождения медных и железных руд – двух основных столпов будущей промышленности – весьма широко распространены по Европе, то оловянные руды залегают только на северо-западе Испании, полуострове Корнуолл в Британии и на тех самых утерянных ныне Оловянных островах. Все три этих места, где легко можно было добывать олово, находились на расстоянии шаговой доступности от будущего поселения клана Прогрессоров.

Вечером встали на стоянку на британском берегу Великой. Дальше на юго-запад, сколько хватало глаз, расстилались просторы дельты с их островами, протоками, зарослями камыша и ивняка. В воздухе метались огромные стаи водоплавающих птиц, а ровный западный ветер, казалось, доносил до этих мест запах моря. Парочка шерстистых носорогов – мамаша и ее такой же тяжеловесный и неуклюжий отпрыск – облюбовавшая в качестве водопоя место, выбранное Петровичем для стоянки, с фырканьем удалились восвояси. Носороги, как уже говорилось, команду «Отважного» в качестве добычи не интересовали. Кроме них, поблизости найдется и другая дичь, подступнее и побезопаснее. Но сперва были и другие заботы.

Народ от грязи уже начал откровенно пованивать, что в тесноте кают-компаний было особенно нетерпимо. Поэтому в преддверии перехода через дельту и по морю было решено организовать банный день. Вырыли яму, уложили в нее трубу, запустили насос, а сверху развели грандиозный костер, наладили душевую палатку, после чего приступили к оборудованию остального лагеря.

Потом Андрей Викторович, Сергей-младший и Катя, взяв с собой Шамиля, отправились на охоту во имя обеда, а остальные двое мужчин с Валерой пошли копать в земле, и, что в общем-то совсем неудивительно, сразу нашли искомое. Порода с вкраплениями буро-черных матово-блестящих кристаллов кассерита залегала на небольшой глубине, прямо над слоем вечной мерзлоты. Собственно, большего геологу и не

требовалось. Сведения древних авторов подтвердились, и ладно. Кроме того, он подозревал, что в эти времена ему будут доступны и те месторождения, что позже были скрыты от людей наступающим морем.

На стоянку, к разбитому лагерю, горящему костру, кипящему котлу и хлопочущим вокруг него женщинам рудокопы вернулись грязные, уставшие и очень голодные. Чуть позже вышла на связь и охотничья партия, и бывший физрук сообщил, что им удалось завалить молодого оленя. Петровичу пришлось бросить недопитый чай, взять Валеру, Лялю, Дару и Мару, и идти на подмогу к добытчикам. Дичь мало убить, надо еще снять с нее шкуру, разделать и доставить самые ценные части в полевой лагерь. Работы предстояло много. Любишь сытно пожрать – люби и оленя потрошить.

Неизвестно, на каком языке Ляля разговаривала с Дарой и Марой, но сегодня девчонки вели себя почти прилично, Валеру во время работы не задирала, своих прелестей не демонстрировала, и вообще были паиньками. Петровича такое благолепие даже несколько насторожило, ибо ему было известно, что самое затишье наступает аккурат в канун приближающейся бури. Эта парочка что-то задумала, и теперь изо всех сил старалась скрыть свои замыслы.

Впрочем, работали они умело и сноровисто, и вскоре шкура была скатана в рулон, мясо сложено в корзины, и пришла пора возвращаться обратно. Нагрузившись, они пошли в лагерь, оставив растерзанный костяк на пропитание местным падальщикам, уже с нетерпением ожидающим поблизости своей доли.

Потом был горячий душ для всех, при этом Дара и Мара опять визжали так, что было слышно, наверное, аж на том берегу Великой Реки. Но на этот раз это был не настоящий испуг, как в первый раз, а всего лишь игра на публику. Мыться с мылом под струями горячей воды им явно понравилось. К хорошему люди привыкают быстро. После мытья все дружно стирали сменное белье и развешивали его на веревках, растянутых между стволами прибрежных ив. Затем, одетые в чистое, отмытые до скрипа и распаренные, сели ужинать жареной на углях парной олениной на палочках. При этом близняшки, как любящие жены, по очереди кормили Валеру из своих рук. Напившись чая от пуза и немного посидев у костра, все отправились спать.

А ночью случилось неизбежное и давно ожидаемое. Когда все уgomонились, рыжие сестрички тихо поднялись, натянули штаны с мокалинами, скатали свои матрасы из пенки вместе с одеялами, растолкали Валеру и знаками попросили его следовать за собой. Сидевший у костра на

дежурстве Антон Игоревич только хмыкнул. Следить за чьей-либо нравственностью он не считал себя обязанным, тем более что все было предрешено заранее, и Валеру никто силой не уводил. Даже уговаривать не пришлось – сам побежал за девками как послушный песик, только что не махая хвостиком. И арбалет с кукри с собой взять не забыл – значит, голову при этом не совсем потерял.

Вскоре чуть в стороне от основного лагеря, в ложбине между холмами, укрывающими от ветра, разгорелся небольшой костерок, возле которого были расстелены пенки с одеялами, и Дара с Марой по очереди принялись посвящать парня в таинства любви. И вот чудо – то, что никак не выходило у него с Лизой, с опытными горячими рыжими близнецами получилось сразу, да еще и неоднократно. Сперва Валера был немного неуклюж, но потом приноровился. Основной инстинкт великое дело. Всхлипы, стоны и повизгивания разносились далеко вокруг. Довольными в результате этой спонтанной ночи любви остались все.

Примерно час спустя, затушив костер и собрав вещи, компания уставших, взмыленных, но умиротворенных любовников вернулась в лагерь так же тихо, как и уходила и, как им думалось, незаметно улеглась спать.

Антон Игоревич, конечно же, доложил вождям о ночном происшествии. Что тут началось...

– Антон, как ты мог? – только и спросила Марина Витальевна, укоризненно качая головой.

– А что я мог? – бородач недоуменно поднял одну бровь. – Сами же говорили, что «Отважный» – это не тюрьма. Никто его, в конце концов, силой за собой не тащил, никто не насиловал. Посмотрите, у всех троих сейчас мордашки как у котов, обожравшихся сметаны. Женщина в ответ только хмыкнула, а Сергей Петрович, которому произошедшее тоже сильно не понравилось, постарался найти в случившемся и светлую сторону.

– Да, Витальевна, – задумчиво сказал он, – обрати внимание, Валера совершенно перестал страдать по Лизе, можно сказать, излечился от своей несчастной любви и стал совершенно иным человеком. Теперь ему можно доверить любое дело. Правда, мы договорились избегать внебрачных отношений...

– Значит, – подвел итог Андрей Викторович, – это преступление может искупить только немедленный брак.

– Но Дара и Мара пока еще не приняты в клан, – возразила фельдшерица, – а следовательно, по нашим правилам еще недееспособные.

– Не человек для субботы, – назидательно произнес бывший физрук, –

а суббота для человека. Мы все знали, что дело идет именно к тому, что эти девки рано или поздно затащат Валерку в свою постель, просто это произошло чуть раньше, чем мы на то рассчитывали. Разлитого молока не соберешь, да и наказывать их, по моему мнению, не за что. Разве за то, что они ночью самовольно оставили лагерь, но тут мы и сами заигрались, пытаюсь сдержать их естественные порывы.

– Хорошо, – нахмурилась Марина Витальевна, – что же ты конкретно предлагаешь?

Тот пожал плечами.

– Я уже говорил, – ответил он, – необходимо немедленно их поженить, а поскольку девушки еще не приняты в клан, то всю ответственность за их действия возложить на Валерку. Это и будет ему наказание за то, что думал не той головой.

– Никаких наложниц в нашем клане не будет, – возразил Сергей Петрович.

– Э нет, – сказал коллега, – ты меня неправильно понял. У сестер будут такие же права, как и у всех остальных, но наказывать за все, что они натворят, мы будем Валерку.

– Тоже вариант, – кивнул учитель, – и он снимает почти все вопросы. Договоримся на будущее, что если кто-то из наших решит привести к нам женщину и жить с ней до ее приема в клан, то будет нести всю полноту ответственности за ее действия, без ограничения ее свобод.

– Ладно, – махнула рукой Марина Витальевна, – согласна. Пусть будет так. Антона вон и спрашивать не надо, сам, можно сказать, все это организовал. Теперь возьмите на себя труд и разъясните Валерке и его женам, что, если что не так, я лично спущу с его спины шкуру на ремни. Пусть только попробуют сделать шаг вправо шаг влево без разрешения...

* * *

14 июня 1-го года Миссии. День тридцать первый. Дельта Великой Реки. Между Корнуоллом и Бретанью.

Миновал ровно месяц с того момента, как клан Прогрессоров ушел в далекое прошлое. А казалось, что уже прошла целая вечность. Много воды утекло с тех пор, остались позади почти две тысячи семьсот километров пути по рекам и морям. Приближался завершающий, морской этап путешествия. Но сперва, еще до отплытия, Сергей Петрович серьезно поговорил с Валерой, объяснив тому новую «политику партии» и все те плюсы и минусы, которые из нее вытекают. Нельзя сказать, что парня сильно обрадовало известие о том, что теперь он будет ответственен за каждый чих своих новых жен, но он с этим довольно легко смирился. С

самого раннего детства жизнь приучила его к тому, что за все удовольствия надо платить, и что у каждой медали есть своя оборотная сторона, тем более что его согласия никто и не спрашивал.

Брачный обряд был проведен тут же, можно сказать, наскоро, сразу после сворачивания берегового лагеря. Левую руку Валеры привязали к Даре, правую к Маре, Петрович прочел формулу, делающую их одной семьей; непродолжительные аплодисменты и счастливые улыбки. На борт «Отважного» эта троица вошла уже как единое целое – неслабый, между прочим, акробатический трюк. На этом торжества были закончены и народ приступил к своим обязанностям по походному расписанию.

Были отданы швартовы, поднят якорь и запущен мотор, после чего, отпихнув «Отважный» от берега длинными шестами, Петрович вывел его на стрежень Великой Реки. Было видно, что море уже недалеко; течение Реки замедлилось, а сама она разбилась на два рукава, разделенных плоским песчаным островом, кое-где поросшим камышом. Петрович выбрал южный рукав и направил «Отважный» дальше. Потом течение совсем остановилось и даже направилось немного вспять. Стало понятно, что до этих мест уже доходят морские приливы.

Заросшие камышом острова стали появляться все чаще и чаще, Река распадалась на множество рукавов и протоков, до краев наполненных жизнью. Вскоре «Отважный» осторожно двигался меж двух высоких зеленых стен, а впередсмотрящие внимательно вглядывались в воду, боясь пропустить плавающую корягу или бревно. Носились в воздухе стаи гнездящихся здесь водоплавающих птиц, в воде плескалась рыба, а вместе с ними появилась напасть в виде комариных туч, от которой путешественники до сих пор были избавлены. И это днем – страшно представить, что тут будет твориться вечером и ночью.

Погода стояла хорошая, через высокие облака неярко просвечивало солнце, встречный легкий юго-западный ветерок морщил морскую гладь, волнуя верхушки зеленых камышовых зарослей. С приближением полудня стало тепло, если не сказать жарко, температура воздуха поднялась градусов до двадцати пяти, не меньше. В этих краях ледник уже не имел такой власти, постепенно уступая влияние теплым атлантическим течениям.

Потом прилив закончился и сменился отливом, течение воды снова ускорилось, и вместе с ним «Отважный», тарахтя мотором и лавируя в лабиринте протоков, заспешил к не такому уж и далекому теперь морю. Час сменялся часом, нетерпение нарастало, а камышовые заросли все никак не кончались. Но вот еще один поворот протока, огибающего крупный,

поросший камышом и ивами остров – и впереди открылась огромная масса темно-синей воды, простирающаяся до самого горизонта, и склоняющееся к нему багровое солнце.

– Море, – устало сказал Петрович, никому не доверивший управление за время путешествия через дельту и весь день бессменно стоявший у штурвала, – мы дошли.

– Ура-а-а! – завопили на баке Лиза и Ляля, подпрыгивая от восторга, – море, море, море, море!

Услышавшие шум близнецы тут же выскочили на палубу, не понимая, что происходит; и увидев море, сперва замерли, а потом завизжали, указывая на него пальцами. Итак – танцуют все.

Петрович тут же вспомнил соответствующую сцену из мультфильма про капитана Врунгеля.

– Только не макать! – серьезно сказал он обступившим его ребятам, – и не бросать в воздух. Уроните. Я тяжелый.

Андрей Викторович сменил коллегу у штурвала.

– Куда править, Петрович? – спросил он.

– Курс двести десять, – ответил тот и добавил, – эй там, на баке! Прекратить танцы и не зевать. Впереди еще могут быть мели.

– Есть не зевать! – крикнула Ляля и, дернув за рукав Лизу, стала смотреть вперед по курсу.

Мели, конечно, впереди были, но для «Отважного», имеющего осадку в метр двадцать, они просто не считались. У Петровича была мысль поднять паруса и попробовать полавировать против ветра, но он от нее отказался. Пока отказался. Лавировать тут, вблизи берега, на небольших глубинах, с не имеющей опыта командой, было занятием весьма рискованным, а риск хоть дело и благородное, но в данном случае неоправданное. Так и шли на моторе, имея по обоим бортам расходящиеся в стороны берега залива, в который в этом времени превратился Ла-Манш. По левому борту была французская Бретань, а по правому британский Корнуолл. Оба берега крутые, обрывистые и изрезанные, вблизи них можно было подозревать наличие множества каменистых отмелей и подводных скал. Приближаться к такому берегу, не имея ни малейшего представления о подводном рельефе, было бы просто самоубийством. Об этом Петрович и рассказал своей команде. Возражений не последовало, и «Отважный» продолжал тарыхтеть мотором при спущенных парусах, все дальше и дальше удаляясь от дельты Великой Реки.

Антон-младший вытащил свою удочку и тут же, одну за одной, начал таскать на нее довольно крупную, трех-четырёх килограммовую треску.

Мужчина. Добытчик. Дара и Мара, которых Сергей Петрович отрядил в помощь юному рыболову, едва успевали поддевать рыбин подсачником и оттаскивать в кают-компанию на растерзание Марине Витальевне, не забывая при этом испуганно коситься в сторону моря. Треска же, которая сама буквально прыгала на крючок, оказавшись на палубе, в недоумении разевала рот и пучила глаза, пытаясь сообразить, каким образом ее выхватили из родной стихии. Несколько раз попадались и довольно крупные селетки, а один раз длинный, как веревка, скользкий черный угорь. Писку было, когда близняшки решили, что Антон поймал и вытащил на удочку из воды какую-то морскую змею.

Сестрам уже давно было понятно, что в этом принявшем их странном клане отнюдь не голодают. Даже у мальчишки рыба буквально сама прыгает из воды им в руки – только успевай хватать и тащить. Обычная женская работа – мужчины добывают дичь, а женщины ее перетаскивают и готовят. Правда, когда число выловленных рыб превысило число пальцев у них на руках и ногах, вождь Петрович остановил эту охоту. Угорь и треска сразу пошли на сковородку, а селетки были выпотрошены, присыпаны специями и засолены. Соленое сестры любили. Должен был получиться настоящий деликатес.

– На завтра, – коротко объяснила Марина Витальевна и, как не странно, сестры ее поняли. Они, родившиеся и выросшие в голодное время в голодном краю, уже научились получать от еды удовольствие, а не просто набивать живот всякой протухшей дрянью, потому что завтра может не быть и того. Много ли надо для счастья человеку каменного века? Надежный клан и собственная семья, отсутствие склок и скандалов, умные вождь и шаман, управляющие людьми без криков и побоев, опытная мудрая женщина, лечащая заболевших, теплая и удобная одежда, сытная еда каждый день. Все это теперь у них было, а другими вопросами эти молодые женщины и не задавались. Им было неважно, куда плывет эта деревянная пещера и что их ждет в конце пути. На все это есть вожди – пусть они и думают.

На закате ужинали жареной треской с картошкой и луком, и пили чай прямо на свежем воздухе, рассевшись на расстеленных на палубе одеялах, глядя на опускающееся в море багровое солнце. Первое возбуждение уже спало, наступило некоторое умиротворение, и тихие разговоры совершенно не заглушались звуком работающего мотора. Лишь рыжие близнецы испуганно жались к Валерке, настороженно поглядывая по сторонам. Расстилающаяся вокруг водная стихия их все еще пугала.

Когда стемнело, Петрович не лег в дрейф, а продолжил движение под

мотором на юго-запад, держа курс по компасу. Глубина на сонаре превысила уже отметку в двадцать метров, так что внезапной мели он не опасался. Ночные вахты на штурвале мужчины стояли посменно, вперёдсмотрящих с бака убрали. А зачем они там нужны, ведь все равно ничего не видно, да и плавающих коряг в море тоже не предвидится, как и айсбергов. Не «Титаник», чай.

Задачей «Отважного», как считал Петрович, было за ночь обогнуть крайнюю западную точку Бретани, после чего можно будет делать поворот на юго-восток в сторону устья Гаронны.

Всю вахту вместе с ним простояла Ляля. Ничего не просила, ни о чем не говорила, просто стояла позади, крепко обняв его руками за пояс и глядя на раскинувшееся над головой черное небо с яркими точками звезд. Собственница, как есть собственница.

– Петрович, – тихо сказала она ему на ухо, когда время вахты почти истекло, – спасибо тебе, что не поддался на мои провокации. Дашка и Машка с Валеркой – они как хотят, а у нас с тобой все должно быть по возможности красиво. Ты у меня самый лучший.

Часть 4. Место под солнцем* * *

15 июня 1-го года Миссии. День тридцать второй. Бискайский залив, 180 километров западнее современного Бреста.

Когда над морем наконец-то взошло солнце, Петрович увидел, что «Отважный» со всех сторон окружен бескрайней соленой водой, и лишь на востоке, чуть правее восходящего солнечного диска, видна узкая черная полоска суши.

– Горизонт чист, капитан, – шутливо доложила ему стоящая на вахте вперёдсмотрящим Лиза.

– Благодарю за службу, матрос, – отшутился тот и осмотрелся. Глубина, согласно сонару, была уже около шестидесяти метров. Ветер свежий, силой порядка десяти-двенадцати метров в секунду, направление между юго-западным и западным. Запас дров для генератора – меньше трети. Пора было переходить на парусный ход.

– Курс сто пятьдесят, на моторе малый ход, – скомандовал капитан стоящему на штурвале Антону Игоревичу, а сам, с помощью Сергея-младшего и Валеры, приступил к постановке всех парусов. Фок, грот, стаксель.

Вскоре мотор был выключен вовсе. «Отважный» шел под свежим ветром курсом полный бакштаг, слегка накренив корпус на левый борт. После постоянного тарахтения и вибрации мотора наступила непривычная

тишина, был слышен лишь свист ветра в снастях, и шипение разрезаемой форштевнем воды. Скорость на лаге – шесть с половиной узлов. Собственно, для такого хода в открытом море под парусами сей кораблик и строился. Длинное и утомительное путешествие вниз по Великой Реке было для него не больше чем вынужденной импровизацией.

Сергей-младший умоляюще посмотрел на учителя, и тот сразу понял этот взгляд. Парню отчаянно хотелось встать за штурвал. Строили-то «Отважный» вместе, но пока ни он, ни Валера ни разу не были еще допущены к управлению.

– Так, – сказал Петрович, – Антон Игоревич, будьте добры, уступите, пожалуйста, управление молодому человеку.

Тот кивнул и уступил место, а за рукояти штурвала осторожно взялся бледный от волнения Сергей-младший.

– Держи штурвал крепче, Сережа. Вот так, жми, не стесняйся, это тебе не свою бабу за сиськи щупать. Молодец, так держать.

Услышав это, стоявшая рядом Катка странно хихикнула.

– Не ржи как лошадь, Катя, – обернулся к ней Петрович, – если он тебя так схватит – синяками точно не отделаешься. И вообще – марш на бак, поработай вперёдсмотрящей. Цирк ей тут, понимаешь!

Девушка хмыкнула и, придерживаясь рукой за леера, удалилась на бак, но и оттуда нет-нет оглядывалась на своего супруга, показывая ему язык. Дурачилась, одним словом. В ответ Андрей Викторович показал ей кулак. Намек был понят. По сравнению с плаванием по реке работа вперёдсмотрящим в открытом море – это настоящая синекура. Не надо высматривать коварные мели и плавающие в воде коряги, ближайший берег за несколько десятков километров. Глазей себе по сторонам в поисках бурунов, возникающих вокруг подводных скал, и высматривай скрытый в туманной дымке берег. И пусть до предполагаемого берега еще весьма далеко, но крутизна и изрезанность рельефа южного побережья Бретани совсем не исключали наличия тех самых подводных скал или даже выступающих на поверхность островов. А потому – смотреть в оба.

А «Отважный», оставляя позади пенный кильватерный след и захватывая ветер всеми парусами, шел и шел себе дальше курсом юго-юго-восток, одну за другой глотая морские мили. После Сергея-младшего на штурвал встал Валера, и все повторилось сначала. Сил, правда, у него было поменьше, чем у более крепкого товарища, и штурвал он держал не вполне уверенно.

– Тренироваться тебе надо, Валера, – сказал ему с легким назиданием бывший учитель физкультуры, – тренироваться, тренироваться и еще раз

тренироваться. Не по паркетам, чай, ходить собираемся, а по вполне диким местам.

Дара и Мара при этом смотрели на своего супруга с гордостью, восхищением и умилением. А т как же – мужчина у них оказался ничуть не хуже, чем у остальных женщин в клане.

Когда время подходило к полудню, мужчины вытащили на палубу ПАР, развернули его и приготовились к обсервации. Момент наступления астрономического полдня давал долготу, а широта вычислялась по высоте солнца над горизонтом с поправкой на дату. Сделав замеры, Петрович немного поколдовал над картой и ноутбуком, нанес на карту свою нынешнюю позицию и проложил курс.

– Так, – заявил он, – сейчас мы здесь. Шесть градусов двадцать две минуты западной долготы и сорок восемь градусов восемнадцать минут северной широты. Если будем идти тем же курсом и с той же скоростью, то к завтрашнему полудню выйдем вот сюда в точку с примерными координатами четыре градуса западной долготы и сорок шесть градусов северной широты. После завтрашней обсервации ляжем на курс сто. Конечно, расчет сделан мною с точностью плюс-минус лапоть, но следуя в Бискайском заливе таким курсом, промахнуться мимо берега будет просто невозможно.

Андрей Викторович внимательно посмотрел на карту.

– Значит, – сказал он, – послезавтра утром мы будем уже на месте.

– Не совсем на месте, Андрей. Я же сказал, что расчет сделан с точностью плюс-минус лапоть. Просто послезавтра утром мы должны уже увидеть благословенные берега Аквитании – и только. Устье Гаронны нам надо будет еще найти.

Петрович замялся и внимательно посмотрел на друзей.

– Проблема только в том, – добавил он, – что мы вполне можем выйти к берегу еще до рассвета, а это, сами понимаете, может быть очень опасно. Не хотелось бы рисковать, почти уже дойдя до цели. Сколько парусных кораблей в прошлом погибло вот так по глупости, напоровшись в темноте на скалы или на берег.

– Действительно, – сказал Антон Игоревич, тоже посмотрев на карту, – убиться об стену на самом финише – это верх глупости. Мы можем сделать так. Завтра на закате уберем паруса и встанем на якорь. Глубины здесь не океанские, длины якорных тросов должно хватить. Переждем на якорях ночь, а как рассветет, двинемся дальше тем же курсом.

– Можно и так, – сказал капитан «Отважного», прикинув по карте расстояния, – только на якорь мы встанем не на закате, а в полночь, тогда и

у берега мы будем еще до полудня. Там причалим, сойдем на берег и окончательно определимся с местом.

– Ладно, – сказал отставной прапорщик, – будет день, будет пища. Сейчас над этим голову ломать незачем.

– Лишь бы не было шторма, – зачем-то сказал геолог.

– Не надо каркать, – заметил Андрей Викторович, – и ничего не будет. Ну что, братцы, совсем немного осталось. Сдюжим?

– Сдюжим, – ответил Сергей Петрович, – а сейчас все по местам – и вперед.

Когда команде «Отважного» сказали, что послезавтра днем «все уже почти кончится» и они увидят свой обетованный берег, народ сперва пришел в состояние некоторой эйфории. Потом это настроение сгладилось, сменившись нетерпением. «Отважный» продолжал резать пустынное море форштевнем, берег по левому борту превратился в далекую туманную полоску у самого горизонта, а Антон-младший опять на удочку натягал на ужин свежей рыбы.

Незадолго до заката Катя, стоявшая на баке, замахала руками, указывая куда-то в море, и закричала. Немного мористее «Отважного» в воздух поднимались водяные фонтаны, выбрасываемые из своих дыхал небольшим стадом мигрирующих в этих водах китов. Народ высыпал на палубу, вылезла даже вечно занятая Марина Витальевна, не говоря уже о Марине-младшей и Веронике. Антон-младший и без того целый день отирался на палубе, не желая спускаться вниз. Китов они раньше видели только по телевизору, и их появление оказалось еще одним мимолетным, проходящим мимо приключением и бесплатным цирком.

Сергей Петрович с ужасом подумал, что будет, если Вероника сейчас попросит у него или Андрея Викторовича маленького китенка. Ребенок он и есть ребенок. Но обошлось. Не попросила. Описав дугу, китовое стадо не стало дальше приближаться к «Отважному», а развернулось и направилось в открытое море.

Вторая ночь в открытом море прошла точно так же, как и первая. Четырехчасовые вахты, бездонное черное небо над головой и курс, выдерживаемый по компасу. Отсутствовало только тарахтение мотора, которое сменилось свистом ветра в такелаже, шипением разрезаемой форштевнем воды и журчанием кильватерной струи.

* * *

16 июня 1-го года Миссии. День тридцать третий. Бискайский залив, 200 километров южнее современного Бреста.

Утро выдалось кристально ясным, даже высокие облака в небе куда-то

рассосались, и взбирающееся вверх солнце сразу начало припекать не на шутку, будто говоря, что Ледниковый период Ледниковым периодом, а тут, на юге, да еще и в канун летнего солнцестояния, оно вполне в своей власти. Никакого намека на сушу, водная гладь простиралась во все стороны до горизонта, на гребнях волн играли яркие солнечные блики. «Отважный» под туго раздутыми парусами уверенно шел по курсу на той же скорости в шесть-семь узлов, и казалось, что вокруг не Бискайский залив, а самый настоящий океан. Петрович посмотрел на часы – до обсервации и разворота на новый курс оставалось чуть больше пяти часов ходу.

Примерно час спустя после рассвета над судном пролетел королевский альбатрос, широко раскинувший могучие трехметровые крылья. Стоявший рядом с коллегой бывший физрук с удивлением присвистнул, а Петрович подумал, что в их время эти птицы в европейских краях не водились, возможно, истребленные людьми задолго до начала исторического периода. Смогли же фолсомские охотники, предки индейцев, копьями с каменными наконечниками истребить в Северной Америке не только мамонтов, но и все поголовье местных крупных копытных, за исключением бизонов. Заложив широкий вираж и внимательно осмотрев «Отважный» и оставляемый им кильватерный след, альбатрос не нашел ничего для себя интересного и, развернувшись на новый курс, удалился на северо-восток.

По мере того как солнце поднималось ввысь, становилось все жарче. Молодежь успела скинуть с себя все лишнее и остаться в коротких футболках без рукавов и шортах, а некоторые рыжеволосые девушки обходились даже и без футболок, и привычно для себя сверкали голыми грудями. Бесстыжие близняшки и шорты бы скинули, но девушки как-то сумели им объяснить, что этого делать не стоит – ну, не принято, мол, здесь так. До чего приятно было ходить босиком по прогретой деревянной палубе!. Намерзшиеся за время путешествия в приледниковых краях, детки наконец дорвались до моря и солнца.

Петрович забеспокоился. Солнце это, конечно, хорошо, но почти у всех членов клана Прогрессоров кожа была молочно-белой, не знавшей загара, что в ближайшем будущем грозило солнечным ожогом. Крема от загара на борту «Отважного» не было, это он знал точно. Пройдет совсем немного времени – и большая часть команды сляжет в мучительных страданиях, и Марина Витальевна будет мазать их настойкой календулы, ругая его, дурака, за непредусмотрительность.

Попытка загнать молодежь вниз, в кают-компанию, не удалась. Молодые – они такие, считают себя бессмертными и думают, что именно с ними никогда и ничего плохого не случится. Можно было отправить их

вниз в приказном порядке, но для молодежи это бы выглядело как неоправданное наказание, на что Петрович пойти не мог.

– Ничего, – посмеиваясь, сказал Андрей Викторович, – один раз обгорят, впредь будут умнее. Да и не так далеко на юг мы забрались – не Сочи, чай, и не Канары.

Фельдшерица тоже махнула рукой и удалилась к себе в кают-компанию, напоследок пообещав, что каждый, кто не слушает добрых советов, будет потом страдать в одиночку. Средств от солнечного ожога у нее нет и не предвидится, поэтому каждый должен решать за себя.

Что самое удивительное – все обошлось, слегка порозовели только близняшки, которым солнечные ванны были противопоказаны в принципе, и с ними за компанию Ляля. Остальным хоть бы хны. Наверное, свою роль сыграли высокая запыленность атмосферы этого времени, да слой высоких и тончайших перистых облаков, перехватывающих большую часть солнечного ультрафиолета. Сменив гнев на милость, Марина Витальевна намазала страдалиц календулой и строго-настрого запретила до самого вечера выходить на палубу. Сами виноваты – старших надо слушать, они дурного не посоветуют.

Ляля сидела на койке, мазалась настойкой и ругала себя. Надо же ей было так облажаться в глазах жениха. Обещала быть примерной девочкой и во всем его слушаться, а повела себя по-дурацки, прямо как малое дитя. Сама себя наказала – обгорела на солнце, а теперь будет облезать как последняя уродка. Ляля чуть ли не рыдала, то и дело заглядывая в маленькое круглое зеркальце, из которого на нее смотрело жуткое красное лицо со светлыми, полными муки, глазами.

Сергей Петрович вместе с коллегой спустился в кают-компанию для того, чтобы забрать ноутбук и ПАР. Собравшись, он остановился напротив Ляли, посмотрел на ее расстроенное личико, которое она стремилась от него отвернуть, и вздохнул.

– Не кисни, Ляля, – сказал он, – до свадьбы обязательно заживет. Впредь будешь умнее. Эх, где мои семнадцать лет?!

Сказав это, он повернулся и вслед за товарищем вышел из кают-компании, оставив Лялю в окрыленном состоянии. Вытереть сопли, успокоиться, привести себя в порядок – и жизнь снова прекрасна.

После обсервации и сделанных расчетов Петрович ненадолго задумался.

– Так, – сказал он собравшимся вокруг товарищам, – наше нынешнее положение не совпадает с расчетным примерно на сорок километров. Думаю, в этом виновато встречное морское течение, обходящее Бискайский

залив по кругу. Ничего страшного в этом нет. Предлагаю, еще три часа следовать тем же курсом, а потом, как мы вчера и договорились, лечь на курс сто.

– Возражений нет, – сказал Андрей Викторович, – ты у нас капитан – тебе и решать. Действуй.

Геолог же ничего не сказал, только молча кивнул. Дальше все проходило без особых происшествий. Ровно в три часа пополудни Сергей-младший под надзором Сергея Петровича переложил штурвал, выводя «Отважный» на новый курс – и бег по морю, в сторону невидимого пока берега продолжился.

Вечером, когда солнце уже опускалось в воду на западной стороне горизонта, капитан внимательно обследовал в бинокль морское пространство перед «Отважным» и не нашел никаких признаков земли. Сонар, правда, показывал, что глубина стала постепенно уменьшаться, и уже достигла отметки сорок пять метров, но пока никаких причин для беспокойства не было.

– Следовать прежним курсом, – сказал Петрович вахтенным, – внимательно следить за сонаром и слушать море. Если глубина станет меньше пятнадцати метров или будет слышен шум прибоя, то немедленно свистать всех наверх.

Но дополнительные указания не понадобились. Ровно в полночь, когда сонар показывал двадцать пять метров глубины, поднявшиеся с коек трое мужчин вместе с Валерой помогли Антону Игоревичу убрать паруса и отдать сразу два якоря. После чего, убедившись, что якоря держат, спустились вниз досматривать свои сны. На судне наступила тишина.

* * *

17 июня 1-го года Миссии. День тридцать четвертый. Бискайский залив, 200 километров северо-западнее современного Бордо.

Утром, когда первые солнечные лучи разогнали ночную тьму, подсветив розовым светом высокие мазки облаков, на восточной части горизонта над морем обозначилась тонкая темная полоска суши. Валера, спозаранку первым вышедший на палубу, что называется, «отлить», тут же забыл о своем желании и завопил во всю глотку: «Земля!!!», как будто он этой земли не видел как минимум месяц. На этот вопль из кают-компания тут же повылезал остальной народ, и на «Отважном» началась образцово-показательная вакханалия. Приплыли – в смысле дошли.

Немного выждав, пока схлынут первые эмоции, Сергей Петрович прекратил это форменное безобразие и ввел процесс в конструктивное русло. Вскоре якоря были подняты, паруса поставлены, и судно ходко

направилось к виднеющемуся вдали берегу. На первое время Петрович поставил за штурвал Сергея-младшего, а на бак впередсмотрящими послал Лизу с Лялей. В дальнейшем, в самый ответственный момент, уже у самого берега, он намеревался взять управление на себя.

Довольно быстро, всего через пару часов, стало понятно, что, во-первых, со своей навигацией он попал прямо в яблочко, и во-вторых, все предосторожности были совсем не лишними. В бинокль было видно, что по левому борту, загибаясь на север, тянется скалистый и обрывистый, весьма негостеприимный берег. Выскочить туда в темноте было бы смерти подобно. По правому борту, уходя далеко на юг, простирались ровные песчаные пляжи Серебряного берега. А ровно между ними, прямо по носу «Отважного», находилось устье крупной реки, которая не могла быть ничем иным, как Гаронной. Они были уже почти на месте.

Взяв управление на себя, капитан направил «Отважный» прямо к устью. В бинокль можно было без труда разглядеть, что в месте впадения Гаронны в море находилась не дельта с множеством островов и протоков, а эстуарий – то есть узкий и наверняка глубоководный залив, далеко вдающийся в сушу. Так бывает, когда морские течения, прибой, приливы и отливы не дают накапливаться в устье наносному материалу, сразу унося его в море. Причалить же к морскому пляжу южнее эстуария не представлялось возможным. Там свирепствовал морской прибой, разгоняемый тем самым юго-западным ветром, который и привел сюда «Отважный». Волны, почти незаметные в открытом море, выходя на прибрежную отмель, поднимались в человеческий рост, и с размаху кидались на ровный и открытый всем ветрам песчаный пляж, украшенный исполинскими дюнами.

Петрович рассчитывал причалить на южном берегу эстуария, с обратной стороны наносного песчаного мыса, созданного совместными усилиями течения Гаронны и морского прибоя, который, подобно волнолому, прикрывал эстуарий от буйства волн и ветра. Далее к югу от этого мыса располагались роскошные песчаные пляжи, а за линией дюн просматривался редкий и светлый сосновый лес. Перед последним переходом вверх по реке команде «Отважного» следовало дать короткий отдых на берегу для того, чтобы снять стресс после длительного перехода, искупаться в настоящем теплом море и понежиться на прогретом солнцем песке.

Незадолго до полудня, преодолевая с попутным ветром ослабленное во время прилива течение Гаронны, «Отважный» обогнул стрелку мыса и вошел в эстуарий. Теперь нужно было осмотреться и выбрать место для

якорной стоянки. Маленькая и довольно глубоководная бухточка с впадающим в нее ручьем у самого основания мыса выглядела просто идеально. Если верить сонару, глубина в ней гарантировала, что даже в самый полный отлив «Отважный» не сядет там килем на дно. Промежуточный финиш. Паруса убрать, отдать оба якоря, лодку надуть и спустить на воду. Мы идем!

Команда работала быстро, но без особой суеты, поскольку самое первое лихорадочно возбуждение спало еще во время приближения к берегу. Сергей-младший и Валера быстро надули лодку и спустили ее на воду. В первой высаживающейся группе были только мужчины, даже Катю, несмотря на все ее протесты, все равно оставили на борту. Разведка местности – это не женское дело. Сергей Петрович был вооружен своей «мосинкой», его коллега – СКСом Антона Игоревича, а Сергею-младшему и Валере людям торжественно вручили по «Сайге». Разумеется, во временное пользование, и с условием не палить во все, что попадется на глаза. Кроме них, в лодке на берег отправились четвероногие помощники Шамиль и Майга.

Честь первым ступить на новую землю оказали лично Петровичу. Как-никак это именно он нашел эту дыру в прошлом, спланировал и организовал экспедицию, да и финансирование, между прочим, тоже было по большей части за счет его средств.

Осмотревшись и не увидев никакой опасности, мужчины дали молодым людям добро на перевозку на берег остальной команды и разбивку лагеря, а сами, взяв с собой все необходимое, поднялись на вершину дюны, отделяющей эстуарий от моря, для того чтобы сверху осмотреть окрестности и подготовиться к сегодняшней обсервации.

Вторым рейсом на берег были доставлены Катя, Ляля, Лиза и охающий Гуг. Он уже поднялся на ноги и даже мог самостоятельно ходить, но все равно любое неловкое движение заставляло его непроизвольно морщиться. Третьей ходкой Сергей-младший и Валера перевезли Дару и Мару с младенцами, Веронику с ее гусиной коробкой, а также основную часть снаряжения для организации лагеря. Последним, четвертым, рейсом на берег отправились остальные, а также псинозавр Зара и оставшееся снаряжение. Все, на борту остались только кошки, наотрез отказавшиеся покидать такой привычный им «Отважный».

К тому моменту, когда на берегу был разбит лагерь, с вершины дюны спустились нагруженные своим снаряжением Сергей Петрович и Андрей Викторович. Предварительные расчеты полностью подтвердились – это действительно было устье Гаронны, только расположенное на восемьдесят

восемь километров западнее его положения в историческое время, а не, к примеру, Луары, расположенной довольно далеко на северо-запад, или значительно более южного Адур. Вызвав на ноутбуке карту, учитель удивился, насколько общие очертания местной береговой линии напоминали те, что были или будут там – в далеком будущем. Было очевидно, что сходное взаимодействие морских течений, прибоя и речного стока формируют и сходный по очертаниям береговой рельеф.

После того как по этому поводу утихли эмоции, встал вопрос и о хлебе насущном. На охоту вызвался идти геолог, взявший себе в группу поддержки Сергея-младшего вместе с его Катей. Но прежде чем они выступили из лагеря, Петрович произнес небольшую речь.

– Должен вас предупредить, – сказал он, – что хоть это место и выглядит так мило и уютно, словно филиал рая, все же это не курорт и не заповедник, а земля, где хозяйничает дикое зверье и не менее дикие люди, которых мы еще не знаем. Гуг, Дара и Мара тут не в счет. Они изгнанники, а следовательно, их выбор был присоединиться к нам или быстро погибнуть. У местных же есть свои вожди и свои шаманы, и нам пока неизвестно, какие тараканы обитают в их головах. Поэтому будьте внимательны и осторожны, не расставляйтесь с оружием и не отходите далеко в одиночку. В степи опасность можно заметить издали, а здесь она может кинуться на вас из-за любого куста. Запомните, бдительность – залог безопасности.

– При малейшем намеке на опасность, – добавил отставной прапорщик, – приказываю вам не задумываясь стрелять первыми и звать на помощь, а там разберемся. Это и тебя касается, Игоревич – лучше потратить несколько патронов, чем хоронить кого-то из наших, и думаю, что тебе это понятно. На этом все, товарищи, инструктаж окончен.

Конечно же, вместе с охотниками пошла и Зара. Далеко, кстати, ходить не пришлось; двинувшись вверх вдоль русла ручья, уже примерно через полкилометра охотники наткнулись на дневную кабанью лежку. Небольшое стадо примерно в десяток голов удобно расположилось на небольшой поляне в специально вырытых ими для этого ямах. Геолог насчитал трех самок с поросятами, остальные были примерно годовалыми подсвинками.

Учуяв людей, стадо забеспокоилось, но было уже поздно. Свистнули две арбалетные стрелы – и один из подсвинков, взвизгнув, подскочил как ужаленный, и тут же, дергая в агонии всеми четырьмя ногами, рухнул на землю. Одна стрела пробила шею, другая попала в живот. Остальное стадо, вскочив, тут же метнулось наутек, но Антон Игоревич не разрешил Сергею и Кате преследовать их, охваченным охотничьим азартом. Они уже взяли

достаточное количество мяса на сегодняшний день. К тому же, защищая поросят, самки могли развернуться и атаковать охотников, а вот это уже было не совсем гут, точнее, совсем не гут. Взрослая дикая свинья весит около двухсот килограмм, имеет толстую шкуру со слоем подкожного жира и вооружена четырьмя острыми клыками. Не было никакой причины вступать с этими зверьми в ближний бой.

Когда все утихло, охотники подошли к еще дергающемуся подсвинку и Сергей-младший перерезал ему горло. Потом геолог вырубил в кустах двухметровую жердь, подсвинку связали ноги и приготовились тащить его в лагерь. Свинюк оказался тяжелый, не менее семидесяти килограмм, и утруждаться переноской пришлось исключительно мужчинам.

В лагерь охотники явились, к всеобщему восторгу, триумфаторами – ходили не больше часа, и вот тебе добыча. Марина Витальевна тут же заявила, что на обед теперь будет борщ со свининой, настоящее объедение, и только Петрович, вздохнув, покачал головой.

– Только этих тварей тут и не хватало, – сказал он поварихе. – Если дать им волю, то перетравят они нам, Витальевна, к чертовой матери все твои огороды.

– А мы им воли не дадим, – вступил в разговор бывший физрук, – будем устраивать облавные охоты и выбивать их к чертям собачьим.

– Для облавных охот, – ответил учитель, – у нас недостаточно людей.

– Вполне достаточно, – парировал Андрей Викторович. – Стоит нам только начать, и кабаны сами уйдут от нас куда подальше.

– Тихо, мальчики, – сказала женщина. – О чем вы спорите? Свинья – это не только вредитель сельского хозяйства, но еще и сало, мясо, щетина и прочная шкура. Если необходимо, то будем на них охотиться и истреблять. А еще приручать – в хозяйстве пригодятся. Все будет хорошо. А пока давайте займемся этим милым поросеночком. Я вам его приготовлю, только пальчики оближите.

Когда Витальевна закончила говорить, мужчины посмотрели друг на друга и пожали плечами. Действительно, о чем спор – подумаешь, кабаны. Когда возникнет нужда, они обязательно что-нибудь придумают. А пока надо готовиться предаваться греху чревоугодия.

Когда подсвинок был выпотрошен и разделан, в котле кипела вода, а чуть в стороне Антон Игоревич пережигал дрова на уголья, обещая всем в ближайшем времени нежнейший свиной шашлык, к Петровичу неожиданно подошла Катя, за которой толпились и остальные девушки.

– Петрович, – сказала она, – разреши нам, девочкам, сходить к морю искупаться. Мы быстро, одна нога здесь, другая тоже здесь.

– Купайтесь здесь. Кто вам запрещает?

– Здесь не хотим, – капризно ответила девушка, – тут болото с лягушками, а там море, настоящее.

Петрович с сомнением посмотрел на бухточку, в которой стоял на якоре «Отважный». Лягушек не наблюдалось. Болота тоже. Сейчас, в самый пик прилива, вода в устье Гаронны мало чем отличалась от морской.

Катя перехватила этот взгляд, поняла сомнения Петровича и выдвинула новую версию.

– Здесь вы будете подглядывать, – сказала она, – а там мы сами...

– Понятно, – сказал подошедший Андрей Викторович, – собираетесь купаться голышом в морском прибое. Так сказать, для полноты впечатлений?

– Мы, это, собирались... – покраснела Катя, – но совсем не голышом. Просто это море...

– Не ври, Катя, – строго сказал бывший физрук, – я тебя и без рентгена насквозь вижу. Про море – это правда, а остальное – беспардонное вранье.

– Да ладно, – неожиданно сказал учитель, – все дела уже сделаны, так что пусть идут купаться в своем море. Но так как одних мы девочек отпустить не можем, то вместе с ними пойдут наши женатые парни Сергей и Валера. Посидят с «Сайгами» на берегу, покараулят, чтобы с нашими красавицами ничего не случилось. Полезут они в воду в купальниках – хорошо, а если нет, так Серегу с Валеркой женскими прелестями уже не удивить.

– Пожалуй, можно и так, – кивнул коллега, – пусть идут. Вот только парней проинструктируем – и вперед.

Катя тут же кивнула, как бы соглашаясь с неизбежным, но наименьшим злом. При всей своей примитивной хитрости она понимала, что одних, без охраны, за пределы прямой видимости их не отпустят. Зато Ляля и Лиза растерянно переглянулись. Они-то, каждая на свой лад, рассчитывали, что сопровождать их пойдут как раз мужчины, потому и согласились на предложение Кати искупаться в море голышом.

– Сергей Петрович, – елеинным голосом сказала Ляля, – я, пожалуй, передумала, и буду купаться прямо здесь, под вашим бдительным присмотром.

– Я тоже, – поддержала подругу Лиза, – не люблю большие волны.

Ляля вопросительно посмотрела на близнецов, и те отрицательно замотали головами.

– Мы тоже не идти туда, – с ужасающим акцентом, но вполне понятно сказала Дара, – мы идти вода вместе с Ляля и Лиза.

– Ладно, – тяжело вздохнула Катя, понимая, что вся интрига накрылась медным тазом, – я тоже буду купаться здесь. Но только, чур, не подглядывать.

– Подглядывать, подглядывать, – возразила Ляля, прямо перед Петровичем стаскивая через голову футболку, – мы с Лизой девушки честные и опрятные, нам скрывать нечего.

– Действительно, нечего, – подтвердила Лиза, уже снявшая ботинки с носками и сейчас расстегивающая ремень на камуфляжных брюках. Ну, а близнецов и уговаривать было не надо, эти раздевались стремительно, как солдаты по команде «сорок пять секунд – отбой». Пожав плечами, Катя тоже начала не спеша раздеваться. Интрига неожиданно обернулась против своей создательницы.

Петрович, краем глаза поглядывая на свою невесту, с облегчением отметил, что ее опасения насчет внешнего вида были изрядно преувеличены. Не так уж сильно пострадала ее кожа днем раньше (а может, помогла настойка Витальевны) – сегодня она была полна энергии и, судя по всему, совсем не чувствовала недомогания. Лишь кожа ее имела слегка красноватый оттенок – но это, конечно, уже не был тот цвет вареного рака, что имело место вначале.

– Сергей Петрович, – дернула Петровича за рукав Марина-младшая, – а нам с Вероникой можно купаться?

– Купаться можно, – подумав, сказал Петрович, – но только без авангардизма и у самого берега.

– А как это – без ава..ганизма? – озадаченно спросила Маринка.

– Это значит, что в трусиках, а не как эти хулиганки, в костюме Евы, – затем он добавил, – Ляля, пожалуйста, присмотри там за девочками.

– Хорошо, Петрович, – покорно согласилась Ляля, стоя к своему суженому в профиль и стягивая трусики с узких бедер.

– Ох, и бесстыжая ты, Ляля, – покачала головой фельдшерица, – и ты, Лиза, тоже.

– Какая есть, уважаемая Марина Витальевна, – ответила Ляля и потянулась всем своим молодым, гибким телом. – Хорошо-то как!

– Действительно, хорошо, – подтвердила Лиза, смахнув со своего плеча невидимую пылинку и стрельнув озорным взглядом в Андрея Викторовича. От таких взглядов обычно в трех метрах загорается сухая солома, но бывший старший прапорщик остался непоколебим.

– Поосторожней там, – с грубоватой заботливостью сказал он, отводя в сторону глаза от обнаженной Лизы, – далеко не заплывайте. Тут может водиться такая рыбка, что вы ей, как червячок, на один укус.

– Мы идти вода? – спросила Мара, прикоснувшись ладонью к предплечью Ляли. – Мы готова.

– Тетя Ляля, мы тоже готовы, – сказала подошедшая к ним Марина-младшая, за спиной которой пряталась Вероника.

– Значит я теперь уже и тетя, – вздохнула Ляля, беря девочек за руки. – Ну ладно, малявки, пойдем, обновим водичку.

– Да, – неожиданно задумчиво сказал Сергей-младший, глядя в спину удаляющимся девицам, – Так и рождаются обычаи. Наверное, теперь и дальше будет принято, чтобы голая невеста купалась на глазах у жениха, чтобы тот видел, что берет не kota в мешке.

– Да ты философ, Сережа, – хлопнул по плечу Сергея-младшего Андрей Викторович, – Впрочем, кто его знает, как оно там будет.

– Любой обычай, – сказал Сергей Петрович, – должен иметь под собой глубокий практический смысл, иначе это не обычай, а уже что-то иное – например, пережиток старины. Вот, скажем, наш Валера, с которого пошел обычай жениться больше чем на одной женщине. Пока невест больше, чем женихов, этот обычай имеет глубокий практический смысл. Но как только положение выправится, он станет ненужным и отомрет сам собой.

Валера покраснел как девица, а Сергей-младший глубоко вздохнул и сказал:

– Мне Катя ни за что не разрешит жениться еще на одной, такой уж у нее характер.

– Разрешит, Сережа, разрешит, – уверенно сказал главный прогрессор, – дай ей только немного времени и подходящий повод. Она ведь у тебя заводила и привыкла верховодить в женской компании. Но та компания сейчас уже тью-тью, и Ляля и Лиза демонстрируют самостоятельность и уже несколько раз ставили ее в глупое положение. Единственный выход для нее – это создать такую женскую компанию, в которой она в качестве лидера была бы вне конкуренции. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул парень, – но все равно сомневаюсь.

– А зря. Она тебе сама новых жен и подберет. Только это, скорее всего, будут не заводные хохотушки, а тихие и спокойные девушки, которые никогда не бросят ей вызов. Самое главное, чтобы ее желание верховодить не переросло в желание властвовать – тогда в твоей будущей семье появится домашний тиран.

– Ничего, если так, то пусть только попробует. У меня она не забалует.

Тем временем Ляля, предварительно попробовав воду пальцами левой ноги, решительно вошла в заводь, увлекая за собой остальных. Брызги, плеск, взвизги, шумное барахтанье. Девицы резвились вовсю, стараясь

привлечь к себе как можно больше внимания. Водичка была градусов восемнадцать – купаться и даже получать от этого удовольствие можно, но очень недолго. Марина-младшая и Вероника, а также не умеющие плавать близняшки плескались у самого берега на мелководье, вместе с кинувшимися в воду за своей «матерью» гусятами. Ляля, Лиза и Катя зашли чуть подальше, где уже можно было плавать, но далеко от берега все равно не отдалялись, только сплавали на спор по разу до «Отважного» и, подержавшись немного рукой за якорный канат и, отдохнув, быстро возвращались обратно.

Первыми, вдоволь наплескавшись и набарахтавшись, заводь покинули посиневшие от холода и покрывшиеся пупырышками Марина-младшая и Вероника. Вслед за Вероникой притопали и гусята. Марина-Витальевна приняла девочек как родная мама, завернула в пушистые полотенца, позволив переодеться в сухое, потом приказала накинуть футболки и усадила поближе к костру пить горячий чай.

Несколько позже, уже дойдя до изнеможения, на берег вылезли и старшие девицы, тоже замерзшие, уставшие, но невероятно довольные. Эротический спектакль в исполнении Ляли и Лизы с вытиранием и одеванием повторился в обратном порядке. Трусики, футболочки – и к костру, сверкать голыми коленками и торчащими сквозь ткань напряженными сосками.

До борща было еще далеко, а вот жареный на углях свиной шашлык у Антона Игоревича был уже готов. Пока каждому досталось по одной палочке. Антон Игоревич, как опытный шашлычник, тут же поставил на мангал новую партию будущего деликатеса. Такое вот получилось спонтанное празднование их высадки на обетованный берег.

Ляля, держа в руках палочку шашлыка, бочком присела на покрывало рядом с Петровичем и легонько чмокнула его губами в щеку.

– Ну, как тебе наше шоу? – тихо спросила она Петровича прямо на ухо.

– Просто замечательно, – тем же способом ответил он ей, – жертв и разрушений нет, все остались в здравом уме и ясной памяти.

Ляля хихикнула и улыбнулась.

– А мы с Лизкой и не планировали никаких жертв и разрушений, – сказала она, – просто хотели показать товар лицом.

– Какова ты лицом, я знал уже давно, – так же с улыбкой ответил ее жених, – но и все остальное тоже оказалось ему под стать. Как всякий нормальный мужчина могу сказать, что ваше шоу не оставило меня равнодушным.

– Спасибо за комплимент, Петрович, – кивнула девушка и наконец

вонзила зубы в нежный, истекающий соком свиной шашлык.

Петрович смотрел, как она ест и удивлялся – куда делась та бледная, худющая как веточка, забитая девчонка, которую они подобрали на дороге чуть больше месяца назад. Сейчас рядом с ним сидела округлившая во всех местах, пусть очень молодая, но все же женщина, знающая себе цену и свое место в жизни, и никому не собирающаяся просто так его отдавать.

Доев шашлык, Ляля отложила в сторону палочку, платком аккуратно вытерла подбородок и, сложив перед грудью ладони, уважительно поклонилась автору сего блюда.

– Было очень вкусно, Антон Игоревич, – сказала она, – от всей души благодарю вас за доставленное удовольствие. Если бы не мой будущий муж, то я вас обязательно бы поцеловала.

Бородач был польщен.

– Спасибо, Ляля, – наклонил он голову в ответ, – поцелуй можешь оставить своему мужу, мне достаточно просто твоей благодарности.

Катя, которая покончила со своим шашлыком чуть раньше Лизы, аж побелела от отчаяния при мысли, что ее опять выставили в нехорошем свете, и только тяжелый взгляд Сергея-младшего и толчок локтем под ребра уберегли ее от необдуманных поступков.

– Ляля, – шепнул на ухо своей будущей супруге Сергей Петрович, – прекрати дразнить Катю. Добром это не кончится.

В ответ та молча посмотрела на него невинным взглядом. Ее глаза как бы говорили, что она совсем не виновата, что эта грубиянка в такой замечательный день забыла даже сказать элементарное спасибо.

После шашлыка Антон Викторович извлек из сумки бутылку армянского домашнего коньяка и набулькал в кружки всем, кроме детей, по пятьдесят грамм.

– Ну, товарищи, – сказал он, – не пьянства ради, а токмо пользы для. Так выпьем же за то, чтобы все у нас было хорошо.

Выпили, прислушались к своим ощущениям. Действительно после палочки жирного свиного шашлыка все было хорошо. Правда, за исключением Гуга и его рыжих сестер – тем показалось, что они проглотили немного жидкого огня. Наивные дети природы – через пару минут им тоже захорошело, и изрядно. Повторять не стали, ибо пили не ради пьянства.

А тут Витальевна начала разливать по мискам то, что она называла борщом. Горячий, жирный, с весьма специфическим вкусом и ароматом. Действительно – пальчики оближешь. Подсвинок не зря отдал свою жизнь. Навернули борща и совсем разомлели. Компания оттаяла и даже Катя,

забыв о своих недавних провалах, начала тихонько хихикать. После борща Антон Игоревич раздал всем еще по одной палочке шашлыка, которую запивали уже горячим чаем. После обеда женщины помыли посуду, а мужчины скромно и без всякого нудизма ополоснулись в заводи, после чего все предались блаженному ничегонеделанию. Праздник удался.

Ближе к закату, когда отлив был в самом разгаре, отошедшие от блаженства вожди собрались в кружок, чтобы обсудить дальнейшие планы. Сергей Петрович включил ноутбук и вызвал на экран карту, отображающую географию юга Франции в наше время.

– Значит так, – сказал он, ткнув курсором в точку на экране, – сейчас мы здесь примерно в восьмидесяти восьми километрах от современного нам побережья. Первоначально я планировал обосноваться или у слияния Дордони и Гаронны, или еще выше, почти у самой Байонны. Первый вариант предпочтительней, но будем посмотреть на месте.

– На каком берегу, – спросил геолог, – на правом или на левом?

– В принципе, – ответил главный прогрессор, – мне более интересен левый, южный берег. Он более равнинный, и с той стороны больше озер, речек и ручьев. Но опять же, будем смотреть уже на месте. Карта эта, сами понимаете, не идеальна и дает лишь общее представление. За сорок тысяч лет мелкие детали рельефа могли много раз поменяться. Нам нужно место с впадающей в Гаронну небольшой речкой, на которой мы оборудуем мини-ГЭС, с обширным пойменным лугом для выпаса скота и устройства огорода, а так же с незаливаемой половодьем возвышенностью, на которой мы могли бы поставить дом. Если такое место найдется на правом берегу, то так тому и быть.

– Согласен, – кивнул Антон Игоревич и посмотрел на отставного прапорщика.

Тот в свою очередь ненадолго задумался, и наконец произнес:

– В принципе все верно... возражений нет. Только один вопрос. Ты хочешь использовать слияние рек как узел транспортных коммуникаций?

– Да, – кивнул Петрович, – именно так. Вот смотрите. Один путь по Гаронне вниз по течению до самого моря, второй путь вверх по течению к Пиренеям примерно до современной нам Тулузы, третий путь по Дордони до Перигора, а может, и выше. Таким образом, с помощью «Отважного» с его малой осадкой нам будет доступна довольно большая территория. Под Перигором и южнее Тулузы в наше время были обнаружены многочисленные места проживания пещерных людей. По нижнему течению Гаронны и Дордони никакой информации нет, но это, скорее всего, из-за отсутствия в этой местности хоть каких-нибудь пещер. Есть ли тут

сейчас люди, нам еще предстоит выяснить. Они могут жить здесь, строя что-то вроде индейских вигвамов или типи, или рыть землянки. Все эти технологии для каменного века вполне доступны. В конце концов, они могут кочевать здесь в летнее время, на зиму уходя в свои пещеры. В любом случае, чем шире будут наши контакты, тем выше вероятность успеха нашего замысла.

– Согласен, – кивнул Андрей Викторович, – возражений нет.

* * *

18 июня 1-го года Миссии. День тридцать пятый. Эстуарий Гаронны, 120 километров северо-западнее современного Бордо.

На самом рассвете, когда предутренний отлив был еще в разгаре, Петрович, геолог, Сергей-младший и Валера, добравшись на надувной лодке до «Отважного», подняли якоря и, отталкиваясь от дна шестами, подвели коч к самому берегу. Сделано это было для того, чтобы, не заморачиваясь разными техническими сложностями, погрузить на борт лагерное имущество, а также, подключив генератор, пополнить имеющийся на борту запас дров. Предстоял поход вверх по течению, и дополнительное топливо не было лишним.

Часа через три, когда солнце высоко поднялось над горизонтом, а вода уже начала ощутимо прибывать, дела на этом месте были закончены. «Отважный» отошел от берега и, запустив мотор и поставив паруса, развернулся носом против течения и с помощью поднимающегося прилива отправился в путь вверх по реке. Последний этап похода начался.

Не отрываясь от управления, капитан судна время от времени поглядывал на проплывающие мимо берега. Левый – холмистый, поросший смешанным лесом с преобладанием хвойных деревьев, правый – низменный и пологий, изобилующий заросшими осокой и тростником вперемешку с ольхой и березой заболоченными низинами, перемежающимися с сосновыми борами, расположившимися на возвышенных местах. Обилие ручьев и мелких речек, впадающих в эстуарий со стороны правого берега, так же говорило о повышенном увлажнении этих мест. Там, в будущем, долина Гаронны была одним из самых плодородных сельскохозяйственных регионов Франции. При правильном подходе эти места способны прокормить не один миллион человек.

Кроме Петровича, за побережьем и окрестностями наблюдали и все остальные члены команды «Отважного», за исключением, разумеется, пары впередсмотрящих, которым вменялось смотреть вперед и только вперед. Клан Прогрессоров искал признаки присутствия в этих местах других

людей, но пока безуспешно. Ни старого кострища на берегу, ни струйки дыма над лесом, ни брошенных (или, чем черт не шутит, обитаемых) шалашей из веток и тростника. Ничего такого не было. Но если что-то не найдено, то это вовсе не значит, что этого нет, и потому наблюдение продолжалось.

Кроме того, после пустынных просторов тундры и тундростепи зрелище проплывающих мимо лесов, так напоминающих «родные осины», доставляло выходцам из двадцать первого века особое удовольствие. Ну не степные мы люди, совсем не степные.

Дару, Мару и Гуга, привыкших там у себя на севере к иным ландшафтам, зрелище вздымающихся ввысь деревьев, напротив, вгоняло в оторопь и немного пугало. Тут кипела иная жизнь, по большей части скрытая от глаз, а потому непонятная обитателям привольных степных просторов, где и охотники, и добыча способны заметить друг друга с большого расстояния.

Когда солнце снова стало припекать, молодые дамы и отдельные пока еще девицы, не сговариваясь, скинули свои футболки, оставшись топлесс. Началось все, как и раньше, с Дары и Мары, потом их почин подхватили Ляля и Лиза. Последней разоблачилась Катя, очевидно не желая оставаться белой вороной. До полного ню дело, впрочем, не дошло. Скорее всего, в женской части коллектива было заключено некое джентльдамское соглашение о том, что такое сильное оружие можно применять только в особых случаях. Например, во время купания в реке, которое еще, возможно, предстоит чуть позже. Например, уже этим вечером... А пока, закатав до колен штаны, все пять красавиц весело шлепали по нагретой солнцем деревянной палубе босыми ногами. Сестричек, правда, Марина Витальевна быстро отозвала в кают-компанию – готовить обед.

Глядя на трех девиц, щеголяющих в закатанных до колен пятнистых штанах, Петрович подумал, что зря они не заказали каждому по паре легких шорт. Недоглядели, однако. Сработал стереотип, что если ледниковый период, то значит, обязательно будет холодно. А о том, что в месте, выбранном им для постоянного проживания, может быть настоящее лето, он и не сообразил.

Где-то около полудня берега постепенно сдвинулись, цвет воды изменился, а ее течение ускорилося. Затем впереди показался заросший тростником длинный и узкий, делящий русло реки на два рукава, наносной остров. Это означало, что эстуарий закончился, и началась уже собственно река Гаронна. Не Великая Река, но все же. В наше время Гаронна была судоходна для морских судов вплоть до Бордо, а для речных до самой

Тулузы. «Отважный», с его метровой осадкой, был способен влезть здесь в любой, даже мелководный приток.

Капитан приказал впередсмотрящим удвоить внимание. В отличие от достаточно глубоководного эстуария, здесь, в русле Гаронны, была гораздо большая вероятность нарваться на мель или притопленную корягу, тем более что для того чтобы уменьшить сопротивление стремящейся к морю воды, курс «Отважного» был проложен не по речному стрежню, а вблизи южного берега.

Сменившись с вахты, Ляля устроилась на раскладном парусиновом стульчике неподалеку от Сергея Петровича, наблюдая, попеременно прищуривая глаза, то за берегом, то за своим женихом, как кошка за добычей, которой некуда деваться. Она совершенно не хотела ломать сложившиеся между ними доверительные отношения и дала себе слово набраться терпения и дожидаться, пока ситуация разрешится естественным путем.

Лиза, напротив, была более откровенной и ни на шаг не отходила от своего суженого, опекая предмет своей страсти с дотошностью ревлившей жены. Хотя, если подумать, к кому тут ей ревновать? Все девки при своих мужчинах, и никому нет смысла зариться на чужого. Наверное, от нервного возбуждения в ожидании долгожданного конца пути, и присутствия рядом мужчины, в которого она давно и тайно была влюблена, у нее слегка поехала крыша. Сергей Петрович уже думал, как бы поаккуратней прервать эту Лизину настырную активность, но тут в дело вмешалась Ляля, которой все эти брачные танцы тоже надоели.

– Лизка, стой! – прошипела она, схватив Лизу за руку, когда та в очередной раз пробежала мимо в кают-компанию за чаем для предмета своей страсти. – Ты что вытворяешь? Совсем дура, что ли? Всего один день потерпеть не можешь?

– Ляля! – пискнула та, – ты что?

– Я не что, я кто, – тихо ответила Ляля. – Расслабься и веди себя прилично. Не доставай мужика. Договорились же. Никуда твой Мускул от тебя не денется, влюбится и женится. Совсем немного осталось.

Девушка вздохнула, высвободила свою руку из Лялиных цепких пальцев и, ничего не говоря, лишь пожала плечами. Спустившись вниз, она неожиданно выплакалась на плече Марины Витальевны и получила от нее короткое благословение. Если женщине очень хочется, то значит, так и надо. Вернувшись наверх, она передала жениху кружку горячего чая, отошла в сторонку и, прекратив свои брачные танцы, начала раздумывать над тем, что и как она будет делать этим вечером.

Несколько часов спустя, когда солнце, уйдя почти точно за корму, клонилось к горизонту, с бака раздался крик Кати:

– Сергей Петрович, смотрите! Справа по борту!

Передав штурвал геологу, капитан подошел к борту, доставая из чехла свой бинокль. От увиденного его сердце взволнованно забило. Чуть в отдалении от берега, на небольшом пригорке, возвышающимся над сплошными тростниковыми зарослями, полукругом, развернутым к реке, вокруг кострища стояли несколько куполообразных шалашей, крытых побуревшими прошлогодними травой и тростником. Рассматривая стойбище в бинокль, Петрович насчитал семь таких временных строений. Ни людей, ни каких-либо животных там не наблюдалось. Стояла тишина, нарушаемая только тарахтением мотора да отдаленными криками водяных птиц, гнездящихся в тростнике.

– Причалим? – спросил Андрей Викторович.

– Пока не вижу где. Серва надо найти проход в этих зарослях.

Проход нашелся, когда «Отважный» был уже почти на траверзе стойбища. За небольшим пригорком был вход в небольшой заливчик с впадающим в него ручьем. Петрович снова сам встал за штурвал. Паруса убрать, двигатель на малый газ, право на борт. Сергей-младший и Валера ощупывали дно перед форштевнем длинными шестами. Глубины в заливчике вполне хватало, и вскоре «Отважный» ткнулся в глинистый берег чуть в стороне от ручья.

Дело было к вечеру и, посоветовавшись, вожди решили, что именно здесь и будет разбит на ночь береговой лагерь. Место вполне подходящее. Сняв показания лага и вычтя предполагаемую скорость течения, Сергей Петрович решил, что они вполне могли достичь уже тех мест, которые и в наше время находились выше уровня моря. Об этом же довольно четко говорила и поросшая сосновым бором цепь бывших береговых дюн, которая могла образоваться примерно за восемьдесят тысяч лет до этого момента, когда уровень мирового океана был очень близок к тому, что был в историческое время. До места слияния Гаронны с Дордонью оставалось не более полутора дней пути.

Пока остальные разжигали неизменный костер и разбивали лагерь, Сергей Петрович, Андрей Викторович и Сергей-младший с Катей поднялись на пригорок обследовать стоянку первобытных людей. С первого же взгляда стало понятно, что оставили ее еще в прошлом сезоне, причем покидали это место организовано, так сказать, в плановом порядке. Уходя, местные не оставили ни одной пригодной к употреблению вещи, бросив только разный ненужный, с их точки зрения, хлам, вроде

поломанных инструментов, обрезков сыромятных ремней и подгнившей уже травяной подстилки внутри шалашей. Обложенное по кругу камнями большое кострище уже начало порастать молодой травой.

Сами шалаши были построены примерно из десятка гибких двух-трех сантиметровых прутьев, воткнутых в землю по кругу и крест-накрест связанных у вершины сыромятными ремешками. Еще два кольца из прутьев, так же привязанных ремнями – одно на уровне плеча взрослого мужчины, а другое чуть ниже пояса – образовывали горизонтальный каркас. Снаружи вся эта конструкция была обложена связками травы и камыша, и, возможно, когда-то ее покрывали шкуры. Вход, скорее всего, раньше прикрывался кожаной занавеской.

В середине жилища имелся небольшой очаг, обложенный камнями, а сверху было оставлено отверстие для выхода дыма. Больше всего сия конструкция напоминала индейский вигвам – в том смысле, в каком это слово употребляли сами коренные американцы. У нас вигвамом почему-то, называют совершенно другую конструкцию временного разборного жилья, которую индейцы называют «типи».

Осмотрев стойбище, мужчина подумал, что, поскольку один шалаш мог принадлежать шаману, тут в прошлом году обитало шесть-семь семей, в каждой из которых было от двух до четырех взрослых и от трех до пяти детей, причем число взрослых охотников в группе не могло быть более шести-восьми человек. Дальше можете посчитать сами.

Осмотрев на обратном скате холма изрядно размытую дождями мусорную кучу, первоначально скрытую от глаз, учитель сделал вывод, что местные охотились на животных практически всех размеров – от бизона до кролика, а также не брезговали и речной рыбкой, на которую наверняка охотились с острогой. Некоторые рыбы позвонки просто впечатляли своими размерами, и как раз рыбных отходов в куче было больше всего. Костей мамонта не было, да и откуда взяться мамонту в этом болотистом лесном краю.

Не найдя больше ничего интересного, исследователи вернулись в лагерь, где в котле, вокруг которого хлопотали Марина Витальевна, Дара, Мара и Ляля с Лизой, уже доходила до готовности каша с овощами и вчерашней подсоленной кабанятиной. Долго ли умеючи, да еще одной большой командой. Закончив работы по кухне, девицы, как и предполагалось, отпросились купаться. Правда, на этот раз обошлось без какой-то особой театральности и эротических поз. Такого запала, как день назад, уже не было. Быстренько разделись, поплескались в заливчике, и так же скоро вернулись обратно – вытираться и одеваться. Солнце стояло уже

низко, и было чуть прохладно. Но после путешествия по северам – все равно курорт.

После ужина было объявлено общее собрание клана.

Над горизонтом пылало багровое солнце, похожее на гигантский экзотический фрукт. Вечерняя прохлада была насыщена резкими запахами трав и влажной земли. Члены клана сидели полукругом на земле возле потрескивающего костра.

– Итак, – сказал главный прогрессор, – теперь понятно, что люди в долине Гаронны есть. Но их не очень много. Мы прошли от устья уже порядка восьмидесяти километров – и встретили только это небольшое стойбище, к тому же брошенное в прошлом году.

– Быть может, – сказал Антон Игоревич, – для постоянной жизни они предпочитают места повыше и посуше, а сюда ходят осенью, к примеру, собирать перед зимой болотную ягоду.

– Возможно, – кивнул Петрович, – если эти шалаши регулярно подновлять свежим тростником, то они способны прослужить еще не один год. Впрочем, по этому вопросу у нас есть какой-никакой местный эксперт. Гуг, а ты что скажешь?

– Хороший дичь тут мало, – немного подумав, сказал Гуг. – Женщины ягода болото собирай – да. Бизон нет, большой олень нет, лошадь тоже нет. Тут жить – нет. Плохой место. Ты вождь. Ты думай.

– У нас другие методы вести хозяйство и охотиться.

– Я знаю это, – ответил Гуг, – голод этот клан нет. Еда всегда есть. Петрович – хороший вождь.

– Спасибо, – сказал тот, – в общем, Гуг подтвердил то, что мы и так уже поняли. Постоянно люди тут не живут и, возможно, навещают это место лишь осенью собрать урожай ягод.

– Возможно, – сказал геолог, кивнув на холмы на другой стороне реки, – местные приходят сюда с той стороны водораздела. Там местность должна быть посуше, и сразу за этими лесами могут уже начинаться более открытые лесостепи.

– Это не исключено, – сказал Петрович, – особенно если они уже умеют делать челноки – долбленые, или каркасные, обтянутые кожей, как у эскимосов.

– Скорее всего, умеют, – кивнул Андрей Викторович, – ту рыбку, косточки которой мы видели с тобой там наверху, с берега не загарпунишь. Так что прийти они могли не только из-за тех холмов, но и откуда-нибудь с верховий.

– И что это для нас означает? – спросил Сергей-младший.

– А то, – ответил учитель, – что постоянно в этих местах никто не живет. Но в то же время местные тут бывают, в том числе передвигаясь на лодках по рекам. С одной стороны, это исключает возможность конфликта с местными из-за территорий, а с другой, даст нам неплохую возможность для контактов. Предлагаю строить наши дальнейшие планы, исходя из полученной только что информации; и пока не менять первоначального решения и продолжить наше путешествие к месту слияния Гаронны и Дордони.

– Не возражаю, – кивнул Андрей Викторович, – а ты, Антон?

– Я тоже, – сказал бородач, – и думаю, что все остальные с этим решением тоже согласны.

Лиза, до того задумчиво молчавшая, вдруг набралась храбрости и встала на ноги.

– А у женщин есть право голоса на нашем собрании? – спросила она.

– Конечно, есть, – удивленно сказал Сергей Петрович, – если ты хочешь что-то сказать, то мы тебя слушаем.

– Хочу, – переминаясь с ноги на ногу, сказала девушка, – хочу, чтобы Андрей Викторович наконец перестал меня мучить и прямо сейчас стал моим мужем.

– Вот так номер... – удивился учитель, который, конечно ожидал от Лизы всякого, но только не такой примитивной лобовой атаки, – Лиза, а может, ты все же подождешь, до конца совсем немного осталось.

На это предложение девица отрицательно замотала головой, а на ее глазах показались слезы отчаянья.

– Не видишь, Петрович, – со вздохом сказала Марина Витальевна, – совсем извелась девка. Не может она больше ждать.

– Ладно, – сказал Сергей Петрович, вставая на ноги, – Андрей, желаешь ли ты взять в жены девицу Елизавету и жить с ней в любви и согласии, пока вас не разлучит смерть?

– Желаю! – сказал неожиданно тоже вставший и покрасневший старший прапорщик.

Не успел проводящий церемонию мужчина раскрыть рот, чтобы задать такой же вопрос Лизе, как та сломала всю церемонию и, бросившись к милому, с визгом повисла у него на шее, поджав ноги.

– А теперь – дискотека, – хлопнул в ладоши Сергей-младший.

– Э нет, – сказал учитель, – сначала мы должны сделать все как положено. Ляля, не в службу, а в дружбу, принеси-ка сюда мой брачный шнур...

Потом, когда руки новобрачных были наконец перевязаны шнуром,

включилась музыка и началось короткое, но бурное веселье. Девки втянули в круг даже упирающуюся Марину Витальевну.

Все испортили комары, с заходом солнца тучей поднявшиеся над тростниковыми зарослями. В ответ в костер были брошены зеленые ветки и тростник, и танцы продолжились уже посреди дымной пелены. Когда все умаялись до полного нестояния на ногах, новобрачных с все еще перевязанными руками проводили в выделенную им двухместную палатку и задернули за ними полог. Все остальное – дело личное и сугубо интимное. Правда, сама Лиза так не считала и ее счастливые стоны, ахи и охи были слышны далеко окрест...

* * *

19 июня 1-го года Миссии. День тридцать шестой. Гаронна, 80 километров северо-западнее современного Бордо.

Прислушавшись к своим ощущениям, Лиза поняла, что у нее болело буквально все, разве что за исключением головы. Вчера вечером они с Андреем Викторовичем не сдерживали своих чувств и страстей. Девушку, что называется, прорвало, и своим пылом она сумела заразить и своего мужчину, внешне спокойного и невозмутимого. Бурная страсть, помноженная на жаркий восточный темперамент, принесла свои плоды, и хоть ее новый супруг и старался быть осторожным, для Лизы, до того не знавшей мужчин, он все же оказался несколько великоват. Но, не смотря на все эту боль, Лиза чувствовала себя полностью и абсолютно счастливой. Ей хотелось петь, смеяться и делать разные глупости. Она добилась своего и отдала свою невинность любимому мужчине уже после свадьбы, и пятно крови на простыне говорило об этом весьма красноречиво. Что может быть лучше такого исхода для порядочной девушки? Боль – она пройдет, а счастье останется с ней навсегда. Подождать три-четыре дня, пока все заживет, а потом можно будет попробовать снова, на этот раз более спокойно, прислушиваясь к своим ощущениям, для того чтобы насладиться каждым взаимным взглядом, жестом и ласкающим прикосновением.

Обмотав бедра полотенцем и вытащив из рюкзака мыло и бритвенный станок, Лиза собрала свою одежду и осторожно выглянула из палатки. Было довольно прохладно, и над рекой и берегом висел плотный утренний туман.

«Ну и замечательно», – подумала она, и, выбравшись наружу прямо в чем была, побежала к берегу умыться и приводить себя в порядок.

Немного поплескавшись на мелководье в теплой, как парное молоко, воде, и смыв последствия бурной ночи, Лиза намылилась и принялась станком изводить волосы во всех местах, кроме головы. Этот обычай среди

женской части клана Прогрессоров был введен Мариной Витальевной, которая считала, что не стоит оставлять на человеческом теле никаких заповедников для разведения разного рода насекомых. Гигиенично, особенно в полевых условиях. Да и мужчинам такой обычай среди женщин тоже весьма приятен.

Закончив с бритьем, Лиза еще раз ополоснулась и, насухо вытершись полотенцем, принялась одеваться. Вот так, в футболке, трусиках и наполовину натянутых штанах ее и застала спустившаяся к реке для утреннего туалета дамская компания. Катя, Ляля и рыжие сестры шли группкой, ежась от холодка и тихо переговариваясь между собой. Чуть поодаль вслед за ними шла Марина Витальевна.

Увидев Лизу, Катя замерла на месте, а Ляля, напротив, бросилась к торопливо натягивающей штаны подруге, обняла ее, и девушки ласково потерлись носами. Это привычку они переняли от Дары и Мары, хотя и близнецам тоже очень понравилось целоваться, особенно со своим Валерой. Такая вот получилась взаимная конвергенция.

Следом за Лялей к Лизе подошли близняшки – также выразить свою приязнь и уважение. Катя же только фыркнула, она-то считала такие выражения чувств ниже своего достоинства.

Женщина приветливо кивнула Лизе и внимательно посмотрела ей в глаза.

– Ну что, ты довольна, Лизонька? – по-матерински участливо спросила она.

– Да, Марина Витальевна, – ответила Лиза, сморгнув непрошеные слезы, – очень довольна! Спасибо вам большое!

– Не за что, Лиза, – ласково сказала та, – главное, чтобы ты была счастлива.

Лиза, расчувствовавшись, еще раз шмыгнула носом. Она никогда не знала своей матери, и всю свою короткую жизнь провела в домах малютки, приютах, и прочих казенных заведениях. И надо же было случиться тому, что женщину, которая смогла бы заменить ей мать, она встретила, уже став взрослой и выйдя замуж.

Тем временем женщина отошла чуть в сторону и тоже, вслед за молодежью, начала быстро разоблачаться перед утренним купанием. Лиза подумала, что для возраста «немного за сорок» фигура у нее еще довольно ничего. Ни повисшей груди, ни коровьего брюха, ни каких-либо особенных морщин. Ее возраст выдают только небольшие складочки на шее, у рта и в уголках глаз. Сногсшибательная женщина! Гному очень сильно повезло, что он смог отхватить себе такую кралю.

Оставив Марину Витальевну с девицами заниматься утренним туалетом, Лиза подобрала с земли свои вещи и немного вразвалку пошла к их с мужем палатке. Тот, обнаженный до пояса, играя мускулами, как раз вывешивал на боковине палатки их простыню, украшенную кровавым пятном. При этом его спину во многих местах пересекали уже подсохшие кровавые царапины. Лиза в испуге даже прикрыла ладошкой рот.

– Ой, извини, Андрюша, – растерянно сказала она, – это я нечаянно.

Мужчина обернулся на голос.

– Ничего, Лизунчик, – улыбнувшись, сказал он, – невозможно завести в доме дикую кошку и при этом не оцарапаться. Это я, наверное, должен извиняться за то, что сделал тебе больно...

– Ерунда, любимый, – сказала девушка и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула супруга в губы, – ты доставил мне не только боль, но и радость. Очень большую радость, милый. Дня через три-четыре, когда у меня там все заживет, мы попробуем это снова, и думаю, что все получится гораздо лучше, чем сегодня. Я даже обещаю не царапаться, честно-честно.

– Хорошо, радость моя, – согласился тот, – пусть все будет как ты скажешь.

Лиза посмотрела на вывешенную поверх палатки простыню и сморщила носик.

– А это, зачем, Андрюша? – со вздохом спросила она.

– А затем, – осторожно ответил счастливый супруг, – чтобы все видели, что ты досталась мне честной девушкой, хотя это и редкость в наше время.

– В эти времена тоже, – сухо сказала Лиза, – по местным понятиям, невеста должна быть уже беременной, а еще лучше с ребенком, чтобы она могла заранее подтвердить жениху свою плодовитость.

– Лизунчик, это тебе Дара с Марой рассказали? – поинтересовался Андрей Викторович.

– Да, они, – сказала Лиза, проведя кончиками пальцев по его щеке, – но если это для тебя так важно, то пусть висит. Я не в обиде.

А про себя она подумала, что в этом совсем не ее заслуга. Валерка в ТОТ раз так растерялся, что совершенно ничего не смог сделать. Может, оно и к лучшему, теперь у нее есть такой великолепный мужчина, как Андрей Викторович – сильный, смелый и надежный, а Валерка целиком и полностью счастлив со своими близнецами. Вроде бы даже они ездят на нем по очереди, как на молодом послушном жеребчике. Но это уже Валеркино семейное дело.

Вздохнув, она повесила влажное полотенце на растяжку от палатки и

нырнула внутрь – собираться. Проходившая мимо Ляля увидела висящую простыню, сразу все поняла и кивнула. Что ж, она была вполне уверена в себе и в том, что в свое время ее избранник также сможет предъявить всему клану подобное доказательство невинности своей молодой жены. То, о чем подумали рыжие близняшки, никого не интересовало; скорее всего, они просто не поняли смысла всего этого мероприятия. Что касается Кати, то у нее эта простыня вызвала очередной приступ раздражения. Потом она успокоилась и подумала, что уж ее-то Сергей точно знает, кому, когда и как досталась ее невинность. Сам вскрывал, никому не доверил. А больше ей и ему ничего и не надо. К тому же девушка начала беспокоиться – она уже второй раз пропускала критические дни, и по этому поводу ей нужно было посоветоваться с Мариной Витальевной.

Пока взошедшее солнце разгоняло туман, клан успел закончить свои утренние хлопоты. Загрузив на «Отважный» дрова для генератора и лагерное имущество, пришельцы из будущего покинули столь гостеприимную бухточку. После себя на память Прогрессоры оставили выжженное место из-под костра, а также ствол вековой липы, этой весной выброшенный на берег половодьем, а теперь художественно очищенный цепными пилами от всех сучьев и ветвей, пошедших на дрова. И еще неизвестно, что подумают об этом произведении искусства в стиле «авангард» местные, когда осенью явятся сюда за ягодой...

Дальше путешествие вверх по реке протекало почти рутинно. Где-то после полудня русло Гаронны повернуло на юг, ветер, дувший со стороны Бискайского залива, из крутого бейдевинда перешел в положение правый галфвинд и тяга на парусах немного упала. Гаронна в этом месте текла почти прямо, стрежень прижимался к крутому правому берегу, который сейчас был, пардон, по левый борт от «Отважного». По другому борту протирался низкий и отлогий левый берег, покрытый зарослями тростника и заливными лугами.

Время от времени на левом берегу встречались впадающие в Гаронну небольшие речки и ручьи. Местность тут была уже почти пригодна для поселения, но Сергей Петрович хотел все-таки добраться до искомого слияния рек и обосноваться там. Оставалось совсем немного, было вполне возможно, что они доберутся к месту слияния Дордони и Гаронны уже сегодня.

Ничего подобного вчерашнему брошенному стойбищу с борта «Отважного» пока не видели, но это еще ничего не значило. Возможно, действительно, местные придут сюда только осенью, и не все из них строят капитальные сооружения типа вигвамов, а кто-то обходится простыми

шалашами, устанавливая их в пойменной зоне. Надо понимать, что в эти времена плотность населения в этих благодатных краях была ничтожной, примерно такой, как на современной Чукотке, причем болотистые и лесистые низменности не были особо любимы местными людьми, предпочитавшими открытые равнины и поросшие редколесьем холмы.

И вот за два часа до заката стоявшие на баке Ляля и Лиза заверещали громко и пронзительно. Там, впереди, река делилась пополам, причем это был не очередной небольшой намытый течением низкий и плоский наносной островок, а нечто большее, с поросшими лесом холмами. Конечно, местность не соответствовала в точности картам двадцать первого века; в частности, отсутствовал большой наносной остров у левого берега сразу за слиянием, но таких совпадений никто и не ожидал. За минувшие сорок тысяч лет такие детали рельефа могли много раз поменяться.

Долго раздумывать было некогда, и Сергей Петрович, приказав убрать паруса, на одном моторе направил судно к устью небольшой речки, впадавшей в Гаронну на ее левом берегу. Ну, не такой уж небольшой, ширина в устье на глаз метров пятьдесят. Дальше русло речки с поросшими тростником берегами сужалось, но незначительно. По крайней мере, «Отважный» спокойно мог там развернуться.

Поднявшись метров на пятьсот вверх по течению притока, до того места, где он начинал петлять, огибая подошву небольшого поросшего смешанным лесом холма, капитан чуть повернул штурвал влево и ткнул «Отважный» носом в небольшой песчаный пляж сразу за первым поворотом русла.

* * *

19 июня 1-го года Миссии. День тридцать шестой. Вечер. Гаронна, 27 километров северо-северо-западнее современного Бордо, в дальнейшем Дом на Холме.

И вот мотор заглушен, «Отважный» повернут к берегу бортом и ошвартован за растущую у самой воды иву, а на песок пляжика спущены сходни.

– Товарищи, – сказал главный прогрессор, когда все члены клана собрались вокруг него на берегу, – совет клана предлагаю считать открытым. Первым делом скажу, что место это неплохое и, скорее всего, именно здесь нам придется жить. У кого есть какие соображения?

– Я полагаю, – сказал отставной прапорщик, – лагерь на берегу надо сразу ставить капитальный. Соорудить навес для кухни, выложить камнями кострище. Пригодится. Как я понял, именно здесь мы будем держать

«Отважный», да и жить прямо на стройке – не слишком большое удовольствие.

– Погоди, Андрей, – сказал геолог, – сначала нужно определить, доходит сюда весенний разлив или нет.

– А как ты определишь? – с интересом спросил Петрович.

– Достаточно просто, – ответил тот, – полая вода несет с собой множество всякого мусора – веток, ила и прочего – который потом по пути застревает в ветвях кустов и деревьев. Надо внимательно осмотреть местность, и по этим приметам определить, до какого уровня тут поднимается вода. Чтоб не получилось как у героев одной книжки, которые устроили свой поселок летом на одном очень симпатичном острове, а по весне у них все к чертовой матери поплыло.

– Правильно, так мы рисковать не можем, – кивнул учитель и посмотрел на Марину Витальевну, – кстати, как у нас с мясом?

– На ужин подсоленной кабанятины хватит, – ответила женщина, – а на завтра снова нужна охота.

– Погоди с охотой, Витальевна, – сказал бывший физрук, – не устроить ли нам рыбный день? Антошка!

– Здесь, товарищ старший прапорщик, – отпрапортовал тот.

– Кончай греть уши, – сказал Андрей Викторович, – тебе партийное поручение. Хватай свою удочку и обнови нам эту речку. Посмотрим, что тут и как.

– Слушаюсь! – выкрикнул мальчик и умчался выполнять «партийное поручение».

– Совсем замордовали ребенка, – вздохнула Марина Витальевна.

– Ничего не замордовали, – ответил Петрович, – ему же самому это нравится.

– Ну и что, что нравится, – твердо сказала фельдшерица, – ему учиться надо.

– Будет учиться. Как и положено, с первого сентября. А сейчас у нас как бы каникулы и реабилитационный период после нежных объятий российского Минобрнауки в общем и господина Фурсенко в частности – чтоб на том свете ему попались инициативные черти...

Не найдя, что ответить на этот иезуитский выпад, женщина резко сменила тему.

– Ребята, – сказала она, – нам нужно срочно сажать картошку, а то не успеем.

– Так, – сказал главный авантюрист, – а вот с этого момента, Витальевна, давай поподробнее. Где сажать, сколько сажать и что для этого

надо.

– Сажать лучше всего где-то в пойменной части, но не очень низко, чтобы не доставали грунтовые воды. Чтобы посадить наши триста кило, потребуется пятнадцать соток. Место под посадку выбирать следует там, где почва полегче...

– Чем больше в почве песка и меньше глины, – пояснил бородач, – тем она легче. Думаю, что такой участок рядом с нами и недалеко от реки найти будет несложно.

– Пятнадцать соток мы руками быстро не поднимем, – сказал Андрей Викторович, – надо доставать из трюма УАЗ, собирать его и на нем пахать.

– Хорошо, – кивнул глава клана, – в первую очередь доставать и собирать УАЗ мы собирались в любом случае. Если мы остаемся здесь, то он нам будет нужен просто позарез. Теперь, Витальевна, скажи нам, сколько эта картошка будет расти и на какой урожай мы сможем рассчитывать?

– Поймал! – вместе с плеском отчаянно бьющейся рыбы донесся с «Отважного» крик Антона-младшего и, повинуясь жесту Витальевны, рыжие сестры метнулись туда, выполнять уже привычную им работу ассистента юного рыбака – вылавливать рыбу сачком из реки и сортировать для ужина.

– Семенной картофель у нас трех сортов, – сказала женщина, снова поворачиваясь к Петровичу и доставая из кармана бумажку, – по три мешка раннего и очень раннего сортов. Очень ранний сорт даст полный урожай через сорок – шестьдесят дней, просто ранний через шестьдесят-восемьдесят дней. Урожайность с обоих – по триста пятьдесят-шестьсот пятьдесят центнеров с гектара. Таким образом, с пойменных пятнадцати соток мы можем получить от пяти до девяти с половиной тонн урожая.

– И куда мы тогда спешим, – удивился Андрей Викторович, – если наш картофель такой скороспелый?

– Спешить есть куда. Мы еще пока не знаем, как быстро тут наступит осень и какая будет погода. В этом деле лучше поторопиться, чем опоздать.

– Хорошо, – кивнул мужчина, – тогда скажите мне, на кой хрен нам такая прорва картошки? Даже пять тонн – это ой-ой-ой как много.

– А шоб було, – уперев руки в боки, с нарочитым хохляцким акцентом ответила заведующая продовольствием, – запас карман не тянет. Вот спросят – а у нас есть.

– Значит так, – сказал учитель, – считаю, что Витальевна права и картофельный вопрос обсуждению не подлежит. Права на риск остаться без резерва продовольствия у нас просто нет. Но этим мы начнем заниматься

завтра, а сейчас предлагаю провести разведку ближайших окрестностей. Антон Игоревич, Сергей и Катя пойдут вниз по течению речки и осмотрят пойму Гаронны. Задача – попробовать определить линию максимального разлива, проверить грунты и прикинуть площадки для размещения картофельной плантации. Андрей, ты с Лизой пойдешь вверх по течению речки. Далеко не удаляйтесь, думаю, что пары километров хватит. Я с Лялей попробую подняться на тот холм и осмотреться. Думаю, что там и будет наш дом. Попутно всем разрешаю поохотиться. Но не увлекайтесь. Витальевна остается на хозяйстве, Валера на подхвате. Оставляем вам одну «Сайгу» на всякий случай. Если возражений нет, тогда все остальные дела завтра.

Собрались и пошли – каждый в свою сторону. Ляля впервые осталась с Петровичем вот так, наедине. Майга, носящаяся вокруг них кругами, была не в счет. Было интересно и немного волнительно. По прямой идти было совсем недалеко, чуть более половины километра. Но это в теории и на карте, а на местности все было совсем не так. Оврагов им на пути, правда, не встречалось, но кое-что все-таки было.

Главным сюрпризом оказались густые заросли колючего и цепкого до невозможности шиповника, на которые они наткнулись, подойдя к подошве холма. Кустарник находился в самом разгаре своего цветения и был похож на неровную бугристую колючую темно-зеленую стену, метра полтора в высоту, густо усыпанную одуряюще пахнущими небольшими ярко-розовыми цветами. Прорваться через такое заграждение, наверное, не смог бы и шерстистый носорог. Даже Майга могла лишь с повизгиванием беспомощно бегать вдоль зарослей, не в силах найти проход.

Но Петрович, как ни странно, совсем не расстроился. Осмотрев заросли и хмыкнув, он повел Лялю в обход холма по часовой стрелке, до тех пор пока Майга не нашла-таки дыру в непролазной колючей стене полтора метра шириной. То ли почва там была не особо благоприятна для растения, то ли постарались дикие животные, которым позарез именно здесь нужно было проложить свою тропу, то ли кабаны и прочие звери бегали здесь еще тогда, когда тут не было никакого шиповника. Земля в проходе была утоптана до каменной твердости, а сверху, примерно на высоте примерно полутора метров, его перекрывали отдельные длинные побеги, усеянные загнутыми внутрь колючками.

Натянув перчатки из толстой кожи и вооружившись мачете, Петрович принялся расширять этот коридор, пинками отбрасывая срубленные ветви к подножию кустов. Колючий барьер был шириной метров пятнадцать – двенадцать. Миновав его, мужчина даже присвистнул от удивления. Среди

могучих корабельных сосен нет-нет да попадались так же тянущиеся к небу дубы. Теперь было понятно, что тут понадобилось кабанам. Сейчас, в начале лета, тут было тихо, но вот осенью они устроят сюда настоящее паломничество за желудями. Будут нагуливать жир перед предстоящей зимой. И вообще, дуб в качестве строительного материала для каркаса их будущего дома – это хорошо. Очень прочный, не гниет, в общем, ничуть не хуже, чем та же лиственница, а работать с ним все же легче.

Ориентируясь по компасу, он двинулся к вершине, время от времени делая мачете зарубки на древесных стволах, чтобы потом не плутать в поисках прохода. Кустарникового подлеска в самом бору не было. Иногда попадались отдельные рябины и заросли можжевельниковых кустов. Под ногами стлались побеги брусники и черники. Попадались и рухнувшие от старости или поваленные ветром деревья, но такого бурелома было относительно немного, и Петрович с Лялей легко его обходили. Заходящее солнце просвечивало бор насквозь, отчего у этих двоих создавалось приподнятое и даже праздничное настроение.

Минут через двадцать ходьбы по этому лесу они вышли на то место, где, по предположениям учителя, должна была быть самая вершина возвышенности. Сосны тут росли особенно редко, воздух был наполнен запахом сосновой смолы и опавшей сухой хвои. Обойдя площадку по кругу, Петрович сделал несколько зарубок, обозначая границы участка, который надо расчистить. Но прежде сюда придется проложить дорогу для УАЗа и расширить проход в зарослях. Работы много, но оно того стоит.

– Вот здесь мы и будем жить, Ляля, – сказал главный прогрессор, присаживаясь на ствол поваленного ветром дерева и меланхолично почесывая Майгу за ушами. – Нравится?

– Да, тут красиво! – сказала девушка и, немного помолчав, тихо добавила, – Сергей Петрович, пришло время выполнять ваше обещание. Если тут будет наш дом, то, как мы и договаривались, настало время вам взять меня в жены.

– Что, прямо здесь и сейчас? – удивился тот, а Майга негромко гавкнула, как бы подчеркивая его слова.

– Э, нет, – покачала головой Ляля, – вы сами говорили, что у нас все должно быть правильно. Официальное объявление, свадьба, поздравления и вывешенное утром доказательство того, что я досталась вам честной девушкой. Все только так, и не иначе.

– А ты поумнела, Ляля, – кивнул мужчина, – и это хорошо.

– ТОГДА, – сказала девушка, особо упирая на это слово, – я была немного не в себе, не зная, смогу ли я привлечь к себе ваше внимание.

Потом я действительно поумнела и поняла, что вы, как всегда, были правы. Лучше немного подождать, чем потом всю жизнь уговаривать. Наверное, это к лучшему.

– Конечно, к лучшему, – согласился мужчина, и неуверенно добавил, – что же касается моего обещания, то я, конечно, его выполню. Но почему именно сегодня? Быть может, подождем еще немного?

– Нет-нет, Сергей Петрович, никаких «подождем немного»! Вы обещали. Своим женским умом я чувствую, что с завтрашнего дня у нас начнется такая суeta, что всем нам еще долго будет не до свадеб и праздников. Я совсем не дура, и понимаю, сколько всего придется сделать для того, чтобы спокойно встретить зиму и осень. Так что можете меня не уговаривать. Или мы делаем свадьбу сегодня вечером, или я отдамся вам прямо здесь, на этом поваленном бревне. Вот так.

Жених ненадолго замолчал. С одной стороны, он уже дал обещание, а их, как известно, надо выполнять. С другой стороны, ему – сорок семь, Ляле – семнадцать. Разница в возрасте тридцать лет. Если бы он когда-нибудь был женат, Ляля могла бы быть его дочерью. Но при этом не надо скрывать, что он пока еще здоровый нормальный мужчина, и хоть он и гнал от себя эти мысли, но Ляля ему нравилась и как женщина, и как человек. Особенно такая, какой она стала. Сначала он не принял всерьез ее полудетских ухаживаний, но теперь все изменилось. Действительно изменилось.

– Хорошо, девочка моя, – сказал он наконец, вставая и беря Майгу на поводок, – пусть все будет, как ты хочешь. Пойдем и объявим всем о нашем решении.

– Спасибо, Петрович, я всегда знала, что на тебя можно положиться, – сказала счастливая девушка и лукаво добавила, – во всех, так сказать, смыслах. Действительно, пойдем, а то скоро стемнеет.

Шли они не спеша, любуясь на окружающую природу. Прохладный, наполненный волнующими ароматами вечер навевал романтику. Деревья загадочно шелестели, словно рассказывая старинные сказки, а багровые отблески склоняющегося к горизонту светила окрашивали все в странные фантасмагорические оттенки, отчего казалось, что это и не Земля вовсе, а какая-то другая планета...

К лагерному костру они вернулись, когда солнце уже закатилось, и все вокруг было освещено неярким сиреневым светом вечерней зари. Остальные разведывательные партии уже вернулись в лагерь.

Антон Игоревич заверил всех, что место, где причалил «Отважный», ни в коем случае не должно заливаться весенними половодьями, и что на

заливном лугу недалеко отсюда ему удалось найти подходящее место для их первого картофельного поля. Земля такая, что хоть на хлеб мажь и корми попа.

Андрей Викторович, в свою очередь, сообщил, что примерно в полукилометре отсюда находится небольшое озеро с заболоченными берегами, из которого и вытекает эта речка. А если пройти чуть дальше, по впадающему в озеро ручью, то попадешь на самую настоящую кроличью ферму. Весь берег изрыт норами, и этого ушастого зверья там видимо-невидимо. В доказательство его слов Лиза тут же предъявила двух ушастых разбойников, каждый килограмма по три. Одного кролика Лиза застрелила из арбалета, со вторым отличился Шамиль, сумев схватить его за шкуру.

Антон-младший тоже похвастался своей добычей. Несколько довольно крупных щук, усатые карпы, сопливые лини и плотва. Никто его не останавливал, поэтому рыбы было две больших корзины. Плотву, которой было особенно много, Петрович сперва собирался пожертвовать кошкам, которые до сих пор отказывались покидать судно, но потом сменил гнев на милость, вспомнил, что если плотву подсолить, а потом завялить в тени, то получится прекрасная закуска к пиву. Пива у них сейчас нет, но для местных, просто обожающих все соленое, это будет еще тот деликатес. А кошки обойдутся потрохами – кроличьими и рыбьими.

Потом пришло время и главному прогрессору рассказывать о своих похождениях. Обрадовав всех тем, что место для строительства дома найдено, и место это выше всяких похвал, Петрович на корню пресек предложение коллеги немедленно приступить к этому богоугодному занятию. Предварительных работ было еще море. Сначала нужно вытащить из трюма УАЗ, собрать его, распахать Витальевне делянку под картофельное поле, извлечь, собрать и установить пилораму и моторный генератор, прорубить к будущему дому просеку, а уж потом браться за стройку. Короче, Ляля была права – пахать им всем, как папам Карлам, до самой зимы. Даже общую экскурсию и их будущему дому организовать было весьма затруднительно, так как оставлять «Отважный» без присмотра не хотелось.

Тогда геолог сказал, что он совсем не любопытный и вполне согласен покараулить коч вдвоем с Гугом, а если считать Зару, то и втроем, пока остальные любят красоту природы. На том и договорились. Завтра утром, сразу после завтрака, Петрович отведет всех, кроме них, на место будущего дома, потом отставной прапорщик с остальными мужчинами начнет работы по УАЗу. Тем временем он сам вместе с Лялей поведет еще одну разведку и попытается найти другие проходы в зарослях шиповника, а

также место для установки генератора и пилорамы. Не может быть, чтобы кабаны проложили в этот бор только одну тропу.

В самом конце эти двое наконец сообщили всем о своем решении немедленно пожениться. Как говорится, сенсационной новостью это не стало, народ принял известие спокойно, и тут же принялся готовиться к свадьбе. Накрыли стол, поставили палатку для новобрачных, потом Антон Игоревич на правах старейшины перевязал им руки; включили музыку и немного поплясали, не обращая внимания на настырных комаров. Затем Ляля и Лиза напоследок потерлись носами, и счастливый новобрачный увлек свою молодую жену в палатку.

Страсть тут была тихая, не в пример Андрею Викторовичу с Лизой. Мужчина был осторожен, нежен и мягок, и его милая с первого раза познала свое женское счастье, лишь на мгновение прерванное короткой болью. Никто никого не кусал и не царапал, и заснули они в обнимку, утомленные, но довольные и счастливые, переплетя между собой руки и ноги.

* * *

20 июня 1-го года Миссии. День тридцать седьмой. Пристань Дома на Холме.

Едва только небо посветлело, а над Гаронной пополз молочно-белый туман, в лагере на берегу начались первые шевеления. Раньше всех на ноги опять поднялась Лиза. Из чисто женского любопытства ей не терпелось узнать, как там все прошло у Ляли. Но палатка молодоженов хранила молчание. Никто из нее не выходил, и по всему было видно, что молодые, утомленные длинными медленными ночными ласками, все еще бессовестно дрыхнут, не желая удовлетворять законное любопытство своих товарищей.

— Умерли они там, что ли? — с внешним безразличием спросила вставшая чуть позже Катя, но тут появилась Марина Витальевна и погнала молодежь на утренние водные процедуры. Нечего им тут бездельничать и перемывать косточки подруге.

Новобрачные поднялись уже тогда, когда остальные девицы, умытые и похорошевшие, вернулись в лагерь и принялись хлопотать у костра, раздувая подернутые седым пеплом угли и подбрасывая на них свежую растопку. Хотя в клане были и зажигалки, и запас спичек, но все же этот запас не был бесконечным и его старались экономить, как и все прочее, взятое с собой из будущего.

Быстренько осмотревшись, Ляля, поживаясь, побежала на речку — приводить себя в порядок.

– Надо бы подсказать Петровичу, – подумала она, – чтобы он сделал нам, девочкам, закрытую купальню. Ну хоть из тростниковых матов. Одно дело – дразнить мужиков, купаясь перед ними голышом, а совсем другое – совершать прямо у них на глазах гигиенические процедуры. Это совсем не эстетично и не эротично, и может возбудить только маньяка, помешанного на гинекологии.

Пока Ляля мылась, ее супруг медленно, со всей надлежащей торжественностью, вывесил на палатке брачную простыню. Следующего такого знака благочестия невесты следовало ждать не ранее чем лет так через восемь, когда будут выходить замуж Марина-младшая и Вероника. У местных юных дам легче найти прошлогодний снег, чем девичью невинность. Но пенять им за это никто не собирался. Что поделаешь – дети природы.

Едва Ляля успела вернуться с речки и обменяться радостными приветствиями с Лизой и остальными молодыми дамами, как всеобщего внимания к себе потребовал Андрей Викторович, дунув в свой физруковский свисток.

– Друзья мои, – сказал он, – за время похода мы все расслабились, начали терять физическую форму и заплывать жирком. А это нехорошо. С этого дня и постоянно каждый день будет начинаться с физической зарядки и пробежки. От обязательных занятий по возрасту освобожден только Антон Игоревич, всех остальных попрошу представить справку от врача. Вопросы есть?

– Есть, – сказала Катя, – какая для зарядки должна быть форма одежды?

– Форма одежды на летнее время – голый торс, – сказал мужчина, стягивая через голову футболку, – еще вопросы?

Больше вопросов не последовало, и командир, снова принявший обязанности физрука, приступил к проведению занятий. В строй встал даже геолог, сказав, что бегать со всеми он уже староват, а вот позаниматься гимнастикой для поднятия бодрости совсем не прочь.

Первое время, пока народ не пришел в форму, занимались без особого фанатизма. Минут пятнадцать поделали гимнастические упражнения, потом трусцой сбегали метров двести до зарослей шиповника и обратно. Для начала было достаточно. Впоследствии Андрей Викторович собирался постепенно увеличивать нагрузки, проложив беговую дорожку вокруг холма.

Гуг, правда, сначала не понял смысла всех этих мероприятий с построением и физической зарядкой, но, когда в строй встали вожди и даже

Мудрая Женщина, у него и мысли не возникло выразить хоть каким-либо образом свое недовольство. К тому же гимнастика, и особенно пробежка, сразу же показали ему, насколько он ослаб, валяясь на койке после травмы. Прав был вождь с двумя именами Андрей Викторович – тренироваться ему надо, тренироваться и еще раз тренироваться, а то какой же он будет охотник.

После зарядки были водные процедуры – все по очереди еще раз поплескались в речке. Потом Марина Витальевна позвала всех на завтрак, и жареная рыба с жирной рисовой кашей с остатками подсвинка пошли просто на ура.

Затем Петрович собрал вокруг себя всех членов клана Прогрессоров.

– Значит так, – сказал он, – давайте распределим работы. В первую очередь, как мы вчера и договаривались, дружную толпою сходим на место нашего будущего дома. Антон Игоревич и Гуг остаются на хозяйстве. Когда вернемся, Андрей Викторович, Антон Игоревич, Сергей и Валера займутся выгрузкой УАЗа. Гуг на подхвате. После выгрузки все, кроме Сергея и Гуга, приступят к сборке, а Сергей, Катя и Гуг пойдут охотиться. Желателен еще один кабанчик или что-то того же размера.

– А как же кролики, Сергей Петрович? – удивился Сергей-младший, которому совсем не хотелось идти куда-то и искать какого-то кабанчика, когда совсем рядом бегают и роют землю запас свежего и очень вкусного диетического мяса.

– Ваш крольчатник мы пока тревожить не будем, – сказал тот, – кролик – это не только диетическое мясо, но еще и шкурка с мехом. А мех у них сейчас летний, не особо ценный. Вот осенью, когда похолодает, мы и начнем истреблять их со всей пролетарской ненавистью, и вот тогда всем нам будут кроличьи шапки на зиму. Понятно?

– Понятно, – вздохнул парень, увидев, как при слове «кроличья шапка» у Кати загорелись глаза, – будет вам кабанчик или что-то вроде.

– Ну, а если понятно, – сказал учитель, – тогда двигаемся дальше. Вместе с УАЗом необходимо вытащить из трюма мешки с семенной картошкой. Марина Витальевна и девочки будут готовить к проращиванию семенной материал. Витальевна, подумайте там с девочками, что мы еще можем посадить, чтобы успеть до осени убрать урожай?

– Пока не знаю, – сказала та, – с картошкой я уверена, а вот с овощами нет. Только появятся первые плоды, а тут уже и осень. Думаю, что овощи в этом году можно сажать только в теплицы.

– Пиломатериал для тепличных рам, – сказал Петрович, – нужно сушить как минимум год. Мы еще в доме с сырым деревом намучаемся.

– И что, – спросил геолог, – ничего нельзя придумать? Ты же у нас мастер.

– Есть один метод быстрой сушки досок, – сказал глава клана, – но под него надо строить отдельное здание и думать, чем заменить электрические ТЭНы и из чего делать поглотители влаги. Ладно, отложим вопрос с теплицами немного на потом. Сначала надо прикинуть, где и что у нас будет стоять. Кстати, именно этим я и займусь вместе с Лялей после похода на холм. Пока вопросов тут больше, чем ответов.

– Хорошо, – сказал бородач, – если на этом все, тогда вы идите, а я тут с Гугом пока покараулю.

– Ладно, – сказал бывший военный, – веди, Сусанин.

И Петрович повел. Место, выбранное им для дома, всем понравилось, а особенно светлый и чистый сосновый бор вокруг. Марина Витальевна сказала, что в смысле сохранения здоровья ничего лучше и не придумаешь. Кроме древесины для стройки, бор мог дать им множество белых грибов, ягод брусники и черники, рябины и еще много полезного в смысле сохранения здоровья.

Молодежи и детям место тоже понравилось, а рыжие сестры не смогли сказать ничего вразумительного, ибо их понятие «дом» очень сильно расходилось с тем, что было у пришельцев из будущего. Для Ляли же это место имело особый смысл, поскольку именно здесь она сделала своему Петровичу последнее предложение и получила от него окончательное согласие.

Андрей Викторович, правда, немного поворчал, что тут не будет видно издали приближающегося врага, и что дом лучше всего строить неподалеку от пристани, на что его коллега ответил, что хоть разлив туда и не достает, но весной грунтовые воды подступят вплотную к поверхности, а это совсем не хорошо. А врага, если такой найдется, лучше всего встречать на дальних подступах, а не у самого дома. И вообще, воевать они ни с кем не собираются, но если придется, то это его, командира, задача – как пресечь это безобразие в самом зародыше. Вероятность конфликтов при малой плотности местного населения настолько низкая, что обеспечивать безопасность лучше дипломатией и превентивными действиями, чем возведением оборонительных сооружений. На том и договорились.

Еще немного походив кругами и полюбовавшись окружающим бором, компания развернулась и заторопилась к «Отважному». По пути Петрович делал дополнительные зарубки по трассе будущей просеки и прикидывал количество деревьев, которые надо будет спилить. У него получалось, что полученного при этом объема деловой древесины хватит для постройки

дома, и еще кое-что останется. Вопрос только в ее сушке. Это если не заморачиваться с дубовым каркасом. Тогда сушилка для досок – это в первую очередь. Кроме того, перед ними уже вплотную встает вопрос со строительным камнем на фундамент, с глиной для сырцового кирпича, и с известняком для его пережигания на негашеную известь. Самое главное – успеть подвести дом под крышу до холодов.

Вернувшись в береговой лагерь, учитель поделился своими соображениями и вопросами с главным специалистом по разного рода полезным ископаемым. Тот успокоил его, сказав, что глина тут есть прямо под боком, далеко ходить не надо, выходы известняка наверняка имеются в холмах на том берегу Гаронны. Его же, в зависимости от качества, можно использовать и в качестве строительного камня. Насколько он, Антон Игоревич, помнит, тут в Аквитании местные все строили из своего известняка, и только из него.

В ответ Петрович сказал, что особо много камня с того берега не вывезти. Машину туда не переправишь, и все что будет добыто, до «Отважного» придется тащить на руках, тем более что всех мужчин с собой забирать будет нельзя. Поэтому каменоломню желательно иметь у самого берега. Ну нет у них пятьсот миллионов рабов для того, чтобы катать квадратное и таскать круглое. Да и длина кабеля, которым можно подать ток от корабельного генератора на инструменты, тоже ограничена.

Бородач ответил, что он, конечно, постарается, но тут все в руке божьей. Где будут открытые выходы камня, там и придется их разрабатывать, тем более что им много не надо. Видел он одно вроде подходящее место в полудне пути ниже по течению – там, где Гаронна отворачивает на северо-запад и подмывает правый берег. Надо будет только сплавать и еще раз посмотреть. В любом случае, вопрос строительного камня на нем.

Закончив разговор, Сергей Петрович взял топор, планшет, на котором был закреплен лист бумаги с кроками местности, позвал Лялю, свистнул Майгу и направился в новый разведывательный поход. Впрочем, обе его дамы – и та, что жена, и та, что с хвостом – и так находились в полной готовности по первому знаку отправиться хоть к черту на кулички.

В этот раз он, дойдя до зарослей шиповника, повернул в другую сторону и начал обходить холм с северной стороны. Пройдя метров двести, он обнаружил, что это естественное колючее ограждение постепенно хиреет, истончается и в конце концов сходит на нет. А он вчера старался, прорубал проход. Стоило только подумать, что такое светлюбивое растение как шиповник никогда не будет расти на северной опушке леса.

Но что сделано, то сделано. Дорога от дома на восток к пойменным заливным лугам тоже не будет лишней.

Осмотрев северную опушку бора, мужчина пришел к выводу, что как раз здесь будет удобно расположить промышленную площадку с генератором, лесопилкой и сушилкой для дерева. Место ровное, сухое, поросшее редкими можжевельновыми кустами. Грунт под ногами твердый, глина с достаточно большим количеством камней. Вырубить кусты, чуть разровнять место – и можно ставить пилораму и генератор, а уже потом, по мере готовности материала, возводить вокруг них сначала навес, а потом и каркасно-саманные стены. Впрочем, с объемом работ по постройке дома эту задачу никак не сравнить.

Срубив несколько кустов, чтоб разметить площадку, он, ориентируясь по компасу, двинулся к вершине холма, чтобы зарубками на стволах разметить трассу еще одной просеки. Не промахнулся, вышел точно. По шагам у него получилось около четырехсот метров. Вполне подходяще. И достаточно далеко, чтобы в доме не было слышно шума, и достаточно близко для перевозки материала и походов на работу. Отметив будущую просеку на схеме, Петрович повернул обратно. Оставалось найти место для плотины Мини-ГЭС на приемлемом расстоянии от промзоны. Не вечно же они должны будут ради электричества гонять мотор.

Вернувшись к будущей промзоне, глава клана двинулся оттуда точно на север, пока не дошел до речки. Как раз до того места, где, как рассказывал вчера коллега, она вытекала из небольшого заболоченного озера. Ширина речки здесь была метров пятнадцать. Конструкцию плотины и способ подачи воды на рабочее колесо решено было позже обсудить с Антоном Игоревичем. Да и не к спеху все это. Строить плотину можно будет не ранее, чем зимой, в то время, когда у речки будет минимальный сток. Фактически это задача на будущий год.

Зарисовав место будущей плотины, Сергей Петрович вдоль берега повернул обратно к лагерю. Все это время Ляля таскалась за ним тенью, не жалуясь и не задавая никаких вопросов. Ему даже стало жалко свою милую женушку.

– Лялечка, – неожиданно нежно сказал он, – ты не устала?

– Совсем нет, дорой, – ответила та и тут же спросила, – а ты уже посмотрел все, что хотел?

– Да, радость, – сказал он, – все. Теперь мы идем домой.

– Домой – это хорошо, – задумчиво произнесла девушка и обняла мужа, – только давай не будем торопиться, я хочу еще немножко побыть с тобой наедине.

Когда они вернулись в береговой лагерь, покрасневшие и слегка растрепанные, там уже вовсю кипела бурная деятельность. Рама, оба моста и колеса уже были извлечены из трюма, подняты на лужок над береговым откосом, и двое мужчин вместе с Валерой возились возле них с ключами, собирая ранее разобранные. Мотор, сцепление, коробку и кардан они собирались поставить позже. Учитель подумал, что такими темпами на сборку УАЗа у них уйдет еще дня два. Но без машины им вообще никуда. Ни огород вспахать, ни какой-либо груз до места доставить.

Отозвав в сторону геолога, он изложил тому свои новые соображения.

– Что ж, – услышал он ответ, – вроде и так тоже пойдет. Потом еще раз сходим туда вместе, хочу все посмотреть своими глазами.

Потом вернулись Сергей-младший, Гуг и Катя. Парни тащили тушу небольшого оленя, которого Сергей Петрович с некоторым трудом определил как европейскую лань. Ну, это смотря как небольшого. Кило восемьдесят живого веса в этом звере было.

– Вот, – сказал Сергей-младший Марине Витальевне, опустив тушу на землю, – принимай продукт. Кабанчика не нашлось, взяли что было.

Та продукт с благодарностью приняла, и молодой охотник подошел к учителю.

– Значит так, Сергей Петрович, – он махнул рукой в южном направлении, – там, примерно в километре отсюда, есть небольшой ручей. На том берегу мы видели табун лошадей на водопое, голов так на пятнадцать. Там были и взрослые кобылы, и годовалые жеребята, и сосунки. Охотиться на них мы не стали, но место заметили.

– Молодец, Сергей, – похвалил тот и повернулся к Антону Игоревичу. Тот в ответ только покачал головой. Пока еще было не время, но чуть позже – почему бы и нет. А пока – работать.

* * *

23 июня 1-го года Миссии. День тридцать восьмой. Пристань Дома на Холме.

Командир и геолог вместе с Валерой собирали, запускали и регулировали УАЗ не три, как предполагалось изначально, а целых четыре дня. Не все там оказалось так просто. Но справились. За это время Марина Витальевна с девочками вытащили и разложили на влажном песке берега всю картошку, чуть присыпав ее песочком, а потом, чтобы не терять времени, вытащили из трюма добытые по пути сюда чуть присоленные олени и бизонью шкуру, и принялись готовить их к обработке по методу, подсказанному Антоном Игоревичем.

Сергей-младший, Гуг и Катя охотились, каждый день принося свежее

мясо, а Сергей Петрович с Лялей соорудили из нарубленных в лесу жердей навес для кухни и покрыли его тростником, после чего в исследовательском зуде исходили все ближайшие окрестности, нанося кроки местности на схему. На той стороне ручья, получившего название Дальний, простиралась низкая, частично заболоченная луговая равнина с несколькими небольшими озерцами. Небольшой табун лошадей действительно каждый день приходил к среднему течению ручья, туда, где луг был посуше, чтобы попасть и утолить жажду. Нужно было планировать охоту на лошадей, но главный прогрессор пока не знал, как подступиться к этой задаче, и решил отложить ее на потом, предположительно на осень.

Однажды настал тот день, когда самоходный агрегат, после тюнинга «а-ля каменный век» превратившийся в безбортовой полугрузовик-пикап на колесах повышенного диаметра, наконец завелся и, плюясь сизым дымом, поехал – и этот день стал в клане Прогрессоров еще одним праздником. Веселье было бурным, но недолгим. Закинув в кузов самодельный двухлемешный плуг и борону, уже после обеда Андрей Викторович вместе с Валерой выехал к месту работы. Там, примерно в трехстах метрах от берега Гаронны, уже были размечены контуры будущей делянки – площадка длиной в семьдесят пять и шириной в двадцать метров, ориентированная строго с севера на юг. Следом за ними потянулись и остальные члены клана, благо это было совсем недалеко, не более четырехсот метров. Когда народ подошел, эти двое уже закончили цеплять к УАЗУ плуг и теперь регулировали его, устанавливая глубину вспашки.

Закончив эту работу, отставной прапорщик еще раз обошел тихо урчащую машину с прицепленным к ней агрегатом, сплюнул, залез в открытую теперь всем ветрам кабину, выжал сцепление, включил первую пониженную, и, дав газ, отпустил сцепление. УАЗ дернулся, лемехи плуга врезались в луговой дерн и пошли его кромсать, отваливая в сторону, проводя первую в этом мире борозду.

УАЗ с плугом на прицепе двигался со скоростью быстро идущего человека. Парень быстро шагал рядом. Мужчина старался не насиловать двигатель, даже при наполовину отжатой педали газа мощности вполне хватало. На первую борозду ушло секунд сорок, несколько больше времени понадобилось на то, чтобы вручную поднять лемехи плуга из земли и развернуть машину на сто восемьдесят градусов. Вручную, все вручную – никакой гидравлики в их самодельном агрегате не предусмотрено. Но в любом случае, пятнадцать картофельных соток были вспаханы менее чем за два часа.

Потом, отцепив плуг, прицепили борону и еще часа два бороздили

будущее поле, разбивая комья и выбирая из вспаханной земли корневища луговых трав. Затем пришла очередь формирования гряд. От плуга отцепили передний лемех, и Андрей Викторович снова сел за руль. Когда солнце опустилось низко к горизонту, посреди заливного луга уже красовался прямоугольник вспаханной земли с проложенными по нему аккуратными семидесятисантиметровыми грядами.

Вечером это событие скромно, но со вкусом отметили в береговом лагере, потом легли спать. Завтра предстоял тяжелый день.

* * *

24 июня 1-го года Миссии. День тридцать девятый. Пристань Дома на Холме.

На утро весь клан, за исключением Антона Игоревича, Сергея-младшего, Кати и Гуга, вышел на посадку картофеля, которой и занимался целый день, почти до самого заката. Командир на УАЗе подвозил мешки с картошкой, учитель деревянным циркулем с шагом тридцать пять сантиметров вымерял места будущих лунок. Валера работал с лопатой, выкапывая эти самые лунки. Рыжие близняшки, за спиной у которых в особых рюкзачках пищали младенцы, даже не понимая смысла всего этого мероприятия, послушно перегружали корнеплоды из мешков в ведра и подтаскивали Лизе, которая и бросала их в лунки. Идущая следом Ляля поливала лунки водой из лейки, а Марина Витальевна закапывала их тяпкой. И так около шести тысяч раз подряд. Конвейер.

Обед «от Антона Игоревича», как и положено в таких случаях, привезли прямо в поле. Суп из свежих свиных ребер с картошкой и перловкой, и жареная свиная печень. На вечер опять планировался шашлык из свинины.

А дело было так. Утром охотнички, не без приключений, сумели завалить матерую двухсоткилограммовую свинью. Собственно, она их сама атаковала, защищая своих поросят, и даже два арбалетных болта, хоть и убавили ей прыти, не смогли окончательно остановить атакующий порыв хрюшки. Матерая попалась тварь. Спас положение Гуг, повсюду таскавшийся со своим копьем. Уперев его пяткой в землю, он направил в сторону распалившейся свиньи острие из обожженного на огне дерева и громко закричал, отвлекая ее внимание от растерявшейся Кати. Увидев нового врага, свинья чуть повернула, и с разгону сама насадила себя на острие копья, которое пробило ей сердце. Причем удар был так силен, что копье проткнуло ее почти насквозь, и Гугу пришлось рыбкай прыгать в сторону, уходя от щелкающих клыков издыхающего животного. Короче, девушка отделалась легким испугом и слезами, Гуг – несколькими

царапинами и ссадинами, полученными от падения в кусты, а Сергей-младший – словесной выволочкой со стороны командира.

Парень потом еще два дня ходил как в воду опущенный, так как Андрей Викторович выразил ему свое неудовольствие в весьма своеобразных армейских выражениях, так что Катю фельдшерица потом отпаивала успокоительными каплями. Зато Гуг ходил героем, щеголяя своими смазанными зеленкой боевыми ранами. Впоследствии Валера с помощью ручной дрели просверлил все четыре свиных клыка самым маленьким сверлом и нанизал их на шнурок. Молодой дикарь потом таскал это украшение с гордостью, будто какой-то орден. Взрослая дикая свинья – это, конечно, не лев, тигр или медведь, но в любом случае не смиренное животное вроде лани или косули. В его понимании было так – если есть добытые в бою клыки, их положено носить.

Пока же, плотно пообедав, огородники продолжили посадку картошки, завершив эту работу еще до вечера, и вернулись в лагерь уставшие, голодные, но довольные. Дело было сделано, и теперь оставалось только ждать, время от времени воюя на грядках с сорняками. В лагере Сергей Петрович поставил в своем дневнике дату и написал – КАРТОШКА ПОСАЖЕНА.

* * *

25 июня 1-го года Миссии. Воскресенье. День сороковой. Пристань Дома на Холме.

Двадцать пятое июня было назначено воскресеньем, и вожди провели его за планированием, а все остальные за купанием в речке, поеданием шашлыков и блаженным ничегонеделанием. Шесть дней ударного труда, завершившиеся посадкой картошки, вполне того стоили. Вождям же было не до отдыха, завтра опять начнутся трудовые будни, и им предстояло решать очередные задачи и преодолевать возникающие по их ходу трудности.

Первой задачей, которую требовалось срочно решить, была сборка и подключение электрогенератора, приводимого в движение специально взятым для этого автомобильным мотором на газогенераторном топливе. Все было хорошо, но генератор и мотор не соответствовали друг другу по высоте расположения валов аж на семнадцать с половиной сантиметров. Это выяснилось уже здесь, поскольку ТАМ сборки в дорогу производились в темпе «держи вора». Кроме того, отсутствовала соответствующая станина для сборки агрегата, хотя все остальное имелось в наличии. Собственно, даже если бы станина и имелась, толку от нее не было бы никакого – установить на нее движок от УАЗа просто невозможно. Потому что родной

германский дизельный двигатель, предназначенный для работы с этим электрогенератором, имеет на блоке цилиндров специальные литые ножки, необходимые для того чтобы вал мотора и вал генератора находились на одном уровне.

Но нет таких проблем, которых не смог бы решить русский человек, не знающий слова «невозможно», вооруженный самым передовым в мире учением и соответствующим инструментом. Немного подумав, Сергей Петрович начал чертить палочкой на песке.

– Значит так, – сказал он, – если станины у нас нет, то ее надо изготовить. И изготовить из дерева, поскольку это единственный доступный для нас сейчас материал.

– А дерево выдержит? – с сомнением спросил геолог.

– Сосна точно не выдержит. А вот лиственница или дуб должны. Выдержало же у нас на «Отважном» крепление такого же мотора к лиственничным балкам. Лиственницы тут нет, а вот дубы в местном лесу я видел. На массе и размерах экономить не будем. Дуб – дерево прочное, к тому же мы сами сможем придать дереву ту форму, какую нам надо. Вот смотри...

И учитель вернулся к своему чертежу.

– Первым делом, – сказал он, – нам надо найти подходящий дуб совсем рядом с северной опушкой. Диаметр ствола сантиметров семьдесят-восемьдесят. И стоять он должен так, чтобы нам хватило до него пятисотметровой бухты кабеля от корабельного генератора, и чтобы, будучи сваленным, он упал вершиной за пределы бора. Тогда мы потом сможем подцепить очищенный от ветвей ствол УАЗом и вытянуть его наружу.

– Сможем, – кивнул Андрей Викторович.

– Притянем его сюда, а все прочее, с помощью Валеры и Сергея, я возьму на себя. Вот смотрите. Из нижней части ствола вырезаем две половины станины и соединяем их сверху и снизу поперечными перекладинами, тоже из дуба. Нижние перекладины одновременно будут ножками, чтобы вся эта конструкция не стояла прямо на земле. Моторная часть будет выше генераторной на те самые семнадцать с половиной сантиметров и иметь вырез под картер. Крепить мотор и генератор будем анкерными болтами, а чтобы крепление не было разбито вибрацией, подложим под него металлические пластины, которые нарежем из прихваченной с собой УАЗовской обшивки. Пока примерно так.

– На первый взгляд приемлемо, – одобрил специалист по недрам, – а там война-бой покажет. Главное теперь – в подходящем месте найти

подходящий дуб.

Такое дерево в тот же день после обеда отправились искать педагоги-авантюристы, на этот раз без своих дам. Дело мужское – серьезное. И конечно же, кто ищет, тот всегда найдет. Дуб подходящих статей был обнаружен примерно в трехстах метрах от берегового лагеря. Колющий шиповниковый барьер там уже настолько истончился, что через него легко можно было перебросить провод. Все остальное сделает само падающее дерево.

Отметив зарубками дорогу и еще немного побродив по лесу, мужчины вернулись в лагерь – готовить инструменты и снаряжение для завтрашней работы.

А вечером, после ужина, Марина Витальевна ошарашила вождей внезапным заявлением.

– Вы только не падайте, – тихо сказала она, чтобы не слышали остальные, – Катя беременна, и срок уже примерно два месяца.

– Ну ни ... себе, – машинальноотреагировал бывший военный, – выходит, Серега обрюхатил ее еще ТАМ. Вот это был бы скандал. Если бы не твоя «дыра», Петрович, то все мы были бы сейчас в дерьме по самые уши.

– Все, что ни делается, – философски заметил тот, – все к лучшему. Самое главное, что мы ее вовремя выдали замуж. Впрочем, они с Сергеем и так два сапога пара.

– Правильно, – кивнул его коллега, – теперь надо убедить всех, что Сергей заквасил Кате ляльку уже ЗДЕСЬ, когда они миловались на берегу Ладоги. Так будет спокойней и Кате, и Сергею, и всем нам. Бо, думаю, что это будет не последняя лялька в нашей теплой компании.

– Согласен, – кивнул Петрович.

– Хорошо, – сказала Марина Витальевна, – я поговорю с Катей и постараюсь ей все объяснить, – тут она сделала паузу и как-то странно посмотрела на них, почему-то избегая встречаться взглядом с Антоном Игоревичем, – только дело в том, мальчишки, что... в общем, кажется, я тоже беременна, и это точно случилось уже здесь. Для гарантии надо подождать один месяц, но уже сейчас могу сказать, что это скорее да, чем нет.

Мужчины переглянулись, затем тепло улыбнулись женщине, с некоторым беспокойством ожидавшей их реакции. И только Антон Игоревич растерянно хлопал глазами – казалось, у него пропал дар речи.

– То-то ты, Мариночка, так похорошела, – наконец заметил Андрей Викторович, – я-то думал, что во всем виновен свежий воздух, витамины и не нарушенная экология. А тут вот оно что, Петрович... – и он воззрился на

своего коллегу, не решаясь озвучить то, что его тревожило.

И тот не преминул сразу и без обиняков высказать свои опасения:

– Марина, а тебе не опасно первый раз рожать в таком возрасте?

– Тут все опасно, – отмахнулась женщина, – конечно, можно попить травок и все пройдет, но ведь это мой ребенок и, скорее всего, единственный шанс стать матерью, ведь и дальше я тоже не буду молодеть. Кроме того, Антон наверняка будет против.

И теперь она устремила прямой взгляд на своего мужчину. Старый холостяк и так сидел как громом пораженный, но при последних словах он и вовсе сначала побледнел, потом покраснел.

– Конечно, Марина, я буду против, – он постарался сказать это твердым и убежденным тоном, – я тоже уже совершенно не надеялся стать отцом...

Всем было понятно, что бородатый геолог просто растерялся от неожиданности.

– Вот видите, – сказала Марина Витальевна, пожав плечами, – если мне рожать, то только сейчас или никогда.

Она обвела их всех взглядом, но ее внутренний взор был направлен вглубь себя; она уже трепетно прислушивалась к новой жизни, зарождающейся внутри нее, благоговей перед этим извечным чудом, которое все же решила подарить ей судьба. Легкая и нежная улыбка невероятным образом вдруг преобразила ее лицо, сделав его юным и беззащитным – такой суровую фельдшерицу еще не видели. Сергей Петрович отметил, что ею хочется любоваться, вознося в душе вечную хвалу Матери...

– Ладно, кхм... – сказал наконец он, – я в этом деле не большой специалист и не могу тебе ничего советовать. Только будь осторожна, если что-то пойдет не так, то тут тебе вряд ли кто сможет помочь.

– Я постараюсь успеть натаскать Лизу, – вздохнула Марина Витальевна, машинально поглаживая свой живот, – мы с ней вместе примем роды у Кати, а потом она поможет мне. Но, мальчики, давайте сейчас больше не будем об этом говорить.

– Хорошо, Марина, – сказал учитель, – закрыли эту тему.

– Да, – согласился командир, – идемте лучше спать. Завтра будет трудный день.

* * *

26 июня 1-го года Миссии. Понедельник. День сорок первый. Пристань Дома на Холме.

С самого раннего утра, после умывания и завтрака, лесорубы

собрались на дело. В первую очередь геолог с физруком подключили на корабле генератор и запустили мотор. Потом размотали к месту будущих работ бухту провода и, взяв с собой цепную пилу, топор и трос, Сергей Петрович, Андрей Викторович, Гуг и Валера на УАЗе отправились к месту будущего лесоповала. Там глава клана первым делом срубил топором молоденькую сосенку и, очистив от ветвей, сделал из нее слегу. Он как мог объяснил Гугу, как, когда и с какой силой тот должен давить на ствол спиливаемого дерева, потом натянул перчатки, надел защитные очки и взялся за электропилу. Валера стоял рядом на подхвате. Цепь с визгом вгрызлась в плотное дерево. Мужчина не спешил, сперва сделав широкий надрез по кругу ствола, выбрал с северной стороны большой клин и лишь потом, обойдя дуб по кругу, взялся за дело уже всерьез. По его команде Гуг всем весом своего тела навалился на слегу. Мышцы его вздулись, лицо покраснело, но подрагивающий дуб все еще сопротивлялся и его давлению, и грызущей его тело пиле. Но вот зубья цепи добрались до какой-то потаенной становой жилы; дуб дрогну, раздался треск, хруст, скрежет – и лесной великан рухнул именно туда, куда его и толкал парень. Они сделали это. Упавший дуб большей своей частью оказался за пределами зарослей шиповника, и теперь можно было приступать к обрубанию ветвей и ненужной верхушки.

На то, чтобы очистить ствол, ушло еще часа два. Сергей Петрович орудовал цепной пилой, срезая крупные ветви, его ученик топором отсекал мелочь, а Гуг и Андрей Викторович, помогая им, ворочали дерево слегой и оттаскивали в сторону спиленные ветви. Когда эта работа была закончена, все четверо мужчин, действуя на раз-два взяли, закинули тонкий конец ствола в кузов УАЗа, после чего отставной прапорщик закрепил его там тросом и повез лесину в лагерь, а Петрович и Валера остались сматывать кабель.

После обеда, снова вооружившись цепной пилой, Петрович с помощью Валеры и Гуга приступил к тому, ради чего все это затевалось. Первым делом от двадцатиметрового бревна были отпилены две двухметровых колоды – заготовки будущих половинок станины. Потом, поставив заготовки на попа, мужчина уверенными движениями цепной пилы превратил их в некое подобии бруса. Конечно, на ленточной пилораме проделать это было бы удобнее, но вся проблема как раз в том и заключалась, что генератор ему был нужен как раз для запуска пилорамы, без которой не сделать даже банального рабочего верстака. А пока приходилось полагаться только на свое мастерство, крепость рук и точный глазомер.

Еще некоторое время ушло на то, чтобы выбрать ступеньку под электрогенератор, проем под картер мотора, и пазы для установки поперечин, которые были вырезаны цепной пилой и электроножовкой из еще одного метрового куска, отхваченного от ствола. Наконец вся конструкция станины была собрана на мездровом клею и дополнительно закреплена саморезами, тем самым ей начерно была придана окончательная форма. Далее настала очередь тонкой работы электрорубанком и электрофрезером. К ужину все было готово – тяжелая и массивная дубовая станина под генераторную установку лежала на прибрежной лужайке, всем своим видом наводя на мысли об архитектурных излишествах в стиле скульптора Церетели. Впрочем, клану Прогрессоров и не требовалось на нее любоваться, лишь бы она работала.

Окончательную сборку и подгонку решили произвести на следующий день уже на месте, мобилизовав для этого всех мужчин клана, ибо вся конструкция в сборе должна была весить сильно за полтонны, и в их условиях была совершенно нетранспортабельной.

* * *

27 июня 1-го года Миссии. Вторник. День сорок второй. Пристань Дома на Холм.

Сразу после завтрака мужчины втянули в кузов УАЗа станину, электрогенератор и мотор, после чего собрали инструменты и все вместе отправились к месту будущих работ, как пошутил Петрович, по «нашему плану ГОЭЛРО». Как только они уехали, тори девушки разделись и полезли в речку – резать тростник и выносить его на берег, где Дара и Мара плели из него маты. Хозяйничать по кухне остались Марина Витальевна с Мариной-младшей. Антон-младший ловил рыбу, а Вероника пасла своих гусят. Да, в этот день кошачье население «Отважного» в первый раз соизволило сойти на берег, видимо, наконец убедившись, что путешествие окончено и им теперь здесь жить.

К обеду, который Андрей Викторович привез им прямо в поле вместе с разобранным газогенератором, аккумулятором и первоначальным запасом дров, все уже было подогнано и собрано на анкерных болтах. Собрано насмерть – не оторвешь. Осталось только подключить газогенератор и осуществить пуско-наладочные работы, чем мужчины и занялись после обеда. Все трое юношей были отправлены в береговой лагерь – вытаскивать из трюма и готовить к перевозке разобрannую на части ленточную пилораму и буровой станок. Кроме того, на «Отважном» нужно было заглушить мотор и отключить от корабельного генератора кабель, использующийся для питания цепной пилы.

Часа через два мотор наконец завелся и генератор выдал первый ток. Еще некоторое время пришлось повозиться, чтобы установить на моторе газ ровно на тысячу пятьсот оборотов, как и требовалось для работы электрогенератора. Тем временем Сергей Петрович размечал места под будущие столбы, а Андрей Викторович уехал на УАЗе в лагерь за пилой и буровой установкой.

Дело было в том, что ценное оборудование нужно было накрыть хотя бы навесом от возможного дождя, а посему на это должен был уйти весь первый напиленный лес. По проекту главного прогрессора все промышленное оборудование следовало разместить в одном здании шесть на двенадцать метров, впоследствии разделенном пополам глухой продольной перегородкой. Слева – генераторная, справа – столярка с пилой.

Когда вернулся физрук с Гугом и разобранным оборудованием, строительная площадка была уже полностью размечена, а мотор уверенно урчал, показывая ровно двести двадцать вольт на фазах генератора. Двое юношей шли следом, по пути сматывая кабель. Еще одним рейсом Андрей Викторович приволок к месту работ уже изрядно обкорнанный остаток дубового ствола, которому тоже нашлось применение. На чем-то ведь надо было настраивать и испытывать пилораму, а из полученных при этом досок требовалось изготовить кое-какой дополнительный инвентарь.

Сборка пилорамы продолжалась еще часа полтора без каких-то особых ухищрений, поскольку ленточнопильный станок Р-800 не требовал для себя никакого фундамента и устанавливался на простой выровненной площадке. Затем Антон Игоревич и Валера собрали буровой станок и начали бурить пять полуметровых лунок с шагом в три метра по оси будущего здания, а Сергей Петрович с помощью коллеги и Гуга сперва отхватил от верхушечной части дубового ствола кусок в четыре с половиной метра. Потом, взгромоздив этот обрубок на подающий лоток пилорамы, быстро и умело опилил его на брус сечением десять на десять сантиметров, который тут же, на коленях – мать вашу, каменный век – обработал электрорубанком. После чего с одного из торцов бруса он с помощью электроножовки и стамески выбрал паз шириной два с половиной и глубиной десять сантиметров.

– Тут будет город заложен! – глубокомысленно изрек глава клана пророческие слова и с помощью Гуга воткнул этот брус в центральную лунку, только что пробуренную геологом.

Несколько камней помогли временно закрепить брус в лунке. Дело в том, что Петровича изрядно напрягали провода, повсюду соплями

валяющиеся на земле, а имеющийся в комплекте силовой щит и главный автомат еще надо было на что-то вешать, для чего и понадобился первый в этом мире столб. Чуть позже учитель собирался забетонировать его основание, но сначала требовалось разрешить некоторые проблемы. Во-первых, с водой. Во-вторых, с песком. В-третьих, с щебнем подходящей фракции. Но это будет чуть позже, а пока сойдет и так.

Закрепив при помощи саморезов автомат со стороны генераторной, а щит со стороны столярки и дождавшись, пока Антон Игоревич добуриет свои лунки, учитель отключил генератор и принялся соединять проводку «по-человечески».

– Баста, – сказал он, закончив это дело и увидев, что солнце, побагровев, уже склонилось низко к горизонту, – продолжим завтра.

– Ну ты, Петрович, и мастак работать от рассвета до заката, – уважительно сказал бородач, утирая со лба пот, – прям как электровеник какой-то. И как ты его, Викторovich, только терпел?

– То, что мы не сделаем сегодня, – сказал главный авантюрист, подняв вверх палец, – за нас не сделает больше никто. А посему – темп надо держать максимальный.

Издали донеслось приглушенное блямканье.

– Ша, хлопцы, – сказал физрук, – слышите? Витальевна к ужину зовет.

– Вы это, – сказал Петрович, – езжайте, а я пока тут покараулю. Не хочется мне что-то бросать без присмотра все это добро. Если что случится – останемся тут в каменном веке с голой задницей.

Его коллега почесал в затылке.

– С одной стороны, оно, конечно, верно, – сказал он, – но с другой стороны – спецназ своих не бросает. Ты, Петрович, потерпи тут с полчаса – я отвезу народ и мигом вернусь.

Вернулся он действительно через полчаса. Учитель только-только успел развести небольшой костерок из набранного поблизости в лесу сушняка. Вместе с ним на УАЗе прикатили Лиза, Ляля, две палатки, большой котелок гречневой каши со свиной и кастрюля с жареной рыбой. Просто объедение для голодного организма. Следом за машиной бежал Шамиль, и Майга приветствовала его громким лаем.

– Значит так, Петрович, – первым делом сказал отставной прапорщик, – сделаем так. Мы с тобой и нашими дамами обосновываемся здесь, остальные – на берегу. Думаю, что так будет лучше всего.

– Возможно, – сказал тот, – но только зачем ты привез сюда Лялю с Лизой?

– Как зачем? – уперла руки в боки Ляля, – а где еще должна быть

верная жена, как не с любимым мужем? Вон жены декабристов за своими мужьями в Сибирь шли. А тут не Сибирь, а полный сюр – этот, как его, Пикассо, нервно курит в сторонке. Посреди чистого поля стоит столб, под столбом – Петрович. Расскажи кому там, дома – не поверит.

– Ладно, Ляля, – сказал ее благоверный, поднимая вверх руки, – сдаюсь. Но только не надо меня целовать – я грязный и потный.

– Это не беда, – ответила девушка, схватив рюкзачок с мыльно-рыльными принадлежностями, и потянула его за руку, – тут Ближняя всего в трех минутах ходу. Пойдем, милый, я тебя провожу.

– Э-э-э, а ужин? – растерянно спросил Андрей Викторович.

– Пока мы не будем ужинать, – проговорила Ляля, увлекая за собой муженька, – а то совсем стемнеет. Мы быстро – одна нога здесь, другая тоже здесь.

– Пусть идут, – сказала Лиза, – а мы с тобой пока поставим палатки и тоже немного поворкуем.

До Ближней действительно было не более ста пятидесяти метров и тут, выше озера, она напоминала уже не речку, а скорее крупный ручей, извивающийся меж травянистых берегов. Мужчина быстро разделся догола и, схватив мыло, решительно полез в воду. В самом глубоком месте ему было где-то до середины бедра. Исккупаться можно, а вот плавать уже нет. Резко окунувшись, он стал быстро намыливаться, смывая с себя грязь и пот трудового дня. Вниз по течению поплыли грязно-мыльные разводы. Еще раз присев в воду, он смыл первую грязь и начал намыливаться по второму разу, на этот раз уже куда тщательней, включая и голову.

Бросив, почти не глядя, мыло на берег Ляле, он встал коленями на скользкое глинистое дно и, окунув голову в воду, начал смывать с нее мыльную пену. Да, по комфорту лесной ручей – это далеко не ванная в современном многоэтажном доме. Даже мыло положить некуда.

– Петрович, – с берега тонким голосом позвала Ляля, укрывшаяся от его взгляда за большим махровым полотенцем, – если ты уже закончил, тогда давай иди скорей ко мне, а то совсем замерзнешь!

Быстро смыв остатки мыла, тот не спеша выбрался на берег, где и попал в Лялины ласковые объятья. Это была засада и сюрприз в одном флаконе. Спрятавшаяся за полотенцем девушка оказалась совсем обнаженной, а ее одежда была аккуратно сложена стопкой за кустом. И даже Майга, предательница, отвернувшись в другую сторону, делала вид, что ничего не замечает. Нет ее тут – и все.

– Ну, что же ты, дорогой, расслабься... – жарко прошептала девушка своему мужу прямо на ухо, не забывая при этом растирать его

полотенцем. – Быть может, я давно-давно мечтала соблазнить тебя вот так, на лоне дикой природы, при свете звезд...

– До света звезд еще несколько рановато, – машинально пробормотал мужчина, отдаваясь ее ласковым рукам, – но если женщина, даже добившись штампа в паспорте и кольца на пальце, все равно продолжает соблазнять своего мужа – значит, в этом что-то есть.

К костру на стройке они вернулись, когда уже совсем стемнело, утомленные, голодные, но ужасно довольные. Ляля по дороге просто мурлыкала – ее супруг раз за разом доказывал ей, как хорошо быть молодой, красивой и любимой женщиной.

Андрей Викторович и Лиза в их отсутствие тоже времени даром не теряли. Палатки были поставлены, котелок с кашей подвешен над рдеющими углями, а сами молодые супруги Орловы имели вид слегка растрепанный, но полностью удовлетворенный. Научившись немного сдерживать свои порывы, они теперь уже не наносили друг другу телесных повреждений, но все равно их любовь больше напоминала схватку дикой кошки с медведем, а не медленный танец в горизонтальном исполнении, как у четы Грубиных. Впрочем, на вкус и цвет товарищей нет.

Уже позже, после ужина, глава клана отправил своего друга с женой спать, а сам, повернувшись к огню спиной, остался сидеть у костра, выбрав себе для дежурства первую смену. Ляля, конечно же, тут же присела рядом с ним.

– Петрович, – тихо сказала она ему на ухо, охватив рукой за талию, – скажи, только честно – ты меня любишь?

– Наверное, Лялечка, – ответил тот, обнимая ее за плечи, – когда я тебя вижу, то меня сразу охватывает чувство невыносимой нежности. Если это не любовь, то что же?

– Даже так?! – переспросила девушка. – Тогда я, наверное, тоже тебя люблю. Мне с тобой всегда хорошо, спокойно и уютно, и хочется делать все-все-все для того, чтобы ты был счастлив.

– Я с тобой счастлив, Ляля, – сказал мужчина, – но для того, чтобы этому счастью ничего не угрожало, нам еще многое предстоит сделать.

– Я это понимаю, – сказала та, положив свою голову на плечо мужу, – и полностью на тебя в этом рассчитываю.

* * *

28 июня 1-го года Миссии. Среда. День сорок третий. Пристань Дома на Холме.

Утром из берегового лагеря притопали Антон Игоревич, Сергей-младший и Гуг, притащившие с собой завтрак.

– Так, Петрович, – сказал геолог, – Витальевна просит срочно отрядить кого-нибудь на охоту. Свининка, хоть мы ее и подсолили, вот-вот начнет пованивать, а одной Антошкиной рыбкой сыт не будешь.

– Хорошо, – сказал тот, – отправим, как обычно, Серегу с Катей.

– Нет, нет и еще раз нет, – возразил физрук, – Серегу я на неделю отстранил от всех боевых заданий. Пусть повкалывает здесь с тобой как Папа Карло, и подумает о своем поведении.

– Если так, то кого мы тогда можем послать? Антон Игоревич у нас на большие расстояния не ходок, ты нужен здесь за рулем УАЗа – таскать бревна, на мне вся стройка, а из Валеры охотник, простите, никакой, да и напарника у него нормального нет.

Мужчины замолчали, расклад был ясен – ситуация безвыходная. Зато Сергей-младший немного приободрился – быть может, у него получится хоть немного скостить наказание.

Немного подумав, главный прогрессор добавил:

– Разве что ты доверишь геологу свой УАЗ и сам сходишь на охоту вместе с Лизой...

– Это можно, – чуть поколебавшись, ответил коллега, – пожалуй, так и сделаем.

Сразу после завтрака Ляля убежала в береговой лагерь на «камыш», Андрей Викторович с Лизой и Шамилом удалились на промысел, а все прочие приступили к строительным работам. Геолог с Валерой продолжили бурить свои лунки, которых надо было еще десять штук, а Петрович с двумя другими юношами начали распускать на дюймовые доски остаток дубового бревна. Из них он впоследствии планировал изготовить себе рабочий верстак и корыто для бетонного раствора. Но последнее подождет; сперва деревянный каркас здания, со столбами, свободно стоящими в своих лунках, и верстак.

Поэтому, покончив с остатками многострадального дуба, бригада плотников сначала сложила дубовые доски в пакет, а потом, не дожидаясь пока закончат с бурением, выдвинулась к началу будущей просеки. Резать сосны планировалось у самого корня, чтобы потом не было лишних хлопот с корчеванием пней. Для такой работы у них пока еще слишком мало рабочих рук. До обеда, когда Антон Игоревич окончательно покончил с буровыми работами и подъехал к началу просеки на УАЗе, у учителя и его команды было в активе уже пять поваленных и очищенных от ветвей сосен с диаметром ствола от двадцати пяти до шестидесяти сантиметров. Все деревья, что были диаметром ствола меньше двадцати сантиметров, просто срезались и отбрасывались в сторону, как временно ненужный хлам.

Высохнут – пойдут на чурку для газогенератора.

Отбуксировав спиленные стволы к пилораме, геолог съездил и привез обед, после чего вся бригада тружеников приступила к приему пищи. Не успели они закончить, как со стороны лагеря показался физрук, а вместе с ним диво дивное – понуро идущая следом за ним в самодельном веревочном недоуздке небольшая рыжая кобыла с черными чулками на ногах и такой же черной мордой. Шамиль, как заправская овчарка, бежал рядом и покусывал кобылу за задние ноги, как только та начинала упрямиться. Следом за матерью семенил растерянный жеребенок-сосунок.

– Вот, Петрович, – важно сказал Андрей Викторович, приблизившись, – принимай аппарат, поймал не глядя.

– Ну, спецура, – в тон ему сказал геолог, – ты можешь! Как же ты так умудрился?

Кобыла зло покосилась на своего пленителя большим черным глазом и недовольно всхрапнула. Тот в ответ показал ей свой внушительный кулак, как главный аргумент в битве разума с грубой силой.

– Да вот, Игоревич, случайно получилось. Увидел табун, перешедший на нашу сторону Дальнего, и решил опробовать твой аркан. Думал – смогу поймать им лошадь или нет? Метнул вот – и, к своему удивлению, поймал. Ну а то, как я ее уговаривал пойти со мной, так это отдельная история. Одним словом – уговорил.

– Добрым словом и крепким тумакон, – философски изрек глава клана, – можно сделать куда больше, чем просто добрым словом. Надеюсь, ты привел нам эту лошадь не вместо добычи?

– Во, во, – кивнул отставной прапорщик, – бить по морде пришлось аккуратно, но сильно. А жеребенок – куда он от матери денется. Как ее уговорил – побежал следом как миленький. А насчет добычи ты не беспокойся – Лиза подстрелила из арбалета косулю, так что на ужин у нас будет свежати́на.

– Ну, ты силен, – покачал головой бородач, – только почему ты не оставил лошадей в лагере?

Андрей Викторович махнул рукой.

– Вероника, – сказал он, – сразу полезла к жеребенку целоваться. А у него мама дикая, нервная и еще невоспитанная, русский язык понимает плохо. Пришлось увести.

– Да, – сказал Петрович, – Вероника у нас неумно жизнелюбивый ребенок. Тем более что маленькая лошадка – это ее голубая мечта в этом мире.

– Вот-вот, – подтвердил его коллега, – пусть кобыла сперва немного

пообтешется среди нас, привыкнет к человеческому обществу, и вот тогда можно пускать их на встречу друг с другом.

Кобылу привязали за длинный чамбур к вбитому в землю колу чуть в стороне от стройки, и после короткого перерыва бригада снова принялась за дело. Притащенные с просеки хлысты надо было порезать цепной пилой на бревна длиной четыре с половиной и шесть с половиной метров, которые потом должны быть распущены на пилораме на столбовой брус и доски. На этот раз за цепную пилу взялся Андрей Викторович, его друг отмерял размеры рулеткой, а Сергей-младший и Гуг в поте лица оттаскивали уже порезанные верхушечные части сосен к пилораме и складывали их в штабель.

Тем временем геолог походил немного вокруг строительной площадки и, повинувшись каким-то одному ему ведомым приметам, нашел место для будущего колодца. Если что, то таскать сюда на стройку руками воду из Ближней было бы для них не самым лучшим выходом, а потому колодец и только колодец. На этот раз бурить требовалось отнюдь не полметра, а потому покончивший с сосновыми бревнами физрук взял с собой Валеру и поехал в береговой лагерь за комплектом трехметровых буровых труб.

Пока он ездил, Петрович немного походил вокруг штабеля уже нарезанных бревен, потом, решительно махнув рукой, распорядился подавать первое из них на пилораму. И началось. С одной стороны рос штабель уже напиленного бруса, с другой громоздилась куча пока никому не нужного горбыля. Как и в любом деле, отходов производства выходило чуть ли не больше готовой продукции. Или это так только казалось?

Лошадь, услышавшая шум и вой работающей пилорамы, сперва ужасно испугалась, забилась на привязи и, отбежав максимально возможное расстояние, насколько позволял чамбур, попыталась спрятаться в кусты. Как только у бедняжки от страха не разорвалось сердце... Потом, убедившись, что страшный зверь с таким громким голосом не торопится на нее напасть, и вообще полностью неподвижен, продолжила пастись, лишь время от времени нервно кося в сторону пилорамы то одним, то другим глазом.

Когда коллега вернулся, причем не только с буровыми трубами и Валерой, но еще и с Лялей, Лизой и – о Боже – с Вероникой, учитель с помощниками уже закончил изводить тот материал, который был предназначен для изготовления бруса, и взялся за доски. Появление женской компании внесло в народ некоторое оживление, и Петрович объявил внеочередной перерыв.

– У нас сегодня короткий день, – первым делом объяснила

благоверному Ляля, – Марина Витальевна сказала, что тростника мы уже нарезали достаточно, и отпустила нас посмотреть на лошадь.

– А Веронику зачем притащили? – строго спросил мужчина, уже заранее зная, какой будет ответ.

– Напросилась, – девушка забавно сморщила носик, – такой проще уступить, чем отказать. Настырная!

– Ладно, – махнул рукой учитель, – на лошадь смотрите, но близко не подходите. Она еще пугливая и очень нервная. И смотрите за Вероникой, чтобы она чего не учудила. Если с ней что-нибудь случится, Марина Витальевна нас всех убьет заживо.

Вероника, конечно же, учудила. Нет, к лошади она подходить не стала, просто отошла в сторонку и присела на корточки. Жеребенок, которому давно наскучило резвиться в одиночестве, захотел познакомиться с этой маленькой и не совсем страшной двуногой. Как мать его ни отгоняла, пытаясь преградить дорогу, он, обежав ее по широкой дуге, галопом направился к ожидающей его Веронике. Кобыла душераздирающе заржала, встала на дыбы, туго натянув чамбур, забила в воздухе копытами, но сделать со своим чадом уже ничего не могла. Дети – они ведь такие непослушные...

Как только жеребенок приблизился, Вероника сунула руку в карман и, вытащив оттуда маленький кусочек сахара, протянула ему на открытой ладонке. Обнюхав подношение, жеребенок с благодарностью его схрупал, потом позволил почесать себя за ухом и, задрав хвост, начал взбрыкивать всеми четырьмя ногами, приглашая новую подружку поиграть. Девочка, конечно же, оказалась не против, и с детской непосредственностью принялась бегать с жеребенком наперегонки. Салки-догонялки – вот единственная игра, доступная маленьким жеребятам. Утомившись, она снова подозвала его к себе и скормила еще один кусочек сахара, закрепляя дружбу.

Кобыла, до того с настороженностью наблюдавшая за всеми этими забавами, прянула ушами, фыркнула и, подойдя к Веронике и жеребенку настолько близко, насколько позволял чамбур, вытянула морду, будто интересуясь, чем таким кормят ее отпрыска. Ни минуты не колеблясь, девочка подошла к матери своего нового приятеля и, угостив ее еще одним куском сахара, погладила ладонкой по мягкому шелковистому носу. Мир между ними был заключен.

– Вот, блин, Шина – укротительница зверей! – наполовину потрясенно, наполовину восхищенно выдохнул Андрей Викторович, внимательно наблюдавший за этим цирком.

Следом за Вероникой медленно и осторожно, держа руки на виду, к кобыле приблизились Ляля и Лиза. Жеребенок их не интересовал, их завораживала сама взрослая лошадь с ее густым черным хвостом и жесткой, как щетка, короткой гривой. Слопав еще два кусочка сахара, лошадь уже спокойно переносила прикосновения девушек, позволяя расчесывать себе густую короткую гриву, чесать за ушами и гладить бока, отгоняя назойливых насекомых. Мужчина укротил ее силой и ловкостью, а молодые женщины – угощением и лаской, приняв в свою женскую компанию.

Когда народ насмотрелся на это представление, глава клана прервал вынужденный перекур и снова погнал свою бригаду на работу. До вечера им еще многое предстояло сделать, и в первую очередь – переработать на пиломатериалы весь тот запас бревен, который они заготовили сегодня с утра.

Когда солнце склонилось к горизонту, геолог закончил бурить скважину колодца, найдя воду на глубине восьми метров, а на стройке высились два аккуратных штабеля – один из брусьев десять на десять, а другой из ста шестнадцати досок размером два с половиной на десять на шестьсот пятьдесят сантиметров. Прикинув по своему чертежу, Петрович понял, что этого количества пиломатериала с запасом должно хватить на возведение цеха. Начало монтажно-строительных работ было назначено на следующий день.

* * *

29 июня 1-го года Миссии. Четверг. День сорок четвертый. Пристань Дома на Холме.

Ночь прошла относительно спокойно. Только однажды лошадь вдруг захрапела и забилась на своей привязи, а Шамиль и Майга, вскочив со своих мест, начали громко лаять в темноту. Дежуривший в тот момент Петрович взял наизготовку Сайгу, а Ляля обвела кусты лучом мощного светодиодного фонаря. Кто бы это ни был, он, видимо, решил не связываться с этими двуногими, а поискать себе какой-нибудь другой, более легкой добычи. Выдернув из земли кол, мужчина перевязал лошадь поближе к костру, так, чтобы она могла пастись, не выходя из круга света. Однако больше этой ночью их никто не тревожил.

Рано утром, едва только рассвет разогнал ночную тьму, поднявшиеся раньше всех Ляля и Лиза не только сами сходили умыться, но и отвели на водопой лошадь, которую заодно и искупали, натирая жесткой щеткой. Кобыле эта процедура понравилась. Закончив с купанием, Ляля и Лиза вытерлись, оделись и отвели похорошевшую кобылу обратно на

стройплощадку. Потом была утренняя зарядка, после которой физрук съездил за завтраком.

После завтрака пришла команда из берегового лагеря, и Петрович начал развод на работы. В этот день в связи с отсутствием работ на тростнике он не стал отправлять девушек в лагерь, а оставил на стройке. Им было поручено очень важное и ответственное задание – варить замоченный еще с вечера мездровый клей. Антон Игоревич при этом сказал, что раз уж все, что нужно, уже пробурено, то он сходит и посмотрит на место их будущего дома, а то раньше все было недосуг. Перед началом строительства надо бы произвести и геологическое обследование местности, а то как бы чего не вышло. Сопровождать специалиста по недрам вызвался Андрей Викторович. Так что на стройке осталась только вчерашняя бригада плотников плюс Валера.

Первым делом, еще до всякой стройки, Петрович решил изготовить один очень нужный для них сейчас девайс, именуемый «лестница-стремянка», материалом для которой должны были послужить те самые напиленные вчера десятисантиметровые доски. Нескладная, высотой три метра, а размахом ног в два, с двухсторонними ступеньками, она вполне годилась для работ на этом вспомогательном по сути объекте. К тому же прослужить такая лестница, сделанная из сырого дерева, могла не больше одного сезона – потом она сохнет, потрескается и будет годна только на дрова. Но мужчину это не огорчало; если потом будет надо, он таких лестниц, собранных без единого гвоздя, наделает сколько угодно. Гвозди Петрович не любил и использовал только в самом крайнем случае. Все на клею и в шип, а там, где это невозможно – на нагелях. Электрорубанок, электроножовка, электродрель, стамеска, долото, киянка, клей, несколько выстроганных ножом нагелей и четверть века профессионального опыта.

Через полтора часа работы лестница была готова. Для ускорения процесса пришлось пожертвовать одну из туб быстросохнущего суперцемента. Мездровый клей будет схватываться не менее суток, а это означало бы совсем ненужный простой в работах. Оставив изделие сохнуть, бригада обратила внимание на брусья каркаса. В первую очередь, с помощью электрофрезера в них нужно было сделать пазы сантиметровой глубины под доски, которые будут являться горизонтальными перемычками. И опять работать пришлось, в буквальном смысле стоя на коленках. Петрович уже не один раз порывался плюнуть на все и соорудить-таки какие-нибудь временные козлы, но пока удерживал себя от этого порыва, не желая зря тратить ни время, ни материалы. Постоянный трехметровый верстак, встроенный во внешнюю стену столярки, был им

уже запланирован, и до того момента учитель не собирался напрасно тратить ни времени, ни материалов.

Закончив эту работу, он понял, что позавчера немного лопухнулся, устанавливая свой первый, и пока единственный столб. Он не прорезал в нем электрофрезером те самые пазы, и, навешивая электрический щит и главный автомат, не учел, что толщина стены будет процентов на двадцать больше ширины столба, и оборудование будет банально мешать. Требовалось все разобрать и переделать. Ну да ладно – отключили генератор и все разобрали и переделали, прорезав необходимые пазы и добавив на боковины накладки из доски под оборудование.

И вот, за час до обеда, наступил волнительный момент. Все было готово, и пришло время приступить к сборочным работам. Конечно, проще было бы собрать конструкцию, лежа на земле, и лишь потом поднять ее на место при помощи грубой мускульной силы шести человек и такой-то матери. Для боковых стен Петрович так и собирался сделать, но чтобы собрать таким образом осевую стену, требовалось удалить из будущего цеха пилораму, а это не хухры-мухры – полдня разбирать пилораму, потом полдня собирать. Или просто вытянуть ее, прицепив к УАЗу? Но так есть риск поломать ценный агрегат и остаться, простите, с голой задницей.

Сомнения разрешили вернувшиеся из своего похода отставной прапорщик и геолог.

– Конечно же, разбирать, Петрович, – чуть ли не хором сказали они.

– Ненужный риск в нашем деле недопустим, – добавил коллега, – и потом, какие полдня? Втроем часа за три вполне управимся.

– А почему втроем? – озадаченно спросил главный прогрессор.

– А потому, что пока мы с Антоном и Серегой будем заниматься пилорамой, вы – то есть все остальные – займетесь сборкой внешней стены со стороны генератора. Шестерым там делать нечего, а вот трое окажутся в самый раз.

– Действительно, – немного подумав, произнес учитель, – как это я сразу об этом не подумал?

– Кстати, Петрович, – сказал бывший военный, – с тебя танец маленьких лебедей.

– С чего бы это? – удивился тот.

– А с того, что наш геолог нашел тебе строительный камень, и не где-нибудь за тридевять земель, а прямо под нашей будущей задницей, то есть на вершине холма.

– Seriously? – переспросил обрадованный строитель.

– Вполне серьезно, – подтвердил обладатель бороды и

энциклопедических знаний, – а как ты думал, с чего это там так редко растут деревья? Да еще эта вывернутая с корнями сосна. Я как ее увидел, так сразу у меня закрались смутные подозрения. Залез под выворотень, покопался немного лопаткой на дне ямы, и все понял.

Сказав это, он торжественно извлек из кармана куртки обломок серого с розовыми разводами камня.

– Вот, полюбуясь, – добавил он, – сверху сантиметров десять грунта, под ним полметра песка, а еще глубже такой вот камень. Не гранит, конечно, но это и к лучшему – легче будет обрабатывать.

– Трам, парам, парам, парам, парам, – задумчиво сказал Петрович, – так значит, вы предлагаете устроить там вместо дома каменный карьер?

– Совсем нет, – сказал геолог, – не вместо дома, а рядом. Выход камня там совсем небольшой, только та поляна с редколесьем. Раскопать по соседству ямку, взять камня ровно столько, сколько нам надо, а потом все аккуратно зарыть обратно.

– Тогда, – сказал глава клана после недолгих размышлений, – на месте будущего дома тоже придется расчищать все вплоть до каменной основы и делать настоящий фундамент из камня. Не ставить же нам свой дом прямо на песке, когда есть другой, более капитальный вариант.

– Фантастика! – решительно сказал Антон Игоревич, сперва пошевелив губами в подсчетах, – Переместить более ста шестидесяти кубов грунта вручную вшестером за такой короткий срок просто нереально. Нет у нас ни бульдозера, ни экскаватора, ни полусотни таджиков-трудооголиков. Мы еще, вскрывая каменоломню, намучаемся с земляными работами.

– Тогда, – не сдавался главный прогрессор, – надо вырыть канавы до камня по периметру стен.

– Песок сухой, и будет осыпаться, – покачал головой специалист по грунту.

– Тогда мы перед началом работ пробурием колодец и намочим его. И вообще, строить тот дом, что мы запланировали, прямо на песке – это чистое самоубийство. Ты же геолог, и сам знаешь, как отвратительно песок держит нагрузки.

– Что верно, то верно, – кивнул бородач, – что касается песка, в этом ты прав. А что касается колодца, то его надо еще пробурить.

– Пробурить его надо будет в любом случае, – парировал учитель, – без воды в доме жизнь нам медом не покажется. К тому же есть еще одна проблема. На цоколь большого размера у нас не хватит цемента. Расчет был на ленточный фундамент и один ряд каменных блоков, а тут таких рядов

будет как минимум четыре.

– И это тоже верно, – согласился геолог, – придется использовать известковый раствор. В любом случае, нам придется делать печь для отжига известняка. Короче, будем поглядеть. А сейчас пусть Андрей съездит за обедом, а после того приступим к нашим текущим задачам.

«Быть может, – с тяжелым сердцем подумал Петрович, – проще сменить место для дома, чем решать громоздящиеся одна на другую проблемы. Хотя нам ведь никто и не обещал, что будет легко. Прорвемся!»

После сытного обеда все снова разошлись по рабочим местам. Надо было спешить; только что проект промзоны пополнился ямой для отжига известняка и печью для производства древесного угля, который необходим для этого самого отжига. Как это сделать, эти двое энтузиастов – учитель с геологом – знают, весь вопрос в том, чтобы у них хватило рабочих рук и времени до зимы.

За те три с половиной часа, которые ушли на разборку и оттаскивание в сторону пилорамы, Петрович и его помощники успели собрать каркас внешней стены со стороны генератора. В этом им оказали посильную помощь Ляля и Лиза. Ведь для того чтобы мазать мездровым клеем места стыков, много сил не надо. Зато Валера, освобожденный от этой работы, мог сидеть и спокойно строгать нагеля, которые понадобятся чуть позже. Как только все пять столбов были соединены поперечными перекладинами, Гуг, следуя указаниям главного строителя, вбил кувалдой в землю по три ограничительных кола с каждой стороны конструкции, зафиксировав лежащие на земле крайние столбы. Потом пришло время установки диагональных перекладин, которые фиксировались теми самыми нагелями, которые чуть раньше выстрогал Валера из отходов пиломатериала.

Оставив готовую конструкцию схватываться, Петрович и его команда, немного передохнув, перешли к сворке каркаса осевой стены, где им на помощь пришли уже и Антон Игоревич, Андрей Викторович и Сергей-младший. Работы тут было больше, но и рук тоже прибавилось, поэтому, когда в береговом лагере раздался сигнал на ужин, каркас осевой стены тоже был готов.

Шабаш. Все были вымотаны до последней степени и хотели только вымыться, поужинать и лечь спать. Дальнейшие работы были назначены на завтрашнее утро.

* * *

30 июня 1-го года Миссии. Пятница. День сорок пятый. Пристань Дома на Холме.

Сразу после завтрака все мужчины были уже на строительной

площадке. Все трое мужчин, а также Сергей-младший и Гуг взялись каждый за свой столб. Места не хватило только Валере, но он не особенно и переживал, поскольку эта работа требовала грубой физической силы, а не точности и аккуратности, которая ему была больше по душе. Строгать нагеля – это тоже нужная работа.

Раз-два, взяли! С натугой оторвав верхние концы столбов от земли, бригада медленно, сантиметр за сантиметром, поднимала каркас. Еще одно усилие – и вот уже нижние концы столбов скользнули в лунки, дальше подъем пошел легче, и вот каркас боковой стены уже стоит, пошатываясь как живой. Временно закрепив столбы в лунках деревянными клиньями, бригада перешла к каркасу осевой стены. Там все повторилось в том же порядке, только поднимать его было тяжелее, поскольку эта стена была на полтора метра выше и имела на одну поперечную перекладину больше. Потом, минут за сорок, установили поперечные перемычки на торцевой стене генераторной половины цеха и перевели дух.

– Что-то хлипенько... – сказал физрук, потрогав шатающуюся и вибрирующую конструкцию.

– Ничего, – ответил Петрович, – вот поставим на крышу лаги, и вся хлипкость исчезнет. А по-настоящему все это станет прочным только тогда, когда мы забетонируем столбы и заложим кирпичом стены.

Немного передохнув, учитель и его команда принялись собирать последнюю боковую стену, а двое других мужчин вместе с Сергем-младшим занялись возвращением на место и сборкой пилорамы. К обеду и эти работы тоже были завершены. Поднимать каркас стены прямо сейчас было нельзя, так как клеевые соединения должны были хоть немного схватиться. Поэтому после обеда решили заняться изготовлением и установкой балок потолка и лагов крыши над генераторной половиной. Лагов требовалось четырнадцать штук, то есть через каждый метр и двойной в середине, а балок пять. Каждую доску, предназначенную под лаг, нужно было отрезать электроножовкой до длины ровно четыре метра, а потом прорезать в них два паза: под осевую и боковую коньковые доски. С потолочными балками было проще – их достаточно было просто отмерить и отрезать по размеру.

Главный прогрессор отмерял и размечал, Сергей-младший орудовал электроножовкой, Валера стамеской и киянкой, Ляля мазала пазы клеем, Гуг подавал готовый лаг наверх, а физрук с геологом устанавливали – один со стремянки, другой с борта вплотную подъехавшего к каркасу УАЗа. Настоящий конвейер, в котором каждому нашлось занятие по душе и квалификации. Ага, не прошло и часа – и над будущим цехом ребрами

лагов уже обозначилась будущая крыша.

Окинув уже приобретшую некоторую жесткость конструкцию критическим взглядом, Петрович подумал, что если не выйдет с задуманным им двухэтажным домом, то такие вот конструкции, рассчитанные на две семьи, они смогут печь как горячи пирожки. Впрочем, загадывать было еще рано, все-таки ему хотелось выполнить всю программу по максимуму. Но в любом случае, до бетонирования столбов и схватывания бетона о настилке крыши не могло быть и речи. Собранная наживо конструкция просто не выдержит веса ползающих по ней людей.

Махнув рукой на все ГОСТы и СНИПы, требующие использовать в бетонном растворе только щебень определенной формации, учитель попросил своего коллегу взять Сергея-младшего и Валеру, съездить в береговой лагерь и привезти оттуда бетономешалку, один погружной насос, перфоратор, мешок цемента и килограммов сто песка в мешках, высвободившихся после посадки семенной картошки. А всем остальным было велено собирать в одну кучу валяющиеся повсюду камни. Те, что помельче, пойдут в раствор целиком, а более крупные будут разбиты на куски перфоратором.

Когда через час тот вернулся с оборудованием, парнями, а также с близняшками, которые также включились в сбор камней, неподалеку от каркаса здания уже громоздились две внушительные кучки. В одной была галька, готовая к употреблению, в другой – камни покрупнее, которые надо было еще разбивать. Опустили в скважину и подключили погружной насос. За перфоратор взялся Антон Игоревич – и понеслось. Спасибо еще, что взяли с собой из будущего бетономешалку – без нее все было бы гораздо, гораздо тяжелее. Раствор делали по стандарту М200 с поправкой на марку цемента – на одну часть цемента три части песка, пять частей гальки или крупного щебня, и полчасти воды.

В ходе нехитрых предварительных подсчетов выяснилось, что на заливку десяти столбов потребуется около тридцати килограмм раствора, а бетономешалка меньше пятидесяти кило не размешает. Махнув на все рукой, Петрович распорядился мешать пятьдесят кило, а пока раствор болтается в бетономешалке, предварительно помолясь, поднимать каркас второй боковой стены. Кстати, погружной насос оказался излишним, полведра воды можно было принести от Ближней и на руках. Зато будет где помыться после работы, теперь для этого уже не надо бежать на ручей.

Пока мешали бетон, поднимали и крепили каркас последней стены, делали заливку столбов, мыли бетономешалку, солнце успело упасть совсем низко к горизонту, заливая юную землю красноватыми отблесками.

Лаги крыши и потолочные балки второй части цеха ставили уже в темноте, при свете автомобильных фар и мощных светодиодных фонарей, которые держали рыжие сестрички.

Умотались все вдрызг, но глава клана гнал и гнал работу вперед, не желая оставлять на завтра хоть что-то. Закончив сегодня со сборкой каркаса и заливкой бетона, конструкцию можно будет не тревожить до утра воскресенья, пока набирают прочность бетон и клеевые соединения. А там уже можно будет заняться и застилкой крыши досками, и, если повезет, к вечеру понедельника все уже будет готово.

Когда работы наконец были закончены, обессиленные люди медленно расселись возле костра, ощущая ноющую боль во всех мышцах. Хотелось только жрать и спать, в береговом лагере Марина Витальевна уже устала стучать на ужин. Но никто не жаловался; стоило только повернуть голову – и взору представал освещенный светом костра каркас дома, поднятый их собственными руками. Последними к костру подошли Ляля и Лиза, которые отнесли кобыле ведро воды и немного ее приласкали. Не их вина, что сегодня им было совсем не до их новой подружки.

– Так, Петрович, – спросил отставной прапорщик, – какие у нас дальнейшие планы?

– Сейчас, – ответил тот, – ты отвезешь геолога, парней и сестричек в лагерь и привезешь нам ужин. На завтра с утра лесоповал, после обеда праздник солнцестояния – будем отдыхать и веселиться до самого заката. В воскресенье будем распускать на доски то, что напилем завтра, а в понедельник с утра начнем крыть крышу. На этом пока все, дальше пока преждевременно что-то планировать.

– Хорошо, договорились. Только не держи, пожалуйста, и дальше такой темп – загонишь людей.

– Постараюсь, – кивнул учитель, – но, знаешь, гложет меня такое чувство, будто мы куда-то опаздываем и не успеваем. Боюсь я, Викторович, боюсь, а потому и гоню всех настолько быстро, насколько это возможно.

– Предчувствия, Петрович, – сказал тот, – это великое дело. Если они есть, к ним надо прислушаться. Впрочем, мы все поможем тебе чем сможем, невзирая ни на какие трудности.

– Будет день, будет пища, – сказал главный прогрессор, – ты давай езжай, а я пока покараулю.

Для Гуга и его сестер все происходящее было сродни волшебству. И дело тут даже не в чудесных инструментах, позволяющих одному человеку делать работу сотни, дело в том, что в это время люди вообще не

представляли, что с окружающим их жестоким миром можно общаться вот так, с позиции силы. Брали то, что он давал им сам в виде готовых пещер, степной и лесной дичи, съедобных кореньев, плодов и ягод, и умирали от голода и холода, когда всего этого не было. Им и в голову не приходило, что можно посадить поле, приручить животных, построить дом, чтобы не ждать милостей от природы, а взять все самим. Вожди этого странного клана имели какую-то свою, пока неизвестную им цель, и перли к ней подобно стаду шерстистых носорогов – упрямо, зло, не жалея ни себя, ни других, не останавливаясь и не сворачивая. И причастность к этой тайне наполняла этих трех молодых людей каким-то загадочным, почти религиозным трепетом.

Примечания

1

Волчий скак, изобретение средневековых викингов, позволяющее пешему отряду передвигаться с почти такой же скоростью, как и кавалеристы на рысях. В наше время этот прием используют спецподразделения для ускоренного перемещения по пересеченной местности. Прием доступен для освоения даже слабо подготовленными солдатами.